МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

ОТ СЛОВА К ДИСКУРСУ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМ И (НЕ)ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ СМЫСЛОВ

Тезисы международной научной конференции
Минск, 12–13 мая 2023 г.

Минск
МГЛУ
2023

УДК 81
ББК 81я4
О-80

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (68) от 27.04.2023 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, доцент *М. С. Гутовская* (БГУ); кандидат филологических наук, доцент *Е. В. Сажина* (ГГУ)

Редакционная коллегия: доктор филологических наук, профессор Л. М. Лещёва (*ответственный редактор*); доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная; доктор филологических наук, профессор З. А. Харитончик

От слова к дискурсу: разнообразие форм и (не)предсказуемость
О-80 смыслов : тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 12–13 мая 2023 г. / редкол.: Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – 288 с.

ISBN 978-985-28-0209-3

В тезисах докладов освещаются вопросы разнообразия форм и предсказуемости/непредсказуемости смыслов языковых единиц в текстах, дискурсах, речевых действиях, ментальных мирах говорящего и слушающего.

Предназначаются для специалистов в области семантики, прагматики, лингвокультурологии, когнитивной и коммуникативной лингвистики, лингвистики текста и дискурса, межкультурной коммуникации, а также студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов гуманитарных специальностей

Тезисы предоставлены авторами в собственной редакции.

УДК 81
ББК 81я4

Электронная версия издания
доступна в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке **e-lib.mslu.by** или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0209-3

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2023

Язык, слово — это почти всё в человеческой жизни.
М.М. Бахтин

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 811.161.1’42
Оксана Михайловна Акай, д. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: o.akay@spbu.ru

Oksana Mikhailovna Akay, Dr of Sc. (Philology)
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: o.akay@spbu.ru

ПРАГМАТИКА ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В работе проанализированы случаи употребления официально не закрепившихся в русском языке феминитивных образований в современном медиадискурсе. Сделан вывод о неготовности русского языка «принять» гендерное расширение на данном этапе своего развития.
Ключевые слова: медиадискурс, феминитивы, лингвоэкология, политкорректность, грамматика, гендер

PRAGMATICS OF GENDER IN CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE

The paper analyzes the cases of the use of Feminitives, not officially fixed in the Russian language, in the modern media discourse. The conclusion is made that the Russian language is not ready to «accept» the gender extension at the present stage of its development.
Key words: media discourse, feminitives, linguoecology, political correctness, grammar, gender

Учитывая тот факт, что современный медиадискурс отражает изменения, происходящие в обществе, в режиме реального времени, моментально реагируя на социальные, политические и культурные изменения, видится перспективным анализировать материал средств массовой информации с целью проследить основные тенденции и направления развития языка. Целью данного исследования является попытка интерпретации распространения в современном русском языке гендерной грамматической девиации – феминитивов, которые имеют высокую социальную значимость в процессе коммуникации и активно расширяют свою прагматику в условиях креативной медиасреды.

Источником иллюстративного материала был выбран один из наиболее развитых новостных интернет-сервисов, лидер по объему мобильного трафика в большинстве регионов России – Telegram Messenger. В ходе исследования было проанализировано 20 новостных каналов, освещающих политические, экономические и культурные события и публикующих аналитический материал по данной тематике, в период март 2022 г. – январь 2023 г. Методом сплошной выборки производилась селекция языкового материала, фиксировалась их коннотация; эмпирическим методом интерпретации выявлялись языковые потенции этих единиц, а также актуализировались прагматические компоненты значения, формирующие эмоциональное и интеллектуальное воздействие на читательскую аудиторию.

В ходе исследования было установлено, что в условиях острой борьбы представительниц прекрасного пола за равенство язык становится своеобразным оружием, способным «перепрошить» сознание большинства путем лингвистической диктатуры, основанной на современных идеях политкорректности. Однако помимо фонетического отторжения, вызванного чуждыми звуковыми паттернами, семантическая неуместность вызывает у носителей языковой дискомфорт, что выражается в приращении негативными коннотациями, вследствие чего лексема приобретает уничижительный смысл: *Честно говоря, даже представить не могла, что* ***разоблачителька*** *и* ***борцыня*** *с лицемерием настолько лицемерна* (Телеграм-канал@SwissVatnik 27.10.2022).

В политическом контексте отражение языком социально-значимых событий является настолько точным, что назначение некомпетентных лиц женского пола на ключевые государственные позиции выражается в дополнительной пейоративной прагматике лексемы: Ср.: *Удивительно, но факт:* ***шефиня Еврокомиссии*** *Урсула фон дер Ляйен преодолевает звуковой барьер своей зэпэшкой – теперь ее доход будет составлять чуть менее 36 тыс. евро (Выстрадала, получается)* (Телеграм-канал@kanzlerdaddy, 07.01.2023).

Очевидно, что русский язык при всем своем потенциале к граммати-ческому расширению не готов принять гиперполиткорректные догматы – маскулятивы имеют прагматику статусности и уважения, в то время как феминитивы – ироничную или насмешливую окраску: Ср.: *До этого нечто подобное я слышала от телевизионной* ***ведУщелки****, которая, сидя в одной со мной гримёрке, хаяла Россию почём зря, а на мой уточняющий вопрос «зачем же себя так мучить Родиной?» ответила: «Я не смогу за границей обеспечить такой же уровень комфорта, как здесь». Тогда я подумала, что это частное мнение, и не придала ему значения* (Телеграм-канал@Мария Захарова, 08.01.2023).

Перспективой исследования видится расширение фактического языкового материала из близкородственных языков – украинского и белорусского, с целью анализа развития гендерной прагматики и установления корреляций лингвистического расширения с особенностями восприятия и интерпретации грамматического кодирования носителями этих языков.

УДК 811.111’37

Светлана Юрьевна Богданова, д. филол. н.
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
эл. почта: rusjap@mail.ru

Svetlana Yurievna Bogdanova, Dr of Sc. (Philology)
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
e-mail: rusjap@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА ДИНАМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Рассматривается использование комбинаций пространственных лексических единиц в виде «опор» для конструирования в сознании реципиента образа динамической ситуации.

Ключевые слова: конструирование, динамическая ситуация, пространственные наречия, ментальное пространство, фрейм

THE POTENTIAL OF SPATIAL LEXICAL ITEMS IN CONSTRUAL OF THE IMAGE OF A DYNAMIC SITUATION

The usage of combinations of spatial lexical items as 'supports' for the construal of the image of a dynamic situation in the recipient's mind is considered.

Key words: construal, dynamic situation, spatial adverbs, mental space, frame

Изучая пространственную лексику английского языка, нельзя не отметить ее значительный комбинаторный потенциал. Фразовые глаголы, пространственные предлоги и наречия, глаголы движения и физического (воз)действия, прилагательные с пространственным значением в различных комбинациях встречаются в динамически насыщенных контекстах. При этом такие комбинации могут описывать положение дел не только в окружающем нас мире, но и в воображаемом. Целью исследования является выявление своеобразных «опор» в виде комбинаций лексических единиц с пространственным значением, используемых говорящим для конструирования образа динамической ситуации в ментальном пространстве реципиента (слушателя, читателя). Лексические единицы с пространственным значением в рамках контекста взаимодействуют между собой на уровне концептуальных структур или репрезентируют единую концептуальную структуру, стоящую за лексикализованным сочетанием слов. При этом стоит отметить, что часто встречаются промежуточные случаи, называемые коллокациями (понимаемыми здесь как (статистически) устойчивые сочетания слов).

Материалом исследования послужили многочисленные примеры динамически насыщенных контекстов, выявленные методом сплошной выборки из художественных произведений англоязычных авторов, а также полученных с помощью корпусных методов.

Рассмотрим следующий пример, который содержит динамически насыщенный контекст, хотя речь идет о внутренних переживаниях персонажа:

*She **started off** in French, which is what she does when she's **built up** a head of steam and needs to **let** it **off**. Then she **calmed down** a little and **switched back** to English* (Barnes). 'Она начала на французском, что она обычно делает, когда накапливает злость и должна выпустить пар. Потом она успокоилась немного и переключилась обратно на английский'.

Образ эмоционального напряжения создается здесь путем конструирования ментального пространства, состоящего из нескольких фреймов – перехода с одного языка на другой в процессе разговора (то, что составляет базовый смысл фрагмента), необходимости «выпустить пар», успокоения. «Опоры» для конструирования образа динамической ситуации, показанной с точки зрения условного внутреннего наблюдателя, представлены фразовыми глаголами *started off, built up, let off, calmed down* и *switched back*. Обращает на себя внимание использование пространственно-направительного послелога *off* с глаголом *started* (*She started off in French*), которое не является обязательным, однако автор использует здесь именно фразовый глагол, делая выбор в начале фрагмента в пользу более надежной пространственной «опоры».

Комбинации пространственных лексических единиц могут использоваться как в прямом пространственном значении, так и в переосмысленным. Так, в прямом значении комбинация наречий в виде коллокации *off and away* представлена в примере, взятом из корпуса текстов COCA: *Use a soft, clean cloth rag to wipe grit* ***off and away*** *from the tube.* ‘Используйте мягкую, чистую тряпку, чтобы удалить песок из трубы’. Комбинация наречий *off and away* часто используется для репрезентации динамической ситуации очищения или отрывания чего-либо от поверхности для того, чтобы удалить, выбросить и т.п., представленной в сознании определенным фреймом.

Во многих контекстах *off and away* используется в переосмысленном значении, например, *She seemed to* ***push*** *a lot of something undesirable* ***off and away*** (Browne) ‘Казалось, она отталкивала все нежелательное прочь’. Здесь «опорой» для построения фрейма удаления чего-то нежелательного (абстрактного или воображаемого) из непосредственно окружающего субъекта пространства является содержащий пространственный компонент глагол *push* ‘толкать’ со сложным послелогом *off and away*. Так автор предлагает интерпретировать движение руки персонажа «от себя». Поскольку наблюдению доступно лишь это движение, объект «отталкивания» достраивается мысленно, и именно не имеющее в английском языке однословного индикатора пространственное измерение, обозначаемое сложным послелогом *off and away*, позволяет сконструировать образ объекта как чего-то негативного, ведь от такого объекта хочется избавиться навсегда, изначально оттолкнув его от себя.

Дальнейшее изучение многочисленных подобных комбинаций возможно с применением понятия «пространственное сращение», передающего идею конструирования единой концептуальной пространственной структуры, которая стоит за языковой репрезентацией динамической ситуации.

УДК 811.111’22’37

Галина Григорьевна Бондарчук, д. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: bondarchuk.gal@yandex.ru

Galina Grigorievna Bondarchuk, Dr of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: bondarchuk.gal@yandex.ru

Георгий Валерьевич Грачев, к. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: georgegrachev@gmail.com

Georgy Valerievich Grachev, Cand. of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: georgegrachev@gmail.com

ПРЕДМЕТНЫЕ ИМЕНА КАК НОСИТЕЛИ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассматривается роль предметных имен – членов категорий «Питание» и «Одежда» – как носителей дополнительной семиотической информации в семиотически маркированных ситуациях в англоязычной художественной литературе.

Ключевые слова: лингвистическая семиотика, семиотически маркированная ситуация, семиотически маркированный объект, коды предметов потребления

OBJECT NAMES AS CARRIERS OF SEMIOTIC INFORMATION

The role of object names – members of the categories "Nutrition" and "Clothing" – as carriers of additional semiotic information in semiotically marked situations in the English-language fiction is considered.

Key words: linguistic semiotics, semiotically marked situation, semiotically marked object, commodity codes

Исследование выполнено в русле лингвистической семиотики и непосредственно связано с проблемой изучения связи смысла вещей (т. е. их семиотической роли в жизни) с их языковым воплощением – вопрос, который впервые поставила Е. С. Кубрякова и ввела для решения данной задачи новые понятия *семиотически маркированной ситуации* и *семиотически маркированного объекта*. При этом Е. С. Кубрякова подчеркивала, что распознавать подобные объекты и ситуации нам помогает язык: «Роль языковых знаков во всех этих явлениях настолько велика, что о многих из них мы бы вообще не знали – доступ к ним осуществляется через их языковые описания, через их разъяснения, содержащиеся в языковых текстах и дискурсе (т. е. в актах коммуникации и фиксации их результатов в вербальной форме). О семиотически маркированных объектах и ситуациях мы тоже узнаем из соответствующих описаний …» [1, с. 97].

В качестве **материала** исследования выступают тексты англоязычных художественных произведений, где часто встречаются семиотически маркированные ситуации, понимание которых требует инференции, т. е. семантического вывода. В анализируемых текстах в качестве носителей дополнительной семиотической информации выступают названия предметных имен – членов лексических категорий «Питание» и «Одежда», которые авторы активно используют, в частности, для имплицитной оценочной характеристики персонажей и элементов сюжета. Важно подчеркнуть, что понимание таких семиотически маркированных ситуаций требует подчас значительных фоновых знаний о культуре и социальной истории общества, говорящего на конкретном языке, в данном случае – на английском.

Выбор предметных имен в качестве объекта исследования не случаен. Известно, что предметные имена в большинстве случаев являются средством лексической номинации физических объектов повседневной реальности, их денотаты содержат информацию о физических свойствах данных объектов. Однако окружающие людей предметы настолько тесно связаны с различными аспектами жизни человека, что в концептуальной картине мира возникают

виртуальные связи между конкретными предметами и абстрактными характеристиками жизни людей: их социальным статусом, стилем жизни, идеологическими установками, политической ориентацией и т. п. Таким образом, предметные имена часто несут значимую семиотическую нагрузку. В терминах когнитивной лингвистики мы связываем семиотическую функцию предметных имен с глубинными структурами общего знания (shared knowledge), которые не входят в лексическое значение, но являются комплементарными ему. В ментальном лексиконе такие структуры знаний являются глубинными семантическими структурами, неотъемлемыми от денотативного значения.

Не случайно ученые, работающие в русле современной лингвистической семиотики, пытаются определить коды и не выраженные словами правила и ограничения, которые лежат в основе создания и интерпретации значения внутри каждого кода. Например, Д. Чандлер (David Chandler), подразделяя все коды на социальные (social codes), текстуальные (textual codes) и интерпретирующие (interpretive codes), в группе социальных кодов, наряду с вербальным языком (verbal language), телесными кодами (bodily codes) (внешность человека, выражение лица, взгляд, жесты и т. д.), поведенческими кодами (behavioural codes) (протоколы, ритуалы, игры, исполнение роли), выделяет товарные коды, или коды предметов потребления (commodity codes) (моды, одежда, легковые автомобили). При этом он поясняет: «Мы сообщаем (communicate) о типе своей социальной личности (social identity) посредством работы, которую мы выполняем, того, как мы говорим, через *одежду, которую носим*, нашу прическу, *то, как и что мы едим*, через домашнюю обстановку и вещи, которые нас там окружают, то, как мы проводим свободное время, то, как мы путешествуем, и т. д. Использование языка является ключевым маркером социальной личности» [2, S. 153] (Выделено нами. – *Г. Б., Г. Г.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. О семиотически маркированных объектах и семиотически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство в языке : сб. науч. тр., посвящ. юбилею Н. Н. Болдырева. Тамбов : ТГУ, 2005. С. 95–101.

2. Chandler D. Semiotics. The Basics. 2nd ed. London ; New York : Routledge, 2007. 307 p.

УДК 81’42:070.3

Лариса Георгиевна Викулова, д. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: VikulovaLG@mgpu.ru

Larissa Georgievna Vikulova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City University (MCU)
e-mail: VikulovaLG@mgpu.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается одна из форм письменной профессиональной коммуникации – издательский дискурс, который представлен особыми жанрами, оказывающими влияние на роль книги, материализованного хранителя основ социального опыта.

Ключевые слова: издательский дискурс, профессиональная коммуникация, автор, издатель, читатель, книга в системе общения

PUBLISHING DISCOURSE IN THE PROFESSIONAL COMMUNICATION SYSTEM

The paper considers publishing discourse as one of the forms of written professional communication, presented with certain genres which have an impact on the role of the book, a materialized keeper of the social experience basics.

Key words: publishing discourse, professional communication, author, publisher, reader, book in communication system

Издательская деятельность как дискурсивная практика, представляющая универсальный способ информационного общения в социокультурном и коммуникативном аспектах, не так давно является предметом исследования в отечественной лингвистике [1]. Дискурсивные практики встраиваются зачастую в профессиональную деятельность, при этом цели говорящих / пишущих носят практический характер и должны рассматриваться в социолингвистическом контексте. Издательский дискурс представляет собой продукт институционально обусловленной коммуникации, детерминированной социальными условиями, чья вербальная доминанта отражается в совокупности текстов, для которых характерно жанровое и прагмалингвистическое своеобразие. Специфика издательского дискурса раскрывается в рамках такого социального института, как издательство – одной из важных форм организации и регулирования общественной жизни. Поскольку в издательском дискурсе доминирует книжное дело, то на первый план в системе (автор ↔ издатель ↔ читатель) выходит *фактор книги.*

Издательский дискурс стал объектом пристального внимания лингвистов в 90-х гг. XX в. – начале XXI в. Активный интерес к этому виду дискурса стал проявляться, прежде всего, во Франции (Ж. Женетт, Ф. Лан) в связи с изучением так называемых «периферийных текстов» (*textes liminaires*), структурно отграничивающих в пространстве книги основной текст (художественного, научного или учебного издания) и его паратекстовые образования – издательская аннотация на обложке или суперобложке, читательский адрес издания, а также введение, предисловие (от составителя, издателя или комментатора), примечания, комментарии, библиография и др.

Издательский дискурс, который характерен для научных серий или серий, определяемых как «классика», имеет познавательную целеустановку и включает дискурсивные жанры, составляющие *научно-вспомогательный аппарат издания*, прагматическая цель которого дать изданию авторитетную оценку специалиста в конкретной предметной области. В сфере учебной книги, в частности, издательский дискурс может быть представлен такими

жанрами методического аппарата, как *методические указания*, *методические рекомендации*, *предисловие*, *примечания*, *методическая записка* и др., осуществляющие управляющую и ориентирующую функции по освоению учебного материала в конкретной предметной области.

Организация издательской коммуникации, которая разорвана в пространстве и во времени, значительно усложнена в силу её специфики как письменной формы общения: опосредованность взаимодействия, удаленность адресата, наличие временно́го разрыва между отправлением и получением сообщения [2]. Следовательно, процесс понимания текста книги не подлежит непосредственному контролю ни со стороны автора, ни со стороны издателя. Между участниками общения (автор – читатель) существует медиаторы – издатели и книготорговцы, которые формируются как особая социальная группа по отношению к речи, для них *книжная продукция* и печатная речь становятся *товаром*. В этом ключе показательно замечание Ю. В. Рождественского о том, что издательство как социальная структура ведет к видоизменению социальных предпочтений (стремление к новизне) и делает речевой труд частью результатов труда, выносимых на рынок как товар.

Анализ материала свидетельствует о том, что выбор издательством исходного текста для переиздания классического произведения на современном этапе является, бесспорно, важным моментом для книгоиздателя. В издательских предисловиях не только сообщается, какой текст взят в качестве базового, но и объясняются критерии его отбора, которыми, в частности, могут служить: последний текст прижизненного издания произведения либо рукопись произведения, что свидетельствует о достоверности текста. При отсутствии таковых предпочтение отдается текстам произведения, изданным современниками писателя, жившими в той же исторической эпохе и близко знакомыми непосредственно с автором произведения. Такого рода дискурсивные образования появляются в изданиях, когда издатель и составитель ставят прагматическую задачу показать читателю этапы становления классического произведения и его оценку со стороны современников, а также представить творческую биографию писателей на фоне историко-литературного и языкового процесса.

Подводя итог, можно сказать, что издательский дискурс как сложный феномен особой разновидности профессиональной деятельности имеет свою специфику – аппарат издания, представленный в многочисленных жанрах, которые объединяет внеположенность по отношению к позиции автора. Именно в них сосредоточено рефлексивное и организационно-деятельностное начало, направленное на повышение культуры чтения как одной из фундаментальных человеческих практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Д. Д. Холодова, Г. Н. Манаенко, С. Н. Плотникова [и др.] ; отв. ред. О. А. Сулейманова. – М. : URSS : Ленанд, 2018. – 320 с.

2. Коммуникация. Теория и практика : учебник / Л. Г. Викулова, М. Р. Желтухина, С. А. Герасимова, И. В. Макарова. – М : ВКН, 2020. – 336 с.

УДК 81’42
Альбина Александровна Водяницкая, д. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: avodyanickaya@yandex.ru

Albina Aleksandrovna Vodyanitskaya, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: avodyanickaya@yandex.ru

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

На материале текстов устного и письменного модуса академического дискурса автор анализирует процесс взаимообмена ценностными смыслами между его участниками – преподавателями и студентами.
Ключевые слова: академический дискурс, оценка, ценность, макрособытие, методология

LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL ASPECTS OF ACADEMIC DISCOURSE

The paper focuses on sharing academic discourse values in the process of academic communication (oral as well as written) between students and teachers.
Key words: academic discourse, evaluation, value, macro-event, methodology

Цель исследования заключается в выявлении того, как в процессе вербального взаимодействия преподавателей и студентов осуществляется взаимообмен ценностными смыслами. На материале текстов устного и письменного модуса академического дискурса анализируются оценочные высказывания, актуализирующие ценностные установки участников академического социума. В рамках взаимодействия *преподаватель-студент* проанализированы выпускные квалификационные работы (ВКР), а также курсовые работы, комментарии научного руководителя к курсовой работе и ВКР, содержащие оценочные слова и словосочетания, отзывы научных руководителей об исследовательских качествах студента и его научной деятельности в целом, отзывы рецензентов о ВКР, высказывания, зафиксированные на защитах научных работ магистрантов, студентов; стенограммы студенческих научных мероприятий. В рамках взаимодействия *студент-преподаватель* рассмотрены 15 рефлексивных эссе студентов об особенностях обучения в МГПУ. Разнообразие эмпирической базы обусловлено необходимостью учета содержательно-смысловых и интенциональных критериев при анализе материала. Методы исследования включают дискурс-анализ, событийную и лингвоаксиологическую интерпретацию текстов устных и письменных жанров академического дискурса, цифровые методы анализа тональности (SentiStrength) и фоносемантики (ВААЛ-мини) текста. Как показало исследование, трансляция ценностей и смыслов в процессе взаимодействия преподавателей и студентов осуществляется на протяжении

всего периода обучения. Лонгитюдный анализ позволил выявить переход от критических оценок через системную корректировку академического текста к положительной оценке результатов интеллектуальной деятельности студента, что свидетельствует об усвоении студентами ценностных смыслов, передаваемых преподавателями. Выявление аксиологических смыслов в семиотике академического дискурса позволит в перспективе установить корреляцию аксиосфер его устного и письменного модусов для получения всеобъемлющей аксиологической картины взаимодействия в семиотике академического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : коллективная монография. Отв. ред. Викулова Л. Г. М. : Тезаурус; 2011.

2. Сулейманова О. А. Академический диалог: дискурсивная интерпретация. *Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс*. М. : Московский городской педагогический университет, 2016. С. 519–524.

Благодарность

Автор благодарит д.ф.н., профессора Ольгу Аркадьевну Сулейманову за помощь и поддержку на всех этапах исследования.

УДК 811.111:373

Екатерина Евгеньевна Голубкова, д. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: katemg@yandex.ru

Ekaterina Evgenievna Golubkova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: katemg@yandex.ru

Анна Аркадьевна Бухарова, аспирант
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: anneeab@yandex.ru

Anna Arkadievna Bukharova, PhD student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: anneeab@yandex.ru

ЗАГАДКИ КОНСТРУКЦИИ XYZ(W): КОРПУСНЫЙ ПОДХОД

На основе корпусно-когнитивных методик в статье анализируется семантика конструкции X is [DET] Y of Z и отстаивается ее концептуальное значение как метафтонимической сравнительной конструкции.

Ключевые слова: конструкция, корпусный анализ, метафора, метонимия, метафтонимия, фрейм, дефокусировка

THE MYSTERY OF THE XYZ(W) CONSTRUCTION: CORPUS APPROACH

Drawing on corpus-cognitive methodology the article analyzes the semantics of the X is [DET] Y of Z construction and argues that its conceptual meaning is rather comparative and based on metaphtonymy.

Key words: construction, corpus analysis, metaphor, metonymy, metaphtonymy, frame, defocusing

В данном сообщении мы вновь обращаемся к теме так называемой X [det] Y of Z конструкции в современном английском языке с целью прояснения ее концептуального «устройства» и функции в языке. Наши наблюдения над корпусными данными позволяют предположить, что данная конструкция является скорее сравнительной по своему общему концептуальному значению, нежели усилительной [1]. Одно из свойств конструкций состоит в том, что всё новые лексические единицы могут быть включены в конструкцию, однако ее значение на концептуальном уровне обобщения будет неизменным [2].

Поисковые возможности современного корпуса позволяют достаточно «чисто» провести отбор интересующих нас конструкций

В задачи исследования входило: 1) удалить «шум» из поиска, то есть отмежеваться от таких структур, как X is the heart of the man/city/matter (они являются притяжательными); 2) установить, какие единицы языка заполняют каждый из слотов; 3) определить, каковы семантические отношения между слотами.

Гипотезой послужило предположение, что перефразом конструкции служит формула X is like Y because … (context and background knowledge clear it up). Методология исследования включала в себя следующие процедуры. Корпусный отбор конструкции показал различную степень ее метафоричности (ср., *San Gimignano is the Manhattan of the Middle Ages; I'm (an obese woman) the ISIS of obesity)*. Использование фреймовой семантики состояло в представлении конструкции как наложения или совмещения двух фреймов – по оси X-Z и по оси Y-W (W, как правило, инферируется из контекста, ср., *Rain is the Hugh Grant of English climate*, где rain (X) и climate (Z) относятся к фрейму *погода*, *Hugh Grant* (Y) – к фрейму *кино* (W). Важно, что «отдаленность» доменов друг от друга может быть различна: X is the *Zidan* of basketball (X принадлежит баскетболу, Y – футболу (все-таки спорт)), в X is the *Zidan* of politics метафора «сильнее», так как домены более дистанцированы (спорт и политика). Применение теории концептуальной интеграции, (де-)фокусировки или распределения внимания (Л. Талми, О. К. Ирисханова) позволило показать, что в процессе интеграции правит бал метонимия, то есть происходит выборочное проецирование отдельных признаков (причем разного порядка или статуса в эмерджентный домен). При метонимическом высвечивании салиентных признаков слота Y вся конструкция в целом представляет собой переосмысление явления и является метафорической. Однако степень метафоричности конструкции колеблется в зависимости от контекста, ср., степень отдаленности X от Y: *Dal' is the Webster of Russia / of today (*присутствует противопоставление по времени или стране*), Einstein is the Webster of physics* (домены разнятся и далее)*, Lexus is the Webster of car industry, Gordon Ramsy is the Webster of cooking*. Для того, чтобы конструкция функционировала, требуется наличие

согласования по оси фрейма X-Z домена-источника, и хотя бы минимальное отличие домена-источника от целевого домена (например, противопоставление Даля и Вебстера по местонахождению или времени жизни).

Отдельным вопросом становится статус слота Y: эталон, стереотип, прототип, парагон? Ясно, что в нем помещаются в фокус отдельные признаки, как, например, шевелюра у Эйнштейна или потерянная туфелька у Золушки. Как бы мы ни назвали его, слот Y перерастает свой домен (генерализация), он подвержен перефокусировке признаков (в том числе, выдвижению латентных и аксиологических/оценочных), «вымыванию» (десемантизации) значения вплоть до семантического U-turn (он начинает означать обратное – X is the oasis of prostitution). То есть наблюдается так называемая динамика парагона. Слот Y может заполняться как наименованиями прецедентных феноменов, так и непрецедентными именами (типа *Winning is the deodorant of the game, it covers all bad smells*), подстраивание которых под конструкцию (коэрция) происходит по модели прецедентных имен, то есть по метонимическому пути: (де)фокусирование отдельных признаков, проявление коннотаций [3]. Условиями существования данной конструкции, таким образом, является наличие т. н. синтаксической метафоры (по В. Ю. Апресян) и семантической метонимии. Одной метафоры недостаточно, однако, именно она обеспечивает вкупе с метонимией сравнительный характер данной конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brdar M. Intensification and metonymy in some XYZ constructions // Language, Mind, Culture and Society. 2017. № 1. P. 110–134.

2. Fillmore Ch. J., Kay, P. Construction Grammar Coursebook. Manuscript / University of California at Berkeley Department of linguistics. 1993.

3. Бухарова А. А. Механизм перефокусирования в лексико-грамматической конструкции [det] Y (Paris) of Z как основа ее интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 7 (849). С. 20–34.

УДК 81’42

Людмила Ивановна Гришаева, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: grischaewa@rgph.vsu.ru

Lyudmila Ivanovna Grishaeva, Dr of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ЭВФЕМИЗАЦИИ И ВТОРИЧНЫЕ НОМИНАТИВНЫЕ СРЕДСТВА

Изучение способов организации дискурсивных практик и соответствующих текстов как коммуникативных продуктов позволяет обратить внимание на ряд особенностей в использовании языковых средств. Среди такого рода особенностей упоминания заслуживают прежде всего средства реализации дискурсивной/коммуникативной стратегии

эвфемизации, поскольку эту стратегию носители языка и культуры выбирают с разными целями не только при кооперативном, но и при некооперативном общении, при решении различных коммуникативных и когнитивных задач в самых разнообразных дискурсивных условиях. В докладе обсуждаются причины и последствия подобных действий коммуникантов.

Ключевые слова: стратегия эвфемизации, вторичные номинативные средства, средства и способы решения коммуникативных и когнитивных задач

IMPLEMENTATION OF THE EUPHEMIZATION STRATEGY AND SECONDARY NOMINATIVE MEANS

The study of the ways of organizing discursive practices and relevant texts as communicative products allows us to pay attention to a number of features in language use. In the first place, among such features, the means of implementing a discursive / communicative strategy of euphemization deserve to be mentioned, since native speakers of a language as members of a particular culture choose this strategy with different goals not only in cooperative, but also in non-cooperative communication, when solving various communicative and cognitive tasks in a wide variety of discursive conditions. The reasons and consequences of such actions of communicants are also discussed in the paper.

Key words: euphemization strategy, secondary nominative means, means and methods of solving communicative and cognitive tasks

В качестве актуальных значимых тенденций, характеризующих как разнообразные современные дискурсивные практики, так и организацию текстов разного типа, исследователи отмечают прежде всего следующие: 1) гибриди-зация с диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа; 2) семиотическая гетерогенность / креолизация со все более интенсивным обращением при решении коммуникативных задач к средствам различных невербальных кодов наряду с вербальными средствами; 3) карнавализация с неизбежными вследствие этого существенными изменениями в номинативной деятельности коммуникантов; 4) повышение значимости образности как неотъемлемой составляющей текстовой ткани; 5) стремление к (сознательному и намеренному и / или неосознаваемому) управлению информационным потоком; 6) манипулятивность (как позитивная, так и негативная) с сознательным порождением фейков и симулякров; 7) креативность и аттрактивность в формальном и содержательном планах и др.

Следствием проявления названных тенденций становится, с одной стороны, специализация средств и способов реализации коммуникативных / дискурсивных стратегий на определенную коммуникативную и когнитивную задачу и, с другой стороны, предпочтение вторичных номинативных средств первичным при решении коммуникантами номинативных задач, через которые в свою очередь реализуются избранные дискурсивные стратегии. Такие средства чрезвычайно разнообразны: это средства метафорические, метонимические, фразеологические, сравнения, эвфемизмы и мн. др. Это конвенционализированные и окказиональные средства, средства, реализующие свои первичные и/или вторичные функции, а также средства, позволяющие варьировать соотношением «привычного» и креативного/непривычного. Тем самым привлекается внимание и обеспечивается варьирование соотношением «когнитивный фон ⇔ когнитивная фигура».

Среди вторичных номинативных средств особое место следует отвести эвфемизмам, поскольку с их помощью можно эффективно решать самые разные коммуникативные и когнитивные задачи. Так можно достигать своих целей при кооперативном и / или некооперативном взаимодействии, в случаях угрозы негативного коммуникативного результата или в качестве средства реализации стратегий на преодоление угрозы негативного коммуникативного результата; ср. ставший классическим пример: *уничтожение мирного населения – побочный ущерб*. Эффектность от употребления эвфемизмов основывается на высокой степени дифференциации функционального потенциала эвфемизмов как номинативных средств, мощности их воздействия на реципиента с известными продуценту характеристиками, стремлении избежать когнитивный диссонанс у реципиента. Эвфемизмы помогают в той или иной мере снизить шокирующее воздействия негатива, «примирить» содержание актуального сообщения с имеющимися у носителей языка и культуры представлениями о мире и ценностных ориентациях, не нарушить психологический комфорт в мире коллективного субъекта, который и без медийных информационных шоков хрупок из-за повседневных сложностей, т. е. оптимизировать коммуникацию.

Эвфемизмы полифункциональны – они служат для рекреации, информирования, высмеивания, социальной критики разной степени остроты, выражения разных эмоциональных состояний, «выпуска пара», в качестве парольного средства в дискурсе (распознавания «свой – чужой»), манипулирования и пр. Поскольку перечисленные выше функции реализуются не только эвфемизмами, корректнее говорить о средствах реализации стратегий эвфемизации, а об эвфемизмах – как об одном из подобных средств, с помощью которых в интеракции решаются коммуникативные и когнитивные задачи. Поэтому эвфемизмы активно задействованы при конструировании симулякров как эффективное средство/способ решения когнитивной и коммуникативной задачи при реализации разнообразных манипулятивных стратегий, стратегий, нацеленных на социальную критику, для создания виртуальной реальности разной этиологии, для реализации различных аргументативных стратегий. Эвфемизмы востребованы в силу этого и в политическом дискурсе, в разных форматах в медиапространстве, а также в рекламном дискурсе в качестве эффективного средства воздействия на реципиента.

Когнитивной основой для объяснения предпочтений эвфемизмов в качестве номинативного средства следует признать необходимость выявления мотива для выбора в конкретных условиях субъектом познания и коммуникации того или иного номинативного средства для некоторого объекта номинации (не зависящего от когнитивной природы последнего). Для этого от субъекта познания и коммуникации требуются навыки, умения, компетенции владения паттернами взаимодействия, прототипами категорий, знания (различных) социокультурных норм, наличие у него необходимых коммуникативных и номинативных ресурсов, т. е. владение комплексом изофункциональных средств и др. Другими словами, коммуниканты нуждаются в **коммуникативной и когнитивной гибкости**.

В качестве причины отмеченного положения дел правомерно признать наряду с известными и многократно описанными закономерностями **изменение конфигурации** (трансформацию) в современном социуме общезначимых и общеизвестных социокультурных доминант, побуждающих носителей языка и культуры определенным образом эксплицировать в своей дискурсивной деятельности установки на подчеркнутую политкорректность, выраженную толерантность особенно по отношению к некоторым социокультурно наиболее актуальным ценностным ориентациям, признаваемым в социуме на определенном этапе особо значимыми.

УДК 811.111’42

Иннара Алиевна Гусейнова, д. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: ginnap@mail.ru

Innara Alievna Guseynova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: ginnap@mail.ru

Алексей Иванович Горожанов, д. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: a_gorozhanov@mail.ru

Alexey Ivanovich Gorozhanov, Dr of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: a_gorozhanov@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ ДЖ. ОРУЭЛЛА «1984»

Проанализирован текст романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984», выделены ключевые коммуникативные стратегии, с помощью которых у читателя формируется оценка описываемых событий и явлений.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, формирование имиджа, художественно-публицистический текст, антиутопия, Дж. Оруэлл

COMMUNICATIVE STRATEGIES FOR IMAGE FORMATION IN G. ORWELL’S DYSTOPIAN NOVEL «1984»

The text of G. Orwell’s dystopian novel “1984” is analyzed, key communicative strategies are identified, with the help of which the reader conducts an assessment of the events and phenomena described.

Key words: communicative strategy, image formation, fictional and publicistic text, dystopia, G. Orwell

Исследование посвящено выявлению коммуникативных стратегий воздействия на читателя в популярном романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984».

Несмотря на то, что жанр антиутопии представлен множеством работ, среди которых есть и отечественные книги (см. «Мы» Е. И. Замятина, 1920 г.), мы выбираем в качестве материала исследования произведение Дж. Оруэлла, так как оно приобрело наиболее широкую мировую известность и может быть названо «модельной» антиутопией. Кроме того, роман характеризуется нами как художественно-публицистический, что открывает возможности для дальнейшего переноса полученных результатов на проекты, посвященные анализу публицистических текстов актуальных СМИ. Главным методом исследования является контент-анализ.

В результате мы выделяем в тексте романа ключевые стратегии, которые направлены: а) на формирование художественно-публицистического жанра; б) на создание у массового читателя оценочного отношения к событию; в) на акцентирование противостояния «свой – чужой». Таким образом, мы формулируем следующие стратегии: 1) конструирования мрачной атмосферы; 2) ограничения прав и свобод отдельного человека; 3) конструирования образа государственного учреждения по оси «внутренний враг – внешний враг»; 4) конструирования ситуации выбора по модели «подчинение – борьба».

УДК 801

Надежда Семёновна Евчик, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: thecom@mslu.by

Nadezhda Semenovna Evchyk, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: thecom@mslu.by

БИПОЛЯРНОСТЬ ПРОСОДИИ: ОТ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ ДО ГАРМОНИЗАЦИИ РЕЧИ

Идея данной публикации соотносится с обращением к проблеме работы полушарий мозга при переработке звучащей речи – процессу создания ее лингвистически нормативного звучания на иностранном языке при норме и патологии слуха и, в частности, раскрытию значимости биполярной обработки такого феномена, как просодия, для передачи смысла сообщения.

Ключевые слова: звучащая речь, членение на смысловые единицы, биполярность обработки просодии, норма и патология слуха, ритм и мелодия речи

BIPOLARITY OF PROSODY: FROM MEANING UNPREDICTABILITY TO SPEECH HARMONIZATION

The idea of this publication correlates with the problem of the work of brain hemispheres when processing sounding speech. It addresses creating linguistically normative sounding in a foreign language by people with hearing norm and loss, in particular, it reveals the significance of bipolar representation of such a phenomenon as prosody in the transferring the meaning of the message.

Key words: sounding speech, division into semantic units, bipolarity of prosody processing, hearing norm and loss, rhythm and melody

1. Научно доказано, что просодия, являясь функциональным феноменом, выполняет решающую роль в передаче смысла сообщения. В любом языке она системна, так как для передачи задуманного смысла говорящие используют определенные просодические структуры. Компоненты просодии, проявляя себя в двух аспектах: коммуникативном, структурирующим текст на смысловые единицы, и эмоциональном, выражающем модальность, т. е. отношение говорящего к высказыванию – берут на себя функцию механизма организации высказывания. Обеспечивая коммуникативный аспект, просодия, с одной стороны, разделяет речевой поток на отдельные отрезки-факты: такты, интонационные группы, а с другой – объединяет фонетические слова в речевые такты, такты во фразы, а последние – в текст. С помощью данной функции слушатель может выделить новую информацию относительно старой. В результате, организующая функция не только членит речевой поток, но и помогает сформировать новую информацию на фоне уже имеющийся. Обеспечивая аспект эмоциональный и действуя таким образом в модальной сфере, просодия своими средствами способна самостоятельно без участия лексико-грамматических средств выражать иллокутивную, эпистемическую и эмоциональную модальности. В связи с этим актуальным для лингвистики звучащей речи на протяжении более, чем полстолетия продолжает оставаться тезис: «Ошибается тот, кто считает просодию одеждой языка. Напротив, – это тело языка, поскольку она находится в самом сердце его механизма и связана с самыми тонкими мыслительными процессами» (Galichet, G, 1967, p.14–15).

2. В последние десятилетия собрано много данных об отклонениях в звучании речи, которые легли в основу ряда гипотез, касающихся биполярных областей мозга, ответственных за переработку информации о просодии. Наиболее аргументированной из них является гипотеза функциональной латерализации (Van Lancker, 1980), согласно которой аффективная, или эмоциональная информация, связана с работой правого полушария, в то время как левое полушарие функционально ответственно за структурацию просодией чисто лингвистической, смысловой информации. Эмоциональная просодия, которую называют тоном голоса, представляет собой фон, на котором воспринимаются базовые лингвистические элементы речи. Голосовые характеристики лингвистических элементов и эмоциональной просодии различаются по временным параметрам. Эмоциональная просодия обычно распространяется сразу на несколько фрагментов речи, в то время как лингвистические голосовые характеристики более локальны.

3. Проведенные нами эксперименты по становлению иноязычной речи при норме и патологии слуха технологией «Полисенсорный лингвотренинг» позволили выявить управляемость функционированием речевых зон левого полушария для создания в них лингвистически значимых элементов просодии.

Очевидно, что исходно нарушение слухового восприятия препятствует возможности реализовать просодию. Дикция, лишенная просодических вариаций, воспринимается как невразумительная и практически аномальная. Она приобретает смысл при введении в нее ритмически объединенных слогов по схеме, свойственной данному языку, а введение выделенности ударных

слогов, несмотря на прежнее монотонное произнесение, делают текст понятным. Дополнение ритма мелодией дает практически полное представление о смысловой природе сообщения.

При норме слуха речь, развернутая в пространстве и во времени по топологически тождественной схеме носителей языка, материализует процесс актуально неповторимого звучания, передаваемого просодией. Это звучание, достигнутое через намеренную имитацию, соотносится с объективными стереотипами, генетически заложенными в системе ритмико-мелодического моделирования носителей языка, и обеспечивает тождество языковой личности обучающегося. Просодию и ее базовые ритмико-мелодические структуры следует рассматривать как функцию гармонизации языкового мышления, способствующую формированию адекватной перцептивной базы иностранного языка.

УДК 811.161.1'373

Александр Николаевич Ерёмин, д. филол. н.
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия
эл. почта: eremin.an55@yandex.ru

Alexander Nikolayevich Yeryomin, Dr of Sc. (Philology)
K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia
эл. почта: eremin.an55@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ДИСКУРС В РЕЧИ НОСИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В сообщении рассмотрены следующие вопросы: 1) типы лексических значений по отношению к действительности, 2) деформация лексических значений в разных дискурсах. Основными методами работы явились наблюдение и системное описание.

Ключевые слова: лексическое значение, дискурс, внутриязыковые контакты

LEXICAL MEANING AND DISCOURSE IN THE SPEECH OF A NATIVE SPEAKER OF A LITERARY LANGUAGE

The message addresses the following issues: 1) types of lexical meanings in relation to reality, 2) deformation of lexical meanings in different discourses. The main methods of work were observation and system description.

Key words: lexical meaning, discourse, intra-linguistic contacts

I. Мы выделяем 5 типов лексических значений по отношению к действительности: 1) номинативные, или номинативно-фиксирующие (*дом, белый, спать*), 2) оценочные (*дрянь, шпарит* дождь), 3) номинативно-оценочные (*бабник, развратник*), 4) конструктивно-манипулирующие (*коммунизм*, *равенство, братство, демократия, святой, загробная жизнь*, *леший, баба-яга, Рыба* 'о человеке в смысле знака зодиака'), 5) синкретичные значения 1 и 4 групп (*коллективизм – стадность*, *чопорный – строгий, свобода – распущенность, демократизм в общении – панибратство*).

II. Сколько дискурсов в русском языке? Все зависит от того, как считать. И нередко в них на уровне речи носителя литературного языка можно отметить слова (значения) и/или прагматику, отличные от литературного стандарта или не представленные в нем.

Л. П. Крысин отмечает: «Можно говорить об определенной разношерстности лексики, которая составляет словарь современной русской разговорной речи…» [ТСРРР, т.1:11].

Рассмотрим варианты заявленного соотношения:

1. Корреляция лексем дискурсов разных социальных групп.

Часть слов (значений) речи носителя литературного языка не совпадает со значениями, которые они имели в материнской среде.

Большой словарь русского жаргона В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной: *Беспредел.* Угол. 1. Грубое нарушение воровских законов. 2. Разг. Вопиющее беззаконие. Фраер. Угол. 1. Потенциальная жертва преступления; не вор. 2. Общий субстандарт. О человеке с претенциозным поведением, пижоне. Старик. 1. Студ. Профессор. 2. Мол. Член агрессивной молодежной группировки в возрасте от 20 до 30 лет. 3. Арм. Солдат срочной службы …перед приказом об увольнении. 4. Нарк. Старый наркоман. 5. Мол. Обращение к сверстнику в молодежной среде. 6. Угол. Богатый человек. 7. Арест. Староста в камере.

В силу бедности части населения, возникло немало гиперонимичных лексем, которые нивелируют денотативное разнообразие: *варево* ‘все, что сварено’, *одёжа* ‘все, что можно надеть и носить’, *бухло* ‘все, что содержит спирт’, *куревo, жаревo.*

2. Корреляция лексем дискурсов одной социальной группы: а) в той или иной деятельности; б) в зависимости от пола, часто и возраста и др.

а) ТСРРР: *Приёмистый.* DEF: об автомобиле, также о его моторе: характеризующийся быстрым набором скорости. STYL: *проф.*

Несколько скорректируем толкование: *приёмистый.* DEF: ‘об автомобиле, хорошо окликающемся на команды водителя’. STYL: *разг.*

В целом многие распространенные слова водительского жаргона – это разговорные лексемы общего пользования, в частности, потому что около 70 % населения в современной России имеет автомобиль. Кто не знает названий автомобилей: *газон, козел*, *уазик*; обозначения рулевого колеса *баранка,* оценочной номинации *железо* ‘о старом или разбитом автомобиле’ и под. Поэтому все эти слова, по нашему мнению, должны быть помещены в нормативные толковые словари с пометой «разг.».

б) *Братан* – так обращаются только мужчины к незнакомым мужчинам, пойдем *отольем* – так говорят только мужчины. Она у нас *звездочка* ‘о хорошо успевающей ученице’ – так говорят школьные учителя.

3. Корреляция лексем в дискурсе одного лица в той или иной жизненной ситуации.

В толковых словарях лицо в начале жизни именуется *молодым*; исходящего периода – *старым*. Однако в дискурсе похорон это нарушается:

– *Молодой* еще. Чуть за 60. Жить и жить.

4. Корреляция лексем общего и художественного дискурсов.

Так, *парус* в общей речи имеет значение ‘укрепляемое на мачте судна и надуваемое ветром полотнище (или несколько особо скроенных, сшитых полотнищ) из парусины, плотной ткани’.

В языке поэзии, к примеру, слово *парус* одновременно может быть прочитано в прямом значении, в метонимическом – *лодка*; в метафорическом – жизненная стезя человека; в качестве символа мятущегося человека в океане жизненных коловращений, также как символ божественного промысла души в поисках истины…

Таким образом, дискурс определяет отбор лексики, семантику отдельных значений.

УДК 81’42

Елена Геннадиевна Задворная, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: egz0201@gmail.com

Yelena Gennadievna Zadvornaya, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: egz0201@gmail.com

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ЗОНА ВЕРЫ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

В работе определяется специфика реализации пропозициональной установки веры в научном диалоге. Выявляются основные различия между репрезентацией веры в научном монологе и диалоге. Выделяются разновидности суждений веры, различающиеся по оценочному знаку.

Ключевые слова: научный диалог, научный монолог, эпистемическая зона, пропозициональная установка, вера, оценка

EPISTEMIC AREA OF BELIEF IN SCIENTIFIC DIALOGUE

In the paper the specific nature of realization of propositional attitudes of belief in scientific dialogue is identified. The main differences of belief representation in monologue and dialogue are revealed. Varieties of belief judgements, which differ in evaluation, are outlined.

Key words: scientific dialogue, scientific monologue, epistemic area, propositional attitude, belief, evaluation

Одним из наиболее привлекательных объектов анализа в рамках исследования научной коммуникации является научной диалог: в диалогическом формате коммуникативного взаимодействия наблюдается целый ряд нетривиальных модификаций речевого поведения субъектов научного познания – изменяются требования к соблюдению принципов речевого общения, корректируется система коммуникативных категорий научной речи, расширяется диапазон коммуникативных интенций и языковых средств их реализации и т. п. В свете подобных тенденций большой интерес представляют те трансформации, которые в условиях диалога претерпевает эпистемическое пространство научного дискурса.

Общеизвестно, что зона веры занимает в эпистемическом пространстве научной коммуникации весьма скромное место: научный дискурс – это сфера практически полного и почти безраздельного доминирования знания и обоснованного мнения, в которой для экспликации пропозициональной установки веры (не требующей строгой системы доказательств и не нуждающейся в рациональной аргументации), как правило, нет достаточных оснований. Но в научном диалоге (особенно имеющем дискуссионный, полемический характер) возможности такой экспликации заметно расширяются, что находит отражение в реализации нескольких разновидностей высказываний с пропозициональной установкой веры, различающихся по своей оценочной маркированности.

1. Нейтральные в оценочном отношении конструкции, в которых объектом веры выступает «осадочный дискурс» (термин Э. Лакло и Ш. Муфф), применительно к научному дискурсу интерпретируемый как совокупность аксиоматичных непроблематизируемых суждений, представляющих собой фундамент определенной науки или ее направления / школы. Если научный монолог предпочитает фиксировать подобные суждения / утверждения / положения, локализуя их в зоне общего знания (*как известно*, *общеизвестно* и под.), то научный диалог позволяет себе называть вещи своими именами, ср.: *Математика – это наша последняя надежда. Вот это объектив-ный язык, ему мы верим. 2+2 все-таки 4, как ни крути* (Т. В. Черниговская).

2. Негативно-оценочные конструкции, в которых субъектом веры предстает либо непосредственно адресат, либо третье лицо. В подобных случаях вера рассматривается говорящим как ментальное состояние, испытываемое заблуждающимся (наивным, некомпетентным) оппонентом. Если в научном монологе конструкции такого типа реализуются в текстовых фрагментах рефлексивно-гносеологического характера, то в диалоге они могут актуализироваться как реакция на любую реплику собеседника, обогащаясь при этом дополнительными иллокутивными смыслами упрека, обвинения, иронии: *Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной и, в какой-то мере, для XX в. смешной и некультурной* (Г. П. Щедровицкий).

Между высказываниями первого и второй разновидности нет жесткой границы, и в ряде случаев идентификация высказывания как нейтрального или ироничного носит субъективный характер: *Можно сказать, что когнитивный стиль – это «здравый смысл» дисциплины. То, что принимается на веру всеми исследователями в конкретной области как некая невопрошаемая данность, как что-то, не требующее дополнительных прояснений, – что-то, что следует делать просто потому, что «мы социологи, мы так думаем» («он художник, он так видит»)* (В. Вахштайн).

3. Позитивно-оценочные высказывания, в которых представлен специфический семантический вариант веры, отличающийся иррациональным характером и наличием эмоциональных и волитивных компонентов. Этот вариант характерен, по нашим наблюдениям, для представленных в диалоге прогностических суждений, описывающих оптимистические научные перспективы, ср.: *Есть такое мнение – не мое, но мне хочется верить, что так оно и будет, что подобно тому, как XX век называют иногда веком генетики, то XXI век, может быть, будет веком нейробиологии – исследования мозга* (А. В. Марков).

Таким образом, обращение к анализу диалогических форм научной коммуникации позволяет существенно уточнить и расширить представления об эпистемическом портрете научного дискурса.

УДК 821.161.1-1.09+821.222.1
Джанолах Мотаххар Карими, к. филол. н.
Тегеранский университет, Тегеран, Иран
эл. почта: jkarimi@ut.ac.ir

Janolah Motahhar Karimi, Cand. of Sc. (Philology)
University of Tehran. Tehran, Iran
e-mail: jkarimi@ut.ac.ir

Григорий Валериевич Токарев, д. филол. н.
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия
эл. почта: grig72@mail.ru

Grigoriy Valeriyevich Tokarev, Dr of Sc. (Philology)
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
e-mail: grig72@mail.ru

Марзие Яхьяпур, к. филол. н.
Тегеранский университет, Тегеран, Иран
эл. почта: myahya@ut.ac.ir

Marzieh Yahyapour, Cand. of Sc. (Philology)
University of Tehran. Tehran, Iran
e-mail: myahya@ut.ac.ir

ХАФЕЗ И ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ: «ВАМ РОЗЫ ШИРАЗА»

Доклад посвящен описанию атмосферы «Башни» Вяч. Иванова и влияния на него персидского поэта Хафеза. Проанализированы стихи Вяч. Иванова о Хафезе, описана семантическая организация поэтических текстов Вяч. Иванова.

Ключевые слова: Хафез, Вяч. Иванов, восточная поэзия, символизм, образ, семантическая структура текста

HAFEZ AND VYACHESLAV IVANOV «HERE ARE THE ROSES OF SHIRAZ»

The paper is centred on the description of the atmosphere of Vyach. Ivanov's "Tower" and the influence of the Persian poet Hafez on his works. Vyach. Ivanov' poems on Hafez are analyzed, the semantic organization of Vyach. Ivanov' poetic works is described.

Key words: Hafez, Vyach. Ivanov, poetry of the East, symbolism, image, the semantic structure of the text

Глубокое знакомство с разнообразными культурами, способность объединять религию, литературу, философию и другие искусства были отли-

чительными чертами «Башни» Вяч. Иванова (так современники называли квартиру поэта), считающейся одним из самых известных культурных символов Серебряного века.

В многообразии богатств всех культур мира Вячеслав Иванов выделял восточную культуру, особенно культуру Ирана. Иванов написал стихотворение, описывающее Хафеза, под названием «Палатка Хафеза». Стихотворение состоит из двух частей. Обе части передают восточную и мистическую атмосферу и насыщены словами, которые неоднократно можно встретить в стихах Хафеза: *вино*, *кабачок*, *похмелье*, *опьянение*, *друг*, *очарованный*, *разум*, *общество* и т. д. – названия ценностей последователей Хафеза, проводивших время в стенах «Башни» и считавших себя наследниками завещания Хафеза Ширази. В первой части «Снова свет в таверне верных после долгих лет, Гафиз!», имя Хафеза упоминается четыре раза (три раза оно называется непосредственно, и один раз Иванов называет его Шмелем Шираза).

В этом стихотворении Иванов совместил тему библейского стиха о «Тайной вечере», стихов Хафеза и атмосферу Петербургского товарищества наследников персидского поэта. Наследники Хафеза могли бы также увидеть здесь и пиры Платона. В стихотворении друзья поэта собраны в обществе Хафеза. Обстановка такого дружеского собрания в духе Хафеза: вино, зурна, пышные одежды. Это традиционное описание дружеского и пьяного (упоенного) союза. Такая же атмосфера есть в стихах Хафеза. Один из важнейших приемов в стихах Хафеза – это противопоставление, которое характерно для поэтических текстов символизма.

Слова, характеризующие Хафеза, семантически многоаспектны и красивы: *шмель Шираза*, *князь экстаза*, *мистагог* и др. Они подчеркивают мистическое учительство (мистагог), и царственность, и аристократичность, и дружбу. Слова *экстаз*, *мистагог* и *друг* часто встречаются и в стихах Хафеза.

Говоря об одиночестве, Вяч. Иванов имеет в виду как духовные и мистические печали, так и земные, материальные. Такую же множественность интерпретаций и смыслов стихов Хафеза можно увидеть в поэзии Вяч. Иванова.

В стихотворении «Встреча гостей» упоминается Хафез и сады Шираза, а также Руми и Санаи. Иванов дает Хафезу титулы «пчелы садов Шираза», «искателя» и «поэта». Русский поэт призывает членов «Общества учеников Хафеза» объединиться. Для него Общество – самое дорогое, что есть на свете. Это стихотворение Иванова тоже напоминает «Тайную вечерю».

Лирический герой стихотворения «Снова свет в таверне верных после долгих лет, Газиф» считает себя преемником, наследником и другом персидского поэта Хафеза. Лексический ряд стихотворения воплощает идеологию творчества восточного кумира. Это слова, выражающие беззаботное, радостное времяпрепровождение: *Вина пряны, зурны сладки, рдяны складки пышных риз // И триклиний наш укромный станет вечерей любви, // Станет вечерей улыбок, дерзновений и томлений.*

Ключевое слово стихотворения – *свет* – передаёт эмотивную интенцию произведения: наслаждение жизнью, общением с друзьями, умиротворяющая лень: *Снова свет в таверне верных после долгих лет, Гафиз!*

Стихотворение «Друзья! вам высоких веселий» построено на антитезе жизни и смерти. Противопоставлению подчинены лексические и синтаксические поэтические средства. Вяч. Иванов прибегает к символическим приемам, в частности, он опирается на символику цветов. Тюльпанам как символу пробуждения и обновления, розам – символу любви противопоставлены кипарисы и асфодели как символы смерти.

В стихотворении «Встреча Гостей» используется символ, репрезентирующий Хафеза, его философию: превознесение дружбы и любви, – таверна, в которой собираются его друзья. В стихотворении путем использования прецедентных имен актуализируются различные культурные пласты.

Для выражения мысли о незыблемости идей Хафеза, их важности для каждого используется амфитеза: *Жид, эллин, перс иль франк, матрона иль гетера, – // Знай: всех единая здесь сочетала вера.*

Название стихотворения «Старцы на пире Гафиза» подчеркивает оценку поэтом глубины заветов Хафеза. Мировоззренческие ценности дают человеку жизненные силы, наполняет смыслом жизнь.

Итак, «без освоения богатейшей культуры Востока невозможно представить во всей полноте мировой и русский литературный процесс. Поэтому русские писатели в большей или меньшей степени отдали дань уважения и почитания теме Востока в своем творчестве» [1, с. 167]. В связи с этим можно добавить, что Хафез, «пчела Шираза», оказал большое влияние на поэта-символиста Серебряного века Вяч. Иванова. Таким образом, в рассмотренных стихотворениях Вяч. Иванов вступает в диалог с персидским поэтом Хафезом, транслируя идеологию поэта и используя его излюбленные приемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафиулина Р. Ориентальные страницы ранней поэзии В. В. Набокова // Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы. 2020. № 8 (2). С. 165–185. URL: https://doi.org/10.29252/iarll.16.173.

УДК 81’42

Мария Ивановна Киосе, д. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН, Москва, Россия
эл. почта: maria_kiose@mail.ru

Maria Ivanovna Kiose, Dr of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia
e-mail: maria_kiose@mail.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАФИЛЬМА КАК ВТОРИЧНОГО ДИСКУРСА

С применением контрастивного дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности [1] устанавливаются модификации в ее проявлении в диафильме как вторичном дискурсе. Выявляются тактики динамизации повествования в текстовом компоненте диафильма.

Ключевые слова: лингвокреативность, детская литература, короткий рассказ, диафильм, дискурсивно-параметрический анализ

LINGUISTIC CREATIVITY IN SLIDE FILMS AS SECONDARY DISCOURSE

Contrastive discourse parametric analysis of linguistic creativity [1] helps reveal its modifications in slide films as secondary discourse. We also identify the tactics which enhance the discourse dynamicity in the text component of slide films.

Key words: linguistic creativity, children's literature, short story, slide film, discursive-parametric analysis

В работе лингвокреативность рассматривается как «формально-языко-вая» категория конструирования дискурса, реализующаяся с помощью параметров, описывающих лингвокреативный потенциал текстового компонента дискурса на разных языковых уровнях, а также с помощью параметров графического и орфографического оформления. Цель исследования заключается в установлении модификаций в проявлении лингвокреативности во вторичном дискурсе диафильма (как семиотически полимодальном), появление которых обусловлено, в первую очередь, необходимостью стимулирования динамизации (или усиления динамического характера события текстового компонента дискурса) (подробнее см. работы В. З. Демьянковой и О. К. Ирисхановой). Таким образом, процедура анализа включает 1) определение активности (частотности) параметров лингвокреативности в исходном дискурсе коротких рассказов в дискурсе детской литературы, 2) определение активности параметров лингвокреативности в текстовом компоненте диафильмов, поставленных по коротким рассказам, 3) установление модификаций в активности параметров, 4) идентификацию дискурсивных тактик динамизации в текстовом компоненте диафильма. Всего анализу подверглись 5 коротких рассказов и 5 диафильмов; каждое из предложений текста было аннотировано по 52 параметрам лингвокреативности с использованием метода дискурсивно-параметрического анализа [1].

С применением процедуры векторного моделирования и последующего анализа значимых различий в активности параметров [2] определены 9 параметров, обеспечивающих различия: стилистический троп, параллельные конструкции или параллелизмы – как статистически значимые (их количество снижается в диафильмах); звукоподражание, категориальная новация местоимения, смена регистров коммуникации, новация в использовании имени (собственного), фразеологизм (узуальный или модифицированный), эллиптическая конструкция (их количество повышается в диафильмах), аффиксальная модификация (проявления снижаются в диафильмах), – как дающие значительные, но не статистически значимые различия. Выявление данных модификаций позволило установить тактики динамизации, которые обеспечиваются текстовым компонентом вторичного дискурса диафильма, при этом речь идет о тактиках динамизации как исходно динамического события в рассказе, так и исходно нединамического события. Динамизация наблюдается в интенсификации отдельных акциональных компонентов текстового события (снижается количество параллельных сказуемых в пользу единичных с большим акциональным потенциалом), в обеспечении эффекта звукового присутствия

объектов и звукового оформления их действий (за счет усиления роли звукоподражательных компонентов), в интенсификации регистровых переключений, в снижении детализации в реализации пространственной организации события, в усилении диалогового формата события (за счет включения апеллятивных компонентов) и стимулировании устного формата коммуникации, в усилении образности в репрезентации события (путем усиленной активности фразеологизмов).

В целом, полученные результаты позволили установить особенности модификации лингвокреативного потенциала исходного дискурса коротких рассказов для детей во вторичном дискурсе диафильма, а также описать вклад семиотической модальности текста в конструирование динамического события вторичного семиотически полимодального дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности : коллектив. моногр. / отв. ред. И. В. Зыкова. М. : Р-Валент, 2021. 564 с.

2. Kiose M. I. Linguistic creativity and discourse profiles of English language children's novels // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 25 (1). P. 147–164.

Исследование выполнено в Институте языкознания РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке»).

УДК 811.111'37

Виктория Юрьевна Клейменова, д. филол. н.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: victoria.kleimenova@yandex.ru

Victoria Urievna Kleimenova, Dr of Sc. (Philology)
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia
e-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru

СТОРОННИКИ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ (CANCEL CULTURE) В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОРЫ

Проанализированы средства вторичной номинации сторонников культуры отмены в электронном словаре Urban dictionary. Выявлены основные метафорические модели, обеспечивающие репрезентацию аксиологически окрашенного образа.

Ключевые слова: культура отмены, метафора, оценка, языковое моделирование

CANCEL CULTURE SUPPORTERS MIRRORED BY METAPHOR

The paper deals with linguistic means of secondary nomination of cancel culture supporters in the electronic Urban dictionary. The author presents main metaphoric models that secure linguistic representation of the image and its evaluation.

Key words: cancel culture, metaphor, evaluation, language modelling

В современной гуманитаристике метафора рассматривается не только как стилистический прием, обеспечивающий выразительность и яркость текстовой репрезентации предмета сообщения, но и способ осмысления действительности, который обретает особую значимость в эпоху нестабильности. В начале XXI в. в англоязычном социуме возникли различные популистские движения, существование которых зафиксировано в лексической системе поликомпонентными номинативными единицами, например, *Occupy Wall Street, Me Too, Black Lives Matter*. Одной из таких современных областей общественного опыта, в которой идет формирование новых понятий и концептуализация нового знания, является так называемая культура отмены (cancel culture), то есть исключение «неугодного субъекта из культурной (правокультурной) среды социума с помощью специальных технико-социальных приемов и средств дискриминации человека, унижения его чести и достоинства, агрессивного преследования, применения насилия» [1, с. 128].

Ментальный конструкт CANCEL CULTURE соответствует дефиниции концепта по Н. Н. Болдыреву, то есть представляет собой единицу «осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами или событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [2, с. 4]. Однако процесс концептуализации данного сложного мыслительного пространства не завершен в силу экстралингвистических причин и является новой познаваемой областью, которую члены языкового сообщества пытаются объяснить через знакомые и освоенные понятия и характеристики, являющиеся, в свою очередь, областями-источниками.

Цель исследования – определить языковые средства метафорического моделирования одного из элементов рассматриваемого концепта, а именно, сторонников культуры отмены. Говорящие вынуждены прибегать к метафоре, поскольку в лексической системе английского языка отсутствуют узуальные номинативные единицы для его обозначения Материалом исследования послужили данные электронного словаря Urban Dictionary [3], в котором словарные статьи формируются из определений, предлагаемых не профессиональными лингвистами, а обычными носителями языка. В работе использовались метод лексикографического описания, метод когнитивно-семантического описания и метод когнитивного моделирования.

Результаты исследования показали, что в словарной статье представлены вербализованные знания о мире отдельных носителей английского языка. Метафорические наименования выполняют классификационную и оценочную функции: на основании дифференционного признака «отношение к культуре отмены (*cancel culture*)» выделяется группа «сторонники культуры отмены (*cancellors/ cancel culture enforcers*)», члены которой оцениваются большинством авторов отрицательно – из 63 авторов дефиниций только восемь выражают одобрение данного социального феномена. Языковые средства репрезентации метафорической модели лаконичны, что соответствует текстотипологическим требованиям, выразительны, так как говорящими использована эмоциональная, стилистически окрашенная лексика, которая содержит нега-

тивные оценочные семы (*morons, idiots, bozos, sons of bitches*). Авторы словарных дефиниций используют лексические единицы семантического поля «группа, объединенная общими поведенческими механизмами» (*herd, bunch, crowd*), таким образом, сторонники культуры отмены представлены как безликие, лишенные индивидуального мнения существа, неспособные принять наличие иных точек зрения.

Дальнейшие перспективы исследования определяются необходимостью создания систематического описания языковых средств репрезентации иных элементов концепта CANCEL CULTURE: триггеры процесса, противники культуры отмены, последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова М. В. Канселинг (cancel culture) как инновационный право-культурный феномен // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 123–128.

2. Болдырев Н. Н. Когнитивная природа языка : сб. ст. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 251 с.

3. Cancel Culture. URL: https://www.urbandictionary.com/define.php?term (accessed: 10.02.2023).

УДК 811.111’37

Ирина Аркадьевна Краева, к. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: irinakraeva@linguanet.ru

Irina Arkadyevna Kraeva, Cand. of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: irinakraeva@linguanet.ru

МОДУСНЫЙ КОНЦЕПТ *ГРАДУАЛЬНОСТЬ* И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается расширение языковой категории градуальности, объективирующей модусный концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ в английском языке. Подчеркивается взаимосвязь семантики новых наречий-модификаторов степени и прилагательных, на базе которых они образованы.

Ключевые слова: модусный концепт, градуальность, объективация, модификатор степени, функциональный класс, качественные прилагательные, наречия степени

MODUS CONCEPT OF GRADUALITY AND SOME FEATURES OF ITS OBJECTIFICATION IN MODERN ENGLISH

Expansion of the linguistic category of graduality, objectifying the modus concept of GRADUALITY in the English language, is considered. The interrelation of the semantics of the new adverbial degree modifiers and the adjectives on the basis of which they are formed is emphasized.

Key words: modus concept, graduality, objectification, degree modifier, functional class, qualitative adjectives, adverbs of degree

Известно, что существует ряд «старых» проблем, которые находятся в центре внимания ученых разных областей на протяжении всей истории научной мысли, поскольку имеют для мышления человека и его изучения непреходящее значение, они важны для выявления и осмысления того общего, что объединяет всех людей. В первую очередь, это исследования онтологических категорий (количества, качества, градуальности, оценки, интенсивности и др.).

Одной из основополагающих универсальных понятийных категорий является **градуальность**, которая формируется у человека в ходе сравнения объектов окружающего мира и выражает, по мнению С. Д. Кацнельсона, «отношение одного понятия к другому» [1, с. 564]. В то же время, отражая *субъективные* представления человека о степени проявления свойств объекта, категория градуальности оказывается тесно связанной с *модусными* категориями оценки, модальности, эмотивности, экспрессивности. Кроме того, градуальность соотносится с *языковыми* категориями и явлениями – такими как суперлативность, качественность / относительность прилагательных, интенсивность и пр.

В настоящее время в русле когнитивной лингвистики градуальность рассматривается как модусный **концепт**, вокруг которого формируется объективирующая его в языке категория градуальности. Данный концепт мы определяем как **квант структурированного знания о том, что признак предмета, состояния или действия может варьироваться, то есть проявляться в разной степени. При этом степень проявления признака может изменяться в бОльшую или меньшую сторону по отношению к некоторому стандарту / норме / эталону.**

Одна из задач нашего исследования, посвященного в целом изучению *развития* языковой категории градуальности, заключается в выявлении новых тенденций расширения категории градуальности в английском языке, в частности, за счет новых наречий-модификаторов.

Материалом для исследования послужили наречия, отобранные из лексикографических и текстовых источников (81 лексема). В работе использовались **общенаучные методы** познания (анализ, синтез, сравнение, обобщение) и **лингвистические методы** анализа языкового материала (дефиниционный, словообразовательный, дискурсивный, лексико-семантический), а также метод количественных подсчетов.

В ходе исследования было изучено соотношение семантических структур новых наречий-модификаторов и прилагательных, на базе которых они созданы, и был сделан ряд выводов. Например, вывод о том, что в современном английском языке класс модификаторов степени пополняется за счет наречий, созданных от прилагательных, имплицитно выражающих высокую или очень высокую степень признака; основным способом деривации при создании таких наречий является суффиксация (в большинстве случаев используется суффикс *-ly*); изучаемые наречия, являясь новыми модификаторами степени, представляют собой полисемантические единицы, и, что важно, в роли наречия-модификатора степени они, как правило, выступают не во всех своих значениях, а лишь в одном или двух, которые

соотносимы с определенными значениями прилагательного, на базе которого они созданы. При этом такие наречия не употребляются в качестве модификаторов степени в значениях, соотносимых с относительными значениями прилагательных, от которых они образованы.

Рассматриваемые лексические единицы не принадлежат к классу английских наречий степени, тем не менее, они, как и наречия степени, всё более широко используются в современном английском языке (особенно разговорном) в качестве модификаторов степени проявления признака. По нашему мнению, их можно отнести к более широкому функциональному классу наречий-модификаторов степени, поскольку они могут усиливать / повышать степень проявления признака в сочетании с прилагательными и глагольными формами (*fantastically* ‘фантастически’, *brilliantly* ‘блестяще’, *extensively* ‘экстенсивно’ и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия / отв. ред. Л. Ю. Брауде. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 851 с.

УДК 811.111’22’42

Людмила Владимировна Лаенко, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: lvlaenko@mail.ru

Ludmila Vladimirovna Laenko, Dr of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: lvlaenko@mail.ru

ОТ СЕМАНТИКИ ЦВЕТА К ЕЁ ПОЛИКОДОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДИСКУРСЕ ВЕСТИМЕНТАРНОЙ МОДЫ

Обосновывается значимость вестиментарной моды как объекта лингвокогнитивных исследований. Анализируются тексты таблиц модных цветов за период 2018–2023 гг., рекламируемых институтом цвета Pantone, с фокусом на их поликодовое позиционирование. Выявлены актуальные для каждого временного периода типы вербальных и невербальных средств репрезентации модных цветов, вариативность которых обусловлена эпохальным событийным содержанием таких периодов.

Ключевые слова: мода, модный вестиментарный дискурс, цвет, поликодовый текст, вербальные средства, невербальные средства

FROM SEMANTICS OF COLOUR TO ITS POLYCODE REPRESENTATION IN FASHION DISCOURSE

The meaningfulness of vestimentary fashion as an object of linguo-cognitive research is substantivated. Texts of fashion colour tables (2018–2023), advertized by Pantone Color Institute, with the focus on their polycode positioning are analyzed. Types of current verbal and nonverbal means of representing fashion coloures for each time period are revealed, the variability of which is caused by global event contents of such periods.

Key words: fashion, vestimentary fashion discourse, coloure, polycode text, verbal means, nonverbal means

Мода, в том числе и вестиментарная, т. е. мода в одежде, будучи зависимой от различных социокультурных условий (экономических, политических, демографических и др.), является тем феноменом, который регулирует массовое поведение, формирует эстетические нормы и задает определенный формат культурных ценностей и стандартов, в том числе и представления о доминирующих вестиментарных образах и стилях и их оценку. Именно одежда, в отличие от других предметов и форм культуры, является тем объектом, в котором человек непосредственно выражает себя как личность. Росту ее престижа в обществе способствует и идеология современного общества, преимущественно ориентированного на потребление, так как одежда эффективнее всего отвечает требованиям знаковых функций в социальной системе. В силу всего этого, мода в последнее время на правах объекта входит в исследовательское пространство известных гуманитарных наук, в том числе и лингвистики с позиций, в первую очередь, когнитивно-дискурсивного подхода.

Дискурс моды – это креативный продукт специалистов мира моды (дизайнеров, фотографов, моделей и т. д.), являющийся вестиментарным кодом и включающий совокупность значимых оппозиций и правил сочетания элементов одежды, которые отражаются как при формировании моды, так и в разносемиотических способах её представления – вербальных и невербальных. Такой дискурс проявляет себя различными типами текстов, преимущественно рекламного характера, а потому может служить законным объектом лингвистического исследования.

Исследовательский интерес в таких текстах вызывают различные средства репрезентации цвета продвигаемой на рынок модной одежды как одного из лидирующих критериев модного, если он означен специально созданными прагматически ориентированными колористическими номинациями. Важна в связи с этим мысль Е. С. Кубряковой о том, что «семиотически маркированные объекты представляют не только самих себя, не только некие реальные объекты (в их физической определенности), но и то, знаниями о чем они являются в данной культуре» [1, с. 83], что представляется актуальным в плане назревшей необходимости исследования как коммуникативного, так и семиотического аспектов формирования дискурса вестиментарной моды, а это предполагает выявление функционального потенциала и соотношения вербальных и невербальных компонентов, используемых в нем.

Семантика цвета как одного из признаков воспринимаемых зрительно объектов – это его значение, получающее различную номинативную идентификацию, которая закрепляется в лексиконе представителей различных лингвокультур, демонстрируя результаты категоризации такого феномена в виде вербально-чувственных ассоциативных комплексов. Такое положение дел эффек-тивно используется коллективом специалистов института цвета Pantone со штаб-квартирой в Нью-Йорке при разработке модной цветовой палитры на каждый год, в том числе и знаковый цвет для каждого года сообразно текущих явлений и актуальных событий, имеющих место в такие временные периоды, что послужило материалом нашего исследования (2018–2023 гг.). В результате анализа текстов в виде таблиц рекламируемых ежегодных модных цветовых

оттенков как результатов креативной деятельности таких специалистов выявлено, что они содержат как вербальные, так и невербальные знаки: 1) их номинации, образованные по разным словообразовательным моделям (метафорическим, метонимическим, метафтонимическим, иллюстрирующих использование их лексических компонентов во вторичной семиотической функции номинации цвета с прогнозируемой референцией к когнитивному контексту потребителей, содержащего предполагаемые рекламосоздателями фоновые знания (вербальный код), 2) эмоционально окрашенную вербальную интерпретацию цветового оттенка, мыслимую в качестве одного из доступных средств воздействия на восприятие потребителей (вербальный код), 3) колористические образцы, сопровождающие такие номинации, визуально демонстрирующие их семантическую идею, и числовой код такого оттенка (невербальный код).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С., Бондарчук Г. Г. Семиотические аспекты в изучении категории одежды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 532. С. 81–88.

УДК 81'42

Андрей Эдуардович Левицкий, д. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
эл. почта: andrelev@list.ru

Andrei Eduardovich Levitsky, Dr of Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: andrelev@list.ru

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выделяются основные подходы к дискурсу драмы в аспекте полимодальности передачи информации и трансформации сюжета пьес. Рассматривается расширение роли вербальных и невербальных компонентов раскрытия авторского и / или режиссерского понимания пьесы.

Ключевые слова: драматический дискурс, полимодальность, трансформации, концептуальный анализ

DISCOURSE OF DRAMA: STATE-OF-ART AND PERSPECTIVE OF INVESTUGATION

The paper treats the main approaches to analysis discourse of drama through the prism of polymodality of information transfer as well as plot transformation. The author tackles the widening role of verbal and non-verbal components of revealing the playwright's and / or director's treatment the play.

Key words: discourse of drama, polymodality, transformations, conceptual analysis

Дискурс драмы находится в числе наиболее разрабатываемых в сфере дискурсологии (см., например, работы Е. С. Кубряковой и О. В. Александровой, Е. Г. Логиновой, Н. Ю. Петровой и др.). Многие из таких исследований, как правило, выполняются в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике.

Именно дискурс как «речь, погруженная в жизнь», по образному выражению Н. Д. Арутюновой [1], является наиболее удобной формой «упаковки» вербализованной информации в историческом и социокультурном контекстах. Иначе говоря, дискурс отражает «дух времени», который определяет его структуру, включая используемые для его построения стратегии и тактики. Кроме того, индивид и его дискурс выступают надежным средством отражения развития языка, а также коммуникативного и когнитивного стилей передачи информации, присущих социуму, этносу и человечеству в целом на определенном этапе развития. Не вызывающая сомнений антропоцентрическая сущность продуктов дискурсивной деятельности человека, выраженная в отражении его личностных начал, с одной стороны, и адресации, с другой, является определяющей в современном лингвокогнитивном понимании дискурса.

Лингвокогнитивный аспект современных дискурсивных исследований позволяет внедрить более широкий и одновременно глубокий подход к проблемам форматирования знаний и их объективации языковыми и невербальными средствами. Проблема отражения содержащейся в дискурсивном образовании информации получает новое разрешение в аспекте взаимодействия языка и мышления, что позволяет вернуться к особенностям познавательной деятельности как отдельно взятого индивида, так и целого лингвосоциума. Именно данная теоретико-методологическая основа позволяет рассмотреть взаимодействие знаков и знаковых систем в семиотически разнородных дискурсивных пространствах, которые формируются в процессе трансформаций исходного драматического дискурса в дискурсы-дериваты, позволяющие изменить сюжетные линии, объем и интонирование реплик персонажей, добавить нетребуемые артефакты, задействовать зрителя в ход действия. Все же на передний план выходят трансформации дискурсивного пространства пьесы, включая время и место действия, семиотический код передачи информации, а также многочисленные изменения, касающиеся персонажей от социальных и этнокультурных параметров, заканчивая их элиминацией или, наоборот, появление новых лиц, включая ситуации, когда одну роль играют несколько актеров одновременно. Игра со светотехникой, музыкальными и хореографическими вставками, видеотехникой значительно расширяют каналы передачи информации от драматурга посредством творческой группы подготовки спектакля существенно расширяют возможности создателей спектакля на зрителя.

Среди маргинальных компонентов драматического дискурса, которые задействуются командой организаторов театрального действа, выделяются дискурсивные комбинации: с рекламными (афиши, значки, фотографии, брошюры), медийными (статьи в прессе, включая интернет, теле – и видеосюжеты) дискурсивными практиками.

Результаты исследования драматического дискурса в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяют раскрыть новые подходы к анализу новаторских подходов, практикуемых в современном театре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–137.

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

УДК 81’37

Людмила Модестовна Лещёва, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: lescheva09@gmail.com

Liudmila Modestovna Liashchova, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: lescheva09@gmail.com

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проанализированы в исторической перспективе основные виды и цели лингвистического моделирования. Представлены основные параметры межъязыковой модели полисемии коррелятивных слов в генетически неблизкородственных языках. Смоделированы процессы кодирования и декодирования значения идиом на основе теории смешения концептуальных пространств и гиперо-гипонимической организации лексикона.

Ключевые слова: лингвистическое моделирование, межъязыковая модель полисемии, концептуальная метафора, идиома, теория концептуальной интеграции, гиперо-гипонимические связи, культурно-национальный компонент значения

MODELING AS A METHOD OF LEXICAL-SEMANTIC RESEARCH

The main types and goals of linguistic modeling are analyzed in a historical perspective. The major parameters of a cross-lingual model of polysemy of correlative words in genetically non-closely related languages are presented. The processes of encoding and decoding the meaning of idioms are modeled on the basis of conceptual integration theory and hyper-hyponymic organization of the lexicon.

Key words: linguistic modeling, interlingual model of polysemy, conceptual metaphor, idiom, theory of conceptual integration, hyper-hyponymic relations, culture-national component of meaning

Как известно, моделирование является общенаучным методом теоретического познания, направленным на исследование ненаблюдаемых сущностей, явлений и процессов путем построения их упрощенных, аппроксимированных конструктов.

Языковая модель, как и другие модели, которые строятся на основе наблюдений и гипотез, обладает рядом важнейших свойств, таких как

условность, допускающая отступление от реального объекта в целях фокусирования внимания на его определенных чертах; **формальность**, позволяющая в общей форме представить сущность исследуемого объекта, процесса или явления; **экспланаторность**, объясняющая их природу и **прогностичность**, предсказывающая их дальнейшее развитие.

Первые лингвистические динамические модели были использованы в сравнительно-историческом языкознании для описания диахронических процессов фонетического развития слов в родственных языках с целью реконструкции их общего источника, установления фонетических законов и закономерностей, обнаружения исчезнувших языков.

В структурном и функциональном языкознании на основе разработанных статических и функциональных моделей получены сведения о структуре и функционировании единиц фонологического, морфологического и синтаксического уровней языка. Полученные сведения легли в основу всей современной лингвистики, а разработанные с их учетом модели порождающей грамматики Н. Хомского обеспечили понимание сущности, так называемых, правильных предложений, а также автоматизированный поиск опорных точек предложения с различными практическими целями.

Созданные в структурном языкознании семантические модели позволили увидеть содержательное наполнение языковых моделей, природу индивидуальности лексического значения слова, характер и типы связи отдельных значений полисеманта, установить модели полисемии для слов одной лексико-семантической группы или коррелятивных слов в разных языках, что является важным для дальнейшего развития сопоставительного, или контрастивного языкознания.

Разработанная в когнитивной лингвистике теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) имеет важное значение не только для интерпретации связи лексем, именующих разные концепты, но и для моделирования принципов и процессов работы самого языкового сознания, связанного с работой тела, а также другими видами когниции. Созданная на основе этой теории база когнитивных метафор направлена на установление среди них абсолютных и статистических универсалий.

Дальнейшее развитие теории концептуальной метафоры и разработка теории концептуального интегрирования (Ж. Фоконье, М. Тернер) дают основания для моделирования когнитивных процессов созидания сложных концептуальных областей и их вербального кодирования новыми номинативными единицами на основе уже существующих.

Лексико-семантическое и когнитивное моделирование по-прежнему остаются наименее исследованными процессами при декодировании сложных единиц языка и текста, в том числе идиом (*За морем телушка – полушка, да рубль перевоз*), которые происходят далеко не всегда в порядке обратном процессам кодирования. Здесь недооцененным представляется анализ гиперогипонимических связей лексикона, в том числе, ментального. Будучи максимально стабильными и пронизывающими весь лексикон, эти связи обеспечивают эффективное переключение сознания с более конкретного уровня значения лексических единиц идиомы на более абстрактный (*за морем → где-*

то далеко; *телушка → корова → живое существо → сущность; полушка → мелкая монета → малая цена; рубль → крупная монета → высокая цена*; *перевоз → движение → действие → событие*). Это способствует, наряду с необходимыми логическими операциями, быстрому установлению абстрактного смысла всей конструкции: ‘где-то далеко можно купить товар дешево, но затраты на перевозку очень большие’, т. е. ‘затраты, физические и материальные, на приобретение чего-либо, неоправданно высоки’.

В докладе рассмотрено также влияние культурно-национального компонента лексической единицы как составляющей части идиомы на успешность ее декодирования.

УДК 81’42:070

Ольга Владимировна Лущинская, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: olgalu805@gmail.com

Olga Vladimirovna Luschinskaya, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: olgalu805@gmail.com

МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Описаны некоторые подходы к классификации типов и разновидностей дискурса. Рассмотрен медийный дискурс как самостоятельный институциональный тип. Кратко представлены его основные характеристики.

Ключевые слова: дискурс, тип дискурса, институциональный тип, сфера журналистики, медийный дискурс

MEDIA DISCOURSE AS AN INSTITUTIONAL TYPE: TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS

Some approaches to the classification of types and varieties of discourse are described. Media discourse as an institutional type is considered. Its main characteristics are briefly presented.

Key words: discourse, type of discourse, institutional type, sphere of journalism, media discourse

В настоящее время существуют разные подходы к классификации типов и разновидностей дискурса. Общепризнано различие *устного* и *письменного* дискурса. Существует классификация, исходящая из его *функций* (Р. Джоржан): описание, рассказ, инструкция, объяснение и др. Использование критериев *формы*, *длины*, *намерения* и *стилистических признаков* (В. Незер) позволяет определить следующие типы: реферат, тезисы, договор, доклад и статья. Некоторые авторы (И. В. Алещанова, Д. Байбер) в зависимости от *коммуникативной цели* к типам дискурса относят описание, повествование и аргументацию. С учетом признаков *цель* и *участники общения* выделяются персональный и институциональный типы дискурса (В. И. Карасик). Исследователь

Н. К. Кравченко отмечает, что на основе «критерия и уровня *наличия* либо *отсутствия контакта* между адресантом и получателем во время передачи информации» выделяются устный, письменный, электронный, sms-дискурс, а также мысленный; с учетом уровня *манифестации личностного* или *институционального* параметра определяются институциональный и персональный дискурс; «по сфере *функционирования* и *форматированности* социальными институтами – политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, рекламный, научный, массово-информационный и др.» [1].

В фокусе наших исследовательских интересов находится *медийный дискурс*, являющийся одним из типов институционального дискурса, в рамках которого коммуниканты выступают представителями такого социального института, как сфера журналистики. При рассмотрении медийного дискурса возникает вопрос об определении его *границ*. И, как пишет М. Р. Желтухина, «любой материал в средствах массовой информации следует относить к полю или пространству медиадискурса», а «корреляция различных типов дискурса и дискурса массмедиа состоит в преломлении данных видов дискурса сквозь призму языка СМИ, приобретении новых качеств и свойств» [2, с. 295].

Для анализа и описания конкретного типа институционального дискурса предлагается учитывать такие компоненты, как участники, хронотоп, цели, ценности (с учетом ключевого концепта), стратегии, тематику материала, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы (см. ряд работ В. И. Карасика).

На основе вышеизложенного можно заключить, что медийный дискурс представляет собой отдельный институциональный тип, который имеет свои отличительные характеристики, признаки, параметры, специфику, ценности и др. Следует также отметить, что данный тип включает в себя следующие *разновидности*: новостной и рекламный типы дискурса, PR дискурс; информационный, аналитический и публицистический дискурсы; идентифицирующий, репрезентирующий, идеологический и др. [3].

Принимая во внимание тот факт, что институциональное общение отличается наличием статусно-ролевых характеристик участников коммуникации, целью и местом общения, то в медийном дискурсе участниками общения являются журналисты и их аудитория; цель заключается, в первую очередь, в передаче информации, отражении событий окружающей действительности в сообщении и осуществлении обратной связи между коммуникантами; хронотоп, или пространственно-временные параметры общения, зависит от канала передачи информации: печатные издания, радио или телевидение, интернет-пространство соответствующих СМК (электронные версии газетных изданий, порталы и другие платформы) и, соответственно, коммуникация осуществляется в определенном временном контексте. Ключевыми концептами медийного дискурса в целом, как мы полагаем, являются *объективная передача информации* аудитории о происходящих событиях и др. и *формирование общественного мнения*. Для достижения поставленных целей журналисты используют разные стратегии, которые реализуются в его разнообразных жанрах и форматах. Тематика в медийном дискурсе имеет

самую широкую репрезентацию. С учетом того, что данный дискурс по своей сути интертекстуальный, то использование в нем прецедентных текстов является неотъемлемым компонентом. Дискурсивные формулы связаны непосредственно с языковой реализацией информации в медиатекстах. Сегодня с учетом развития информационных технологий и их внедрения в сферу журналистики в рамках медийного дискурса можно выделить еще одну его разновидность – *дискурс конвергентных средств массовой коммуникации*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко Н. К. Современный дискурс и дискурс-анализ // Краткая терминологическая энциклопедия. URL: http://discourse.com.ua/data/uploads/books/sovremennyj-diskurs-i-diskurs-analiz-m-enciklopedija.pdf (дата обращения: 21.01.2023).

2. Желтухина М. Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3/4. С. 292–296.

3. Кожемякин Е. А. Медиакритика и дискурс-анализ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 18, вып. 7. С. 198–203.

УДК 811.111’33’374

Нина Борисовна Мечковская, д. филол. н.
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
эл. почта: nina.mechkovskaya@gmail.com

Nina Borisovna Mechkovskaya, Dr of Sc. (Philology)
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: nina.mechkovskaya@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС, ЧАСТОТНЫЕ И ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ НА БУМАГЕ И ОНЛАЙН: УРОКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Показаны инновационные черты толковых (одноязычных) онлайн-словарей издательств *Macmillan Education* и *HarperCollins*, основанные на достижениях корпусной лингвистики и частотной лексикографии. Рассмотрены факторы углубляющейся диверсификации толковых онлайн-словарей (избыточность и необозримость корпусных данных; трудности в демонстрации словообразовательных связей лексем; экранные и другие ограничения в онлайн-представлении и восприятии лексикографической информации).

Ключевые слова: Macmillan English Dictionary, Collins Online English Dictionary, облигаторные и факультативные разделы частотных словарей, высокочастотные слова как лексика словарных дефиниций, диверсификация онлайн-словарей.

NATIONAL CORPUS, FREQUENCY AND EXPLANATORY PRINTED AND ONLINE DICTIONARIES: INTERACTION EXPERIENCES

The innovative features of the explanatory (mono-lingual) online dictionaries of the Macmillan Education and HarperCollins publishing houses, based on the achievements of corpus linguistics and frequency lexicography, are shown. The factors of the deepening diversification of explanatory online dictionaries are considered (redundancy of corpus data; difficulties in demonstrating word-building connections of lexemes; screen and other restrictions in the online presentation and perception of lexicographic information).

Key words: Macmillan English Dictionary, Collins Online English Dictionary, obligatory and facultative sections of frequency dictionary, high-frequency words as vocabulary of dictionary definitions, diversification of online dictionaries.

1. Частотные словари, в особенности те из них, которые основаны на национальных корпусах и разработаны с использованием IT-технологий, выходят далеко за пределы обязательных для жанра частотного словаря двух разделов – ранжированного по частоте списка лемм и алфавитного списка лемм с указанием их частот. Леммы со своими *ipm*, оказываются включенными также в разделения, классы и подклассы, объединенные по разным признакам – по типам коммуницирования (устное vs письменное), по частям речи, стилям, прагматическому потенциалу слов, по "полям интересов" исследователей (interest boxes), как, напр., «Частота названий дней», «Частота цветообозначений» в словаре Дж. Лича и сотрудников (2001). Один из впечатляющих результатов раздельного ранжирования лексики устной и письменной речи (что обозначено уже в названии словаря Лича: Word Frequencies in Written and Spoken English): из 50 топ-слов письменной речи только 33 леммы совпадают с 50 топ-словами устной речи.

2. Достижения частотной лексикографии и интернетных технологий преобразили всемирно известные английские толковые словари *Collins Concise Dictionary* и *Macmillan English Dictionary* [далее сокращенно: Collins; MED]. В 100-тысячном алфавитном словнике MED красным цветом выделены первые по частоте 7.500 слов; в их составе словарь различает три группы слов с разной частотой: 1) первые по частоте 2.500 слов; 2) слова с частотными рангами в диапазоне от 2.501 до 5.000; 3) лексемы с рангом в диапазоне от 5.001 до 7.500. Так были найдены количественные корреляты лексикологическим метафорам типа "лексическое ядро языка", "периферия словаря", "основной словарный запас" и т.п. Самые частотные лексемы, выявленные в MED и Collins (соответственно 2.500 и 2.000), были использованы как закрытый набор семантических компонентов и с их помощью были построены дефиниции всех лексем (в своем словаре). Так лексикографы MED и Collins, реализуя давнее правило здравого смысла и логики – не определять неизвестное через неизвестное, – фактически провели семантический компо-нентный анализ лексики в невиданном прежде масштабе, попутно показав практическую полезность метода.

3. В словарной статье MED информация о слове подается ненумерованными блоками (или ярусами) с эскалацией содержания при переходе от одного блока к следующему. На некоторых продвинутых этапах на экранах, которые пользователь видит перейдя по очередной ссылке, появляется стандартная ссылка *THESAURUS*, ведущая на сайт словаря к информации корпуса, которая не входит собственно в словарь. Как сказано на сайте MED, «эти два ресурса [*Тезаурус* и Словарь], идут рука об руку, чтобы предоставить именно ту помощь, которая вам нужна». На сайте Collins эскалация лексикографических сведений на продвинутых этапах сопровождается ссылками на приложение *Trends* с данными своего корпуса. Таким образом, пользователи MED или Collins, обращаясь к информации словаря о конкретной лексеме, по мере углубления своего запроса, получают о слове информацию бóльшую, чем вмещает словарь, – информацию от Корпуса.

4. Современная толковая лексикография предстает как сосуществование ряда взаимно связанных лексикографических предприятий, у каждого из которых свои функции в общем деле: 1) национальный корпус для исследователей и преподавателей языков – это сырьевая база, содержащая множество словоупотреблений каждого слова; 2) частотный словарь определяет коммуникативную ценность разных слов; 3) онлайн 100-тысячный словарь – это ранжированная сырьевая база для бумажного толкового академического словаря объемом в 100 тысяч словарных статей и центр лингвистической культурно-образовательной платформы. Физически такой словарь возможен в двух формах существования: 1) как большая настольная книга; 2) как электронная копия настольного словаря, доступная пользователю не по отдельным словарным статьям, но постранично.

УДК 811.112.2'42
Любовь Аркадьевна Нефедова, д. филол. н.
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
эл. почта: la.nefedova@mpgu.su

Lyubov Arkadievna Nefedova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
e-mail: la.nefedova@mpgu.su

НОВЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ОБЩЕСТВЕ

В фокусе исследования находятся новые дискурсивные практики, реализующиеся в университетах немецкоязычных стран под влиянием общественных изменений в контексте вопроса о гендерной идентичности.

Ключевые слова: дискурсивные практики, новые идентичности, университетский дискурс, гендер, гендерно корректный язык, обращения

NEW DISCOURSE PRACTICES AS A RESULT OF THE CONSTRUCTION OF NEW IDENTITIES IN SOCIETY

The focus of the study is on new discursive practices implemented in universities in German-speaking countries under the influence of social changes in the context of the issue of gender identity.

Key words: discursive practices, new identities, university discourse, gender, gender correct language, appeals

В настоящее время мы имеем дело с новыми дискурсивными практиками, которые складываются под влиянием меняющейся социальной реальности [1, с. 229]. Это может быть продемонстрировано на примере университетского дискурса немецкоязычных стран, в котором зафиксирован новый феномен использования языка, а именно гендерно корректный, или гендерно справедливый, язык, реализующийся в немецкоязычной письменной речи с 2017 г. Его задачей является стремление учитывать гендерное многообразие, отражать гендерное равенство в языке.

Цель исследования заключалась в выявлении признаков гендерно корректного языка, применяемого в университетском дискурсе немецкоязычных стран. В качестве таких признаков рассматривались языковые маркеры гендерной инклюзии/ инклюзивности и гендерной нейтральности в лексике, отражающие гендерное многообразие современного общества и вербализирующие социально-политический концепт разнообразия. Данные явления нашли отражение, прежде всего, в новых формах обращений к преподавателям и студентам в университетской среде.

Материалом исследования послужили сайты, содержащие рекомендации по использованию гендерно корректного языка в вузах немецкоязычных стран: были рассмотрены действующие рекомендации в Венском (Австрия) и Гамбургском (Германия) университетах [2; 3]. Основным методом исследования стал описательный метод, включающий наблюдение, обобщение и интерпретацию. Оптимальным «углом наблюдения» послужил взгляд, фокусирующий внимание на таком параметре общения как типовые участники статусно-ориентированного дискурса.

Как показало исследование, участники университетского дискурса немецкоязычных стран общаются в настоящее время в соответствии с принципом гендерного многообразия, ориентируясь на современную концепцию разнообразия в контексте вопроса о гендерной идентичности. В общении исходят от того, что современные участники университетского дискурса гендерно многообразны.

Основным результатом исследования является вывод о том, что меняющаяся социальная реальность изменяет ценности в рамках дискурса, определяет ориентиры речевого поведения, обусловленные нормами культуры. В дискурсе выделяются определенные ценности, которые свойственны этому дискурсу, и они уточняются как нормы, предписания и рекомендации. Нормы в университетском дискурсе: уважение к преподавателю и к студенту; лингвистическая аксиология – необходимый компонент теории дискурса.

Кроме того, может быть сделан вывод о важности социолингвистического подхода к описанию дискурса, при котором на первый план выходят цели и участники дискурса, а фокус изучения перемещается с самого текста на коммуникативную ситуацию, акцентируются ее характеристики.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в поиске других оптимальных «углов наблюдения» для осмысления новых дискурсивных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.

2. Geschlechtergerechte Sprache an der Universität Hamburg. URL: https://www.uni-hamburg.de/gleichstellung/download/uhh-empfehlungen-kurversion.pdf (accessed: 10.01.2023).

3. Geschlechterinklusiver Sprachgebrauch in der Administration der Universität Wien: Leitlinie und Empfehlungen zur Umsetzung. URL:_https://gleichbehandlung.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_gleichbehandlung/Geschlechterinklusiver_Sprachgebrauch_in_der_Administration_der_Universitaet_Wien.pdf (accessed: 10.01.2023).

УДК 811.112.2’42:659
Мария Юрьевна Папченко, к. филол. н.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
эл. почта: m.papchenko@gmail.com

Maria Yurievna Papchenko, Cand. of Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: m.papchenko@gmail.com

Ирина Алексеевна Шипова, д. филол. н.
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
эл. почта: schipowa@mail.ru

Irina Alekseevna Shipova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
e-mail: schipowa@mail.ru

ИНСЦЕНИРОВАНИЕ КАК ПРИЕМ ОКАЗАНИЯ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Инсценирование в рекламном дискурсе строится через создание впечатления достоверности у целевой аудитории, что предполагает использование дискурсивных практик, имитирующих реальное общение с представителями всех социальных слоев общества.
Ключевые слова: рекламный дискурс, инсценирование, речевое воздействие, манипулирование, достоверность

STAGING AS A METHOD OF RENDERING SPEECH INFLUENCE IN ADVERTISING DISCOURSE

Staging in advertising discourse is built through creating an impression of authenticity among the target audience, which involves the use of discursive practices that simulate real communication with representatives of all social strata of society.
Key words: advertising discourse, staging, speech influence, manipulation, reliability

Любой текст, а вместе с ним и дискурс соответствующего типа возникает в процессе общения как один из его продуктов с определенной целью. Рекламный дискурс во всем его разнообразии предусматривает создание сообщений разного вида с целью инициировать у большого количества людей желание приобрести некий рекламируемый товар. При этом товар может быть представлен непосредственно его производителем, т. е. рекламодателем, и тогда, по мнению немецких исследователей, речь идет о внешнем коммуникативном уровне рекламы, которую называют «первичной коммуникацией».

Так выглядит реклама детского питания Bio Combiotik, которую предлагает Штефан Хипп, глава компании, производящей органическое питание для младенцев. Если товар представлен какой-то медийной фигурой, обывателем и даже вымышленным персонажем, она рассматривается как вторичная коммуникация, примером которой является известная реклама Люфтганзы, в которой пассажир с французским акцентом как бы сетует на немецкий порядок во всем со словами: “Diese Deutschen immer so genau” (Эти немцы,

у них всегда все точно). Оба эти вида должны решать свою главную задачу: усилить речевое воздействие на адресата и способствовать созданию положительного отношения к объекту рекламы.

Избыточность рекламных сообщений требует от адресанта все новых форм ее реализации, поиска креативных решений задач текущего момента.

Инсценирование как способ производства рекламных сообщений актуально в немецкоязычном рекламном дискурсе. Оно нацелено на создание впечатления непосредственного общения потребителей между собой, в котором идет обсуждение преимуществ рекламируемого товара. В круг участников бесед входят представители молодого поколения, включая детей и подростков, пожилые люди, звезды кино и телевидения, известные политики и т. п., что вызывает у адресата впечатление достоверности сказанного:

Инсценирование как вид вторичной коммуникации в рекламе реализуется за счет включения в нее элементов, свойственных спонтанной живой речи. В немецкоязычной аудиовизуальной рекламе люди говорят на диалектах, используют молодежный жаргон, компьютерный сленг и др. Когда возникают образы профессионалов – ученые разных направлений, врачи, мастера по ремонту чего-либо, выполняющие функцию экспертов по соответствующему вопросу, в их речи присутствуют научная, техническая терминология, слова на иностранных языках, добавляется цитирование с отсылкой к авторитетным источникам. Нередко используется формулировка со ссылкой на фонд общих знаний, например, «всем известно, что», «ученые установили», «по мнению большинства» и т. п.

Степень соответствия действительности инсценирования не обязательно велика, установить, когда участники вторичной коммуникации, выступая, высказывают свое мнение, а когда выполняют заказ рекламодателя, сложно. Как прием инсценирование балансирует на грани факта и иллюзии, истинности мнения и его манипулированием. Цель этого приема – добиться у адресата впечатления достоверности сказанного посредством оказания речевого воздействия.

УДК 81’42

Инна Михайловна Петрова, д. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: miinna@yandex.ru

Inna Mikhailovna Petrova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: miinna@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ КАРТА ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проанализирован термин «дискурсивное пространство», выявлена роль когнитивного моделирования для формирования данного пространства. Уточнено понятие когнитивная карта в контексте исследования профессиональной терминологии. Проведено сопоставление когнитивных карт профессиональной области юриспруденция и медицина.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, когнитивная карта, дискурсивное пространство, терминология, когнитивные исследования

COGNITIVE MAP OF DISCOURSE SPACE AS AN OBJECT OF RESEARCH

The term "discourse space" is analyzed, the role of cognitive modeling for the formation of this space is revealed. The concept of a cognitive map is clarified in the context of the study of professional terminology. A comparison of cognitive maps of the professional field of law and medicine was carried out.

Key words: cognitive modeling, cognitive map, discourse space, terminology, cognitive studies

Междисциплинарные исследования мышления 50-х годов XX века положили начало когнитивным исследованиям в лингвистике, которые, в свою очередь, активно развиваются в различных направлениях, начиная от изучения процессов языковой категоризации и концептуализации до использования метода когнитивного моделирования дискурсивных пространств. Понятие дискурсивного пространства позволяет исследовать дискурс в его динамическом аспекте – как многомерную структуру, проявляющую себя в разных своих измерениях [1].

Метод когнитивного моделирования широко применяется в современных дисциплинах, связанных с анализом и обработкой информации, а также в лингвистических исследованиях, где рассматриваются разные аспекты когнитивного моделирования, например, моделирование текстовых миров художественного пространства [2].

Важной составляющей данного метода является формализация, реализующаяся посредством использования, так называемых, когнитивных карт. Когнитивные карты позволяют визуализировать и проследить причинно-следственные отношения элементов сложной структуры. Дискурсивное пространство определенной профессиональной области можно рассматривать в контексте когнитивного моделирования через призму построения когнитивной карты данной области. Исследование дискурса определенной профессиональной сферы позволяет выделять ключевые элементы данного дискурсивного пространства и визуализировать их посредством вершин, которые соединяются между собой причинно-следственными отношениями. Такой подход дает возможность по-новому рассматривать терминологические системы, выявляя ранее не фиксированные связи или элементы. В перспективе применение данного подхода в процессе сопоставления терминологических систем разных языков служит основой для выявления специфики когнитивных пространств различных профессиональных сфер в разных лингвокультурах.

Цель предпринятого исследования – выявить особенности когнитивного пространства различных профессиональных сфер. Материалом исследования служат когнитивные карты, построенные на основе анализа дискурса различных профессиональных групп, в частности, юристов и медиков. Анализ собранного материала показал, что существует определенное различие между дискурсивными пространствами данных профессиональных групп, обусловленное разным моделированием профессиональной сферы.

Рассмотрение когнитивного пространства профессиональной области юриспруденция проводилось на анализе материалов Уголовного кодекса РФ (200 текстов законов, представленных на платформе «Консультант плюс».

В ходе исследования было выявлено 19 основных компонентов структуры и 6 связующих элементов. Построение когнитивной карты позволило выявить тенденцию к глобализации уголовного права в России и отразить связь между криминализацией новых видов преступной деятельности и новыми законами, появившимися в УК РФ.

Материалом исследования медицинского дискурсивного пространства выступали русскоязычные тексты законодательного характера (Федеральный закон №323, статьи 13, 55, 56, 47, 68, 45). Анализ данного материала позволил разработать когнитивную карту терминологической области биоэтики и выявить основные тенденции развития биомедицинской этики в законодательстве на материале законодательной базы Российской Федерации. Когнитивная карта включает 7 основных компонентов и 14 причинно-следственных элемента. С помощью когнитивной карты рассмотрено их влияние на общественность и то, как они отображаются в законодательстве Российской Федерации.

Сопоставительный анализ когнитивных карт двух профессиональных сфер показал наличие как общих, так и отличительных характеристик моделирования когнитивного пространства. Предложенный метод представляется перспективным в контексте исследования когнитивных основ профессионального моделирования среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Plotnikova S. N. Discourse Spaces: a Systemic Approach // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, № 1. P. 106–116. DOI 10.17516/1997-1370-0383.

2. Ogneva E. A., Stepanova L. I, Chikovani T. V. Modeling of text and discourse worlds // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8, № 1. P. 79–92. DOI 10.18413/2313-8912-2022-8-1-0-5.

УДК 811.112.2’42

Сергей Николаевич Погодин, д. ист. н.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: pogodin_sn@spbstu.ru

Pogodin Sergey Nikolaevich, Dr of Sc. (History)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
e-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

Наталья Анатольевна Каталкина, к. филол. н.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: katalkina_na@spbstu.ru

Katalkina Natalia Anatolyvna, Cand. of Sc. (Philology)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
e-mail: katalkina_na@spbstu.ru

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРОПАГАНДЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОГРАММЕ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»

В исследовании, проведенном в русле критического дискурс-анализа, определяются персуазивные тактики и языковые средства репрезентации позиции партии «Альтернатива для Германии» в отношении миграционной политики.

Ключевые слова: миграционная политика, «Альтернатива для Германии», персуазивность, персуазивные стратегии, персуазивные тактики, критический дискурс-анализ

PERSUASIVE POTENTIAL OF THE MIGRATION LANGUAGE POLICY IN THE PROGRAM OF THE POLITICAL PARTY «ALTERNATIVE FOR GERMANY»

The study, conducted in line with critical discourse analysis, defines persuasive tactics and linguistic means representing the position of the party «Alternative for Germany» in relation to migration policy.

Key words: migration policy, the Alternative for Germany, persuasion, persuasive strategies, persuasive tactics, critical discourse analysis

«Альтернатива для Германии» (АдГ) считается антимиграционной политической партией. Ее миграционная политика находится в противоречии с современными тенденциями развития немецкого общества и официальной линей правительства. Однако уже несколько лет АдГ является одной из ведущих политических сил ФРГ. Исследования показывают, что отношение граждан Германии к иммигрантам нестабильно и может меняться под влиянием агитационно-пропагандистской деятельности, проводимой различными общественно-политическими организациями и средствами массовой информации. В этой связи выявление персуазивных стратегий и тактик пропаганды миграционной политики различных партий представляет особый интерес.

Отправной точкой исследования служит тезис о том, что в ходе коммуникации адресант сознательно конструирует высказывание с целью повлиять на точку зрения реципиента и побудить его к совершению определенных действий. Таким образом, одним из свойств коммуникации является персуазивность, реализуемая за счет использования определенного набора стратегий и тактик.

В данной работе, проведенной в русле критического дискурс-анализа, определяются персуазивные тактики и языковые средства репрезентации позиции АдГ в отношении миграционной политики государства, зафиксированные в основной политической программе партии. Для реализации данной цели было проанализировано мнение АдГ о роли и месте Германии в международной миграционной политике; представление членов партии о наборе проблем, которые создают мигранты в Германии; оценка партией миграционной политики различных общественно-политических организаций и институтов Германии; предложения, выдвигаемые АдГ, по решению проблем, связанных с миграцией.

В результате исследования было установлено, что для обеспечения персуазивного эффекта в программе партии были использованы тактика

констатации проблемы, тактика дискредитации оппонента, тактика указания на способы решения проблемы, тактика использования национального стереотипа, тактика акцентирования негативной информации, тактика создания «круга чужих», тактика сравнения миграционной политики Германии и ведущих мировых держав, тактика опоры на общеевропейские демократические ценности, тактика призыва к переменам. Активное применение тактики акцентирования негативной информации и тактики дискредитации оппонента при полном отсутствии тактики квантификации заставляет сделать вывод об использовании в тексте программы манипулятивных техник. Часть текста программы АдГ, посвященная проблемам миграции, строится на антитезе, предполагающей противопоставление *deutsche Leitkultur* ‘немецкой ключевой культуры’ и различных проявлений чужеродных культур, обозначаемых термином *Parallelgesellschaften* ‘параллельные общества’. При этом четко прослеживается попытка внедрения в концепт «мигрант» таких элементов значения как несовместимость с нормами немецкого общества и необходимость противодействовать данному явлению. Другим важным персуазивным средством, применяемым в тексте программы партии, является использование лексических и грамматических интенсификаторов.

Перспективным направлением дальнейшего исследования данной темы могло бы стать изучение персуазивного потенциала языковых средств пропаганды миграционной политики различных партий Германии в диахроническом аспекте.

УДК 81’37

Алла Алексеевна Романовская, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: slavonic@mslu.by

Alla Alekseevna Romanovskaya, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: slavonic@mslu.by

КЛАССИЧЕСКИЕ АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Античные символы как образные языковые знаки непрямой номинации характеризуются двойной аксиологичностью. В современном художественном тексте выполняют функции смыслопорождения, передают универсальный мифологический смысл, а также стимулируют порождение вариативных окказиональных смыслов на основе образного понятия, репрезентируемого в содержании символа.

Ключевые слова: античный символ, мифологическое значение, первичная аксиологичность, вторичная аксиологичность

CLASSICAL ANCIENT SAMPLES IN MODERN FICTIONAL TEXT

Ancient symbols as figurative linguistic signs of indirect nomination are characterized by double axiology. In a modern fictional text they perform the functions of meaning generation, convey a universal mythological meaning and also stimulate the generation of variable occasional meanings based on the figurative concept represented in the content of the symbol.

Key words: ancient symbol, mythological significance, primary axiological semantics, secondary axiological semantics

Важную исследовательскую задачу для понимания мира, умения жить в гармонии с ним представляет установление роли и места древних образцов в познании, античных образцов, в виде которых осуществляется передача культурной традиции во времени. На основе классического эллинского текста путем метафорического переосмысления всего, что для древних было результатом познания и что нашло отражение в мифах и мифопоэтическом творчестве, возникает античный символ – особый языковой знак вторичной номинации, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего – наименования мифологической реалии.

Мифологическое значение символа представляет собой ментальную структуру, состоящую из определенным образом связанных смысловых элементов, которые актуализируются в мифе как «семантическое сообщение». Семантические сообщения отражают функции и качества актантов, закрепленные в мифемах – синтаксических единицах уровня предложения, которые структурируются словами с двойным значением (мифологическими тропами). Собственное (десигнативное) значение, выявляемое на основе мифологического текста, отражает первичную аксиологичность символа. Косвенное значение, в котором отражается вторичная аксиологичность символа, интерпретируется как его прагматическая функция, или прагматическое значение, которое выявляется в современном художественном тексте.

В языке литературного текста античный символ присутствует как элемент кода культуры, наделенный мифологическими значениями метафорического характера. Присутствие символа в текстах делает структуру последних многослойной, выводит в культурно-исторический контекст, что позволяет взглянуть на текст как на голограмму: в объемном представлении видятся его глубинные структуры. Как образный языковой знак непрямой номинации в современном тексте символ создает прагматическую ситуацию и требует не только понимания значения, но и интерпретации смысла. Античный символ, функционирующий в художественном тексте, способен сохранять свою мифопоэтическую семантику, а также стимулировать порождение новых смыслов, в чем заключается суть его семантико-прагматических функций как тропа: метафоры, сравнения, метонимии, олицетворения (персонификации судьбы, чувств, природы, природных стихий), вербально выраженной аллегории. Применение концепции оценочной семантики к анализу символа позволяет выявить аксиологический смысл, формирующийся на основе античного символа в языковом пространстве, которое образуется в результате взаимодействия элементов, отражающих, во-первых, объективную сторону действительности и, во-вторых, ценностные характеристики объективных свойств мира.

В современном художественном тексте античные символы выполняют функции смыслопорождения, передают универсальный мифологический смысл, а также архаический смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму языкового сознания, выступают свидетельствами ремифологизации – процесса воссоздания через символ архаических корней, свойственных мифологическому сознанию, с целью установления ценностно-смысловых ориентиров человеческого бытия, углубления и обогащения представлений об окружающем мире и месте человека в нем.

УДК 811.111’255.4
Ольга Аркадьевна Сулейманова, д. филол. н.
Московский городской университет, Москва, Россия
эл. почта: souleimanovaOA@mgpu.ru

Olga Arkadievna Suleimanova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: souleimanovaOA@mgpu.ru

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА И «КОНФЛИКТ» КУЛЬТУР: РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД

Проанализирована роль религиозно-культурных факторов в становлении национального русского и национального английского языков, выявлены связанные с ними потенциальные конфликты, определяющие перевод абстрактной лексики.
Ключевые слова: абстрактные отглагольные существительные, русско-английский перевод, религиозно-культурные факторы

RELIGIOUS AND CULTURAL REFLEXES IN NATIONAL LANGUAGES AND THEIR INTERVENTION INTO RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION

Religious and cultural background of the national Russian and English languages is analyzed. Potential discrepancies in treating abstract noun are uncovered; translation strategies are offered.
Key words: abstract deverbal nouns, Russian-to-English translation, religious and cultural background

Цель исследования состоит в анализе сложившихся в силу культурно-исторических условий русско- и англоязычных особенностей коммуникации, выявлении потенциальных зон конфликтов, связанных с различной ролью в них абстрактной отглагольной лексики, и выработке стратегий ее передачи в русско-английском переводе. Методологическую основу исследования составили работы по истории становления национального русского [1, с. 7] и английского [2; 3; 4] языка, определяемого влиянием различающихся религиозно-культурных традиций, в частности, ролью православной традиции, опирающейся на канон, как в сути службы, так и в выборе языковых средств, полностью на основе старославянского языка, отчетливо книжного (ср. у Г. В. Лудольфа: «Для русских знание славянского языка необходимо, так как не только священное писание и богослужебные книги у них существуют на славянском языке, но, не пользуясь ими, нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования» (цит. по [1, с. 5–6])), претерпевшей далее распад церковно-славянского, юго-западного и западноевропейского влияния и усиления в петровскую эпоху официально-правительственного влияния и политехнизации языка, далее дополненного отвлеченными терминами в эпоху становления демократической мысли в России [1, с. 392]. Одним из определяющих факторов своеобразия русского дискурса можно считать исторически и культурно обусловленное резкое разграничение устной и письменной форм

коммуникации, что отражено в частотности книжной абстрактной лексики, прежде всего абстрактных существительных.

В становлении норм национального английского языка сыграла роль протестантская традиция, опирающаяся на проповедь, свободную и в выборе темы, и в репертуаре языковых средств; «XVII век вообще был веком ярчайшего расцвета проповеди на английском языке, причем проповеди не только пуританской» [3, с. 21–22]. Благодаря влиянию церкви (где разговорный язык начинает занимать особое место: «оратору принадлежала почти мифическая роль» [3, с. 393]); ее роли в образовании, поскольку среди преподавателей в новых колледжах преобладали священники [2, с. 588], причем риторика оставалась основным предметом американских школ и колледжей (так, лекции по риторике шотландского священника переизданы в Америке 37 раз, и таким образом, британская система перенесена на американскую почву [1, с. 589]) и прочих факторов, «в наметившемся противостоянии печатного и устного слова решительно возобладал социальный статус последнего» [3, с. 18], что привело к тому, что и в основу литературы легла разговорная речь американцев [4, с. 392], «устная речь давно уже стала приобретать приоритетное влияние» [2, с. 584]. Особенность пуританской этики сказывается на «простой» манере проповедей, когда проповеднику возбранялось приводить цитаты на иностранных языках, проповедь должна быть доходчивой, а аргументы убедительными [3, с. 21].

Русские абстрактные отглагольные существительных в составе именной группы, будучи носителями вторичной предикативности, в переводе требуют разворачивания в полноценную предикативную структуру, однако в ряде случаев возникают системные особенности (они подробно будут рассмотрены в докладе). Приведем несколько примеров.

Параметрические существительные размера (*рост, падение*) претерпевают замену на прилагательные в форме сравнительной степени: *Ценовая политика в стране привела* ***к росту*** *цен на лекарства – higher prices*. Наличие указания на величину изменения (на 5 %) или общей оценки величины изменения (*резкий рост*) => при переводе сохраняется существительное: *dramatic decline, a 50 % drop*.

Выражения с отглагольными существительными, обозначающими качественные изменения: ***улучшение*** *жилищных условий – better living conditions*.

Перевод отглагольных существительных типа ***появление, возникновение*** в составе ИГ предполагает их передачу английскими прилагательными *new, further, another, emerging*. Возможно также опущение существительных группы *появление / возникновение: Этот подход позволяет предотвратить или предупредить* ***возникновение*** *возможных проблем с поставщиками – potential problems*. Перевод семантически «пустых» существительных, которые не несут релевантной информации, как правило, не воспроизводит их в языке перевода: ***Оказание давления*** *привело к печальным последствиям –* ***The pressure*** *lead to / resulted in / brought about dire consequences;* ***проведение*** *голосования по вопросу о налогах*.

В особых случаях, когда определяемое слово обозначает *время, причину и место / время проведения опроса*, структура разворачивается в полнопреди-

кативную: 1) если конструкция **не** занимает начальную позицию, она разворачивается в полноценное придаточное предложение времени, места или причины, которое вводится словами ***where, when, why,*** при этом само слово ***time, place, reason*** опускается: *Нам неизвестны* ***время и место проведения*** *…– We don't know* ***where and when it will take place***; 2) если конструкция находится в начале предложения, при переводе используется соответствующая структура ***the time when / the place where / the reason why: The reasons why*** *are not quite clear* ***vs.*** *We do not know* ***why*** *it happened*; 3) когда опорное слово не несет в себе семантической нагрузки, оно опускается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Учпедгиз, 1938. 448 с.

2. Бурстин Д. Американцы. Демократический опыт. М. : Прогресс, 1993. 832 с.

3. Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. М. : Прогресс, 1993. 479 с.

4. Бурстин Д. Американцы. Национальный опыт. М. : Прогресс, 1993. 624 с.

УДК 81'23

Ирина Владимировна Тивьяева, д. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: tivyaeva@yandex.ru

Irina Vladimirovna Tivyaeva, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: tivyaeva@yandex.ru

ПОЛИКОДОВЫЕ ГОРОДСКИЕ ТЕКСТЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕГАПОЛИСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье рассматриваются поликодовые тексты объявлений, информационных сообщений, вывесок, появившиеся в языковом ландшафте города Москвы в период пандемии COVID-19. Представлена типология поликодовых городских текстов на основе их функционально-прагматических характеристик. Проанализированы отношения между визуальным и вербальным компонентом рассматриваемых элементов языкового ландшафта мегаполиса.

Ключевые слова: городской текст, языковой ландшафт, поликодовость, дискурсивное пространство мегаполиса

POLYCODE CITY TEXTS IN DISCOURSE SPACE OF PANDEMIC-AFFECTED MEGALOPOLIS

The paper focuses on polycode texts of advertisements, public messages, and city signs that became part of Moscow's linguistic landscape during the period of the COVID-19 pandemic. The research offers a typology of polycode city texts based on their functional and pragmatic features and presents findings on relations between the visual and verbal components of pandemic-induced city texts.

Key words: city text, linguistic landscape, polycodedness, urban discourse space

В современных урбанистических исследованиях город выступает в качестве сложного культурно-коммуникативного пространства, в котором каждый объект городской среды рассматривается не только с точки зрения своего функционального предназначения, но видится погруженным в историко-культурный контекст, дискурсивное пространство города. При этом последнее функционирует в качестве информационно-коммуникационной системы, обеспечивающей обмен информацией между городом и его жителями. Поскольку значительная часть сообщений в рамках данной системы передается через вербальный канал, лингвистические исследования городской среды представляют перспективное направление исследований, позволяющих обогатить наши знания о принципах номинации городских объектов, реализации коммеморативных практик и т. д. (см. работы О. А. Сулеймановой, С. С. Аванесова, К. С. Кардановой-Бирюковой и др.).

Особое место в урбанистических исследованиях занимают вопросы формирования языкового ландшафта города, который чрезвычайно чувствителен к любым социальным и культурным изменениям городского пространства и динамично меняется под воздействием внешних и внутренних факторов. Так, изменения привычного жизненного уклада, затронувшие общество в период пандемии COVID-19, молниеносно нашли отражение в городских текстах. В настоящей работе ставится цель выявить прагматический потенциал текстов информационных сообщений и объявлений, появившихся в городском пространстве Москвы в период пандемии, а также рассмотреть принципы взаимодействия вербального и визуального компонентов.

Материалом исследования послужили более 500 текстов информационных сообщений и объявлений, передающих информацию, так или иначе связанную с пандемией коронавируса. Источником текстов послужило публичное пространство города Москвы, а именно, объекты городской инфраструктуры: больницы, школы, торговые центры, образовательные организации, предприятия общественного питания, транспорт. При обработке эмпирического материала применялись методы контент-анализа, прагматического и семиотического анализа.

Результаты аналитической обработки текстов, вошедших в выборку, позволили выделить четыре типа городских текстов эпохи пандемии: пояснительные, предписывающие, мотивирующие и гарантийные. При этом каждый из выделенных типов характеризуется определенными языковыми особенностями, отличающими его от других типов. Визуальные компоненты городского текста также демонстрируют регулярные паттерны взаимодействия с вербальным компонентом, при этом частотными знаками являются цветовые обозначения, иконические знаки и знаки-индексы. Изучение городских текстов о пандемии позволяет выявить потенциал дискурсивного пространства города для целей построения эффективной коммуникации в системе «город – жители».

УДК 811.112.2’37’42

Нэлла Аркадьевна Трофимова, д. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: nelart@mail.ru

Nella Arkadievna Trofimova, Dr of Sc. (Philology)
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: nelart@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Автор определяет специфику языкового кода влюбленных и рассматривает его ключевой элемент – формулу признания в любви. Результатом анализа является вывод о строгой регламентированности формулы и неизменности ее элементов.

Ключевые слова: любовный дискурс, признание в любви, языковой код, эмоции, речевой акт, экспрессивы

LANGUAGE FORMULA OF LOVE

The author defines the specifics of the language code of lovers and considers its key element – the formula for declaring love. The result of the analysis is the conclusion about the strict regulation of the formula and the invariance of its elements.

Key words: love discourse, declaration of love, language code, emotions, speech act, expressives

Тема и цель исследования. Исследование посвящено рассмотрению любовного дискурса и речевого акта признания в любви как его составной части. Целью исследования является определение языкового кода любовного дискурса, оперирующего специфическими вербальными знаками с особенными правилами их комбинации в диалоге.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили фрагменты прямой речи влюбленных из произведений современной беллетристики на немецком языке. Основными методами исследования являются контекстуальный анализ, структурно-семантический анализ.

Результаты исследования. Центральным элементом «прямой речи любви» является тривиальная формула с предикатом, выраженным глаголом *lieben ‘любить’,* который связывает субъект аффекта с его объектом – на первый взгляд, самая обычная субъектно-объектная глагольная структура. Но очевидно, что в любовном дискурсе элементы высказывания *ich liebe dich ‘я тебя люблю’* не могут быть заменены на другие, эта магическая формула повторяется влюбленными в ситуациях признания в любви в абсолютно неизменном виде: субъект и объект фразы не могут превратиться в «он» или «она», в противном случае высказывание перестает быть признанием в любви и превращается в декларацию некоторого «чужого» положения дел.

С точки зрения теории речевых актов высказывание *ich liebe dich* представляет собой экспрессив с имплицированной интенциональной частью и вербализованной пропозицией ([*ich gestehe/erkläre dir*], *ich liebe dich ‘[я признаюсь/заявляю тебе,] я тебя люблю’*): в нем констатируется некое эмоциональное внутреннее состояние. Вербализация скрытого перформатива *ich gestehe/erkläre dir* в ситуации признания в любви является своего рода спойлер-элементом, снижающим эмоциональный накал фразы, «разжижающим» ее семантику. Так же трансформируют фразу *ich liebe dich* контекстуальные деинтенсификаторы *sehr, so sehr, über alles, für immer ‘очень, очень сильно, больше всего, навсегда’,* названные М. Эпштейном словами-оборотнями [1,

с. 472]. Семантизируя высокую степень выраженности эмоции, эти слова тем не менее превращают самодостаточную семантическую структуру плотной, сконцентрированной на точном выражении чувств фразы в «рыхлую» попытку убедить собеседника в наличии декларируемых чувств.

Но интенсивность признания в любви все-таки можно увеличить – например, посредством кластерного повтора формулы, как в примере: *Barbara – ich – **ich liebe Sie, ich liebe Sie – ich liebe dich**, Barbara (Torwegge) 'Барбара – я – я люблю Вас, я люблю Вас – я люблю тебя, Барбара'*. Такой повтор представляет собой в некотором смысле эмоциональный взрыв в результате большой сосредоточенности на адресате любовной речи, в нем виден жест отчаянья влюбленного человека, решившегося после сомнений и большого смущения на любовное признание. Приведенное высказывание является, кроме того, примером повышения его воздействующей силы посредством прономинального перехода – использования местоимения *du* вместо местоимения *Sie*: «перехлест» эмоций приводит говорящего к потере социальной ориентации и ломает рамки строгого соблюдения норм вежливого общения. Такое построение фразы мгновенно меняет, интимизирует ситуацию общения, сокращает дистанцию между партнерами, сближает их. Перспективы исследования. Формульность «вербальной любви» не ограничивается названными элементами языкового кода влюбленных, поэтому его исследование должно быть продолжено рассмотрением ситуации, когда влюбленный убежден во взаимности чувства – тогда формула любви расширяется выражением желаний, обещаний, просьб, оценки партнера. Интересно рассмотреть, кроме того, метафорический код любви, открывающий путь к постижению ассоциативно-смыслового пространства этого ключевого концепта любовного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эпштейн М. Любовь. Вдохновляющее путешествие по многогранному миру любви. М. : РИПОЛ классик, 2018. 568 с.

УДК 811.111'22'255.2

Зинаида Андреевна Харитончик, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: zkharitonchik@mail.ru

Zinaida Andreevna Kharitonchik, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: zkharitonchik@mail.ru

О ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫХ СМЫСЛОВ

В докладе рассматриваются сложности семантического прочтения дериватов, в которых актуализируются не фиксируемые в лексикографических дефинициях их производящих баз многочисленные знания о репрезентируемых в языке классах сущностей.

Ключевые слова: композиционная семантика, (не)предсказуемость, актуализация, значение, семантический потенциал.

ON PREDICTABILITY OF UNPREDICTABLE SENSES

The paper is focused on difficulties of semantic reading of derivatives in which diverse knowledge of represented entities, not registered in their dictionary definitions, gets actualized.

Key words: compositional semantics, (un)predictability, actualization, meaning, semantic potential.

Камнем преткновения для композиционной семантики, ставящей своей целью прочтение комплексных выражений в тех или иных контекстах их употребления, являются не только фразеологические единицы, но и многочисленные свободные словосочетания, в которых актуализируются выбираемые говорящими под влиянием коммуникативных ситуаций и передаваемых интенций семантические составляющие огромной палитры знаний языкового коллектива о конкретном обозначаемом и в целом об окружающем мире. Не регистрируемые в словарных дефинициях соответствующих производящих баз (например, активно используемых в словообразовании наименований лиц по родству, должности, рангу; домашних и диких животных и т. д.), они тем не менее профилируются в контекстах производных от них слов, демонстрируя тем самым хранимый в концептуальных структурах богатый семантический потенциал лексики. Так, в следующих контекстах говорящие обращают внимание на специфику поведения птиц, их состояние и другие свойства, которые не входят в прототипическую формулу категории «птица», полагая, по-видимому, что их слушателям они хорошо известна: *Посудите сами, если Чарли не ангел, откуда у него эта* ***воробьиная походка***, ***птичьи*** *повороты головы*, ***голубиное*** *кокетство*. [Божественный Чарли // «Экран и сцена», 2004.05.06]; *я чувствовал*, *что его снова охватил великий* ***ястребиный*** *восторг*. [К. И. Чуковский. Дневник 1922-1935 (1923)]и др.

Конструируя свои высказывания, говорящие осуществляют выбор, в принципе непредсказуемый, того аспекта из имеющейся у них системы знаний и представлений о репрезентируемой языковой формой сущности, который соответствует их видению коммуникативной ситуации и наилучшим образом выражает передаваемый смысл. Таким образом, значение лексической единицы предстает лишь как актуализованная в коммуникативной ситуации некоторая составляющая динамичной по своей сущности когнитивной структуры, формирующейся в результате нашей жизнедеятельности, в противоположность семантическому потенциалу как общей совокупности знаний о поименованной сущности, превосходящему, как можно судить на основании языковых данных, по своему объему лексикографические и энциклопедические сведения, вместе взятые.

Следует, однако, подчеркнуть, что выбор некоторых сторон репрезентируемых сущностей осуществляется согласно принципам когнитивного прогнозирования, т. е. в соответствии с представлениями говорящего об объеме и типе знаний их собеседника(ов), о чем свидетельствуют контекстуальные дополнения и уточнения типа *Давай лучше отработаем* ***воробьиную*** *походку. Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю*. [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)]»; … *походка Любы* ***воробьиная***, *прыгающая*. [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)]. Данный аспект переводит непредсказуемые в плане избирательности смыслы в разряд предсказуемых, благодаря чему обеспечивается эффективность коммуникации.

УДК 811.111’28’37
Татьяна Александровна Ширяева, д. филол. н.
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия
эл. почта: shiryaevat@list.ru

Tatyana Alexandrovna Shiryaeva, Dr of Sc. (Philology)
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
эл. почта: shiryaevat@list.ru

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АФОРИЗМАХ: ОТ СЛОВА К ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Проанализированы лексико-семантические и дискурсивные особенности англоязычных афоризмов как способа выявления гендерных особенностей представителей Великобритании и США. Обосновывается, что одновременно дискурсивное и лексико-семантическое изучение афоризмов позволяет выявить стоящую за языковыми формами национально-специфичную действительность.
Ключевые слова: афоризм, лингвокультура, язык, гендер, лексика, вербализация, когниция

LINGUISTIC REFLECTION OF GENDER IN ENGLISH APHORISMS: FROM WORD TO LINGUOCULTURE

Semantic and discursive features of English aphorisms as a way to identify the gender characteristics of representatives of the UK and the USA are revealed. It is indicated that the simultaneous discursive and semantic study of aphorisms makes it possible to reveal the national-specific reality behind the linguistic forms.
Key words: aphorism, linguistic culture, language, gender, vocabulary, verbalization, cognition

Цель данной работы заключается в установлении и описании гендерных отличий в семантике американских и британских оценочных афоризмов в период с XVII по XXI вв. Материалом исследования послужили 700 оценочных афоризмов о мужчине и женщине, полученных методом репрезентативной выборки из англоязычных электронных источников афоризмов, дифференцированных по тематике. Исследованный афоризмы принадлежат авторам периода XVII–XX вв., а также известным деятелям XX–XXI вв.

Как системные характеристики языка, так и специфика его функционирования могут быть проанализированы с позиций гендерной принадлежности, что предполагает применение широкого набора методов анализа. Для решения поставленных задач были использованы семантический, синтаксический, контекстуальный, концептуальный, гендерный, лингвокультурологический, количественный методы лингвистического анализа.

Гендер в работе понимается как система процессов и отношений, которая отражает взаимозависимость и взаимосвязь биологического пола человека с его психическими особенностями и поведением, социальным статусом и культурной идентичностью в языке и речи индивидов, «идентифицирующих себя в качестве представителей мужского или женского пола и испытывающих определенное давление языковых структур, выражающих коллективные воззрения на гендерный концепт» [1, с. 108].

В данном исследовании в центре внимания находится англоязычный афоризм, рассматриваемый как краткое и лаконичное изречение, которое выражает глубокую мысль автора и характеризуется общезначимостью, оригинальностью, стилистической экспрессивностью и обязательным наличием оценочного компонента.

С помощью приемов концептуального анализа были проанализированы афоризмы с точки зрения их предметно-логической информации, выделены основные концепты, закодированные в оценочных афоризмах, объектами которых являются мужчина и женщина в разных аспектах человеческой деятельности, что позволило определить лингвокультурные образы мужчины и женщины разных эпох.

Проанализировав тематику американских и британских оценочных афоризмов, были сделаны выводы, что объектом оценки англоязычных афоризмов могут быть не только положение женщины или мужчины в разных аспектах социальной жизни, но и их характерные черты: красота, ум, особенности натуры, духовная и физическая сила. Исходя из данных исследования, можно сказать, что чаще всего мужчина и женщина становятся объектами оценки в афоризмах о браке, о дружбе, о любви.

Были также описаны лингвокультурные образы мужчины и женщины в британском и американском вариантах английского языка. Установлен общий британский и американский женский образ XVIII в. «женщина-вещь», схожий образ XIX в. – «красивая женщина», XX–XXI вв. – «коварная женщина», «умная женщина», а также общий мужской образ XX–XXI вв. «сильный мужчина».

Использование в работе синтаксического анализа позволило охарактеризовать оценочные сентенции с позиции их структуры. Структурно американские афоризмы XXI в. выступают абзацем, состоящим из двух и более предложений, чаще, чем британские сентенции того же периода. Британские сентенции XVII–XX вв., так же как и американские, в большинстве случаев имеют форму простого распространенного предложения и сложного предложения с разными видами связи.

В результате проведенного исследования, выполненного в русле когнитивно-культурологического подхода, был составлен концептуальный портрет женщины и мужчины на материале английского языка (BE и AE в сопоставлении).

Проведенное исследование носит промежуточный характер и будет продолжено посредством изучения гендерных аспектов других уровней британского и американского вариантов английского языка, что будет способствовать получению более верифицируемой и комплексной методики изучения культурных концептов мужественности и женственности и гендерного концепта в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хакимова Г. Ш. Гендерный фактор в английских паремиях в сопоставлении с русскими : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 ; 10.02.20. Уфа, 2003. 248 л.

УДК 81’42
Ирина Александровна Щирова, д. филол. н.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: schirova@yandex.ru

Irina Alexandrovna Schirova, Dr of Sc. (Philology)
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
e-mail: mail@herzen.spb.ru

УСЛЫШАТЬ ДРУГОГО: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА СКВОЗЬ ПОНЯТИЙНУЮ СЕТЬ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Описание феномена интерпретации включено в контекст парадигмальных установок антропоориентированной лингвистики и детализировано на примере художественного текста. Обоснован действенный характер интерпретации как диалога коммуницирующих сознаний и креативных субъектов, принадлежащих конкретному социокультурному контексту.
Ключевые слова: парадигма, интерпретация, художественный текст, коммуницирующие сознания, диалог, автор и соавтор, социокультурная контекстуализация

HEARING THE OTHER: INTERPRETING A FICTIONAL TEXT THROUGH THE CONCEPTUAL NETWORK OF MODERN SCIENCE

The description of specific nature of interpretation is included in the context of the human-oriented paradigm of linguistics and applied in details to a fictional text. Interpretation is treated as a dialogue of communicating consciousnesses and creative subjects.
Key words: paradigm, interpretation, fictional text, communicating consciousnesses, dialogue, author and co-author, fictional model, socio-cultural contextualization

Интерпретация (истолкование, объяснение) художественного текста имеет сложную природу и долгую историю. Многообразие подходов к интерпретации реализуется в идеях научных сообществ, различных, а зачастую и противоположных по своим понятийно-методологическим ориентирам. Адекватное исследование интерпретации как объекта научного анализа, таким образом, предполагает его обязательную контекстуализацию – оценку на фоне знания, существующего в науке на конкретном этапе социально-исторического развития. Совокупность доминирующих в это время теоретических, методологических и ценностных установок – «образцов решения» научных проблем, формирует «понятийную сеть», сквозь которую рассматриваются научные объекты (фразеология Т. Куна). Например, идея самодостаточного текста, постулируемая структурной парадигмой, по своей концептуально-методологической направленности была противоположна современному пониманию текста как «антропомерного образования». Если структуралисты гипертрофировали структурное начало текста и настаивали на его способности к внутреннему смыслопорождению, что означало игнорирование коммуникантов и их внутренних миров, то антропомерные научные подходы позволяют увидеть в интерпретации диалог коммуницирующих сознаний, активную когнитивную деятельность креативных субъектов, один из которых находится в статусе творца, а другой – со-творца. Поскольку любое «Я», будь то «Я» автора, читателя или квазисубъекта-персонажа, способно идентифицировать себя лишь в диалоге с Другим, изучение понятий, реализующих фундаментальную оппозицию «Я-Другой» (самость,

другость, чужесть, инакость, идентичность и пр.), обретает для современного видения интерпретации особую важность.

Интерпретирующий характер антропоцентрической науки усиливает традиционный интерес к интерпретации как к фундаментальному методу познания, – ведь от ее успешности зависит выживание человека, гармония его внутреннего мира и взаимоотношений с Другим. Интерпретация трактуется сегодня как когнитивная деятельность, результат когнитивных процессов «высшего порядка» (мышления и речи) и перцептуального, сенсомоторного опыта, полученного в «актах простого соприкосновения с миром» [1, с. 81]. В процессе освоения реальности и ее художественных аналогов в сознании литературных коммуникантов на протяжении жизни формируется совокупность знаний о мире, многообразии его образов и «картин», инвентаре объективирующих образы вербальных и невербальных средств. Полнота и адекватность интерпретации зависят от степени совпадения картин мира литературных коммуникантов, близости объемов и схожести содержания их знаний, опыта и системы ценностей. На успешность интерпретации как «голоса» в диалоге влияет и умение интерпретатора адекватно оценить свое участие в беседе с Другим (автором), услышать голос Другого, воспитав в себе необходимую для этого культуру чувств.

Художественный текст представляет собой индивидуально-авторский вариант мировидения и мирооценки, объективированный языковой данностью текста. Исходя из своих представлений о читателе, автор адресует ему текст как смысловую цельность, иерархию ценностных смыслов, верхнюю ступень которой занимает глубинный смысл – авторский посыл. Авторская интенция реализуется в рамках заданной интерпретационной программы и, в конечном итоге, сводится к желанию убедить читателя в правомерности авторского мировидения. Воздействуя на когнитивную систему читателя, автор, на примере художественной ситуации, влияет на систему ценностей и жизненных приоритетов читателя, т.е. уменьшает степень его «чужести». Действенный характер интерпретации при этом не подразумевает пассивного восприятия авторского мнения, а, напротив, акцентирует его активное освоение воспринимающим сознанием, наполнение «чужой», опредмеченной в слове мысли, – «своими», индивидуально-личностными смыслами. Диалог смысловых позиций автора и читателя как когнитивных, коммуникативных и креативных субъектов формирует концептуальную основу коммуникативной природы искусства и определяет многообразие взаимосвязей текстовых смыслов, порождаемых и актуализируемых в сотворческой деятельности.

Сложность интерпретации, интерпретируемого текста и интерпретирующего текст человека, принадлежность коммуникантов меняющемуся социокультурному контексту, интерпретирующий характер и аксиологизация современного познания предопределяют многочисленность и неоднозначность решений, нацеленных на осмысление проблем интерпретации, и прогнозируют важность разработки ее исследовательского поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Когниция // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. С. 81–84.

Секция 1
Концептуализация и категоризация мира. Семантико-прагматический потенциал языковых единиц различного уровня

Подсекция 1А

УДК 81’37
Екатерина Сергеевна Астапкина, к. филол. н.
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
эл. почта: astapkina.ekaterina@gmail.com

Ekaterina Sergeevna Astapkina, Cand. of Sc. (Philology)
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: astapkina.ekaterina@gmail.com

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОСЯЗАТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Проанализирована система производных значений прилагательных осязательного восприятия русского, белорусского, английского и немецкого языков. Выявлены специфичные модели семантической деривации, отражающие национально-языковую специфику.

Ключевые слова: осязательное прилагательное, модель семантической деривации, специфичность переноса, область-цель

SPECIFICITY OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF TACTILE PERCEPTION ADJECTIVES

The system of derivative meanings of adjectives of tactile perception in Russian, Belarusian, English and German has been analyzed. Specific models of semantic derivation reflecting national-linguistic specificity are revealed.

Key words: tactile adjective, semantic derivation model, transfer specificity, target domain

Перцептивная признаковая лексика, обозначающая конкретные признаки, является источником пополнения словаря единицами с абстрактной семантикой, что становится возможным благодаря семантическому варьированию. Немало работ посвящено изучению регулярных моделей семантической деривации в различных классах слов – это позволяет установить связь отдельных подсистем в семантической системе языка. При проведении сопоставительных исследований интерес представляет не только и не столько регулярная полисемия, свидетельствующая о моделируемом характере семантических процессов и схожести категоризации окружающей действительности носителями разных языков, как специфические модели семантической деривации, свойственные сопоставляемым языкам, которые позволяют говорить о национально-языковой специфике.

Исследование закономерностей семантической деривации в лексико-грамматической группе осязательных прилагательных русского, белорусского, английского и немецкого языков было проведено на материале 429 лексем,

отобранных методом сплошной выборки из толковых словарей. Осязательные прилагательные передают значения ‘горячий’/‘холодный’, ‘сухой’/‘мокрый’, ‘качество поверхности’, ‘твердый’/‘мягкий’. Изучение семантической организации адъективов фактического корпуса позволил определить как специфические сферы переноса, так и уникальные модели семантической деривации.

Так, в результате анализа вторичных значений температурных адъективов выделен следующий, характерный только для рассматриваемых германских языков, семантический перенос в область-цель ‘оценка’, например, нем. *ein heißes Buch* ‘интересная книга’. Данный перенос представлен четырьмя моделями семантической деривации, а именно ‘теплый’ → ‘приятный для восприятия органами чувств’ (англ. *mild*; нем. *lind*), ‘горячий’ → ‘успешный, способный’ (англ. *hot, red-hot*; нем. *heiß*), ‘горячий’, ‘прохладный’ → ‘интересный’ (англ. *cool*, *hot, red-hot*; нем. *heiß*), ‘горячий’, ‘прохладный’ → ‘модный, красивый’ (англ. *cool*; нем. *heiß*) для немецкого и английского языков. При этом для английского языка отмечены следующие модели деривации: ‘горячий’ → ‘популярный’ (англ. *hot*), ‘холодный’ → ‘отвратительный’ (англ. *perishing*), ‘прохладный’ → ‘одобрительный’ (англ. *cool*), ‘прохладный’ → ‘согласный’ (англ. *cool*).

При анализе семантического переноса в область-цель ‘интенсивность’ наряду с общими моделями развития значений выделены специфические: ‘теплый’ → ‘слабый’ (лекарство) (англ. *mild*), ‘теплый’ → ‘легкий, несерьезный’ (болезнь, ситуация) (англ. *mild*, нем. *lau*).

Для русского и белорусского языков специфическими являются регулярные интрамодальные переносы – изменения прямого значения прилагательного для обозначения другого признака той же модальности: а) ‘сухой’/‘мокрый’ → ‘другой осязательный признак’ (рус. *влажный*, *мокрый*, *потный*, *запотелый*, *сухой*; бел. *запацелы*, *мокры*, *потны*, *прамоклы*, *сухі*, *спацелы*, *чэрствы*); б) ‘качество поверхности’ → ‘другой осязательный признак’ (рус. *липкий, скользкий*; бел. *ліпкі*, *слізкі шорсткі*, *шурпаты*); в) ‘твердый’ → ‘другой осязательный признак’ (рус. *упругий*, *эластичный*, *твердый*, *жесткий*, *застывший*, *мёрзлый*; бел. *тупкі*, *цвёрды*, *цупкі*, *пругкі*, *мяккі*, *пухкі*, *пухлы*, *пруткі*, *счарсцвелы*, *чэрствы замёрзлы*, *застылы*, *акамянелы*, *цвёрды*, *адмоклы*, *замёрзлы*, *засохлы*, *усохлы*).

Отличительной чертой анализируемых лексем английского и немецкого языков является использование признака ‘сухой’ для характеристики чувства юмора: ‘сухой’ → ‘чувство юмора’ (нем. *einen trockenen Humor haben* досл. ‘иметь сухое чувство юмора’), а также признака ‘твердый’ для обозначения признака ‘трудный’ (англ. *hard exam* ‘тяжелый экзамен’).

Следует отметить, что в результате анализа фактического материала были выделены не только специфичные модели деривации, но также и обусловленность определенных целевых областей переноса исходным осязательным признаком. Конкретный признак – в силу свойственных только в ситуации его восприятия ассоциаций – используется для описания явлений определенных целевых областей. Ярче всего это проявляется в следующих переносах: ‘твердый’/‘мягкий’ → ‘устойчивость’ (нем. *feste Überzeugung* ‘твердое убежде-

ние’), ‘мокрый’, ‘качество поверхности’ → ‘незавершенность’ (бел. *сырая паэмка*), ‘гладкий’ → ‘легкость выполнения определенных действий’ (нем. *die die Arbeit geht glatt vonstatten* ‘дело продвигается гладко’).

УДК 811.111’373

Елена Владимировна Богоявленская, к. филол. н.
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
эл. почта: helen.bog58@mail.ru

Elena Vladimirovna Bogoyavlenskaya, Cand. of Sc. (Philology)
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
e-mail: helen.bog58@mail.ru

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ И ИХ СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В работе рассматривается роль гендерного компонента в формировании семантико-прагматического потенциала фразеологических синонимов. Изменение гендерной референции приводит к увеличению семантико-прагматического потенциала идиомы.

Ключевые слова: фразеологические синонимы, коннотация, гендерный компонент, мотивационный компонент, образная подоснова, внутренняя форма

GENDER MARKED PHRASEOLOGICAL SYNONYMS AND THEIR SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL

The paper analyses the role of gender component in the formation of semantic and pragmatic potential of phraseological synonyms. The modification of gender reference boosts the semantic and pragmatic potential of idioms.

Key words: phraseological synonym, gender component, motivational component, image forming base, inner form

Благодаря высокому удельному весу коннотации в их семантической структуре, фразеологизмы обогащают коммуникацию в эмотивно-экспрессивном плане. Коннотативный аспект фразеологического значения является сосредоточением прагматической информации. Фразеологические синонимы – члены фразеосинонимического ряда, имеют различный семантико-прагматический потенциал, что предполагает выбор единицы с учетом целевой установки говорящего. Наиважнейшую роль в разграничении фразеологических синонимов играет мотивационный компонент. Мотивационный компонент коннотативного аспекта фразеологического значения – это ключевой компонент семантической структуры фразеологизма, определяющий существование фразеосинонимических рядов. Образность фразеологизмов мотивируется внутренней формой, основанной на деривационных связях фразеологического значения с значением прототипа. Внутренняя форма фразеологизма участвует в создании его экспрессивности, влияет на функционально-стилистическую окраску значения, участвует в формировании эмотивно-оценочного компонента

значения и создании гендерных смыслов. Наличие живой внутренней формы в семантической структуре фразеологизма способствует увеличению его семантико-прагматического потенциала. Анализ словарных толкований семантики фразеологических синонимов показывает, что нередко изначально гендерно маркированные идиомы становятся гендерно нейтральными. Расширение гендерной референции происходит, если, например, образная подоснова фразеологизма может ассоциироваться с идеями неравенства и неравноправия полов. Так, выражение *one's better half* первоначально относилось к лицу женского пола. В Англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина есть указание на то, что идиома *one's better half* имеет значение 'дражайшая половина, жена'. В наше время данная идиома не только приобретает интергендерную референцию, но и получает дополнительные коннотации: «the idiom *my better half* means that this person is the superior of the two. It is used in a joking fashion these days». Таким образом, данная идиома приобретает шутливую окраску, что позволяет нейтрализовать идею неравенства, лежащую в ее основе. Следует отметить, что некоторые фразеологические синонимы со значением 'жена/возлюбленная' сохранили свою гендерную маркированность, так как в данных фразеологизмах гендерно маркирован план выражения, в самой структуре идиом имеется компонент, обозначающий лицо женского пола. Это, например, фразеологические синонимы *one's old woman* и *her indoors*. Значение фразеологизма *one's old woman* определяется как «an informal term for wife or girlfriend» и часто переводится как 'моя старуха, моя старушка'. Интересно, что значение данной идиомы может расширить свою гендерную отнесенность на лицо мужского пола, приобретая отрицательную оценочность. В этом случае *old woman* будет обозначать робкого, суетливого, неуверенного в себе мужчину «(derogatory) a fussy or timid person (typically used of a man)». Сравним с русской компаративной идиомой, употребляемой по отношению к мужчине – *вести себя как баба*. Фразеологический синоним *her/er indoors* имеет гендерный маркер *her* в своей структуре. Данная идиома нередко переводится как 'женушка, жена'. Внутренняя форма идиомы указывает на традиционное социально-культурное отношение к стереотипному образу 'женщина': социальная роль женщины сводилась к домохозяйству. Любопытно, что существует сленговая идиома *him indoors*, значение которой определяется как «husband, partner, refers to the modern reversal of the expression *her indoors*, where the wife or partner is the breadwinner and the man is the house husband». Таким образом, замена личного местоимения *her* на личное местоимение *him* в данной идиоме влечет за собой изменение гендерной референции, стереотипного образа и появлению дополнительных коннотаций. В отличие от нейтральной и довольно старомодной идиомы *her indoors* (пик популярности данной идиомы пришелся на конец XX века, когда вышел британский комедийный телесериал "Minder"), идиома *him indoors* относится к сленгу кокни и имеет ярко выраженную эмотивную оценочность. Таким образом, расширение гендерной референции идиом приводит к появлению дополнительных коннотаций в их значении и, следовательно, к увеличению семантико- прагматического потенциала идиомы.

УДК 81’373.6
Евгения Викторовна Бирюкова, д. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: Evb1303@rambler.ru

Evgenia Viktorovna Biryukova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
e-mail: Evb1303@rambler.ru

Валентина Александровна Собянина, д. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: valensob@mail.ru

Valentina Alexandrovna Sobyanina, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
e-mail: valensob@mail.ru

Лариса Георгиевна Попова, д. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: larageorg5@gmail.com

Larisa Georgievna Popova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
e-mail: larageorg5@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СЛОВ КАК ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВ

В данной статье предлагается возможность реконструкции родственных языков, исходя из культурной памяти слов.
Ключевые слова: культура, язык, память, реконструкция, метод

CULTURAL MEMORY OF WORDS AS ONE OF THE POSSIBILITIES OF LANGUAGE RECONSTRUCTION

This article proposes the possibility of reconstructing related languages based on the cultural memory of words.
Key words: culture, language, memory, reconstruction, method

Культура и язык, а также культурная память существуют в неразрывной связи друг с другом. И как справедливо отмечает В. В. Красных, человек является неотъемлемой составляющей этого сложного единства. Культура транслируется из поколения в поколение. Одним из каналов ее передачи является язык. О неразрывной связи культуры и языка высказывался и Э. Сепир, считая, что содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка и что содержание языка неразрывно связано с культурой. Культура способна транслироваться как синхронно (между современниками «горизонтальная» трансляция), так и диахронно (по цепочке поколений, когда

общение дистанцировано во времени даже с позиций исторической перспективы; «вертикальная» трансляция) [1].

Исследование и установление культурной памяти играют важную роль для сохранения, как культуры этноса, так и национальной культуры государства в целом. С помощью языка передаются опыт, традиции, нормы и ценности культуры народа, что является значимым для последующих поколений, так и представляет исследовательский интерес при знакомстве с другой культурой [2].

Методика установления культурной памяти слов еще только разрабатывается в современном языковедении. И в рамках данной работы можно предложить свою методику, которая позволит не только установить культурную память в диахронии, опираясь на этимологию слов, но и предоставить возможность поразмышлять и сделать соответствующие выводы о реконструкции языков.

Поэтому обратимся к семантическому анализу одной номинации самого древнего лексического слоя языков, связанным с рыболовством, в сопоставительном аспекте, выбрав для этого родственные языки, относящиеся к одной индоевропейской семье: русский, немецкий, французский, латинский и армянский язык. Все эти языки относятся к разным языковым группам. Выберем номинацию *удочка*.

В русском языке слово *удочка* обладает следующей этимологической характеристикой: удочка – «искон. уменьшит.-ласкат. суф. производное от *удка*, суф. образования от *уда*, того же корня, что *удила*». *Уда* объясняют как переоформление индоевроп. производного из *an «у, при» и *dhe- «делать». В таком случае *уда*, *уд* буквально – «то, что прилажено» (Этимологический словарь Н. М. Шанского). Этимологический словарь Макса Фасмера: *уда удá*. Из др.-вост.-слав. *o̧da. Обычно объясняется из приставки *an- или *on- и к. *dhē-, то есть приставка, ‘то, что приложено’. Иначе характеризует слав. слово Мейе (Ét. 320), который считает исходным *onkda и сравнивает его с др.-инд. aŋkás ‘крюк’. В немецком языке это слова *der Angel, die Rute*. Слово *der Angel* обладает такой этимологической характеристикой: «зафиксировано в 9 веке для обозначения удочки с леской и крючком для рыбалки, номинирует острие, шип». Другое слово *die Rute* этимологически трактуется так: «в древневерхненемецком имело вид *ruota* и обозначало длинную тонкую палку, прутик, урожай (8 век)». Во французском языке удочка *la ligne*. С 12 века оно пришло из латинского *linea* как линия и шнур. Латинский *hamulus*. Крючок, *hamus* – удильный крючок, удочка. В армянском языке удочка – это ձկնորսական կարթ (‘dzknorsakan kart’), которое можно рассматривать и как рыболовный крючок.

Сравнение значений и этимологических характеристик упомянутых слов позволяет сделать вывод о правильной трактовке Антуана Мейе, который предложил вариант существовавшего в индоевропейском праязыке слова *onkda*, обозначающего крючок. Предложенный в работе метод, вне всяких сомнений, является одним из вариантов реконструкции языков. Авторы метода вполне положительно и с благодарностью отнесутся к критическим замечаниям коллег по этому поводу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. С. 67–73.

2. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу : коллектив. моногр. / отв. ред.: Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. М. : ВКН, 2021. 328 с.

УДК 811.111’37

Елена Игоревна Будникова, к. филол. наук
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл.почта: geronimo1981@mail.ru

Alyona Igorevna Budnikova, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: geronimo1981@mail.ru

ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЛЕВАНТНОГО ЗНАНИЯ В ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В статье апробируется методика выявления типов релевантных семантических признаков значений наименований одной предметной области (наименований веществ английского языка) с опорой на деривационные данные.

Ключевые слова: релевантность, структура лексического значения, деривация, метонимия

RELEVANT KNOWLEDGE ACTUALIZED IN DERIVATIONAL PROCESSES

The article describes a case study of some English substance terms, which is aimed at revealing relevant semantic features in word meanings actualized in derivational processes.

Key words: relevance, lexical meaning structure, derivation, metonymy

Понимание лексического значения как динамической (вариативной, вероятностной) структуры исходит из необходимости наличия в этой структуре некоторых ядерных, релевантных признаков, обеспечивающих «стабильность семиотической связи (ассоциации) между словом и обозначаемой им концептуальной сферой» [1]. При этом вопрос о том, какие же характеристики денотатов являются релевантными и, соответственно, какое именно знание передается в значениях классификаторов словарных дефиниций имен, является далеко не тривиальным, особенно для наименований естественных родов. Например, исходя из разных дефиниций слова *sand* ‘песок’, категориальная отнесенность его денотата может быть разной – вещества (substance), материалы (material), остатки или осколки (debris), гранулы (grains). Однако, какие именно характеристики имплицирует принадлежность денотата к некоторому классу или классам? Является ли это релевантное знание наследуемым от гиперонимов единицы?

Для ответов на поставленные вопросы мы обратились к анализу значений производных единиц, которые формируются по метонимической модели или с опорой на классообразующие компоненты исходного значения

[2]. Исследование, проведенное на материале единицы *sand* ‘песок’ и ее гиперонимов разного порядка (*soil* ‘почва’, *earth* ‘земля’, *material* ‘материал’, *substance* ‘вещество’, *matter* ‘материя’, *entity* ‘сущность’), позволило эксплицировать типы релевантных признаков в структуре ее значения и проследить, в каком объеме релевантное знание является наследуемым от гиперонимов.

Типы релевантных семантических признаков в значении слова *sand* и его гиперонимов

Релевантные семантические признаки, эксплицированные в деривации	sand	soil	earth	material	substance	matter	entity
содержимое / свойство наполнять ч.-л.							
покрытие / свойство покрывать ч.-л.							
поверхность / свойство быть поверхностью ч.-л.							
контейнер / свойство вмещать в себя ч.-л.							
Гранулированность							
негативное для человека действие							
позитивное для человека действие							
негативная утилитарная оценка							
Резистентность							
свойство не являться содержимым							

Исходя из полученных данных, своего рода концептуальный стержень класса веществ составляет признак «содержимое», наследуемый видовыми наименованиями от гиперонимов высокого порядка. Ср. его реализацию в значениях *sandy1* ‘песчаный, песочный; **содержащий** или покрытый песком’, *sandless* ‘не **имеющий** песка’, *soil-based* ‘**состоящий** из почвы’, *earthy* ‘земляной; имеющий отношение или **состоящий** из земли’, *substantial* ‘сущностный; **состоящий** из или относящийся к субстанции’.

Наименования веществ низших уровней гиперо-гипонимической иерархии эксплицируют в деривации и иные релевантные признаки, например, «покрытие» (*sandpaper* ‘наждачная бумага’, *earth house* ‘землянка; жилище, построенное в земле или покрытое землей’ и др.), «поверхность» (*sand tyres* ‘шины для езды по песку’, *soil drain* ‘почвенный дренаж’, *earth table* ‘цоколь; кладка камней в здании сразу над землей’ и др.), «контейнер» (*sand eel* ‘песчаный угорь’, *soilborne* ‘переносимый в почве’, *earth nut* ‘земляной орех’, *earth apple* ‘картофель’ и др.), «негативное для человека действие» (*sand abrasion* ‘песчаная эрозия’, *soil creep* ‘ползучесть почвы’ и др.), «позитивное для человека действие» (*earth closet* ‘засыпная уборная’), «негативная утилитарная оценка» (*soil conditioner* ‘почвоулучшитель’) и др. Эти типы знания различаются своей востребованностью как на уровне класса, так и в структуре отдельных лексических значений. Выводы работы требуют своего уточнения на более широком материале, что является перспективой дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kharitonchik Z. A. Lexical meaning as a dynamic entity of variant semantic components. Probleme Actuale de Lingvistică, Glotodidactică şi Ştinţă Literară. 2009. Vol. IV, Partea I. P. 113–121.

2. Будникова Е. И. Релевантность и салиентность компонентов значения слова в зеркале деривационных процессов: к методологии исследования. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Выпуск 3 (871).

УДК 81'366.58
Павел Валерьевич Гибкий, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: pavel.gibkiy@bk.ru

Pavel Valerevich Gibkij, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: pavel.gibkiy@bk.ru

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ 年 ('ГОД') В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОГО КОРРЕЛЯТА *ГОД*

Рассмотрена семантика лексической единицы *年* ('год') в китайском языке и ее русского коррелята *год*. Несмотря на то, что обе лексические единицы могут обозначать единицу летосчисления, период времени и возраст, значения, 'новый год, новогодний', 'урожайный год, урожай', 'эпоха, эра; век' и 'класс, курс', передаваемые лексической единицей 年, не характерны для слова *год*.

Ключевые слова: китайский язык, время, лексические единицы, семантика, многозначность

SEMANTICS OF THE LEXICAL UNIT 年 ('YEAR') IN THE CHINESE LANGUAGE AND OF THE RUSSIAN CORRELATE 'ГОД'

The semantics of the lexical unit 年 ('year') in Chinese and its Russian correlate *год* is examined. Despite the fact that both lexical units can denote a chronological unit, a period of time, age, meanings, 'new year', 'fruitful year, harvest', 'epoch, era; age' and 'class, course', conveyed by the lexical unit *年*, are not characteristic of the word *год*.

Key words: the Chinese language, tense, lexical units, semantics, ambiguity

Согласно официальному списку частотности китайских иероглифов, составленному министерством образования Китая, наиболее употребительными лексическими единицами со значением времени являются следующие: *年* ('год'), *时* ('час / время года'), *后* ('после'), *次* ('указывает на количество раз'), *前* ('до, перед'), что подтверждается корпусными данными.

Самой частотной из них в китайском языке является *年* nián ('год'), 39591111 317 вхождений в корпусе китайского языка Пекинского университета языка и культуры, 253 500 – в китайском параллельном корпусе национального корпуса русского языка и 273 – в электронной версии Большого китайско-русского словаря (БКРС). Данная лексическая единица является многозначной, характеризуется богатством выражаемых оттенков смысла. БКРС выдает 5 основных вариантов перевода. 'Год (как календарная еди-

ница)’ является основным значением. Такие сочетания, как *去年* (‘прошлый год’), *今年* (‘этот год’) и *明年* (‘следующий год’) относят процессы к прошедшему, настоящему и будущему времени: *去年厂里分给他一套房子* (‘В прошлом году начальство завода выделило ему квартиру’); *今年棉花收成好* (‘В этом году хороший урожай хлопка’); *预订明年的期刊开始了* (‘Открылась подписка на журналы на будущий год’). *年* также может также означать ‘год (как отрезок времени)’, употребляясь в следующих комбинациях лексических единиц: *学年* (‘учебный год’), *光年* (‘световой год’) и т. д.: *新学年马上就要开始了* (‘Скоро начнется новый учебный год’); *十万光年的距离* (‘расстояние в 10 тысяч световых лет’). Существуют и такие определения *年*, как ‘годы, лета’: *少年* (‘юные годы’); ‘новый год, новогодний’: *过年* (‘встречать Новый Год’) и ‘урожайный год, урожай’: *大有年* (‘был прекрасный урожай’). Согласно 学**生使用同**义词**近**义词**反**义词与组词**造句**词**典** (‘словарю синонимов, парасинонимов, антонимов, словосочетаний и предложений китайского языка для учащихся’) и 汉语**字典和**汉语**成**语词**典** (‘современному словарю китайских иероглифов и чэньюй’), *年* также может употребляться в значениях ‘эпоха, эра; век’ и ‘класс, курс (в учебном заведении)’.

Что касается лексической единицы *год*, толковый словарь Кузнецова и толковый словарь русского языка В. И. Даля содержат практически идентичные определения данного слова*:* промежуток времени, равный периоду обращения Земли вокруг Солнца и содержащий двенадцать календарных месяцев, отчисляемых с первого января; продолжение времени, в какое солнце, при мнимом течении, ходе своем, возвращается в ту же точку.

Согласно малому академическому словарю А. П. Евгеньевой, существует 5 основных значений лексической единицы *год*:

1. единица летосчисления, в течение которого Земля совершает один оборот вокруг Солнца; содержит 12 месяцев, отчисляемых с 1-го января: *в текущем году*;

2. десятилетие (в сочетании с соответствующим порядковым числительным): *семидесятые годы*;

3. период времени в некоторое количество лет (го́ды, года́): *годы гражданской войны*;

4. возраст (го́ды): *Ах, друг, года подошли*;

5. промежуток времени, в течение которого происходит обращение какой-либо планеты вокруг Солнца: *год Марса*.

Таким образом, были выявлены сходства и различия в семантике *年* и ее русского коррелята *год*. Обе лексические единицы являются полисемичными, могут обозначать единицу летосчисления, период времени и возраст. Тем не менее, такие значения, как ‘новый год, новогодний’, ‘урожайный год, урожай’, ‘эпоха, эра; век’ и ‘класс, курс’, передаваемые лексической единицей *年*, не характерны для слова *год*.

УДК 81.133.1’373
Юлия Николаевна Епринцева, преподаватель
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл.почта: eprintsevajulie1989@gmail.com

Juliia Nikolaevna Eprintseva, Lecturer
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: eprintsevajulie1989@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
(на материале французского языка)

Проанализированы компаративные фразеологические единицы с компонентом, обозначающий психологические и социальные характеристики человека. Выявлено, что прагматическая характеристика компаративных фразеологизмов тесно связана со степенью их идиоматичности.
Ключевые слова: компаративные фразеологизмы, концептуализируемый признак, процесс фразеологизации, прагмасемантический потенциал

REALIZATION OF SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL OF COMPARATIVE PYRASEOLOGICAL UNITS
(on the material of the French language)

Comparative phraseological units with the component psychological and social characteristics of a person are analysed. It is revealed that the pragmatic characteristics of comparative phraseological units is closely related to the degree of idiomaticity.
Key words: comparative phraseological units, conceptualized feature, the process of phraseologization, pragmasemantic potential

В работах отечественных и зарубежных исследователей существует два подхода в трактовке понятия ‘прагматический потенциал’. В широком смысле – это прагматика конкретно взятого текста, в узком смысле – это прагматический потенциал определенных языковых единиц. В данной статье рассматривается реализация семантико-прагматического потенциала французских компаративных фразеологизмов с компонентом, обозначающий психологические или социальные характеристики человека. Объектом исследования данной статьи являются компаративные французские фразеологизмы, содержащие социальные или психологические характеристики человека, поскольку именно социальные и психологические признаки в наибольшей степени репрезентируют ядро национальной картины мира.

Целью данной статьи является анализ компаративных фразеологизмов с компонентом, обозначающий социальную или психологическую характеристику человека в динамическом аспекте [1], а также изучение прагмасемантического потенциала фразеологизмов и их роли в формировании функционального пространства французской картины мира.

Фразеологизмы являются богатым источником культурологической информации, запечатлевшим социальные, культурные, экономические осо-

бенности развития языкового общества. В данном исследовании нас интересует в большей степени сам процесс фразеологизации, поскольку именно он дает представление о семантическом потенциале структурных единиц фразеологизма, а именно о лексических единицах в свободном употреблении, формирующих впоследствии фразеологизм [2].

В ходе анализа мы предприняли попытку рассмотреть процесс фразеологизации указанного типа с разных сторон: определить содержание концептуализируемого признака (далее – КП) и, следовательно, его реализацию средствами фразеологии; определить степень идиоматичности фразеологизма; установить соответствие между типом КП и его принадлежностью к тому или иному компоненту структуры фразеологизма базовый компонент (далее – БК) или формирующая часть (далее – ФЧ) [3, с. 115]. Рассмотрим процесс фразеологизации, связанный с актуализацией КП разного типа, характерный для фразеологических единств, обозначающих психологическую характеристику человека.

Нами выявлены следующие КП: 1) признак предмета; 2) социальный / религиозный признак; 3) зооморфный / флороморфный признак; 4) признак ‘природа’. Приведем примеры каждого из указанных типов. Фразеологическое единство *poli comme une porte de prison* груб. ‘очень невежливый, грубый’ (дословно, ‘как дверь тюрьмы’). Сравнение связано с признаком ‘жесткость’. Психологическую характеристику человека репрезентирует также признак ‘предмет’. Фразеологизм *dur comme une pierre* ‘холодный, бесчувственный’ актуализирует признак ‘предмет’ за счет сравнения с камнем (холодность и твердость). Фразеологизм *être froid comme une carafe d’orgeat* ‘быть очень холодным, равнодушным’. В данном фразеологизме сравнение связано с признаком предмет (холодность).

Все выявленные фразеологизмы такого типа демонстрируют частичную идиоматичность и являются фразеологическими единствами: ФЧ представляет собой неметафорическое значение, соответствующее КП из ядра концепта ‘психологическая характеристика человека’: послушный, холодный, вежливый (в ироническом значении – невежливый). Метафоричность и частичная идиоматичность фразеологического единства создается за счет ФЧ, БК который представляет собой результат процесса фразеологизации на базе признака концепта, изначально не имеющего прямого отношения к понятию ‘психологическая характеристика’. Следовательно, процесс фразеологизации оказывается в определенной мере ‘катализатором’, эксплицирующим потенциальные признаки концепта. Аналогичная ситуация реализуется и при формировании фразеологических единств с другими признаками.

Таким образом, схема фразеологизации данного типа может быть представлена следующим образом: ФЧ (инвариантный) + компаративный элемент + БК (идиоматичный).

Анализ примеров позволяет нам сделать вывод, что все компаративные ФЕ обладают семантико-прагматическими характеристиками, связанными с их частичной степенью идиоматичности, а именно, с вербализацией КП, относящихся к базовому компоненту фразеологизма, обладающему высокой степенью метафорической аттракции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полянчук О. Б. Французское производное слово в динамическом аспекте : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.05 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2009. 42 с.

2. Кунин А. В. Современная английская фразеология. М. : Высш. шк., 1999. 252 с.

3. Черникова А. Э. Особенности процесса фразеологизации на базе семантического компонента «природа» во французском языке : дис. … канд. филол. наук : 10.02.05. Воронеж, 2018. 336 л.

УДК 811.111’37

Анна Олеговна Жукова, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: anna.lyumi@mail.ru

Hanna Olegovna Zhukava, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: anna.lyumi@mail.ru

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОГОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВЕКТОР ВЕРТИКАЛИ «ВЕРХ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Представлены результаты изучения связи пространственного и непространственных значений многозначных предлогов *over*, *above*, *on top of*, обозначающих вектор «сверху». Определены механизмы и характер связи между значениями рассмотренных предлогов.

Ключевые слова: димензиональные предлоги, семантика, пространственные отношения, непространственные отношения

SEMANTIC POTENTIAL OF PREPOSITIONS DENOTING THE VERTICAL DIMENSION “UP” IN ENGLISH

The article presents the results of a study of the spatial and non-spatial meanings of polysemantic prepositions *over*, *above*, *on top of* that denote the dimension “up”. The mechanisms and character of meanings’ connections are described.

Key words: dimensional prepositions, semantics, spatial relations, non-spatial relations

Семантический потенциал слов, в том числе предлогов, обусловлен совокупностью их значений, которые они могут выражать. Данная работа освещает результаты исследования значений многозначных предлогов, обозначающих вектор вертикали «верх» в английском языке, и связей их пространственного и непространственных значений. Раскрытие связей между пространственным и непространственными значениями рассмотренных предлогов проводилось на основе анализа связи отдельных сем пространственного значения с непространственными значениями.

Для обозначения вектора «сверху», т. е. указания на нахождение и/или перемещение локализуемого объекта в регион, задаваемый верхней стороной релятума, в английском языке используются предлоги *over*, *above*, *on top of*.

В ходе работы установлено, что интегральными семами пространственного значения данных предлогов являются ДИМЕНЗИОНАЛ$_{верх}$ и ДИРЕКЦИОНАЛ. К дифференциальным семам единиц относятся КОНТАКТ (*over* и *on top of*), ДИРЕКЦИОНАЛ$_{путь}$ (*over*), ДИРЕКЦИОНАЛ$_{сверху\ вниз}$ (*on top of*).

Помимо пространственного значения у рассматриваемых предлогов выделяется от 2 до 4 непространственных значений. По нашему мнению, установленные отличия в пространственной семантике предлогов обусловливают различные векторы развития их многозначности.

У всех предлогов, обозначающих вектор «сверху», выделяется значение упорядочивания, отражающее различные иерархические отношения между объектами. Например, *I rate her* ***above*** *most other players of her age* ‘Я оцениваю ее выше большинства других игроков ее возраста’, *She has only the director* ***over*** *her* ‘Над ней только директор’. Интегральная сема ДИМЕНЗИОНАЛ$_{верх}$ служит основой для метафорического переноса по принципу MORE IS UP ‘больше значит выше’[1].

Эта же сема, а также сема КОНТАКТ являются основой для выражения непространственного отношения подчиненности. Это отношение обозначается с помощью предлогов *over* и *on top of*: *He ruled* ***over*** *a great empire* ‘Он правил великой империей’, досл. ‘над великой империей’. Употребление предлога *above* для обозначения этого отношения невозможно, так как в его семантику не входит сема КОНТАКТ.

Семы ДИМЕНЗИОНАЛ$_{верх}$ и ДИРЕКЦИОНАЛ$_{сверху\ вниз}$, выявленные в семантике предлога *on top of*, проецируются на непространственные отношения добавления, когда имеющиеся объекты дополняются другими «сверху»: *He gets commission* ***on top of*** *his salary* ‘Он получает комиссионные сверх своей зарплаты’.

Сема ДИРЕКЦИОНАЛ$_{путь}$ участвует в образовании темпорального значения, инструментального значения, а также значения состояния предлога *over*. Время, средства связи и состояния концептуализуются как путь, через который проходят описываемые действия. Например, *We’ll discuss it* ***over*** *lunch* ‘Мы обсудим это за обедом’, *We heard it* ***over*** *the radio* ‘Мы слышали это по радио’, *We're* ***over*** *the worst of the recession* ‘Мы прошли худшие периоды рецессии’.

Таким образом, установлено, что разные непространственные значения предлогов, обозначающих направление «сверху», образованы посредством метафоризации разных пространственных сем, конституирующих их семантику. Центральным звеном в семантической структуре данных предлогов является пространственное значение, их непространственные значения организованы по принципу радиальной связи. Изучение значений, их связей и типов в других подгруппах предлогов и их последующее сопоставление станет предметом дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1987. 614 p.

УДК 81’373.211.1:94(476)
Инна Леонидовна Ильичёва, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: ilitcheva@list.ru

Ina Leonidovna Ilyicheva, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ilitcheva@list.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ТОПОМОРФНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В ЭРГОНИМИИ И ПРАГМАТОНИМИИ БРЕСТЧИНЫ

Статья посвящена одному из ключевых понятий лингвокультурологии – кодам культуры. Проанализированы вербальные средства объективирующие, топоморфный код культуры в ономастическом фрагменте Брестского региона. Выявлен лингвокультурологический потенциал в семантике региональных эргонимов и прагматонимов.

Ключевые слова: ономастическое пространство, эргонимы, прагматонимы, код культуры

IMPLEMENTATION OF THE TOPOMORPHIC CODE OF CULTURE IN THE ERGONYMY AND PRAGMATONYMY OF THE BREST REGION

The article is devoted to one of the key concepts of linguoculturology – culture codes. The verbal means of objectifying, the topomorphic code of culture in the onomastic fragment of the Brest region are analyzed. The linguoculturological potential in the semantics of regional ergonyms and pragmatonyms is revealed.

Key words: onomastic space, ergonyms, pragmatonyms, culture code

Эргонимическое пространство Брестского региона представляет собой языковой пласт, чрезвычайно чувствительный к любым социальным и экономическим изменениям, происходящим в обществе. Единицы данного ономастического разряда содержат в себе лингвистическую, этнографическую, историческую и культурную информацию.

В рамках лингвокультурологического подхода их можно рассматривать как феномены культуры, поскольку язык служит важнейшим средством не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Субстратом культурного кода может выступать любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий окружающей действительности – явления природы, флора, фауна, орудия труда, одежда и прочие артефакты.

На базе эмпирического материала эргонимии и прагматонии Брестского региона мы выделили следующие коды культуры: 1) антропоморфный, 2) топоморфный, 3) эмоционально-характерологический, 4) темпоральный, 5) флористический, 6) фаунистический, 7) предметный.

Как свидетельствует проведенный анализ ономастического фрагмента Брестчины, довольно часто в наименованиях коммерческих объектов и их продукции реализуется топоморфный код культуры. Онимные номинации

данного кода образованы от апеллятивов или онимов, которые указывают на другой географический или природный объект.

В нашей выборке наибольшей частотностью обладают следующие подгруппы: 1) эргонимы и прагматонимы, указывающие на названия городов региона, Беларуси и в целом постсоветского пространства: *усадьба «Мазычи»* (д. Мазычи), *усадьба «Гречихи»* (д. Гречихи), *усадьба «Гортоль»* (д. Гортоль), *усадьба «Велута»* (агрогородок Велута), *батон «Брестский»*, *печенье «Овсяное Светлогорское с шоколадными дробсами»* (г. Светлогорск), *сметана «Остромечевские просторы», багет «Белорусский»* (Республика Беларусь); 2) эргонимы и прагматонимы, образованные от иноязычных топонимов и их производных: *ресторан «Помпея пицца»* (г. Помпеи), *ресторан «Ташкент»* (г. Ташкент), *ресторан «Амстердам»* (г. Амстердам), *усадьба «Прованс»* (область Прованс), *сыр «Женева»* (г. Женева), *сыр «Венский»* (г. Вена), *сыр «Сарматия Гройцер»* (позднеантичное название Восточной Европы), *набор пирожных «Фарсала»* (г. Фарсала), *багет «Люблинский»* (г. Люблин), *пирожное «Венское ореховое»* (г. Вена), *пирожное «Краковское»* (г. Краков), *хлеб «Хоккайдо»* (остров Хоккайдо), *сыр «Вечерний Амстердам»* (г. Амстердам), *вырезка «Иерусалимский подарок»* (г. Иерусалим), *колбаса «Миланская элит»* (г. Милан), *колбаса «Болонская пикант»* (г. Болонья); 3) эргонимы и прагматонимы, соотносимые с названиями гидронимов: *отель «Припять», санаторий «Буг», отель «Мухавец», усадьба «Мшанка», усадьба «Припятский плес», база отдыха «Селяхи»*.

Следует обратить внимание на то, что ряд предприятий Брестчины в названиях своей продукции использует коммуникативную стратегию (апелляция к традициям). В числе названий такого типа следует отметить следующие прагматонимы, отражающие особенности материальной культуры и бытовой сферы жизни белорусов в прошлом: *торт «Берестье»* (Берестье – древнее название города Бреста), *молочные продукты серии «Брест-Литовск»* (Брест-Литовск – название города в 1795 году в результате третьего раздела Речи Посполитой), *сыр «Сарматия Грамерси», «Сарматия Пармезан», «Сарматия Гройцер»* (в XVI–XIX веках в Речи Посполитой среди белорусской шляхты была популярна идеология сарматизма, согласно которой шляхтичи считали своими предками вольнолюбивый народ сарматов).

В практике лингвомаркетинга ономастические единицы, объективирующие топоморфный код культуры, очень популярны и в сочетании с единицами других семиотических систем образуют привлекательные для адресата сложные лингвовизуальные комплексы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что топоосновы анализируемых ономастических единиц отражают объемную экстралингвистическую информацию, которая напрямую связана с культурой жителей Брестского региона. Номинация коммерческих предприятий и их продукции – не просто вербальное маркирование объекта или предмета действительности, а своего рода свернутый лингвокультурный текст, сотканный из определенных кодов культуры.

УДК 811.134.2’373.22
Валентина Владимировна Корнева, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: kornevavalentina@mail.ru

Valentina Vladimirovna Korneva, Dr of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: kornevavalentina@mail.ru

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ *CAMPO* ‘ПОЛЕ’ В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Анализируется функциональный потенциал оронима *campo* ‘поле’ в испанском языке, делаются выводы о роли данного компонента в создании разных видов онимов (топонимов, антропонимов, агионимов), а также в формировании испанской языковой картины мира.

Ключевые слова: ороним, оним, топоним, ойконим, антропоним, агионим, языковая картина мира, испанский язык

ONOMASTIC UNITS WITH A COMPONENT CAMPO ‘FIELD’ IN THE SPANISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The functional potential of the oronym *campo* ‘field’ in Spanish is analyzed, the role of this component in identifying various types of onyms (toponyms, anthroponyms, hagonyms), as well as in infecting the Spanish language picture of the world, is being implemented.

Key words: oronym, onym, toponym, oikonym, anthroponym, aionim, linguistic picture of the world, Spanish

Онимы, как известно, появляются в языке в результате апеллятивации – переходе имен нарицательных в имена собственные. Не являются исключением в этом отношении непроизводные ойконимы – названия населенных пунктов, которые возникли на начальном этапе освоения той или иной территории и происходят, как правило, от оронимов. Предметом нашего изучения является ороним *campo* ‘поле’, а целью – выявление его функционального потенциала и той роли, которую он играет в формировании испанской языковой картины мира. В качестве материала исследования использовались испанские словари топонимов, словари имен и фамилий, а также энциклопедические словари. Обработка данных этих лексикографических источников осуществлялась с помощью метода наблюдения и структурно-семантического анализа.

Как известно, исторически первым принципом топономинации является естественно-географический принцип, согласно которому в акте имянаречения населенных пунктов используются, прежде всего, оронимы – названия элементов рельефа. Подтверждением этому могут служить испанские названия с лексемой *campo* ‘поле’, которые появляются в результате онимизации. В современном испанском языке данная лексема обозначает обширную территорию вне населенного пункта, однако в период романизации Иберийского полуострова ее латинский этимон *campus* имел значение ‘ровная местность’, и именно это значение закрепилось в испанских ойконимах.

Онимизации подвергается не только лексема *campo*, но и ее дериваты, поэтому производные топонимы имеют более сложную семантическую структуру. В частности, названия *Campillo*, *Campiel*, *El Campet* ‘маленькое поле’, содержащие диминутивный суффикс *-illus*, указывают на небольшой размер населенного пункта, тогда как топонимы *Campanet*, *Campet*, *Campanile* с собирательным суффиксом *-etum* или *-arium*, как в названии *Campanario*, означают ‘[место, где] много полей’.

Сложные и составные топонимы отражают более разнообразные характеристики поля. В частности, сложные топонимы могут указывать на большой размер поля: *Campolongo*, *Campomanes* ‘большое поле’, *Campmajó* ‘поле больше [других]’, *Camplat* ‘широкое поле’, на его цвет (*Camporrells* ‘алое поле’), наличие флоры (*Camporrobles* ‘поле дубов’), принадлежность (*Camprodón*‘поле Ротунда – основателя поселения‘, *Campdevánol* ‘поле вандалов‘), а также давать его общую характеристику (*Campuzado* ‘открытое и просторное поле’, *Campoo* ‘холмистое поле’).

Составные топонимы, включающие в себя уже существующие простые, производные или сложные географического названия, обозначают главным образом пространственную локализацию населенного пункта: *Campo de Yuso* ‘Нижнее поле’, *Campoo de Yuso* ‘Нижнее холмистое поле’, *Campoo de Suso* ‘Верхнее холмистое поле’), *Campoo de Enmedio* ‘Среднее холмистое поле’, *Campillo de Azaba* ‘Небольшое поле на берегу реки Асаба’, хотя могут быть и другие значения, в частности, значение местонахождения в поле какого-либо объекта, как в названии *Campo de Mirra* ‘Поле мирры’. В составных топонимах с сочетанием *del Campo* уже само поле выступает как локум, в котором находятся те или иные предметы, например, холм в *Cabeza del Campo*, круглая башня в *Almodóvar del Campo*, мощеная дорога в *Calzadilla del Campo*, замок в *Castejón del Campo* и др.

Сказанным далеко не исчерпывается функциональный потенциал оронима *campo*, поскольку многие образованные от него топонимы становятся антропонимами. В частности, в испанских словарях есть фамилии *Campo*, *Campos*, *Del Campo*, *Campillo*, *Campillos*, *Campoamor*, *Camprubí*, *Campuzano* и др. Кроме того, топонимы исследуемой структуры могут стать агионимами – частью титульной номинации Девы Марии *Nuestra Señora del Campo*, *Virgen del Campo*. Все это свидетельствует о важной роли оронима *campo* не только в создании разных типов онимов, но и в формировании испанской языковой картины мира в целом. Представляется, что изучение функционального потенциала других оронимов на материале разных языков позволит лучше понять взаимосвязь нарицательных и собственных имен, а также их вклад в развитие национальных картин мира.

УДК 811.581’35’37

Надежда Васильевна Михалькова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: nadezhdakr@yandex.ru

Nadezhda Vasilievna Mikhalkova, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nadezhdakr@yandex.ru

ХОЛО-МЕРОНИМИЯ В КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКЕ

Проанализированы холо-меронимические семантические связи производных иероглифов и производящих основ – ключевых знаков китайского языка. Выявлены основные особенности их построения.

Ключевые слова: холо-меронимия, иероглиф, китайский язык

MERONYMY IN THE CHINESE CHARACTERS SYSTEM

The holo-meronymic semantic connections of derivative characters and radicals of the Chinese language are analyzed. The main features of their construction are revealed.

Key words: holo-meronymy, character, Chinese

Вопрос о характере организации китайской иероглифики, несмотря на установленный в 1 в. н. э. (许慎) и сохраняющийся до настоящего времени в качестве основного *ключевой (部首)* принцип построения системы знаков, продолжает оставаться актуальным направлением синологических исследований.

Выделенные по структурно-семантическому критерию (наличие определенного *ключевого компонента знака*) иероглифические гнезда китайского языка составляют основу китайской письменной системы. Входящие в каждое гнездо производные иероглифические единицы по-разному семантически связаны с производящим, общим для всех знаков конкретного гнезда *ключевым компонентом* иероглифа.

Данные связи чаще всего представляют собой два типа фундаментальных для языковых единиц семантических отношений – гиперо-гипонимию и холо-меронимию. Особенно ярко данная закономерность проявляется на примере иероглифических гнезд, где производящей основой выступает зоонимическая единица. Так, анализ иероглифического гнезда с ключом 虫 «насекомое» показал, что 63 % производных единиц включены в данное гнездо на основании родо-видовой связи (см., например, *蛅* ‘гусеница’, *蟅* ‘гусеница бабочки’, *蚊* ‘комар; москит’, *蛰* ‘мелкая цикада’, *蛸* ‘волосатая ядовитая гусеница’, *虻* ‘слепень’ и др.).

В то же время не менее широко представлены и меронимические связи, детерминируюие включение в иероглифические гнезда большого числа производных знаков, представляющих собой номинации частей целого (меронимы). При этом холонимом выступает производящая основа – ключевой знак. Например, гнездо с ключевым знаком 虫 «насекомое» составляют такие меронимические номинации, как:

1) раковины моллюсков: *蛹* ‘мелкая раковина’, *蜠* ‘крупная раковина (моллюска)’, *螺* ‘спиральная (одностворчатая) раковина моллюска’;

2) яйца животных: *蚳* ‘муравьиные яйца’, *蛋* ‘яйцо’;

3) чешуя: *蚹* ‘чешуя на брюхе (змеи)’;

4) органы защиты и нападения: *螫* ‘жало’, *螯* ‘жало’;

5) хватательные органы: *螯* ‘клешня (краба, рака)’.

Холо-меронимические отношения являются принципом построения и других иероглифических гнезд китайской письменности, например:

1) с ключевым знаком-соматизмом 口 «рот» (唇 ‘губа’, 咙 ‘горло’, 嗓 ‘глотка, гортань’, 噱 ‘рот, пасть’, 噣 ‘клюв’ и др.);

2) с ключевым знаком木 «дерево» (杈 ‘ветка, ответвление’, 条 ‘ветка, ветвь’, 杪 ‘вершина, верхушка (дерева)’ и др.);

3) с ключевым знаком 艹 «трава» (芽 ‘почка, росток’, 蒂 ‘плодоножка, цветоножка; стебель’, 蕾 ‘бутон, почка (цветка)’, 蘖 ‘отросток, побег’, 葶 ‘стрелка растения’, 蓓 ‘бутон’, 节 ‘коленце бамбука, нарост на дереве’, 荅 ‘горошина, семечко’ и др.);

4) с ключевым знаком水 «вода» (части водных пространств, источников 派 ‘приток, ручей’, 汜 ‘заводь’, 沟 ‘канава’, 浜 ‘ручей, канал’, 泉 ‘источник, ключ, родник’ и др.);

5) с ключевым знаком阝 «холм» (陁 ‘склон горы, откос’, 陀 ‘склон’, 陂 ‘склон’, 陋‘склон горы, откос’, 陁 ‘крутой склон’,陬 ‘основание холма’, 隅 ‘угол’, 陘 ‘обрыв в горном хребте’, 隒 ‘обрыв; крутой склон’) и др.

Таким образом, построение иероглифической системы китайской письменности, с одной стороны, подчиняется общеязыковым закономерностям организации единиц (в частности, холо-меронимия), позволяющим системно представить, хранить и использовать соответствующие номинации. С другой стороны, выбор и выделение в различные иероглифические гнезда китайских иероглифов очень тесно связаны с историческими и национально-культурными особенностями жизни носителей языка, что приводит к сосуществованию нескольких графических обозначений одного понятия, построенных, в то же время, на разных семантических связях и основаниях (см. 阬 «тоннель, дыра, яма» (ключ 阝 «холм») и 坑 «тоннель, дыра, яма» (ключ 土 ‘земля’)), что, несомненно, требует дальнейших, более детальных исследований.

УДК 81’367’37

Вероника Владимировна Никитина, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: DemchenkoV@mgpu.ru

Veronika Vladimirovna Nikitina, Cand. of Sc. (Philology)
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: DemchenkoV@mgpu.ru

СЕМАНТИКА СИНТАКСИСА VS ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Представленный обзор теоретико-практических представлений о когнитивно-семантическом анализе синтаксиса позволил проиллюстрировать механизмы языковой концептуализации и категоризации.

Ключевые слова: лексическая семантика, категоризация, механизмы языковой концептуализации, семантика синтаксиса

SEMANTICS OF SYNTAX VS LEXICAL SEMANTICS

The presented review of theoretical and practical views on the cognitive-semantic analysis of syntax has allowed to illustrate the mechanisms of linguistic conceptualization and categorization.

Key words: lexical semantics, categorization, mechanisms of linguistic conceptualization, semantics of syntax

Традиционно в семантической теории синтаксиса адекватное семантическое описание предикативных выражений предполагает построение типологии. Т. Д. Шабанова определяет два вектора акцентуации исследования предикативных выражений: во-первых, в основе типологии может лежать пространственная типология – по типу соотношения с осью времени, которая уточняет параметры функционирования глагольной лексики и определяет условия ее употребления. Во-вторых, ролевая типология Дж. Лайонза (1977), когда исследование предикативных выражений основано на разграничении ролевых функций *субъекта* и *объекта, адресата* как участников ситуации, вносимых предикатом. Данная типология позволяет выделять семантически релевантные лексико-грамматические подкатегории глагола. О. Н. Селиверстова, в свою очередь, убедительно демонстрирует, что за формальными признаками предикатов стоят определенные значения. Далее, значимым представляется заключение О. А. Сулеймановой: при исследовании малого синтаксиса автором были выделены *пространственные*, *дативные*, *объектные* типы безличных предложений. О. А. Сулейманова доказывает, что за определенными морфологическими типами стоит своя семантика. Анализ эмпирической базы подтверждает данную гипотезу о том, что семантически близкие лексические единицы дифференцируются не только лексическим значением, но и синтаксическими конструкциями, в которых они реализуются. Как, например, при интерпретации семантики русских слов *лень*, *неохота*, *апатия*, *прокрастинация* было выявлено, что лексические единицы *лень*, *неохота* реализуются только в неопределенно-личных и безличных предложениях, в частности, в дативных конструкциях (*Мне было* ***лень*** */* ***неохота*** *выходить в такой мороз*), тогда как лексическая единица *апатия* и *прокрастинация* – в генитивных конструкциях (*Осенью у меня наступила* ***апатия***). Или, например, английский глагол *shudder* реализуется в двух структурах *X shudders (shudder 1)* и *X shudders to V (shudder 2)*. В первом случае оценка вносится на основании чувственного восприятия *He shudders to think*, во втором случае описывается объективная ситуация, выраженная глаголом физического восприятия: *The Earth shudders* [1, 2021; 2, 2020].

Таким образом, при уточнении семантики лексических единиц, важным выводом представляется компиляция двустороннего анализа, с одной стороны, уточнение значений лексических единиц синонимичного ряда, с другой – выявление семантических характеристик синтаксиса, в которых употребляются исследуемые лексические единицы. И, следовательно, перспективой проведенного исследования является расширение изучения малого синтаксиса и построение компиляционных методов исследования лексической семантики и семантики синтаксиса в лингвокогнитивных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина В. В. Семантика глаголов, описывающих физические проявления эмоций: содрогаться // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 3. С. 85–93. DOI 10.22250/2410-61902020638593.

2. Никитина В. В. Когнитивная интерпретация синтаксических моделей типа X SHUDDERS TO V // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. № 3 (46). С. 191–194.

УДК 811.111-26

Елена Александровна Никулина, д. филол. н.
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
эл. почта: ea.nikulina@mpgu.su

Elena Aleksandrovna Nikulina, Dr of Sc. (Philology)
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
e-mail: ea.nikulina@mpgu.su

ЯВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проанализированы основания для терминологизации фразеологических единиц в современном английском языке. Выявлены особенности преобразования фразеологизмов в термин и возможные девиации в структуре вновь образованных терминологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, термин, терминологизация, английский язык

THE PHENOMENON OF TERMINOLOGISATION OF PHASEOLOGICAL UNITS IN THE MODERN ENGLUSH LANGUAGE

The article provides the reader with the basics for the process of terminologisation of the phraseological units in the modern English language. The peculiarities of transforming of an idiom into a term as well as some possible deviations in its structure are singled out.

Key words: phraseological unit, term, terminologisation, English

Вопрос о взаимовлиянии разных страт лексики друг на друга неоднократно становился предметом рассмотрения терминоведов и фразеологов. Так, в своей статье о типологии специальной лексики В. М. Лейчик констатирует, что «не подлежит сомнению факт наличия и других видов взаимообмена между специальной и общеупотребительной лексикой» [1, с. 37].

Терминологизация фразеологизмов, представляет собой весьма интересное явление для современного языкознания. Рассмотреть и описать основания для возникновения и развития такого процесса, а также возможные девиации, которые могут происходить с изучаемыми фразеологизмами, и явилось целью настоящей работы. Для достижения данной цели использовались такие методы как метод фразеологической идентификации А. В. Кунина, компонентный анализ, дефиниционный анализ; безусловно, учитывается и терминоведческая теория текста, «опирающаяся на методы терминоведения и выявляющая

специфику существования терминов в текстах на естественном языке…» [2, с. 146]. В процессе изучения терминологизации английских фразеологизмов было установлено, что они могут быть подвергнуты такому переосмыслению, когда они становятся полноправными членами терминосистемы, развивают конкретные, терминологические значения, истоки которых, как правило, можно проследить в денотативном значении самих фразеологизмов.

В результате анализа почти 100 фразеологических единиц, подвергшихся терминологизации, обнаружилось, что ФЕ могут переходить в разряд терминов следующих терминосистем: экономика, финансы – *give way* (*фраз*. Отступиться, дать волю; *терм*. понизиться в цене); *act of God* (*фраз*. стихийное бедствие, неподвластное человеку; *терм*. стихийное бедствие (во фрахтовых контрактах и страховых полисах)); политика – *appeal to Ceasar* (*фраз*. обратиться к высшей власти, к авторитету; *терм*. обратиться с призывом к избирателям на выборах), *favourite son* (*фраз*. любимый сын страны (Дж. Вашингтон); *терм*. популярный политический деятель, выдвигаемый в президенты); военная терминология – *Black Maria* (*фраз*. тюремная карета; *терм*. немецкий дымовой снаряд (в Первую мировую войну)); *hot corner* (*фраз*. опасное положение; *терм*. самое пекло, жаркий участок боя); морская терминология – *Jacob's ladder* (*фраз*. лестница Иакова (библ.); *мор*. шторм-трап), и другие.

В перспективе исследования и рассмотрение девиаций, которые могут происходить при терминологизации фразеологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик В. М. Общая типология и многоаспектные классификации специальной лексики // Терминология и знание : Материалы I Международного симпозиума. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2019. С. 28–48.

2. Лейчик В. М. Терминоведение : Предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. 256 с.

УДК 811.112.2'373

Юлия Игоревна Петракова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: juliapetrakova0887@gmail.com

Julia Iharauna Petrakova, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: juliapetrakova0887@gmail.com

АБСТРАКТНАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ
(на материале немецкого языка)

Проанализированы абстрактные наименования немецкого языка, участвующие в процессах вторичной номинации. Установлены закономерности выбора производящих баз, выполнения ономасиологических заданий и конструирования семантических отношений.

Ключевые слова: абстрактная лексика, вторичная номинация, словообразование, семантическая деривация, производящая база

ABSTRACT NAMES AS SOURCES OF SECONDARY NAMING (based on German)

Abstract names of German and their involvement in the processes of secondary naming are analyzed. The patterns of the choice of underlying bases, the onomasiological tasks performed, and the construction of semantic links are revealed.

Key words: abstract names, secondary naming, word formation, semantic derivation, underlying base

Имя существительное, будучи семантически весьма емкой частью речи, объединяет наименования предметов, отношений и свойств, мыслимых как предметы. Абстрактные имена, которые обозначают объекты нематериального мира, лишенные пространственной очерченности, по понятным причинам представляют собой более сложный объект для лингвистического анализа по сравнению с конкретными именами, называющими предметы материальной действительности. Важным источником сведений о специфике абстрактных наименований являются, на наш взгляд, данные об их участии во вторичной номинации в качестве производящих баз.

На материале наименований психических свойств современного немецкого языка был проведен анализ закономерностей их участия в основных процессах вторичной номинации – словообразовании и семантической деривации. На первом этапе исследования установлено, что в качестве производящих баз используется лишь некоторая часть указанных единиц. Так, из 78 наименований психических свойств в процессы словообразования и/или семантической деривации вовлекается 41 единица, т. е. номинативно активная часть данного семантического объединения составляет чуть более половины наименований. Среди факторов, ограничивающих участие исследуемых единиц во вторичной номинации, важную роль играет их производный характер: 83 % наименований психических свойств сами являются результатами словообразования или семантической деривации (*die Denkhaltung* ‘образ мыслей’, *das Gespür* ‘чутье, интуиция’, *der Hang* ‘склонность’, *die Weltanschauung* ‘мировоззрение’ и др.). Тем не менее фактор производности действует не во всех случаях, позволяя именующему субъекту использовать для порождения новых наименований и производные единицы: *die Empfindung* ‘чувство’ > *die Nachempfindung* ‘сочувствие, эмпатия’; *das Gefühl* ‘чувство’ > *das Glücksgefühl* ‘чувство счастья’, *das Gefühl* 2. ‘чутье, интуиция’; *das Innenleben* 1. ‘внутренний мир’ > 2. ‘(тех.) внутренние механизмы’ и др.

С точки зрения выполняемых ономасиологических заданий наименования психических свойств, выступая в качестве производящих баз для словообразования и семантической деривации, демонстрируют очевидную тенденцию к внутрикатегориальной номинации: 62 % производных единиц также являются наименованиями психических свойств (*die Art* 1. ‘характер, сущность’ > *die Art* 2. ‘нрав, поведение, привычка’; *der Charakter* ‘характер’ > *der Charakterfehler* ‘отрицательная черта характера’ и др.). Вместе с тем ономасиологический профиль исследуемого производящего поля включает выполнение и таких смысловых заданий, как номинация лиц (*der Seelenarzt* ‘психиатр’), чувств и состояний (*die Lust* 2. ‘удовольствие’), произведений

творческой мысли (*das Charakterbild* ‘литературный портрет героя’), профессиональной деятельности (*die Seelsorge* ‘(церк.) душепопечительство, духовное окормление’) и др.

Следующий аспект исследования абстрактных наименований предполагает обращение к семантическим связям между производящими и производными единицами. В основе данных связей лежит связь уже поименованного явления и той сущности, которую требуется назвать. Несмотря на многообразие отношений, устанавливаемых именующим субъектом между объектами окружающей действительности, можно выделить два основных ассоциативных механизма – установление сходства и установление смежности, которым соответствуют симилятивные, гиперо-гипонимические и импликационные семантические отношения.

Наименования психических свойств, участвуя во вторичной номинации, демонстрируют почти равную степень востребованности в импликационных (1) и гиперо-гипонимических (2) отношениях: 1) *der Charakter* 1. ‘характер’ > 2. ‘человек с определенным характером’; *die Seele* ‘душа’ > *die Seelenlehre* ‘учение о душе, психология’; 2) *der Trieb* ‘страсть, влечение’ > *der Forschertrieb* ‘страсть к исследованиям’ и др. Реализация симилятивной связи относится к периферии для данного типа производящих единиц, что, по-видимому, связано с ограниченным набором признаков, способных использоваться именующим субъектом в качестве tertium comparationis.

Таким образом, наименования психических свойств, входя в семиологический класс абстрактных имен, обнаруживают ряд особенностей, связанных с их участием во вторичной номинации: ограниченное использование в качестве производящих баз, тенденция к внутрикатегориальной номинации и преобладание импликационных и гиперо-гипонимических связей при порождении производных единиц.

УДК 811.111’367’37

Нина Петровна Петрашкевич, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: ninapp@mail.ru

Nina Petrovna Petrashkevich, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ninapp@mail.ru

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ С НЕСТАНДАРТНОЙ СТРУКТУРОЙ

Проанализированы синтаксические и семантические характеристики английских пословиц с нестандартной структурой. Выявлены вариативные возможности интерпретации ситуаций, отражаемых в пословицах.

Ключевые слова: парадигматический эллипсис, семантическая модель, семантический предикат, участники ситуации

SEMANTIC AND SYNTACTIC INTERPRETATION OF ENGLISH PROVERBS WITH NON-STANDARD STRUCTURE

The syntactic and semantic characteristics of English proverbs with non-standard structure are analyzed. Variational options of interpretation of the situations reflected in the proverbs are revealed.

Key words: paradigmatic ellipsis, semantic model, semantic predicate, participants of the situation

Объектом исследования являются английские пословицы, чья синтаксическая структура отличается от стандартных моделей построения предложения (около 60 пословиц из общего корпуса объемом в 800 единиц). Цель исследования состоит в выявлении способов интерпретации фактуального содержания этих паремических высказываний, на основе которого формируется собственное метафорическое значение пословицы.

Главной особенностью синтаксической структуры исследуемых пословиц является эллиптичность парадигматического характера, то есть восполнение эллиптированной структуры пословицы осуществляется на парадигматической базе синтаксических моделей языка. Одной из типичных моделей такого рода является опущение десемантизированных подлежащего и сказуемого. Например, *[It is] Better to ask the way than go astray*, или *[One can] As well be hanged for a sheep as a lamb*.

Большинство из рассматриваемых простых предложений-пословиц имеют форму односоставной структуры, которая содержит именной компонент (например, *Any port in a storm, Deeds, not words, Everyone to his taste, Moderation in all things*) и обладают вариативными возможностями восполнения до полной двусоставной синтаксической структуры. Немногочисленные пословицы в форме предложного словосочетания представляют собой синтагматический эллипсис полного предложения (например, *For want of a nail [the shoe was lost]*).

Простые односоставные структуры составляют менее 30 % изучаемого корпуса, а половина его приходится на объединения подобных структур в сложносочиненные построения, как правило, бессоюзные. Кроме номинативных компонентов (например, *More haste, less speed*), в сложносочиненные предложения объединяются адвербиально-причастные словосочетания (*Once bitten, twice shy, Least said, soonest mended*), адъективные (*Full of curtesy, full of craft*), а также предложные обороты (*In for a penny, in for a pound*). Между частями сложносочиненных предложений в основном наблюдается условно- или причинно-следственная связь (например, *Rain before seven, fine before eleven, Other times, other manners*).

Поскольку восполнение синтаксической структуры рассматриваемых пословиц на фоне языковой парадигмы вариативно, то и синтаксическая функция, как и семантическая роль компонента предложения может быть разной. Семантическая роль эксплицитно представленных компонентов ситуации выявляется в соответствии с типом семантического процесса, подразумеваемого в пословице. При наличии глагольной лексемы в пословице тип процесса очевиден, и семантические роли интерпретируется более или

менее однозначно: *Nothing* (объект воздействия) *seek, nothing* (результат) *find* – в обеих частях предложения опущено подлежащее-агенс; *First* (темпоратив) *come, first* (темпоратив) *served* – в обеих частях опущено одно и то же подлежащее, но его семантическая роль разная – соответственно агенс и реципиент (ввиду пассивного значения причастия II).

Во многих пословицах с нестандартной синтаксической структурой нередко отсутствует не только подлежащее, но и глагол-сказуемое, выражающий процесс. О семантическом процессе, представленном в пословице, можно судить по значению эксплицитно представленных членов предложения. Например, в пословице *More haste, less speed* выражены элементатив и результатив, которые присущи материальным процессам. В пословице *Neither a borrower nor a lender* выражена ситуация с релятивным процессом, представленная идентифицирующим признаком опущенного подлежащего-носителя признака. *Moderation in all things* представляет ситуацию с бытийным процессом, эксплицитно представленным экзистентом и локативом.

В исследованном корпусе пословиц с нестандартной синтаксической структурой большинство выражают ситуации с материальными процессами (около 30), четверть пословиц отражают ситуации с релятивными процессами (13), единично представлены бытийные (5), ментальные (2) и вербальные (1) процессы. В 15 пословицах, имеющих сложносочиненную или сложноподчиненную структуру, совмещаются разные процессы. Например, *Once bitten, twice shy*: *Smb bit smb* – материальная пропозиция с имплицированными агенсом и патиенсом и *He is twice shy* – релятивная квалифицирующая пропозиция, где выражен признак и имплицирован его носитель.

УДК 81’ 373.611
Ольга Борисовна Полянчук, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: bollona@mail. ru

Olga Borisovna Polyanchuk, Dr of Sc. (Philology)
Voronezh State UniversityVoronezh, Russia
*e-mail:*bollona@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СРЕДСТВАМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

В статье рассматриваются особенности реализации семантического потенциала производных слов французского языка при развитии полисемии на их основе. Указывается на системные связи между реализацией семантического потенциала производного слова и особенностями его словообразовательной структуры.

Ключевые слова: еодель семантической деривации, комплексный знак, ядерная сема модели семантической деривации, реализация семантического потенциала, индивидуализированная семантика, словообразовательная структура

PECULIARITIES OF LEXICAL UNITS SEMANTIC AND PRAGMATIC POTENTIAL REALIZATION BY MEANS OF WORD FORMATIVE AND SEMANTIC DERIVATION

The paper considers peculiarities of French derivatives semantic potential realization while developing polysemy on their basis. Systemic correlations between the derivative semantic potential realization and its word-forming structure are stated.

Key words: semantic derivation model, complex sign, semantic derivation model nuclear seme, semantic potential realization, individualized semantics, word-forming structure

Семантическая деривация является одним из наиболее репрезентативных средств актуализации семантико-прагматического потенциала исходных единиц. В частности, особый интерес представляют такие исходные единицы, семантическая и формальная структура которых является изначально расчлененной. В данном случае речь идет о производных словах, на основе которых происходит процесс семантической деривации, а именно, процесс развития полисемии. Такой подход позволяет определить цель настоящего исследования как поиск закономерностей реализации семантического потенциала производных слов (комплексных знаков, далее – КЗ). Задачи, которые мы ставим перед собой, сводятся к следующему: классифицировать ядерные семы моделей семантической деривации на основе французских производных слов; рассмотреть структурные модели метафоризации (соотнесенность ядерной семы модели семантической деривации с компонентами словообразовательной структуры исходной единицы); установить зависимость между содержательной и формальной структурами указанных процессов. Решение таких задач открывает перспективу дальнейшего изучения композиционных особенностей КЗ. В наших предыдущих исследованиях мы указывали на два типа локальной соотнесенности ядерной семы модели семантической деривации с компонентами словообразовательной структуры исходного значения деривата. Она может являться компонентом семантической структуры производящей основы либо представлять собой результат фузии семантики префикса и производящей основы. Например, к схеме 1 относится производное слово ‘*délarder*’*, которое* означает: 1) – срезать сало со свиной туши, т. е. «удалить сало»; 2) уменьшить толщину чего-либо. Ядерная сема модели семантической деривации является компонентом семантической структуры производящей основы ‘*lard*’ (сало) и отражает его свойство – толщину. Как показало исследование, КЗ, развивающие полисемию по такой схеме, характеризуются системностью признаков, эксплицированных в ядерной семе модели семантической деривации. К таковым относятся следующие: признак предмета, функция, местоположение, свойство и т. п. Анализ КЗ, построенных по схеме 2, показал, что в данном случае речь не идет о системных семантико-прагматических характеристиках, эксплицированных в процессе семантической деривации, а об индивидуализированной семантике, представляющей собой результат переосмысления значений словообразовательных компонентов. Например, глагол ‘s’*envoler*’ означает: 1) взлететь, улететь (удалиться способом полета); 2) быстро исчезнуть. В семантической структуре ЛСВ1 содержится компонент «быстро исчезнуть», который отражает результат действия «удалиться в полете». Глагол

‘*dégoûter*’ означает 1) лишить аппетита; 2) внушить отвращение к чьему-либо внешнему виду (ядерная сема – отвращение). Глагол ‘*déparer*’ имеет значения 1) лишить того, что украшает; 2) испортить. Анализ 2000 примеров префиксальных производных слов показал, что большинство из них (70 %) развивают полисемию по схеме 2. В частности, преобладают такие семантические компоненты, как «искажение, ненависть, изменение, переход в другую категорию, повышение степени качества, положительное / отрицательное физическое или психическое состояние» и др.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Семантический аспект процесса развития полисемии на основе производного слова тесным образом связан с его формальным аспектом: семантико-прагматические характеристики изменяются в зависимости от формальной схемы семантической деривации (соотнесенности ее ядерной семы с определенным компонентом словообразовательной структуры).

2. Формальная структура исследуемого процесса в определенной мере задает направление семантическим процессам: при реализации формальной схемы 2 эксплицируется индивидуализированная семантика, а при реали-зации схемы 1 речь идет в большей степени о системных семантических характеристиках.

УДК 81’373

Татьяна Георгиевна Попова, д. филол. н.
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
эл. почта: tatyana_27@mail.ru

Tatiana Georgievna Popova, Dr of Sc. (Philology)
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia
e-mail: tatyana_27@mail.ru

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРЕДАЧЕ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ

Работа посвящена описанию роли экстралингвистической информации в передаче смыслов культуры. Делается вывод о том, что экстралингвистическая информация может быть передана целым рядом самых различных кодов и, в том числе, аудиальным, предметно-изобразительным, а также визуальным кодом.

Ключевые слова: язык, коммуникация, экстралингвистическая информация, код, культура

THE ROLE OF EXTRALINGUISTIC INFORMATION IN THE TRANSMISSION OF CULTURAL MEANINGS

The paper is devoted to the description of the role of extralinguistic information in the transmission of cultural meanings. It is concluded that extralinguistic information can be transmitted by a number of very different codes, including auditory, subject-visual, as well as visual code.

Key words: language, communication, extralinguistic information, code, culture

Для успешной коммуникативной деятельности необходимо наличие целого ряда условий и, в том числе, обладание участниками коммуникативного акта экстралингвистической информации, имеющей самое непосредственное отношение к адекватному восприятию сообщения, отправленного адресантом реципиенту. Действительно, точка зрения на язык и речеязыковую деятельность не ограничивается лишь семиотическим аспектом, а требует выхода за пределы языковой системы в область внелингвистических, энциклопедических знаний о реальной действительности, что позволяет понимать смыслы в коммуникативной деятельности.

К экстралингвистическим знаниям относятся различного рода фоновая информация и, в том числе, исторические события, произведения литературы и искусства, нравы, обычаи и традиции народа, сказки, пословицы и поговорки и т. д. Эта информация может быть передана целым рядом самых различных кодов и, в том числе, аудиальным, предметно-изобразительным кодом, а также визуальным кодом. Кроме этого, экстралингвистическая информация может быть передана текстом, как в ее письменной, так и устной формах.

Представители той или иной лингвокультуры обладают своими знаниями о культуре, языке и других областях, имеющих отношение к речеязыковой деятельности.

К примеру, возьмем некоторые фразеологические единицы китайского языка, которые сохранили имена таких известных исторических личностей, как Чжугэ Лян и Цзян Тайгун. «Старец Цзян ловит рыбу – сидит и ждет, когда она сядет на крючок, то есть появляется фразеологизм «сидеть и ждать у моря погоды. Вспомним, что Чжугэ Лян был известным полководцем в эпоху Троецарствия», отличавшийся мудростью и умением выходить из трудных положений, поэтому в приведенном выше фразеологизме «быть Чжугэ Ляном после события» это все равно, что фразеологизм русского языка «махать после драки кулаками». Относительно второго фразеологизма можно сказать, что здесь подразумевается, что «старец Цзян – легендарный мудрец и праведник, житие которого легенда относит ко времени правления чжоуского Вень-вана, которое относится к XIII веку до нашей эры» [1, с.109].

Что касается пословиц и поговорок, то они, будучи сгустком народной мудрости, что передается из поколения в поколение, представляют собой эссенцию народной мудрости, предупреждая людей, например, от опрометчивого шага или, подсказывая пути выхода из сложной ситуации и т. д. Таким образом, пословицы и поговорки содержат ценную лингкокультурно значимую информацию. В коммуникативной деятельности они, моделируя ситуацию и, становясь яркими народными символами, выполняют самые различные функции. Не случайно, в русском языке мы встречаем целый набор пословиц и поговорок, которые отражают ценность этих языковых явлений для нашей коммуникативной деятельности, например, «*Пословица к слову молвится*», где репрезентируется характер пословиц и поговорок.

Таким образом, экстралингвистическая информация проявляет способность совмещать в своей содержательной структуре ряд актуальных и потенциально значимых характеристик, а также передает смыслы и символы той или иной лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прядохин М. Г., Прядохина Л. И. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка. М., 2021. 321 с.

УДК 811.581.11’373’35

И Сяо, магистрант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: xiao.eric@yandex.by

Yi Xiao, MA Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: xiao.eric@yandex.by

СЕМАНТИКА АНТОНИМИЧЕСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ С ДЕТЕРМИНАТИВОМ 阝

В данной работе с целью определения закономерностей выбора смыслового компонента иероглифа для антонимических обозначений китайского языка анализируются знаки с графемой 阝 ‘холм’, определяются особенности репрезентации противоположностей.

Ключевые слова: антонимия; иероглиф, детерминатив, грамматология, китайский язык

SEMANTICS OF ANTONYMIC CHARACTERS WITH DETERMINATIVE 阝

In this work, in order to determine the patterns of the choice of semantic component of characters for the antonymic designations of the Chinese language, the characters with the grapheme 阝 ‘hill’ are analyzed, the features of the representation of opposites are determined.

Key words: television advertising, verbal and paraverbal means of communication, multimodality

Китайское письмо позволяет репрезентировать сущности, процессы, атрибуты и другие, необходимые человеку понятия путем ввода в письменный знак особого элемента – детерминатива, представляющего собой основной смысловой компонент иероглифа. Сложность выбора детерминатива заключается, с одной стороны, в ограниченности этой подсистемы, с другой стороны, в их широкой семантике, обусловливающей возможность вариативности относительно выражения идентичных понятий. Вопрос, вместе с тем, возникает также и относительно, например, иероглифической номинации схожих, противоположных, родо-видовых, холо-меронимических и других понятий, семантические связи обозначений которых, как нам представляется, должны закономерно фиксироваться иероглифом через детерминатив.

В центре внимания в данной работе находятся антонимические номинации и, соответственно, выявление тех оснований, которые детерминируют выбор смыслового компонента в паре иероглифов с противоположным значением. Анализ более 1050 пар антонимических иероглифов китайской письменности, в составе которых присутствует один из самых частотных детерминативов 阝 ‘холм’, показал, что число антонимических номинаций

с детерминативом 阝 ‘холм’ небольшое и составляет 38 пар, например, 陆 ‘суша, земля’ (阝 ‘холм’) – **海** ‘море’ (氵 ‘вода’). Идеограмма 陆 ‘суша, земля’ создана из детерминатива 阝 ‘холм’ и смыслового компонента 坴 «репрезентант земли с большой площадью»; а иероглиф **海** ‘море’ имеет в составе детерминатив 氵 ‘вода’, а также **險** ‘крутой’ (阝 ‘холм’) – 平 ‘гладкий’ (乎 ‘слабость’), **阻** ‘обрывистый’ (阝 ‘холм’) – **通** ‘пологий’ (辶 ‘шаг’), 陰 ‘Инь’ (阝 ‘холм’) – **陽** ‘Ян’ (阝 ‘холм’), которые в осознании древних китайцев сильно связаны с рельефом местности и др. Антонимические пары сложных иероглифических знаков с детерминативом 阝 ‘холм’ также также могут репрезентировать противоположно направленные действия. Например, **防** ‘позиционная оборона’ (阝 ‘холм’) – 攻 ‘атака’ (**攵** ‘битье’), 隱 ‘скрываться’ (阝 ‘холм’) – **現** ‘появиться’ (**玉** ‘яшма’), 陨 ‘подать с верха’ (阝 ‘холм’) – **興** ‘двигаться наверх’ (**舁** ‘совместная сила’), 陟 ‘подняться’ (阝 ‘холм’) – 降 ‘спускаться’ (阝 ‘холм’).

Таким образом, семантический анализ пар иероглифов-антонимов с детерминативом 阝 ‘холм’ наглядно показывает независимость номинации от семантических связей единиц в китайском иероглифическом письме. Выбор детерминатива в паре антонимов может быть мотивирован как общим единым, так и различным основанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цзя Цинь. Исследование антонимов древнекитайского языка. Ханчжоу : Чжэцзян. ун-т, 2016. 254 с. = 贾芹. 上古汉语反义词研究。**杭州：浙江大学出版社**, 2016. 254 页。

2. Большой словарь китайских иероглифов / редкол.: Сюй Чжуншу, Ли Гэфэй, Чжао Чжэньдо [и др.]. Ухань : Чун Вэнь Шу Цзюй, 2010. 5727 с. = 汉语大字典/汉语大字典编委会：徐中舒、李格非、赵振铎等，学术顾问组：于省吾、王力等。武汉：崇文书局，2010. 5727页

УДК (811.112.2+811.161.1)’37

Лариса Александровна Тарасевич, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: tarassew@yandex.ru

Larysa Alexandrovna Tarasevich, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tarassew@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ОПЫТА В СЕМАНТИКЕ ЛОКАТИВНЫХ СЛОВ

В работе обсуждается проблема адекватного описания семантики слов с пространственным значением. Определяются типы информации в значении пространственных лексем, раскрывается роль деятельностного опыта в формировании семантики локативных слов разной частеречной принадлежности.

Ключевые слова: семантика, пространственное значение, метаязык, лексическая единица, части речи

REPRESENTATION OF ACTIVITY EXPERIENCE IN THE SEMANTICS LOCATIVE WORDS

The paper discusses the problem of adequate description of the semantics of words with spatial meaning. The types of information in the meaning of spatial lexemes are determined, the role of information in the meaning of the semantics of locative words of different parts of speech is revealed.

Key words: semantics, spatial meaning, metalanguage, lexical unit, parts of speech

Знания о пространстве – важнейшей экзистенциальной категории в опыте человека – является составляющей семантики многих языковых единиц. Ряд лексем естественных языков «специализируются» на передаче информации о пространственной организации физических объектов (*фасад*, *спина*, *лицо* и др.), их пространственных измерениях (например, *длина*, *ширина*, *высота*), ориентации (*юг*, *север*, *вперед*, *вверх* и т. д.), отношении к движению (*идти*, *перемещаться*), положении (*стоять*, *сидеть*, *лежать*), отношении друг к другу в пространстве (например, *в*, *на*, *около*, *перед*, *над*) и т. п.

Основным перцептуальным каналом, через который человек получает знания о пространстве, является зрение. Считается, что в семантике пространственных слов, обозначающих действия и отношения (глаголы, предлоги), в первую очередь, отражается зрительный опыт человека. Подтверждением тому служат их дефиниции, в которых передаются, в основном, наблюдаемые аспекты обозначаемых участков внеязыковой действительности. Например, глагол *идти* в словаре С. И. Ожегова определяется как «двигаться, переступая ногами», *бежать* – «двигаться быстро, резко отталкивающимися от земли движениями ног».

Сложность описания наблюдаемого процесса перемещения, сущности отношений в пространстве приводит к неудовлетворительности словарных толкований лексем с пространственной семантикой и трудностям при разграничении значений синонимичных единиц. Например, глагол *карабкаться* получает дефиницию «подниматься, цепляясь руками и ногами», а глагол *лезть* – «карабкаясь, взбираться, подниматься, проникать», что не позволяет дифференцировать их семантику; предлог *вне*, обозначающий отношения с внешним пространством, толкуется как «за пределами чего-нибудь, не в ком-чем-нибудь», синонимичный ему предлог *снаружи* – как «с внешней, наружной стороны».

Решению проблемы адекватного описания семантики подобных единиц языка способствует учет информации об опыте взаимодействия человека с окружающим миром. Так, для семантики непереходных глаголов движения оказываются релевантными знания о характере среды перемещения (земля, воздух, вода), физических свойствах опоры (жесткая – *идти*, *шагать*; нежесткая – *грязнуть*, *тонуть*), о положении перемещающегося субъекта относительно опоры (перпендикулярно опоре – *идти*, параллельно – *ползти*, *карабкаться*;), произвольности или непроизвольности перемещения (*нырять vs. тонуть*); для семантики переходных глаголов движения значимым является опыт взаимодействия с перемещаемым объектом (вес – *тащить*, форма – *катить*, одушевленность – *гнать* и т. д.). В семантике предлогов

находят отражение знания о физических свойствах объектов окружающего мира (дискретность, целостность, выделенность, наличие поверхности, размер), их сущности (зрительно воспринимаемые *vs*. воображаемые). Например, предлог *снаружи* употребляется с именами зрительно воспринимаемых физических объектов, обладающих целостной поверхностью, предлог *вне* – с именами воображаемых объектов либо участков пространства, получивших именование в языке (ср.: **снаружи страны*, **вне кармана*).

Очевидно, что опыт физического взаимодействия с окружающим миром важен и для семантики существительных, именующих объекты физического мира: их сочетаемостные свойства предопределяются знаниями о наличии у них вышеперечисленных конституирующих свойств физических объектов. Помимо ограничений в сочетаемости с предлогами, существительные типа *область, регион*, *страна*, *дыра*, *щель*, *отверстие* не употребляются с глаголами, предполагающими физический контакт (**споткнуться об регион*, **удариться о дыру*, **опереться на отверстие*).

Изложенный перечень типов семантической информации, предопределенных деятельностным опытом человека, не является исчерпывающим. Его уточнение и систематизация – задача будущих исследований.

УДК 81’37

Виталий Викторович Тур, к. филол. н.
Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: vitaly.tur@gmail.com

Vitalij Viktorovich Tur, Cand. of Sc. (Philology)
Belarussian State Economic University, Minsk, Belarus
e-mail: vitaly.tur@gmail.com

ЧЕЛОВЕК VS. GPT-3: ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Представляемая в докладе работа является продолжением многочисленных исследований, посвященных раскрытию особенностей интерпретации языковых значений генеративной языковой моделью GPT-3. Предлагается эксперимент, оценивающий возможности GPT-3 на основе контекста интерпретировать значения вымышленных слов. Сравниваются особенности конструирования новых значений машиной и человеком. Указывается на невозможность модели GPT-3 разграничивать семантические признаки незнакомых слов по степени их значимости в контексте.

Ключевые слова: генеративная языковая модель GPT-3, структура лексического значения, релевантные семантические признаки, концептуальное прогнозирование

HUMAN VS. GPT-3: PECULIARITIES OF LEXICAL MEANING CONSTRUCTION

The report describes an experiment that evaluates the ability of the generative language model GPT-3 to interpret the meanings of made-up words based on context. Peculiarities of the construction of new meanings by the machine and humans are compared. The GPT-3 model’s

impossibility to distinguish between the semantic features of unfamiliar words according to the degree of their significance in the context is pointed out.

Key words: generative language model GPT-3, lexical meaning structure, relevant semantic features, conceptual prediction

Сегодня генеративная языковая модель GPT-3 по праву набирает все большую мировую популярность, привлекая повышенное внимание благодаря своим неординарным языковым возможностям в плане коммуникации с человеком, а также порождения текстов, которые без специальных инструментов уже практически невозможно отличить от текстов, порожденных человеком. Благодаря выдающимся успехам в области развития искусственного интеллекта беспрецедентно высокое внимание со стороны всего общества обращено сегодня на проблемы языковых значений. Неспециалисты в области когнитивной семантики задаются вопросом, действительно ли машина «понимает» значения слов, если может порождать бесконечное количество новых осмысленных текстов.

Не все однозначно и для специалистов. С одной стороны, очевидно, что речи о понимании в «человеческом» смысле быть не может, поскольку данная модель не оперирует на концептуальном уровне. Разработчики подчеркивают, что модель лишь выполняет задачу *имитации* человеческой речи, основываясь на статистическом обучении лексико-семантической сочетаемости на базе корпусов из миллионов существующих текстов, а также на словарях, к которым она имеет доступ в процессе обработки сообщений.

С другой стороны, растущее количество лингвистических исследований модели GPT-3 свидетельствует о том, что машина все больше удивляет лингвистов возможностями интерпретации все новых, нетривиальных оттенков значений, которые, очевидно, открываются благодаря заложенным алгоритмам по обработке и комбинированию словарных и контекстуальных данных. Представляется, что именно возможности по обработке контекстуальных значений, «вытягиванию» смыслов из предложенного контекста, представляет особый интерес в плане семантического исследования языковых возможностей рассматриваемой модели. Если интерпретация известных значений слов действительно является лишь имитацией работы мозга на концептуальном уровне (ведь словари и выделенные в них признаки, которые использует машина, представляют собой результат работы человека), то гораздо больший интерес представляли бы возможности модели в плане работы с неизвестными ей значениями.

В проведенном эксперименте машине предлагались созданные нами короткие тексты с вымышленным словом; при этом давалось задание назвать все признаки в значении этого слова, которые могут быть выведенными на основе контекста. Сравните, например, некоторые отрывки из текстов и признаки в значении вымышленного слова *флигл*, которые выводились моделью на основе контекста: *Одна из книг лежала плашмя поверх других, а на ней лежал флигл* => это объект, который можно положить на книгу; *Ого! Это ведь флигл? – улыбнулся Ник, взяв предмет двумя пальцами и протерев его от пыли* => он достаточно мал, чтобы взять его двумя пальцами; *Неужели*

у вас все еще пользуются им перед сном? – спросил он, разглядывая комнату через прозрачную поверхность предмета => 1. Это устаревший предмет, утративший ценность, 2. Имеет прозрачную поверхность, сквозь которую можно смотреть, 3. Как-то связан со сном и т. д.

Далее в ходе эксперимента то же задание было предложено людям. Результаты позволяют говорить о том, что возможности вычленения признаков машиной и человеком в целом сопоставимы. Так, в некоторых случаях люди демонстрировали лучшую способность к выявлению очевидных из контекста признаков, связанных с эмоциями действующих лиц; в других случаях, напротив, модель GPT-3 смогла назвать признаки, которые не замечали люди.

Наиболее интересным, однако, на наш взгляд, являлся следующий этап эксперимента, на котором опрашиваемым предлагалось расположить названные признаки по степени их релевантности и значимости в контексте. Эксперимент показал, что данное задание не вызвало трудностей у людей, однако представило собой непреодолимую сложность для машины. Модель GPT-3 уклонялась от ответа, сообщая, что располагает недостаточными данными об обозначаемом объекте, чтобы судить о его наиболее релевантных признаках. Данные результаты, на наш взгляд, демонстрируют принципиальную разницу в способе интерпретации языковых значений людьми и моделью GPT-3, а также позволяет лучше понять, каким образом человек хранит и использует значения слов.

Мы полагаем, что в отличие от нейросети GPT-3, человек начинает конструирование значения «с конца», т. е. на основе имеющихся сведений (какими незначительными бы они не были) сразу выстраивает теорию о том, что данное слово может обозначать, а в процессе поступления новых данных уточняет, модифицирует, или полностью заменяет имеющиеся теории на новые. В свете данной гипотезы становится объяснимой та легкость, с которой человек приписывает ту или иную степень релевантности любому признаку – теория о значении слова автоматически образует структуру значения, где каждый признак получает ту или иную степень релевантности в контексте выстроенной теории.

Имитация работы по конструированию теорий о семантике незнакомых слов и структурированию новых значений требует от модели GPT-3 решения проблемы оценки релевантности семантических признаков.

УДК 81’36

Лариса Николаевна Федосеева, д. филол. н.
Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, Рязань, Россия
эл. почта: ln-fedoseewa@yandex.ru

Larisa Nikolaevna Fedoseeva, Dr of Sc. (Philology)
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
e-mail: ln-fedoseewa@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ В ГРАММАТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Проанализированы некоторые грамматические аспекты, отражающие национальную картину мира носителей языка. Выявлены определенные оппозиции при типологическом сравнении языков.

Ключевые слова: грамматика, национальная картина мира

TO THE PROBLEM OF THE NATIONAL WORLD VIEW REFLECTION IN GRAMMAR

Some grammatical aspects reflecting the national picture of the world of native speakers are analyzed. Certain oppositions have been identified in the typological comparison of languages.

Key words: grammar, national world view

Цель исследования – выявить отражаемое грамматикой своеобразие семантического пространства языка, образующее национальную языковую картину мира и отражающее восприятие действительности, систему ценностей и оценок, то есть исторически сложившийся в данном этноязыковом сообществе менталитет.

Типологическое сравнение языков на морфологическом материале (форм слов в их контекстном употреблении) позволяет увидеть, что они отличаются друг от друга определенным набором смыслов и значений, которые могут или не могут быть выражены. Грамматика фиксирует свод субъектно-объектных отношений между членами этноязыкового сообщества, отражает национальное сознание, картину мира, способ ее восприятия и кодировки – семантическое пространство соответствующего языка [3].

Слова с локативной семантикой указывают на своеобразное членение мира, особенности его отражения в языковом сознании носителей языка [1, с. 10]. Так, среди русских глаголов движения (ГД) можно выделить две группы: однонаправленных (*идти*, *ехать* и др.) и разнонаправленных (*ходить*, *ездить* и др.) глаголов, которые корневой семантикой не выражают идеи направления по отношению к пространственному ориентиру, в отличие от английских глаголов *to go* (‘*идти*’, ‘*уйти*’ и др.) и *to come* (‘*прийти*’, ‘*приехать*’ и др.). При этом русские ГД фиксируют незначимый для инофонов способ перемещения, например: *идти / переходить / уходить* или темп, например: *идти / бежать / мчаться*.

Сему направления имеют приставки в русских ГД (***при****йти*, ***у****йти*, ***в****ъехать* и др.), своеобразно сочетающихся с предложно-падежными формами имен существительных. Так, в русском сознании пространство вокруг разделено на определенные зоны. ***При****йти*, ***при****ехать* можно только из одной зоны в другую, в пределах одной можно ***подо****йти,* ***под****ъехать*. Зоны условно делятся на «внешнюю» и «внутреннюю»: ***во****йти*, ***в****ъехать* можно из первой во вторую, поэтому в комнату можно ***во****йти* из коридора, *на террасу* – с улицы, а из второй в первую можно только ***вы****йти*, например из комнаты в коридор и на террасу. По этой же причине *в поле*, *в луга*, *на простор* русские ***вы****ходят*, а *в лес*, *в парк* ***в****ходят*.

Для обозначения определенных аспектов движения в русском языке функционируют различные предлоги: *из* – действие/движение направляется изнутри, *с* – с поверхности, *от* – от отправного пункта. Французский язык во всех трех случаях предлагает один предлог *de*: ***de*** *la table* (‘**из** стола’), ***de*** *la fenêtre* (‘**с** окна’), ***de*** *la maison* (‘**от** дома’).

Специфично в языках и отражение представления о личном пространстве. Так, слово *здесь* инофонами, в отличие от представителей русской лингвокультуры, употребляется обычно так, что семантика данного наречия включает говорящего в локализацию: *Здравствуйте, Валид здесь* (в телефонном разговоре). Русские, говоря о себе, избегают наречия *здесь*, абстрагируясь от места: *Здравствуйте, это Татьяна*. Т. М. Николаева отмечает: «…правомерно сказать об отличии именно русского этикетного поведения в инициальной телефонной фразе, отделяющей русский этикет не только от славянского, но и шире – европейского употребления, когда говорят *здесь: Здесь Милка; Здесь Эльжбета; Здесь Кристиан Саппок* и т. д. По этому поводу предлагается тезис о том, что русское *здесь* не предполагает включенность говорящего в локализацию, т. е. это поле «чужого», а не «своего» <…> Поэтому интродуктивное *Здесь Ирена* воспринимается как сообщение о третьем лице» [2, с. 324].

Итак, грамматика отражает семантическое пространство языка, находится в тесной связи с картиной мира его носителей, в связи с чем представляются интересными и перспективными дальнейшие исследования данных фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник. М. : Изд-во МГУ, 2000. 502 с.

2. Николаева Т. М. От звука к тексту. М. : Яз. рус. культуры, 2000. 679 с.

3. Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке. Рязань : РязГМУ, 2013. 385 с.

УДК 811.111’37

Ирина Георгиевна Цеханович, преподаватель
Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь
эл. почта: tsekhanovichirina82@mail.ru

Iryna Georgievna Tsekhanovich, Lecturer
Baranovichi State University, Baranovichi, Belarus
e-mail: tsekhanovichirina82@mail.ru

АССОЦИАТИВНЫЙ СПОСОБ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(на материале существительных краудсорсингового словаря Urban Dictionary)

В докладе описывается ассоциативный способ толкования слов по данным краудсорсингового онлайн-словаря Urban Dictionary. Выявлены синтагматическая, парадигматическая и экстралингвистическая стратегии ассоциирования при описании семантики существительных.

Ключевые слова: краудсорсинговый онлайн-словарь, семантика, ассоциативная стратегия, стимул, реакция, ассоциат

THE ASSOCIATIVE METHOD OF THE DESCRIPTION OF THE SEMANTICS OF LEXICAL UNITS (based on the data of nouns in Urban Dictionary)

The report describes the associative method of word defining, based on the data of crowdsourced online dictionary Urban Dictionary. Syntagmatic, paradigmatic and extralinguistic strategies of associating to describe the semantics of nouns are revealed.

Key words: crowdsourced online dictionary, semantics, associative strategy, stimulus, reaction, associate

С развитием психолингвистики особую популярность приобрел ассоциативный метод исследования семантики лексических единиц, суть которого заключается в проведении эксперимента, направленного на выявление мгновенных вербальных реакций, т. е. ассоциаций, которые вызывает слово-стимул у респондентов. Анализ полученных экспериментальных данных позволяет «сконструировать» ассоциативные поля, выделить в них ядро и периферию, увидеть наиболее частотные, а значит и релевантные для носителей языка ассоциации, которые имеют потенциал перейти в семантические компоненты, выявить культурно обусловленную составляющую значения и т. д. (см. работы Дж. Диза, Дж. Киша, Р. М. Фрумкиной, А. А. Залевской, Т. М. Рогожниковой, И. Г. Овчинниковой, Н. Б. Уфимцевой и др.). Появление краудсорсинговых, создаваемых общими усилиями пользователей Интернета, словарей предоставляет возможность рассмотреть данный метод в ином ракурсе – «чистом», не искаженном искусственными условиями эксперимента. В перспективе, как видится, совместное использование данных, извлеченных из краудсорсинговых словарей и полученных в результате эксперимента, позволит создать наиболее полный ассоциативный тезаурус, представляющий собой многомерную «модель сознания человека» (Ю. Н. Караулов).

Цель настоящего доклада – описание особенностей использования ассоциативного способа раскрытия лексического значения авторами краудсорсингового словаря Urban Dictionary – одного из самых популярных и больших словарных ресурсов такого типа. Материалом исследования стали 8861 толкований высокочастотных существительных, количество которых составило 234.

Проведенный анализ показал, что обсуждаемый способ раскрытия значения в материале исследования не является распространенным – выявлено 6,9 % толкований, в которых реализуется данный метод, что, по-видимому, связано с его малоинформативностью и субъективностью. При этом «народные лингвисты» используют разнообразные стратегии ассоциирования, которые «связывают» слово-стимул с вербальной реакцией по нескольким траекториям – синтагматической, когда ассоциаты представляют собой варианты сочетаемостных возможностей вокабулы, в которых одновременно могут отражаться характеристики поименованных сущностей (*cat – fluffy* ‘кот – пушистый’; *girl – complicated* ‘Девушка – сложная’); и парадигматической, основанной на системных отношениях в лексике, которые реализуются в материале исследования при помощи противопоставления (напр., *woman – not a man* ‘Женщина – не

мужчина'; *cat – not a dog* 'Кот – не собака'), метафоры и метонимии. Ассоциаты-метафоры содержат имплицитно выраженную информацию о значении толкуемой единицы, напр., *snake – danger noodle* 'змея – опасная лапша'. В данном примере областью сравнения выступают внешние характеристики сущности, поименованной словом, и вербальной реакции на него. Как видится, метафорические ассоциаты обладают высоким семантическим потенциалом, «непредсказуемостью смыслов», так как в них могут профилироваться латентные семы, актуализируемые как субъективными, так и объективными факторами. Кроме этого, слова-реакции могут передавать экспрессивно-оценочные суждения авторов словаря о слове-стимуле: *sister – a devil* 'Сестра – дьявол'; *school – hell* 'Школа – ад'. Метонимические ассоциаты «связываются» с вокабулой по линиям временной или причинно-следственной смежности: *cow – raw burger* 'корова – сырой бургер'; *diabetes – MacDonald's* 'Диабет – Макдональдс'. Кроме этого, в материале исследования были обнаружены т. н. тематические (или экстралингвистические) ассоциации, которые связываются «лексикографом-любителем» со словом-стимулом под влиянием приобретенного им субъективного опыта: *childhood – laughter and balloons* 'Детство – смех и шарики'.

Таким образом, авторы Urban Dictionary используют разнообразные стратегии ассоциирования как один из способов дескрипции семантики вокабул, который позволяет экономно описать значение, а также выразить эмоционально-оценочное суждение, наличествующее у носителя языка в отношении поименованных словами сущностей.

УДК 811.581.11'37
Юй Чен, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: crcdd51@outlook.com
Yu Chen, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: crcdd51@outlook.com

МЕТОНИМИЯ И МЕТАФОРА КАК МАРКЕРЫ СТАТУСА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В СТРУКТУРЕ ИСХОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ (на материале наименования **眼**, *yan* 'глаз' в китайском языке)

Обсуждаются результаты пилотного проекта по выявлению семантических признаков значения слова на основании анализа производных от него выражений. Метонимические и метонимические переносы, сопровождающие формирование значений дериватов, профилируют разные по своему статусу семантические признаки исходного значения: релевантные и салиентные.

Ключевые слова: релевантность, салиентность, лексическое значение, деривация, метонимия, метафора

METONYMIC AND METAPHORIC SHIFTS AS DETERMINANTS OF FEATURE STATUS IN SOURCE MEANING STRUCTURE
(based on the Chinese body term 眼, *yan* ‘eye’)

The abstract reveals the results of a pilot study on semantic features in the word meaning profiled via its derivatives accompanied by metonymic and metaphoric shifts. Different types of derivatives suggest a different status of profiled features: either relevant (essential) or salient (vivid).

Key words: relevance, salience, lexical meaning, derivation, metonymy, metaphor

Assessing feature weights and status in word meaning or conceptual structure has been the topic of a whole range of research publications (see S. A. Sloman, B. C. Love, W.-K. Ahn, F. Keil, E. Rosch, M. A. Khalidi, G. L. Murphy, D. Geeraerts, A. Ortony, A. Twersky, etc.). Depending on the taken perspective the scholars suggest various criteria for determining feature weights: ability of a feature to cause other features, mutability of a feature, its omnipresence, vividness, validity to the designated category, etc. This is often checked on psycholinguistic and introspective data. Yet, a closer look at word derivation accompanied by metonymic and metaphoric shifts shows that the features profiled differ in their status in the source meaning: some of them being relevant (essential) and others – salient (vivid) (see for ref. Харитончик, З. А. Салиентность и релевантность знания как факторы деривационной активности лексических единиц // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 432–442). A case study[1] of a Chinese body term 眼, *yan* ‘eye’ allowed singling out the features in its meaning profiled via its derivatives and assert feature statuses in the source meaning as salient or relevant.

The study revealed that even though many of the figurative uses of the word 眼 (*yan*) involve metaphoric shifts, they are quite often preceded by metonymy via ‘instrument – action’ model triggered by the classifier ‘body part’ in the source meaning of the word. So, it’s the relevant feature ‘function’ which gets profiled in suchlike contexts. For example, the meaning of the derivative *yan-guang* (eye-light) ‘sight; foresight; insight; vision’ is formed as a result of two consecutive shifts: a metonymy ‘eye (instrument) – ability to see (action)’ and a metaphor ‘ability to see – ability to predict’. The same refers to the derivatives *fang-yan* (let go/set free-eye) ‘take a broad view; scan widely’; *zhuo-yan* (put to-eye) ‘see/view from the angle of; have smth. in mind’ etc.

Apart from the functional component, the relevant knowledge in the meaning of the word 眼 (*yan*) includes features ‘contents’ and ‘container’. For example, the derivative *nong mei da yan* (thick brow big eye) means ‘good looking’, with EYE (part) referring the FACE (whole). So, like in the previous examples, the classifier ‘body part’ triggers the figurative use of the word, only this time it’s the feature ‘contents’ which is profiled. Cf. other bahuvrihi-type derivatives like *mei-yan*

[1] The gathered corpus of derivatives consists of 1350 expressions with 眼 (*yan*). The variants 目(*mu*), 睛 (*jing*) and 眼睛 (*yanjing*) for EYE were not analyzed within the scope of this paper.

(brow-eye) ‘appearance; looks’; *bai yan* (white eye) ‘dislike’. The ‘container’ feature is found in examples like *zei mei shu yan* (thief brow rat eye) ‘shifty-eyed; crafty-looking’ where the input space is an animal’s eye (rat eye) metaphorically transferred to a person’s eye (just as small as the rat’s) and then conceptualized as suggestive of a person’s character (‘containing’ character).

As for salient features in the meaning of the word 眼 (*yan*) revealed in derivation, they are ‘shape’ and ‘function’. For example, the derivative *zhen yan* (needle eye) ‘eye of a needle’ is a metaphor which is based on the similarity of the shape of a person’s eye and a needle’s hole. ‘Function’ as a salient feature is profiled in the derivative *quan yan* (fountain/spring eye) ‘the mouth of a spring or fountain’ (the similarity is in being the source of water / tears) which focuses not on ‘primary’ function of the eye as a body part (e.g. seeing), but on its ‘secondary’ function (e.g. crying). The input space in conceptual blends accompanying derivation processes may be constituted by a more detailed image: an animal’s eye, an eye of a certain size, color, shape, etc. And it may be these additional details that serve as anchors of a metaphor, not the features of the word meaning ‘eye’.

Thus, metaphoric and metonymic shifts that accompany derivatives of a word allow revealing features in the source meaning that have different, but equally important cognitive status compared to other features. The relevant and salient features may be of one type (e.g. the above-mentioned feature ‘function’) but their concrete realizations tend to be different. These preliminary conclusions need to be checked on a wider material.

Подсекция 1Б

УДК 811.161.1’37

Кирилл Вадимович Васильев, студент
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: kv.always.ready@mail.ru

Kirill Vadimovich Vasilev, Student
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: kv.always.ready@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЦВЕТА В РУССКИХ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Проанализированы особенности концептуализации цвета в русских абстрактных существительных. Рассмотрена частотность лексики, выражающей базовые цвета русского языка. Выявлена градация по семантическому признаку.

Ключевые слова: цвет, концептуализация, абстрактность, абстрактные существительные

COLOUR CONCEPTUALIZATION IN RUSSIAN ABSTRACT NOUNS

Colour conceptualization in Russian abstract nouns is analyzed. The frequency of basic colouronyms is studied. Their semantic gradation is revealed.

Key words: colour, conceptualization, abstractedness, abstract nouns

Слово – фундаментальная смысловая единица языка, корень осмысленного высказывания, главнейший знаковый инструмент человеческой культуры. Роль слова в речевой деятельности огромна, в данном исследовании слово рассматривается в когнитивной парадигме как базовый фрагмент концептуализации действительности. Объекты реальности, будь то предметы, явления или их признаки, отражаются в сознании человека через язык.

Одним из важнейших сенсорных параметров восприятия является цвет, который не только отражает параметры физической реальности, но и принадлежит к культурнообусловленным наименованиям-колоронимам. Колороним и его составляющие «обросли» коннотативными признаками, в различных лингвокультурах сформировались различные концептуальные системы, они «обросли» аллюзиями и вторичными метафорическими и метонимическими смыслами. Особенности концептуализации цвета, отражённые в абстрактных существительных-колоронимах, не представляются достаточно изученными, и их анализ составляет таким образом актуальность данного исследования.

Принципиальная разница между количеством цветообозначений в разных культурах позволяет утверждать, что концепты цветообозначений по-разному выражаются в языках. Например, цвет, будучи признаком некоторого объекта в реальной действительности, атрибутом материи, в русском языке выражается как прилагательными, так и существительными. Более того, базовые цвета имеют в языке несколько слов-обозначений цвета общей частеречной принадлежности: *белизна – беловатость*, *синева – синеватость*, различающихся интенсивностью проявления признака, принадлежащих при этом к общей парадигме абстрактной лексики. В системе английского языка, языка аналитического строя, признаки объекта преимущественно представлены в форме прилагательного. Это означает, что в практике русско-английского перевода может возникать переводческий «конфликт», требующий частеречной перестройки. Анализ положения дел в системе колоронимов-абстрактных существительных русского языка и экстраполяции полученных данных на систему английского языка позволит установить системные корреляции между языками и выстроить соответствующие переводческие стратегии.

На первом этапе решения данной проблемы ставится задача изучить систему русских колоронимов-абстрактных существительных, для чего создается эмпирическая база исследования. На основе словаря Т. Ф. Ефремовой методом сплошной выборки выделены абстрактные существительные-обозначения восьми базовых цветов спектра и сформированы следующие пары: *голубизна – голубоватость*, *желтизна – желтоватость*, *краснота – красноватость* и другие. Два цвета, белый и черный, получают по несколько обозначений: *белесоватость*, *белёсость*, *белизна*, *беловатость* и *чернизна*, *черноватость*, *чёрность*, *чернота*.

Абстрактные колоронимы образуются аффиксальным способом с помощью суффиксов *-изн*, *-ость*, *-ота* с общей семантикой отвлечённого признака. В ряде случаев образуются колоронимы со значением «неполноты качества, смягчения или уменьшения его по отношению к тому, что названо» за счет суффикса *-ова*. Анализ частотности выбранных слов, обозначающих, например, свойства белого качества, на основе данных корпуса НКРЯ показал следующее.

Белизна является наиболее частотным словом (встречается в 1687 текстах, 2753 вхождения) – *Халат ее сверкал высокогорной* ***белизной****, руки были хирургически отмыты, а пальцами она совершала какие-то мельчайшие движения*.

Белёсость представлена *в* 23 текстах, 26 вхождений – *Лес, куда сегодня утром удалился призрак, тонул в сырой* ***белесости****, и ближние деревья были отчетливы, а следующие за ними были будто их незакрашенные тени на белой стене*.

Белёсоватость – 8 текстов, 9 вхождений – *Сколько горя приносили ему в юности больная* ***белесоватость*** *лицевой кожи, больная седина, краснота глаз, как он был глуп, говорил он себе, и как тяжело, ужасно был наказан за свой глупый стыд*.

Беловатость – 3 текста, 3 вхождения – *Безветрие.* ***Беловатость*** *пшеницы, голубизна овса, плоскости вики. Чертополох в овсе*.

Градация *признак – неполнота признака* прослеживается в парах абстрактных существительных, выражающих базовые цвета спектра, причем «центральные» цвета в картине мира, белый и чёрный, порождают сложную структуру с широкой градацией отвлечённого признака при движении от центра концепта цвета к его периферии.

Перспективой исследования является анализ колоронимов в переводческой перспективе и выстраивание корреляций русское абстрактное существительное – английское прилагательное / существительное.

УДК 802.0-56

Татьяна Ивановна Воронцова, д. филол. н.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: vti2005@yandex.ru

Tatiana Ivanovna Vorontsova, Dr of Sc. (Philology)
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
e-mail: vti2005@yandex.ru

Анна Алексеевна Воронцова, к. филол. н.
Университет Потсдама, Германия
эл. почта: vorontsova.anna@yahoo.de

Anna Alexeevna Vorontsova, Cand. of Sc. (Philology)
University of Potsdam, Germany
e-mail: vorontsova.anna@yahoo.de

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема взаимосвязи категории эвиденциальности и эпистемологической модальности, выявлена тесная связь между этими языковыми явлениями, которая предполагает отказ от их раздельного исследования.

Ключевые слова: категория эвиденциальности, морфема, вербальное общение, эпистемическая модальность, феномен

ABOUT CORRELATION OF THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY AND EPISTEMOLOGICAL MODALITY

The article deals with the problem of correlation of the category of evidentiality and epistemological modality and comes to the conclusion that these language phenomena are closely connected and mustn't be investigated as separate phenomena.

Key words: category of evidentiality, morpheme, verbal communication, epistemological modality, phenomenon

Исследования категории эвиденциальности активно ведутся учеными в течение последних двадцати пяти лет. К наиболее важным исследованиям категории эвиденциальности относятся работы таких авторов, как Ф. Дэ Хаан 1999a; 1999b, Т. Виллет 1988, Т. Гивон 1982, Дж. Нюитс 2001, Ф. Палмер 1986; 1989, Краузе 2007, А. Ю. Айхенвальд 2004; 2006.

Изначально концепция категории эвиденциальности была сформулирована для неевропейских языков после того, как в некоторых из них были обнаружены определенные морфемы, используемые для идентификации источника информации. В этих языках категория эвиденциальности имеет хорошо развитую систему морфологических маркеров.

В структуре категории эвиденциальности можно выделить два основных вида: прямую и косвенную эвиденциальность. При этом выделяют пересказательный тип (reported, mediated) и инференциальность (inferring, reflected) (Л. Андерсон 1986, Т. Виллет 1988, Ф. Дэ Хаан 1999, В. А. Плунгян 2000 и др.).

В дискуссиях ученых существуют различные разногласия в вопросе отделения категории эвиденциальности от родственных явлений, в частности это относится к категории эпистемической модальности. Эвиденциальность и эпистемическая модальность рассматриваются как два отдельных феномена. Средства выражения эвиденциальности выступают в роли языковых маркеров, указывающих на источник информации или тип полученных данных. Приверженцами данной точки зрения являются Ф. де Хаан 2001, Г. Лазард 2001, А. Ю. Айхенвальд 2003, 2006, С. И. Буркова 2004, Г. Хаслер 2008, М. Сквартини 2004 и другие.

Согласно другой теории, эти две категории имеют область пересечения. Эвиденциальность указывает на тип источника информации, а эпистемическая модальность отражает степень уверенности говорящего относительно достоверности высказывания. Некоторые лингвисты считают, что именно источник информации во многих случаях оказывает прямое влияние на уверенность говорящего. При такой трактовке можно сделать вывод, что эвиденциальность и эпистемическая модальности имеют точки соприкосновения. Данной точки зрения придерживаются такие учёные, как Т. Виллет

1988, Ван ден Аувера и В. А. Плунгян 1998, И. Мушин 2001, Дж. Нюитс 2001, М. Т. Фаллер 2002.

Эвиденциальность может также рассматриваться как подобласть эпистемической модальности. При этом средства выражения эвиденциальности являются маркерами, которые указывают на тип информации через призму степени её надёжности, вероятности или достоверности. Сторонниками данного подхода являются также Дж. Байби 1985, 1994, Т. Уиллет 1988, Э. Инфантидоу 2001, Л. Мэттьюсон 2006, Э. МакКриди, Н. Огата 2007, Т. Петерсон 2008 и другие.

Таким образом, несмотря на существование различных подходов к проблеме соотношения категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, большое количество исследователей сходятся во мнении о том, что существует тесная взаимосвязь рассматриваемых явлений, и их не следует изучать в отрыве друг от друга в качестве самостоятельных языковых категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Haßler G. Temporalität, Aspektualität und Modalität in romanischen Sprachen. Berlin / Boston : De Gruyter. 2016. 362 p.

УДК 811.112.2’373.6

Фидан Эхтибаровна Гумбатова, ст. преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: f.gumbatova@spbu.ru

Fidan Ekhtibarovna Gumbatova, Senior Lecturer
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: f.gumbatova@spbu.ru

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА НА СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Проанализированы этимологические особенности лингвистических терминов и их синонимов в словарях И. К. Аделунга и И. Г. Кампе. Выявлены основные факторы, которые повлияли на процесс становления немецкой лингвистической терминологии конца XVIII – начала XIX века.

Ключевые слова: языковой пуризм, термины, лингвистическая терминология, И. К. Аделунг, И. Г. Кампе

THE INFLUENCE OF LINGUISTIC PURISM ON THE FORMATION OF GERMAN LINGUISTIC TERMINOLOGY OF THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURY

The etymological features of linguistic terms and their synonyms in the dictionaries of I. K. Adelung and I. G. Kampe are analyzed. The main factors that influenced the process of formation of German linguistic terminology of the late XVIII – early XIX century are revealed.

Key words: linguistic purism, terms, linguistic terminology, I. K. Adelung, I. G. Kampe

Актуальность данной статьи определяется интересом к проблеме пуризма, не с точки зрения экстралингвистических факторов, а с внутриязыковых. В результате исследования удалось установить, что определенные языковые ситуации в большей степени способствуют возникновению пуризма. Например, конкуренция двух языков (немецкого и латинского) в период становления литературного немецкого языка сыграла важную роль в процессе возникновения языкового пуризма. XVIII век – этап закрепления литературной нормы немецкого языка, в котором языковой пуризм является частью данного процесса, обусловливая дальнейшее развитие немецкого языка в целом [1, с. 2]. Рассмотрение языкового пуризма с этой точки зрения, кроме того, способствует формированию нового, на наш взгляд, более точного определения самого понятия языкового пуризма.

Пуризм может проявляться на любом уровне языка: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. В нашей работе внимание уделяется пуризму немецкой лингвистической терминологии конца XVIII – начала XIX века на материале словарей И. К. Аделунга *«Грамматически-критический словарь немецкого литературного языка» (1774–1786)* и И. Г. Кампе «Словарь для объяснения и онемечения навязанных нашему языку иноязычных слов» (1801).

В данной работе выделены сходства и различия языкового пуризма, который проявляется в лингвистической терминологии конца XVIII – начала XIX века, определены основные направления и характер пуристической активности в каждом из этих двух словарей, а также установлены зависимость эффективности или неуспешности пуристического вмешательства от особенностей исторических событий, которые повлияли на создание этих трудов, от личных предпочтений авторов, их представлений о чистоте и прозрачности немецкого языка, немецкой лингвистической терминологии в частности. Помимо этого, изучение языкового пуризма позволило рассмотреть специфику и результаты пуристической деятельности двух ученых-лингвистов, которые вложили большой вклад в становление немецкого литературного языка. Результаты исследования демонстрируют неравномерность проявления языкового пуризма, что обусловлено различными экстра- и интралингвистическими факторами. Пуристическая деятельность представлена как сложное, подчас разнонаправленное явление, непосредственно связанное с обстоятельствами существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геерс М. Е. Языковой пуризм в истории Англии и Германии : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. М., 2002. 32 с.

УДК 811.134.2´373.2

Елена Викторовна Долбилова, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: dolbilova@rgph.vsu.ru

Elena Viktorovna Dolbilova, Cand. of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: dolbilova@rgph.vsu.ru

Наталия Владимировна Шеминова, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: sicania@yandex.ru

Natalia Vladimirovna Sheminova, Cand. of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: sicania@yandex.ru

ТИТУЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ ДЕВЫ МАРИИ В ИСПАНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Проанализированы компоненты так называемых имен Марии (nombres marianas), возникших в ономастическом пространстве Испании на базе титульных номинаций Пресвятой Девы Марии (advocaciones marianas).

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, личное имя, испанский язык

TITLE NOMINATIONS OF THE VIRGIN MARY IN SPANISH ANTHROPONYMY

The components of the so-called names of Mary (nombres marianas) that arose in the onomastic space of Spain on the basis of the titular nominations of the Blessed Virgin Mary (advocaciones marianas) are analyzed.

Key words: onomastics, anthroponymy, personal name, Spanish

Предметом нашего исследования являются титульные номинации Девы Марии, целью – выявление истоков развития испанского ономастикона. В ходе исследования применялись методы наблюдения и сравнительно-сопоставительный анализ.

Дева Мария является наиболее почитаемой святой в испаноязычном мире. Величайшая из христианских святых, она является покровительницей и заступницей всех населенных пунктов Испании. При этом у каждого поселения, как правило, есть «своя» Дева Мария, поскольку у этой святой существует большое количество титульных номинаций («advocaciones marianas»). Данным термином обозначаются те дополнительные атрибутивные компоненты, которые так или иначе характеризуют Деву Марию.

Формально все эти номинации достаточно вариативны. В частности, первый компонент может быть выражен следующим образом: *Santa María*, *Virgen*, *Nuestra Señora*, тогда как второй компонент чаще всего представлен атрибутивной конструкцией *de + nombre* (*Virgen del Camino*). Кроме того, он может быть выражен постпозитивным определением *la + adjetivo* (*Nuestra Señora la Bella)* или *la + nombre* (*Nuestra Señora la Reparadora*).

В атрибутивных конструкциях используются слова самой разной семантики, поскольку они отражают многогранный облик Девы Марии, ее благодеяния и добродетели, а также ее жизненный путь. Так, в номинациях *Nuestra Señora de la Natividad*, *Nuestra Señora de la Visitación*, *Nuestra Señora de la Inmaculada Purísima Concepción Nuestra Señora de la Navidad*, *Nuestra*

Señora de la Asunción, *Nuestra Señora del Tránsito* запечатлены рождество Девы Марии, ее встреча с Елизаветой, рождество Иисуса Христа, успение и вознесение Девы Марии. Непорочное зачатие отражено в номинациях *Nuestra Señora de la Inmaculada* и *Purísima Concepción*.

Культ Девы Марии, ее особое почитание привели к тому, что в испанской антропонимии появились и стали пользоваться большой популярностью такие женские имена, как *Natividad*, *Visitación*, *Navidad*, *Asunción*, *Tránsito*, *Inmaculada*, *Concepción,* которые представляют собой атрибутивные компоненты титульных номинаций Девы Марии.

В свою очередь титульные номинации Девы Марии *Nuestra Señora de los Dolores, Nuestra Señora de la Soledad, Nuestra Señora de la Piedad, Nuestra Señora de las Lágrimas*, основанные на библейских мотивах снятия Иисуса Христа с креста, дали жизнь женским именам *Dolores, Soledad, Piedad* и *Lágrimas*.

Благодеяния и добродетели Девы Марии, нашедшие отражение в таких титульных номинациях, как *Nuestra Señora de las Mercedes*, *Nuestra Señora de la Merced*, *Nuestra Señora de la Humildad*, *Nuestra Señora del Remedio*, *Nuestra Señora de los Remedios, Virgen de la Caridad, Virgen del Remedio, Virgen de la Salud*, *Virgen de la Paz*, *Virgen de los Desamparados, Virgen de la Misericordia*, *Virgen del Amor-Hermoso, Virgen de la Alegría* породили соответственно имена *Mercedes, Humildad, Caridad, Remedio, Salud*, *Paz*, *Desamparados, Misericordia*, *Amor-Hermoso, Alegría*.

Чудесные явления самой Девы Марии или ее изображений в тех или иных местах запечатлены в наиболее многочисленной группе титульных номинаций, среди которых *Nuestra Señora de Covadonga*, *Nuestra Señora de Montserrat, Nuestra Señora de la Cabeza*, *Nuestra Señora de las Cuevas*, *Nuestra Señora del Camino (Camino de Santiago), Nuestra Señora del Pilar*. Эти номинации также вошли в испанский антропонимикон в виде женских имен *Covadonga*, *Montserrat, Cabeza*, *Cuevas*, *Camino, Pilar*.

Сказанным, конечно, не исчерпывается весь список титульных номинаций Девы Марии, но и приведенные данные достаточно убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что титульные номинации Девы Марии внесли значительный вклад в развитие испанского женского именника и испанской антропонимии в целом. Они также свидетельствуют о тесной связи языка, истории и культуры этноса и о том, сколь непредсказуемы в языке последствия этой связи.

УДК 81’373
Татьяна Викторовна Дубровская, д. филол. н.
Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
эл. почта: gynergy74@gmail.com

Tatiana Viktorovna Dubrovskaya, Dr of Sc. (Philology)
Penza State University, Penza, Russia
e-mail: gynergy74@gmail.com

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРИРОДА» В МАТЕРИАЛАХ О БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Выявлены единицы лексико-семантической группы «Природа» в публикациях о БАМе. Показаны особенности их контекстуального употребления. Определены способы создания антропоцентрического взгляда на природу через репрезентации опыта физической, рациональной и эмоциональной перцепции.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, природа, сенсорное восприятие, рациональная оценка, эмоциональная оценка

ANTROPOCENTRIC ASPECT OF THE LEXICAL GROUP ‘NATURE’ IN PUBLICATIONS ABOUT THE BAIKAL-AMUR MAINLINE

Lexical units of the group ‘Nature’ have been revealed in publications about BAM. Their contextual usage has been discussed. The techniques used to construct the anthropocentric perspective on nature include physical experience, as well as rational and emotional perception.

Key words: lexical-semantic group, nature, sensory perception, rational evaluation, emotional evaluation

В настоящей статье рассматривается лексико-семантическая группа «Природа» на материале публикаций о строительстве Байкало-Амурской магистрали. Цель исследования состоит в том, чтобы показать, как лексика данной группы актуализирует свой семантико-прагматический потенциал для концептуализации отношений человека и природы в текстах. Для исследования выбраны тематически релевантные публикации в советском детском журнале «Пионер». Методология работы включала отбор из материала лексических единиц, обозначающих явления живой и неживой природы, в том числе номинации природных явлений, температуры, растительного и животного мира, рельефа, природных ископаемых. Далее проводился контекстный анализ, выявляющий контексты употребления данных единиц (как в составе отдельных коллокаций, так и в более широких фрагментах текста), и устанавливались языковые средства создания антропоцентрической рамки.

Лексико-семантическая группа «Природа» представлена в текстах публикаций значительным количеством единиц: *сопки*, *тайга*, *снег*, *звёзды*, *солнце*, *долинка*, *месторождение*, *металл*, *чароит*, *ископаемые*, *залежи*, *брусника*, *грибы*, *болото*, *болотистость*, *мари*, *мерзлота*, *твердокаменный грунт*, *сосна*, *кусты*, *деревья*, *лес*, *горы*, *скалы, таёжные речки*, *озёра*, *медведь*, *белки*, *комар*, *мошкара* и др.

Денотативные значения данных единиц соотносятся с элементами объективно существующей действительности. Однако в журнальных публикациях эти единицы окружены единицами с семантикой чувств восприятия, рациональной деятельности или эмоционального отношения человека. Такое употребление создает антропоцентрическую перспективу: природа представлена как объект, с которым человек взаимодействует посредством сенсорного восприятия, рациональной и эмоциональной оценки.

Сенсорное восприятие реализуется главным образом через органы зрения, слуха и осязания (температурные ощущения). Работа зрительных анализаторов репрезентируется в лексемах со значением света и цвета: *горели звезды*, *ослепительное солнце*, *сверкающая июльская синева*, *камня чароита*

с его необыкновенно нежными малиновыми, фиолетовыми и синеватыми оттенками, видеть хозяина тайги и т. д.

В текстовых фрагментах описания природного мира нередко образуют единство с репрезентациями результатов человеческой деятельности, которые также воспринимаются зрительно, через световые и цветовые ощущения:

Яркое, а то и ослепительное, словно горное, солнце царствует на просторном бамовском сибирском небе, золотит убегающую вдаль стальную нить железной дороги, делает словно более выпуклыми и высокими окрестные сопки, высвечивает белые, голубые, зеленоватые, темно-красные многоэтажные дома новой Тынды (Пионер, №5, 1986).

Важным аспектом восприятия сибирской природы являются темпера-турные ощущения человека, выраженные лексически: *продрогли, холодно, солнце греет, люто, теплынь, не бывало жарко, покусанные морозом пальцы, ноги коченеют.* В приведенных примерах заметим эксплицитное употребле-ние названий частей человеческого тела как объектов воздействия со стороны природы.

Эмоциональные и рациональные оценки природы образуют еще два способа создания антропоцентрической перспективы на мир. Непривычная природа Сибири – источник удивления для людей: *несусветная, необъяснимая сибирская жара, удивлялись тайге.* Вместе с тем природа осмысляется и рационально – с точки зрения её пригодности, полезности, необходимости для жизни человека и развития общества: *необходимых народному хозяйству ископаемых*; *у Тынды … выгодное географическое положение*; *несмотря на относительную болотистость, здесь мало воды.*

Таким образом, лексико-семантическая группа «Природа» актуализирует свой семантико-прагматический потенциал в контексте, концептуализируя взаимодействие человека и природы как опыт физической, рациональной и эмоциональной перцепции.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, проект «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике», https://rscf.ru/project/22-28-00775/

УДК 81’367

Анна Александровна Клинцова, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: aprilryan.ru@mail.ru

Anna Aleksandrovna Klintsova, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: aprilryan.ru@mail.ru

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ БЕЗЛИЧНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛОВ БОЛЕВЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Проанализированы дефиниции предикатов болевых ощущений в английском, исландском и литовском языках в связи с актуализируемыми ими безличными моделями. Обнаружены соответствия между признаками каузативности/стативности и семантическими ролями облигаторных участников ситуаций.

Ключевые слова: глаголы болевых ощущений, семантический синтаксис, категория безличности, элементы синтаксической структуры

SEMANTIC AND SYNTACTIC PRINCIPLES OF THE IMPERSONAL ACTUALIZATION OF THE PAIN VERBS

The paper analyses the semantics of pain predicates in English, Icelandic and Lithuanian in connection with the impersonal models they realise. It is revealed that there are correlations between the causative/stative nature of the predicates and the semantic roles of the obligatory syntactic constituents.

Key words: pain verbs, semantic syntax, the category of impersonality, elements of the syntactic structure

Во многих индоевропейских языках безличные предложения служат способом передачи тех сфер жизненного опыта, в которых внешние по отношению к человеку силы интерпретируются как источник неприятных внутренних процессов и состояний. Отдельный интерес представляют экстралингвистические ситуации, описывающие болевые ощущения субъекта, в связи с многокомпонентностью их состава – каузатора, субъекта состояния, затронутой части тела. Тем самым, цель исследования заключается в выявлении элементов, как обязательных для синтаксической целостности безличного предложения, так и факультативных. В качестве материала выступили безличные глаголы с семантикой боли (1 глагол в английском, 13 – в исландском и 35 – в литовском языках) и их реализация в предложениях.

Анализ дефиниций глаголов болевых ощущений и их актуализированной валентности на примере безличных предложений сопоставляемых языков позволили сформулировать следующие семантико-синтаксические закономерности:

1. В английском языке единственный глагол *to hurt* ‘причинить боль’, способный образовывать безличные предложения ввиду наличия у него ядерной семы каузативности (что является обязательным условием безличных моделей в данном языке), имеет единичную облигаторную валентность на инфинитив, обозначающий *причину* болевого воздействия, в то время как *пациенс* или *часть тела* получают факультативное отражение в виде прямого дополнения: [Expl – V_{imp} – (O_d) – Inf] *Didn’t it* ***hurt*** *(his arm) to hold her like this?* ‘Его руке разве не было больно – держать ее так? (досл. – не причиняло ли оно боль руке)’.

2. В исландском языке предикаты типа *verkja* ‘болеть’ концептуализируются как состояния, обязательными компонентами которых выступают *экспериенцер* (выражаемый винительным падежом, не закрепленным в языке исключительно за объектом воздействия) и *часть тела* с факультативно отражаемой причиной: [AccNP – V_{imp} – $AccPP_{Advl.pl}$ – DatPP] *Það steig sterk lykt upp úr kerinu og hana* ***sveið*** *í augun af gufunni* ‘От кастрюли исходил сильный запах, и пар обжигал ей глаза (досл. – ей жгуче болело в глазах из-за пара)’.

3. В дефинициях литовских предикатов типа *skaudėti* ‘причинять боль’ обнаруживается каузативная ядерная сема, обуславливающая появление облигаторной винительной группы, соотносящейся с двумя разными актантами, в зависимости от реализации в предложении того или иного аспекта экстралингвистической ситуации:

а) в начальную позицию предложения помещается винительная группа с референцией одушевленного объекта воздействия, в то время как лока-

лизация боли оформляется предложным падежом: [$AccNP_{Od}$ – Adv_{fr} – Ø –V_{imp} – $LocNP_{Advl.pl}$] *Esant netaisyklingai laikysenai pacientą dažnai* ***maudžia*** *nugaros apačioje* ‘При неправильной осанке у пациента часто болит в области поясницы (досл. – пациенту часто болит)’.

б) предложение строится по образцу прототипического каузативного, где винительным падежом оформляется актант *часть тела*, с возможностью введения именной группы в дательном падеже, выступающей в роли посессора: [DatNP – V_{imp} – AccNP] *Vyresni kaimynai skundžiasi, kad jiems* ***gelia*** *sąnarius* ‘Пожилые соседи жалуются, что у них болят суставы (досл. – им болит суставы)’.

Таким образом, за английской безличной моделью болевых ощущений стоят чистые каузативные отношения, в которых *пациенс* и *часть тела* воспринимаются как имплицируемый объект облигаторно выражаемого внешнего воздействия; в исландском языке обнаруживаются стативные отношения, включающие в свою обязательную реализацию *экспериенцер* и *часть тела*; в литовском языке выявляются две каузативные модели – с *пациенсом* и *частью тела* и совмещенными *частью тела-пациенсом* и *посессором*.

УДК 811.111’37

Екатерина Сергеевна Колб, преподаватель
Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь
эл. почта: ekaterina.kolb@mail.ru

Ekaterina Sergeevna Kolb, Lecturer
Brest State Technical University, Brest, Belarus
e-mail: ekaterina.kolb@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОСНОВАНИЙ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ
(на материале наименований веществ в английском языке)

Проанализирована семантическая структура наименований веществ в английском языке. Установлены типы метонимических переносов.

Ключевые слова: наименования веществ, семантическая структура, лексико-семантический вариант, метонимический перенос

THE SPECIFICS OF GROUNDS FOR METONYMIC TRANSFERS
(on the content of substance names in English)

The semantic structure of substance names in English is analyzed. The types of metonymic transfers are established.

Key words: substance name, semantic structure, lexical-semantic variant, metonymic transfer

Объектом нашего исследования являются лексические единицы, обозначающие химические элементы в современном английском языке. Выборка слов из авторитетного лексикографического источника Longman Dictionary of Contemporary English (6th edition) содержит 51 наименование химических элементов, из которых только 9 являются многозначными лексическими единицами.

Анализ лексического материала показывает, что наименования химических элементов в современном английском языке называют не только металлы, но и имеют ряд других значений, образованных путем метонимического переноса. Это виды метонимических переносов, основанные на:

1) общности семантического компонента, избираемого из всей структуры значения (например, *cobalt* 2 – a bright blue-green colour ‘яркий сине-зеленый цвет’, *silver 3* – the colour of silver ‘цвет серебра’ и др.);

2) общности всей структуры значения (наиболее частый случай), что вписывается в общую формулу регулярных метонимических переносов (например, «материал – субъект» в слове *copper 4* – a police officer ‘полицейский’ (раньше полицейские носили восьмиконечную медную звезду на своем обмундировании); свойства и качественные характеристики в *gold 4* – have a heart of gold ‘иметь золотой характер’; «материал – предмет, сделанный из или на основе данного вещества либо содержащий это вещество» в *iron 4* – a golf club made of metal rather than wood ‘клюшка для гольфа, сделанная из металла, а не из дерева’ и *silver 2* – spoons, forks, dishes etc that are made of silver ‘ложки, вилки, посуда и т. д., которые изготовлены из серебра’). Кроме того, наблюдается специализация круга денотатов в значениях слова *tin*: *tin 2* – a small metal container in which food or drink is sold ‘маленькая металлическая емкость, в которой продается еда или напитки’, *tin 3* – a metal container with a lid in which food can be stored ‘металлическая емкость с крышкой, в которой можно хранить еду’ и *tin 4* – a metal container in which food is cooked ‘металлическая емкость, в которой готовят еду’.

С помощью метонимического переноса слово может приобретать ряд совершенно разных и непредсказуемых значений, например, *lead 3* – a lead balloon ‘полный провал’; *gold* 5 – the pot of gold (at the end of the rainbow) ‘несбыточная мечта’ и др.

Таким образом, метонимический перенос в семантических структурах наименований веществ в современном английском языке может осуществляться как на общности одного семантического компонента, так и на комплексе компонентов, составляющих основное значение.

УДК 811.112.2’37

Надежда Владимировна Куценко, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: nwkutsenko@gmail.com

Nadzieya Vladimirovna Kutsenko, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nwkutsenko@gmail.com

КОНЦЕПТ «ПОМОЩЬ» В КОСВЕННЫХ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Анализируется концепт «помощь» при выражении побудительного намерения посредством косвенных директивных речевых актов немецкого языка. Рассматриваемый концепт имеет различные варианты реализации, обусловленные семантическим типом используемых языковых средств.

Ключевые слова: концепт, косвенные побуждения, директивные речевые акты, семантические типы, средства выражения

THE CONCEPT «HELP» IN INDERECT DIRECTIVE SPEECH ACTS OF THE GERMAN LANGUAGE

The concept of «help» is analyzed when expressing a motivating intention through indirect directive speech acts of the German language. The concept under consideration has various implementation options, due to the semantic type of the language means.

Key words: concept, indirect motives, directive speech acts, language means, language levels

Понятие «концепт» рассматривается в лингвистике как многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности [1, с. 3]. Научный интерес представляют особенности реализации различных концептов в языке. Целью работы является исследование концепта «помощь» в косвенных директивных речевых актах немецкого языка, рассматриваемых лингвистами как сложные семантические структуры [2, с. 78].

Просьба о помощи является широко распространенным в коммуникации речевым актом, что обусловило наличие различных способов выражения концепта «помощь» в немецком языке. Анализ 135 высказываний с семантикой просьбы при помощи методов трансформации и контекстуального анализа позволяет выделить варианты реализации этого концепта. Чаще всего в выборке встречается просьба об услуге или о помощи в выполнении определенного действия (49 % примеров). Распространенность данного семантического типа просьбы обусловлена тем, что потребность в выполнении такого действия возможна практически в любой ситуации общения и не зависит от статусных характеристик коммуникантов. Традиционным средством его выражения является вопросительная конструкция с модальным глаголом *können* в сочетании с глаголом, эксплицирующим характер действия, например:

Könntest du mir heute mit dem Tischdecken helfen? ‘Ты не мог бы мне помочь сегодня накрыть стол?’.

Вторым по частотности вариантом реализации концепта «помощь» является просьба о помощи в работе (29 %). Данный тип просьбы ограничен сферой отношений в рамках определенной структурной организации. Для реализации данной интенции активно используются повествовательные структуры, фиксирующие характер трудностей, в сочетании с различными вопросительными конструкциями, например:

Diese Dokumente muss man dringend ausfüllen. Würdest du mir bitte helfen? ‘Эти документы необходимо срочно заполнить. Ты не мог бы мне помочь?’.

Просьба о финансовой помощи встречается несколько реже (18 %). Такое обращение уместно, как правило, между коммуникантами с равным социальным статусом. Его особенностью является использование различных интенсификаторов вежливости, например:

Wenn du mir ein bisschen mit Geld helfen könntest. ‘Если бы ты мне мог немного помочь деньгами’.

Придаточное предложение условия в сочетании с сослагательным наклонением модального глагола смягчает настоятельность побуждения, обеспечивая тем самым психо-эмоциональный контакт между коммуникантами.

Изредка в выборке фиксируется просьба о помощи советом (4 % примеров). В высказываниях с данной семантикой обычно используется

аксиологическая модальность, позволяющая говорящему выразить оценку сложившейся ситуации, например:

Ich schaffe diese Situation nicht. Was meinst du, was soll ich machen? ‘Я не справляюсь с этой ситуацией. Как ты считаешь, что я должен сделать?’.

Таким образом, концепт «помощь» в косвенных побуждениях имеет в немецком языке различные типы реализации. В практическом материале чаще всего встречаются просьбы об услуге, определенном действии или о помощи в работе. Просьба о финансовой помощи фиксируется реже. Наименее распространены в коммуникации просьбы о помощи советом. Данные семантические типы имеют различные структурные варианты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 3. С. 3–10.

2. Дорошенко А. В. Побудительные речевые акты в косвенных контекстах // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: Н. Д. Арутюнова [и др.]. М., 1989. С. 76–91.

УДК 811.111’36’37

Анжелика Витальевна Ломовая, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: jollygreenangel@gmail.com

Anzhalika Vitalyeuna Lamavaya, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: jollygreenangel@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВАЛЕНТНОСТИ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ-ЗООМОРФИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проанализирована семантика и валентность английских глаголов, образованных путем конверсии от наименований животных. Выявлена взаимосвязь между статусом референта исходного имени (‘хищник’ либо ‘жертва’) и результирующей валентностью таких глаголов.

Ключевые слова: зооморфные глаголы, конверсия, синтаксическая и семантическая валентность, фреймовая семантика

COGNITIVE GROUNDS FOR THE VALENCY OF DENOMINAL ZOOMORPHIC VERBS IN THE ENGLISH LANGUAGE

The paper analyzes the semantics and valency of the English verbs, derived by conversion from animal nouns. It is revealed that there is the correlation between the status of the animal named by the original noun (‘predator’ or ‘prey’) and the resulting valency of such verbs.

Key words: zoomorphic verbs, conversion, syntactic and semantic valency, frame semantics

Зооморфизмы представляют собой универсальное явление, характерное как для древних, так и современных языков. Данным термином обозначают

образные наименования, которые базируются на сравнении людей с животными, причем основа для метафорического переноса может как совпадать, так и различаться в лингвокультурах мира. В английском языке особый интерес представляют глаголы, образованные путем конверсии (безаффиксальной деривации) от названий животных, в связи с многообразием семантики и спецификой метафоризации данных производных единиц.

Исходным положением для исследования послужил постулат фреймовой семантики о взаимосвязи между энциклопедической информацией о референте имени и его семантикой. Из словаря «Collins English Dictionary» (https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english) были отобраны 32 глагола-зооморфизма, образованных от названий млекопитающих и птиц (*to beaver away* ‘проявлять усердие; корпеть’, *to dog* ‘неотступно следовать (за кем-л.); выслеживать’, *to chicken out* ‘пойти на попятный’, *to crane* ‘вытягивать (шею)’ и др.), и рассмотрены предложения с ними из «Корпуса современного американского английского языка» (https://www.english-corpora.org/coca).

Анализ актуализируемой синтаксической и семантической валентности продемонстрировал взаимосвязь между ролью животного, чьи качества легли в основу метафорического сравнения, в живой природе и транзитивностью либо интранзитивностью зооморфного глагола. Так, интранзитивная (одновалентная) реализация характерна для глаголов, образованных от наименований нехищных птиц и животных (*to peacock* ‘важничать, задаваться’, *to swan* ‘прогуливаться, прохлаждаться’, *to hare off* ‘быстро бежать’, *to horse around* ‘резвиться, беситься’, *to pig out* ‘объедаться, обжираться’ и др.): *A tall brother peacocked across the room, tapped her on the shoulder* ‘Высокий брат важно прошелся по комнате, похлопал ее по плечу’; *It won’t stop an obese kid from going home and pigging out after school* ‘Это не помешает полному ребенку вернуться домой из школы и начать объедаться’.

Транзитивная (двухвалентная) реализация предопределяется следующими факторами:

1) референт исходного имени относится к хищным видам (*to hawk* ‘налетать коршуном, стремительно нападать’, *to ferret* ‘разыскивать, преследовать, беспокоить’, *to fox* ‘обманывать, сбивать с толку’, *to wolf down* ‘есть с жадностью; пожирать’ и др.) – в этом случае глагол является каузативным, т. е. объект воздействия претерпевает некоторые изменения: *Unfaithful spouses, not to mention two ex-wives hawking him for alimony* ‘Неверные супруги, не говоря уже о двух бывших женах, которые преследуют его и вытягивают из него алименты’; *I tried to guess her age. What foxed me was her makeup* ‘Я пытался определить ее возраст, но ее макияж сбил меня с толку’;

2) референт исходного имени относится к нехищным видам (*to ape* ‘обезьянничать, подражать’, *to badger* ‘травить; выклянчивать’, *to goose* ‘подталкивать, подгонять’, *to parrot* ‘болтать или повторять (как попугай)’, *to squirrel away* ‘делать запасы’):

а) функция референта переосмысляется, и он воспринимается как каузатор действия (так, семантика *to goose* предопределяется типичным поведением гусей по отношению к человеку): *Orr snuck up and goosed Gabe in the ribs* ‘Орр подкрался к Гейбу и неожиданно ткнул его пальцем в ребра’;

б) референт сам оказывается объектом в ситуации, которая легла в основу метафорического переноса (так, семантика *to badger* объясняется ролью барсука как объекта травли), либо не оказывает каузирующего воздействия на другого участника отражаемой в предложении ситуации (так, семантика *to ape* не предполагает воздействия на объект подражания): *She badgered politicians to open their eyes and help the guy* ‘Она заставила политиков открыть глаза и помочь парню’; *In some ways the English monarchy aped the French* ‘В некоторой степени английская монархия подражала французской’.

Таким образом, основным бинарным признаком, который определяет тип актуализируемой валентности зооморфных отыменных глаголов английского языка, является ‘активность’ либо ‘пассивность’ референта исходного имени в живой природе (‘хищник’ либо ‘жертва’) или характер взаимодействия с человеком (в этом случае роли каузатора либо объекта каузации могут перераспределяться между человеком и животным в зависимости от концептуализируемого фрагмента внеязыковой реальности).

УДК 811.111’37

Антон Александрович Мяховский, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: myaxovskij@gmail.com

Anton Aleksandrovich Miakhouski, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: myaxovskij@gmail.com

ЧАСТОТНОСТЬ, РЕГУЛЯРНОСТЬ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ «НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ»
(на материале современного английского языка)

Проанализированы параметры частотности и регулярности семантических признаков в гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» в английском языке. Выявлены взаимосвязи между этими количественными параметрами и функционированием признаков в иерархии.

Ключевые слова: гиперо-гипонимия, семантический признак, частотность, регулярность, функционирование

FREQUENCY, REGULARITY AND FUNCTIONING OF SEMANTIC FEATURES IN THE HYPER-HYPONYMIC HIERARCHY OF ANIMAL DESIGNATORS
(based on the contemporary English language)

The parameters of frequency and regularity of semantic features in the hyper-hyponymic hierarchy of animal designators in the English language have been analyzed. The relationships between these parameters and the functioning of features in the hierarchy have been revealed.

Key words: hyper-hyponymy, semantic feature, frequency, regularity, functioning

В семантических исследованиях широко используются количественные методы. Опираясь на удельный вес, процентное соотношение, частотность признаков и др., можно выявить ряд закономерностей, касающихся организации семантической информации в лексической системе языка. Также предпринимались попытки установления соответствия между количественными параметрами и функционированием семантических признаков (способностью исполнять функцию интегральных и / или дистинктивных признаков).

Так, К. Макрей выяснил, что количественные параметры связаны с функциями, которые признак осуществляет в лексико-семантической категории. Эта мысль наглядно отражена в его классификации дистинктивных и недистинктивных (интегральных) признаков. Согласно К. Макрею, в пределах одной лексико-семантической категории выделяются дистинктивные признаки с минимальной частотностью 1, которая соответствует однократному употреблению, а также низкочастотные недистинктивные (3–8 употреблений) и высокочастотные недистинктивные признаки (11–121 употребление) [McRae et al, 2005].

Целью данного исследования является продолжение работы К. Макрея, а именно выявление взаимосвязей между количественными параметрами и функциями признаков на примере гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» в современном английском языке. **Материалом** исследования послужил фрагмент базы английского языка WordNet, соответствующий целевой иерархии. В качестве основного использовался **метод** компонентного анализа, с помощью которого были выделены семантические признаки, составляющие значения отдельных членов иерархии. Также с опорой на ***частотность*** (сколько раз признак встречается в иерархии) и ***регулярность признаков*** (в какой доле от общего числа членов представлен признак) были выявлены наиболее ядерные и периферийные признаки в иерархии «названия животных».

По качеству заключенной в них информации удалось выделить следующие типы признаков: 1) перцептивные – размер, форма, окрас и покров животного и частей его тела; 2) классифицирующие – классовая принадлежность; 3) локативные – водоплавающее или наземное животное; географические регион и область обитания; 4) поведенческие – как животное передвигается, добывает пропитание, ухаживает за партнером и потомством; 5) утилитарные – домашнее или дикое; польза, функция, вред, опасность, которые связаны с животным; 6) возрастные – является ли животное молодым, взрослым или же старым; 7) половые – пол и способность к репродукции.

При ближайшем рассмотрении приведенных типов признаков выяснилось, что количественные показатели (частотности и регулярности) и исполняемые признаками функции тесно связаны друг с другом. Например, более **частотные** перцептивные (4715), классифицирующие (4012), локативные (1875), поведенческие (1027) и утилитарные (1013) признаки могут выступать как в качестве интегральных, так и дифференциальных, однако чаще всего исполняют роль интегральных. В то же время низкочастотные возрастные (241) и половые признаки (182) обычно ограничиваются лишь ролью дистинктивных признаков. О том, что параметры **регулярности и частотности** признака отличаются друг

от друга, свидетельствует тот факт, что частотные признаки не всегда наиболее регулярные. Например, классифицирующие признаки уступают перцептивным в частотности (встречаются всего в 61,3 % членов иерархии), хотя и являются наиболее регулярными (встречаются в 98,4 % членов иерархии).

Можно заключить, что, когда параметры частотности и регулярности достигают предельно низких или, напротив, высоких количественных показателей, семантический признак становится ригидным и концентрируется на исполнении **одной функции**. Так, максимально частотные и регулярные признаки исполняют только функцию интегральных, а наименее частотные и регулярные – только функцию дистинктивных признаков. При несоответствии параметров (регулярность заметно превышает частотность или наоборот) признак сохраняет возможность выступать **в обеих ролях**, что можно наблюдать на примере перцептивных признаков. Признаки, частотность и регулярность которых держатся в середине спектра (такие как локативные, поведенческие и утилитарные), также сохраняют способность исполнять функцию как интегральных, так и дистинктивных.

УДК 811.111’37

Наталья Петровна Науменко, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: ziuzia@yahoo/com

Natallia Petrovna Naumenko, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ziuzia@yahoo/com

ТЕЗАУРУС КАК ФОРМАТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВЕНИЯ

Представлена возможная структура статьи англоязычного терминологического тезауруса актов гражданского неповиновения с указанием выявленных семантических отношений между составляющими её терминологическими единицами.

Ключевые слова: тезаурус, терминосистема, акт гражданского неповиновения, семантическое отношение, синонимия, антонимия, гипонимия, гиперонимия

THESAURUS AS FACTOR FOR CLASSIFYING ACTS OF CIVIL DISOBEDIENCE TERMINOLOGY

A possible composition of an entry of acts of civil disobedience terminology thesaurus with the revealed semantic relations between its components is represented.

Key words: thesaurus, entry, terminology system, act of civil disobedience, synonym, antonym, hypernym, hyponym

Максимально полную картину терминосистемы актов гражданского неповиновения позволяет представить разработанный в данном исследовании тезаурус. Тезаурус любой конкретной области – это словарь, фиксирующий

семантические отношения (синонимические, антонимические, паронимические гипонимические, гиперонимические и т. д.) между единицами, составляющими его статью [1, с. 52].

В основе модели отраслевого словаря-тезауруса лежит полевая организация исследуемых терминов. Родовидовой и категориальный анализ терминологии позволяет смоделировать ее понятийное поле. Впервые тезаурус был использован в области машинного перевода в 1954 году. При помощи тезаурусов устанавливалось соответствие между языком запросов пользователя и документами в информационно-поисковых системах.

Терминологический словарь-тезаурус отличается от других словарей тем, что он представляет объемную когнитивную модель определенной отрасли знания или человеческой деятельности. Такое единство в рамках рассматриваемой терминосистемы предстает в форме терминографической словарной статьи [2, с. 52].

Вышеизложенное положено в основу разрабатываемого тезауруса англоязычных терминов актов неповиновения афроамериканского населения США в 2020 году, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных изданий электронной прессы (сайты nytimes.com, islandecho.co.uk, vox.com, aljazeera.com, bbc.com, washingtonpost.com,).Функционально данный тезаурус может использоваться в качестве средства описания и упорядочения терминологии предметной области и инструмента поиска в информационно-поисковых системах. Ниже приводится фрагмент сформированного тезауруса: 1. *Charge* (*criminal law*) – 'a pleading describing some wrong or offense'. Synonyms: *verdict*, *sentence*. Antonyms: *acquittal*, *excuse*. Hypernyms: *attack*, *onrush*, *onset*, *onslaught (military*) – 'an offensive against an enemy (using weapons)'. Hyponym: *countercharge* – 'a retaliatory charge'. 2. *Coroner* – 'a public official who investigates by inquest any death not due to natural cause's. Hypernym: *investigator*. Synonyms: *investigating officer*, *crowner*, *interrogator*, *detective*. Antonyms: *mid-level practitioner*, *mid-level provider*. 3. *Forgery* – 'criminal falsification by making or altering an instrument with intent to defraud'. Hypernyms: *falsehood*, *falsification* – the act of rendering something false as by fraudulent changes (of documents or measures etc.) or counterfeiting. Synonyms: *fake*, *counterfeiting*, *imitation*, *falsification.* Antonyms: *authenticity*, *actuality*, *adjustment*. 4. *Lynching* – 'putting a person to death by mob action without due process of law'. Hypernyms: *execution*, *murder*, *slaying* – 'unlawful premeditated killing of a human being by a human being'. Synonyms: *capital punishment*, *gallows*, *killing*. Antonyms: *absolution*, *clemency*, *commutation*, *compassion*. 5. *Misconstrue* – 'to interpret in the wrong way'. Hypernyms: *construe*, *interpret* – 'assign a meaning to'. Synonyms: *be amiss*, *misapprehend*, *misconceive*, *misinterpret*, *misunderstand*. Antonyms: *comprehend*, *interpret*, *understand*, *conceive*. 6. *Skirmish* – 'a minor short-term fight'. Hypernyms: *combat*, *fight*, *fighting*, *scrap* – 'the act of fighting'; any contest or struggle. Hyponym: *contretemps* – 'an awkward clash'. Synonyms: *brush*, *clash*, *encounter*. Antonyms: *truce*, *agreement*, *peace*, *surrender*.

Как следует из проведённого исследования, терминологический тезаурус, в отличие от толкового словаря, позволяет выявить смысл не только с помощью определения, но и посредством соотнесения слова с другими понятиями и их группами через системное представление семантических отношений между

компонентами, что приводит к установлению связей между терминами и благодаря чему тезаурус может использоваться для наполнения баз знаний систем искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесников С. В. Тезаурус как отражение системности языка // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2011. № 50. С. 52–61.

2. Синелева А. В. К вопросу определения структуры словарных статей в терминологических тезаурусах // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика : сб. ст. по материалам XLVI Междунар. филол. конф. СПб., 2017. С. 51–60.

УДК 811.133.1’37

Юлия Владимировна Овсейчик, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: ovsei77@rambler.ru

Yuliya Vladimirovna Auseichyk, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ovsei77@rambler.ru

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ СВЯЗУЮЩЕЙ ЕДИНИЦЫ *SINON*

Рассматривается семантическая неоднозначность французской связующей единицы *sinon*. Анализируются основные способы ее употребления, дифференцируются ее функциональные и семантические свойства.

Ключевые слова: связующая единица, копулятивное соединение, коннективное соединение, противительные отношения, разделительные отношения, градационные отношения, уступительные отношения

ON THE SEMANTIC AMBIGUITY OF THE FRENCH LINKING UNIT *SINON*

The semantic ambiguity of the French linking unit *sinon* is considered. The main ways of its use are analyzed, its functional and semantic properties are differentiated.

Key words: linking unit, copulative connection, connective connection, adversative relation, disjunction relation, gradation, concession

Постоянная потребность в обозначении многообразия отношений между внеязыковыми сущностями в ходе познавательной деятельности человека приводит к появлению связующих единиц, проявляющих в ряде контекстов семантическую неоднозначность. К таким неоднозначным связующим единицам относится французская единица *sinon* ‘кроме как, в противном случае, исключая, иначе, если не, как не, а не то’, которая является объектом нашего исследования. Изначальное совмещение в семантике единицы *sinon* указания на отрицание и условие в результате слияния отрицательной частицы

non ‘не, нет’ с союзом *se* ‘если’ в среднефранцузский период [1] обусловливает ее способность к маркированию разнообразных абстрактных отношений в современном французском языке.

Целью работы является определение синтагматических условий для снятия семантической неоднозначности французской связующей единицы *sinon*. Материалом исследования послужили 200 контекстов, отобранных из Национального корпуса французского языка Frantext [2] за период с 2000 г. по настоящее время, анализ которых показал следующее.

При коннективном соединении (модель: P_1 *sinon* P_2) исследуемая единица используется для указания на взаимоисключающие альтернативы в значении *dans le cas contraire, autrement* ‘в противном случае, иначе’, например: *Ici le radiateur électrique… Ne le mets pas trop fort* ***sinon*** [=si tu le mets au fort] *il saute* ‘Вот обогреватель… Не ставь его на максимум, *в противном случае* [= если ты поставишь обогреватель на максимум] он перегреется’ [2].

При копулятивном соединении в зависимости от наличия отрицания и позиции связующей единицы различаются три синтаксических модели: *non* X ***sinon*** Y, X ***sinon*** *(même)* У, ***sinon*** X *du moins* У.

При наличии отрицания в первом соединенном компоненте (модель: *non* X ***sinon*** Y) связующая единица сигнализирует о том, что субъект ситуации из всего множества исключает один элемент, например: *Je ne distinguai rien d’elle* [*une femme voilée de noir*], ***sinon*** *une ombre qui avance* ‘Я ничего не разглядел в ней [в женщине в черном], кроме приближающейся тени’ [2]). При отсутствии отрицания (модель: X ***sinon*** *(même)* Y) в зависимости от наличия усиливающего наречия *même* ‘даже’ и лексико-семантического содержания соединенных компонентов отношения между ними имеют корректирующий либо градационный характер: второй компонент выводит в фокус релевантную в текущей ситуации информацию, не исключая, а корректируя содержание первого компонента, например: *J’ai rempli tous les miens* [*mes devoirs*] *avec exactitude,* ***sinon*** *avec enthousiasme* ‘Я выполнил все свои [обязанности] с точностью, если не с энтузиазмом’ [2]; признак, репрезентированный во втором компоненте, усиливается или ослабляется, например: *C’était un très vieux général, sans un atome de graisse, sec* ***sinon même*** *desséché* ‘Это был очень старый генерал, без малейшего жира, сухой, даже если не сказать высохший’ [2]). Препозиция лексемы *sinon* к первому компоненту требует наличия еще одного связующего элемента *du moins* (модель: ***sinon*** X *du moins* У). При таком соединении отношения между компонентами квалифицируются как уступительные, например: *Sur le moment, une grossesse lui avait paru* ***sinon*** *plus facile,* ***du moins*** *envisageable* ‘На тот момент беременность казалась ей если не более легкой, то, по крайней мере, возможной’ [2].

Таким образом, тип связи (копулятивный или коннективный), содержание соединяемых компонентов, порядок их следования, наличие отрицания в первом компоненте и конкретизаторов связующей единицы снимают семантическую неоднозначность единицы *sinon*, которая используется при обозначении разделительных, противительных, градационных и уступительных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Centre National des resources textuelles et lexicales. URL: http://www.cnrtl.fr/ (accessed: 11.02.2023).

2. Frantext. Национальный корпус французского языка. URL: http://www.frantexte.fr/ (accessed: 11.02.2023).

УДК 811.161.1'37'42

Оксана Олеговна Петрова, к. филол. н.
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия
эл. почта: poks1990@yandex.ru

Oksana Olegovna Petrova, Cand. of Sc. (Philology)
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia
e-mail: poks1990@yandex.ru

ПРЯМЫЕ И ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *МОЛОДОЙ – СТАРЫЙ* В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ

Проанализирована семантика имен прилагательных молодой и старый в аспектуальной ситуации: характер изменения значения имен прилагательных в зависимости от определяемого существительного и в зависимости от дискурса.

Ключевые слова: семантика, прямые и переносные значения, прагматика, дискурс

DIRECT AND FIGURATIVE MEANINGS OF ADJECTIVES *YOUNG – OLD* IN THE LANGUAGE SYSTEM AND IN VARIOUS DISCOURSES

The semantics of adjectives young and old in an aspectual situation is analyzed: the nature of the change in the meaning of adjectives depending on the noun being defined and depending on the discourse.

Key words: semantics, direct and figurative meanings, pragmatics, discourse

Цель исследования: 1) показать, какие модели описания прилагательных *молодой – старый* можно использовать в практике осмысления их семантики и прагматики; 2) отметить характер изменения значений этих слов в зависимости от семантики существительного, с которым они сочетаются, 3) проиллюстрировать ориентированность семантики прилагательного на предметную и/или понятийную сторону имени лица; 4) показать зависимость семантики имени прилагательного от типа дискурса, в котором они функционируют. Описание материала осуществляется методом альтернатив (методом альтернативной интерпретации объекта исследования).

Е. В. Рахилина наряду с отечественными и европейскими лингвистами описывает семантику слова *старый* в «аспектуальной ситуации»: для предметных имен автор выделяет четыре «аспектуальных» типа: природные

объекты, артефакты с ограниченным сроком жизни, «сменные» и креативные объекты. В работе отмечаются и «частые антонимы» к «аспектуальным ситуациям»: *молодой*, *новый*, *теперешний*, *современный*.

В этой классификации немало интересных наблюдений, но есть и противоречия: чем, к примеру, отличается *современный* от *теперешнего*?

Можно предложить следующую классификацию, включая в нее и имена лиц. Прилагательные *молодой* и *старый* указывают: а) на период существования объекта; б) на разные формы существования объекта по отношению друг к другу; в) на качество действия субъекта в зависимости от количества времени занятия этим действием:

1. *Молодой*. В начале своего существования (о человеке, животном, растении, предмете (артефакте, биофакте)). Это был *молодой* человек, ворон, конь, петух, вино, горы (прямое значение прилагательного). Прагматические ограничения: не осмысливаются в данном отношении денотаты: **молодой* (-ое, -ая) червь, клоп, солнце, река.

Старый. В завершающей стадии своего существования (о человеке, животном, растении, предмете (артефакте, биофакте)). Это был *старый* человек, ворон, конь, петух, горы (прямое значение прилагательного). Прагматические ограничения: не осмысливаются в данном отношении денотаты: **старый* (-ое, -ая) червь, клоп, солнце, река;

2. *Молодой*. Сменивший прежнее положение дел. Это были *молодые* взгляды, идеи, школы поэзии (метонимическое значение прилагательного). Модель переноса: являющийся таким → сопутствующий такому.

Старый. Предшествующий современному положению дел. Это было *старое* русло, деньги, картины, живопись, идеи, школа живописи (метонимическое значение прилагательного). Модель переноса: являющийся таким → бытовавший до такого;

3. *Молодой*. В начале профессиональной или непрофессиональной деятельности, т. е. недостаточно опытный, квалифицированный, обнаруживающий деятельность или отношения не в полной мере качества. *Молодой* инженер, врач, пьяница, картежник (метонимическое значение прилагательного). Прагматические ограничения: * *молодой* друг.

Старый. О многолетней профессиональной или непрофессиональной деятельности, отношениях, т. е. опытный, квалифицированный, обнаруживающий деятельность или отношения во всей полноте. *Старый* инженер, врач, пьяница, картежник, друг (метонимическое значение прилагательного).

Можно отметить примеры синкретизма значений: *молодая* балерина (совмещены прямое значение, выражающее возраст, и метонимическое, выражающее начало профессионального пути).

В дискурсе похорон возможности употребления лексемы *молодой* расширяются: – Мог бы жить … еще *молодой*, только 65.

Таким образом, разные модели осмысления семантики значения прилагательных способствует раскрытию разных сторон обозначаемого денотата.

УДК 811.111’276
Евгения Викторовна Рубанова, к. филол. н.
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь
эл. почта: rubanova@msu.by

Yevgeniya Viktorovna Rubanova, Cand. of Sc. (Philology)
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus
e-mail: rubanova@msu.by

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «GIRL» В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ

На материале английского сленга рассмотрены особенности вербализации концепта «girl» с учетом физических, социальных и личностных признаков, отражаемых в семантике сленгизмов. Произведенный анализ позволил выявить образ девочки/девушки сквозь призму сленга, создателями которого традиционно считаются мужчины. В результате исследования семантической структуры установлены повторяющиеся семантические связи, что указывает на предсказуемость ряда смыслов в семантике многозначных сленгизмов.
Ключевые слова: концепт «girl», когнитивный признак, английский сленг, предсказуемость смысла

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT «GIRL» IN ENGLISH SLANG

The verbalization of the concept «girl» in English slang is viewed regarding physical, social and personal characteristics reflected in the semantics of slangisms. The analysis has disclosed the image of the girl through the prism of slang traditionally considered to be created by males. The research of the semantic structure of slangisms has revealed recurrent semantic relations proving the predictability of some senses of polysemantic slang words.
Key words: concept «girl», cognitive characteristics, English slang, predictability of senses

Сленг отражает менталитет тех, кто его создает и использует. Цель исследования – выявить особенности объективации концепта «girl» сквозь призму сленга, создателями которого традиционно считаются представители мужского пола. Такой подход позволяет определить набор когнитивных признаков, формирующих образ девочки/девушки в сознании носителей сленга, являющегося вторичной системой в отношении литературного языка. Материал исследования включает сленгизмы с общей семой ‘girl’, отобранные в результате сплошной выборки из словаря Дж. Грина (https://greensdictofslang.com/).

Большинство номинаций (42) входит в синонимический ряд лексемы «girl» без указания на какие-либо дифференциальные признаки: *bit of cuddle*, *bit of squid*, *doe*, *gal*, *ivory pearl*, *rabbit*, *she*, *thing*, *turk* и др. В дефинициях ряда сленгизмов (*batty*, *carnie*, *fancy*, *hole* и др.) помимо указания на пол дается конкретизация «a desirable girl», «viewed as a sexual object». Данные импликации выводимы и из внутренней формы сленгизмов, в значении которых отсутствуют такие конкретизаторы: *bit of cuddle*, *key winder*, *rabbit*.

Компонентный анализ отобранных сленгизмов указывает на ограниченный состав когнитивных признаков, отраженных в семантике исследуемого пласта сленга. Многократная фиксация в дефинициях сленгизмов признака ‘attractive’ (21) свидетельствует о важности физической привлекательности девушки в языковом сознании носителей сленга: *babe*, *beaut*, *cheesecake*, *dolly*, *gear*, *la-di-dah*, *queen* и др. Указания на конкретные признаки внешности (рост, фигуру, волосы и т. п.) малочисленны: *keg-legs* «(*UK juv.*) an insult aimed at a girl with fat thighs or esp. calves», *jessie* «(*US black*) a red-haired girl or woman». Таким образом, объект номинации воспринимается скорее целостно, учитывая общий характер оценки внешней привлекательности.

Внимание создателей сленга также привлекает поведение девочки/девушки. Количественно преобладают сленгизмы (35), в семантике которых отражаются признаки ‘promiscuous’, ‘prostitute’: *bollo-loco* «(*US/P.R.*) a promiscuous woman or girl», *green goose* «a young, innocent girl, soon to be made into a prostitute», а также ‘good-time girl’: *bimbette* «a junior or aspirant ‘good-time girl’». При этом указания на такие признаки, как ‘stupid’, ‘talkative’, ‘lively’, ‘self-conscious’, ‘respectable’, ‘flirtatious’, ‘popular’ единичны, что говорит о низкой релевантности таких признаков при осмыслении концепта «girl» носителями сленга.

В семантике рассматриваемых сленгизмов также актуализируются социальные признаки объекта номинации: ‘возраст’ (*bud* «(*orig. US*, *also* budling) a young (usu. pubescent) girl»), ‘расовая и национальная принадлежность’ (*nigette* «(*US*) a black woman or girl»), ‘социальный статус’ (*moll of the cross* «(*UK Und.*) a girl or woman of the Underworld»). Создатели сленга фиксируют принадлежность девочки/девушки к различным социальным слоям и субкультурам, учитывая род занятий, интересы и стиль жизни молодых представительниц женского пола. Данные сленгизмы выступают в сленге как универбы, не имеющие однословных аналогов в литературном языке, а их дефиниции характеризуются полипризнаковостью: *bopper* «a young girl, usu. in very early teens, with a predilection for rock music and the boys who play it», *flapper* «(*orig. US*, *also* flapp) a flighty girl or young woman, usu. middle-class, in her late teens or very early 20s, who sported short, bobbed hair, lipstick and skimpy dresses and generally led a lifestyle as far as possible removed from that desired by her parents».

Анализ семантической структуры многозначных сленгизмов, один из ЛСВ которых репрезентирует концепт «girl», показывает, что в сознании носителей сленга с этим понятием ментально связаны понятия «woman», «girlfriend», «lover», «mistress», «prostitute», «genitals», «youngster», «naïve person», «victim», «young man», «male homosexual», «lesbian», что свидетельствует о некоторой предсказуемости развития смыслов в рассматриваемом семантическом пространстве сленга. Тем не менее, фантазия создателей сленга может приводить и не к столь очевидным результатам ассоциативного мышления (например, *talent*, *n.* 1. any group of individuals who are members of a given occupation. 2. attractive young women, esp. those standing around at a party, in a club or dancehall etc. 3. a larrikin *n.* (1) 4. a generic term for the criminal underworld. 5. attractive young men. 6. a teenage girl destined for prostitution. 7. in police terms, a suspect.).

УДК 811.161.3’37
Татьяна Владимировна Рудько, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: tsepa.tatsiana@gmail.com

Tatsiana Vladimirovna Rudzko, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tsepa.tatsiana@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проанализирована конструкция «существительное$_1$ + существительное$_2$ в родительном падеже» как одно из средств выражения категории количества на синтаксическом уровне в белорусском языке. Выявлены структурно-семантические модели этой конструкции и ее лексическая наполняемость.
Ключевые слова: категория количества, вторичная номинация, словосочетание

SYNTACTICAL MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF QUANTITY IN BELARUSSIAN

The construction «noun$_1$ + noun$_2$ in the genitive case» as one of the syntactical means of expressing the category of quantity in Belarussian are analyzed. The structural and semantical models of this construction and its lexical representation are revealed.
Key words: category of quantity, secondary nomination, word combination

Категория количества в языке представляет собой результат отражения количественной определенности бытия, посему она является универсальной и необходимой для познания окружающей нас действительности. Количественные отношения находят свое проявление на самых разных языковых уровнях. Важное место среди этих средств выражения количества занимает синтаксическая конструкция «существительное$_1$ + существительное$_2$ в родительном падеже» в белорусском языке: *дождж паперак*, *мора людзей*, *акіяны грошай*, в которой реализуется метафорическое значение количества за счет средств вторичной номинации. В грамматическом плане такая синтаксически неразложимая конструкция представляет собой словосочетание с отношениями подчинения: *главное слово* – существительное$_1$, зависимое – существительное$_2$. В семантическом плане такая конструкция тоже находится в отношениях подчинения: существительное$_1$ в метафорическом значении количества семантически зависит от существительного$_2$, которое является необходимым для реализации метафорического значения существительного$_1$: *хваля людзей*, *лівень слоў*, *капля працы*. В зависимости от лексического наполнения данной конструкции в речевых синтагмах порождается сема множества указанных предметов, лиц, явлений и т. п. Такие конструкции являются предметом данного исследования.

В таких словосочетаниях может реализовываться значение неопределенно большого или малого количества и другие оттенки этих значений. Наша задача заключается в следующем: определить существительные, выражающие во

вторичных значениях неопределенно малое количество и его оттенки: незначительное или недостаточное количество, малая часть чего-либо, малейшая степень, малое проявление; дифференцировать конструкции «существительное$_1$ + существительное$_2$ в родительном падеже» в белорусском языке по степени выражения неопределенно малого количества (НМК); выделить структурно-семантические модели этих конструкций и определить их лексическую наполняемость. Фактическим материалом исследования послужили 385 примеров данной конструкции в белорусском языке с 36 существительными$_1$, которые выражают малое количество во вторичном значении. Все примеры были отобраны методом сплошной выборки из текстов художественного и публицистического стиля, взятых из Белорусского N-корпуса.

Прямые и переносные значения существительного$_1$ могут отличаться разным характером своей связи с отображаемой действительностью. В связи с этим целесообразно выделить определенные группы таких существительных$_1$, в зависимости от их первичного значения: малое количество воды (*кропля*, *кропелька*, *раўчук* и др.), мельчайшие частицы материи (*каліва*, *крупіца*, *макулінка* и др.), малые частицы огня (*агеньчык*, *аганёк*, *іскра* и др.), слабый свет (*прамень*, *пробліск* и др.), малая доза (*жменя*, *жменька* и др.), малая территория (*аазіс*, *куточак*), слабое проявление какого-либо признака (*цень*, *подых* и др.), малая совокупность (*табунок*, *кучка* и др.). Главные слова изучаемой конструкции выражают метафорическое значение НМК, сочетаясь с зависимыми существительными$_2$, которые принадлежат к определенным лексико-семантическим группам: умственные способности (*кропля розуму*, *крупіца таленту*), чувства (*кропелька страху*, *струменьчык злосці*), личные качества (*нотка какетлівасці*, *цень нясмеласці*), абстрактные понятия (*асколак памяці*, *грам несправядлівасці*), информации (*крупінкі здабытых ведаў*, *жменька фактаў*), людей (*раўчук бежанцаў*, *дробка гультаёў*), денег (*ручаёк ганарараў*), сказанного (*жмуток песняў*, *абрывак мальбы*), предметов, объектов (*кучка хмарак, кучка хат*, *табунок воблакаў*), времени (*куточак жыцця*, *абрывак гісторыі*).

Таким образом, проанализировав фактический материал, мы пришли к выводу, что 36 существительных$_1$ в белорусском языке способны приобретать метафорическое значение НМК во вторичной номинации, и, сочетаясь с существительными 2, выражают по большей части НМК чувств (158 примеров – 41 %), абстрактных понятий (120 примеров – 31,1 %), а также людей (32 примера – 8,3 %). Полученные результаты вызывают несомненный интерес и могут в дальнейшем применяться для раскрытия семантико-прагматических особенностей категории количества в белорусском языке.

УДК (811.112.2+811.161.3)’37’42
Римма Федоровна Сахарова, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: rf.sakharova@gmail.com

Rimma Fyodorovna Sakharova, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: rf.sakharova@gmail.com

(НЕ)ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ СЕМАНТИКИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Проанализированы устойчивые сочетания со значением страха, гнева, печали радости в немецком и белорусском языках. Выявлены основные способы репрезентации базовых эмоций в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: устойчивые сочетания, базовые эмоции, когнитивная метафора, когнитивная метонимия, метафтонимия

(UN)PREDICTABILITY OF THE SEMANTICS OF COLLOCATIONS WITH THE MEANING OF BASIC EMOTIONS IN THE GERMAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

The collocations with the meaning of fear, anger, sadness and joy in the German and Belarusian languages are analysed. The main ways of representing basic emotions in the compared languages are determined.

Key words: collocations, basic emotions, cognitive metaphor, cognitive metonymy, metaphtonymy

Последние исследования в области когнитивной лингвистики говорят о тесной связи телесности и языка, что находит отражение в идее «телесной воплощенности» (англ. embodiment). Данную взаимосвязь демонстрирует и анализ устойчивых сочетаний, отобранных с применением корпусного метода [1; 2] и привлеченных в качестве объекта к настоящему исследованию. Проведенный анализ позволил установить, что основными способами репрезентации эмоций являются когнитивная метонимия (преобразование по смежности) и когнитивная метафора (преобразование по аналогии), результатом взаимодействия которых является метафтонимия.

Как было установлено по время анализа, ненаблюдаемый внутренний мир говорящие на немецком и белорусском языках осознают на основе ощущений и переживаний, т. е. основным способом репрезентации эмоций в сопоставляемых языках является описание их телесно-физических проявлений, что является преобразованием по смежности – «телесно-физическое вместо психического». В обращении к конкретным ощущениям и заключается «предсказуемость» опыта, который использует человек в процессе вербализации базовых эмоций. При этом ощущения в устойчивым сочетаниях могут быть непереосмылены, человек описывает то, что чувствует напр., нем. *vor Angst zittern* ‘дрожать от страха’, бел. *калаціцца*, *дрыжаць ад страху*, нем. *vor Freude springen* ‘прыгать от радости’, бел. *прыгаць ад радасці*. «Непредсказуемость» же заключается в том, как будет переосмыслено физиологическое ощущение или проявление, напр., нем. *sich schwarz ärgern*, ‘почернеть от гнева’, бел. *зелянець ад гневу*. Изменение цвета лица при переживании гнева представителями двух лингвокультур было осознано с помощью метафорической модели «эмоция – цвет».

В примерах нем. *j-m läuft eine Gänsehaut über den Rücken*, бел. *мурашкі бегаюць па целе*, репрезентирующих эмоцию «страх», язык фиксирует телесное проявление эмоционального состояния – сокращение гладкой мускула-

туры волосяных фолликул, что приводит к эффекту «гусиной кожи». Перья у гусей произрастают из уплотнений в эпидермисе, которые имеют сходство с человеческими волосяными фолликулами. После того, как гусиные перья выдергивают, на их местах остаются выступы, после чего кожа гуся становится похожей на кожу человека при переживании страха. Такой эффект называют также «мурашками», сравнивая его с ощущением, которое вызывается наличием мелких насекомых, бегающих по телу человека.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что способы репрезентации базовых эмоций в сопоставляемых языках (по смежности и аналогии) базируются на физиологических ощущениях и проявлениях, осознание которых при участии субъективных и культурно-исторических факторов может приводить к разным языковым репрезентациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. DWDS. URL: https://www.dwds.de/ (accessed: 10.02.2023).

2. Беларускі N-корпус. URL: http://bnkorpus.info/ (дата обращения: 10.02.2023).

УДК 811.111’276’37

Дмитрий Васильевич Сивченко, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: itsneveraboutheapples@protonmail.com

Dmitry Vasilievich Sivchenko, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: itsneveraboutheapples@protonmail.com

СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ СЛЕНГОВЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сленг является неотъемлемой частью любого развитого национального языка. В работе раскрываются семантические и этимологические особенности современных сленговых единиц в английском языке.

Ключевые слова: современный сленг, семантика, этимология, вариант, донор

SEMANTICS AND ETYMOLOGY OF SLENG UNITS IN ENGLISH

Slang is an integral part of any developed national language. The article describes the semantic and etymological features of modern slang words in the English language.

Key words: modern slang, semantics, etymology, variant, donor

В современном коммуникативном пространстве сленг является универсальным кодификатором разговорной речи различных социальных групп. Это, прежде всего, проявляется в его функционально-прагматических установках, позволяющих реализовать различные коммуникативные интенции говорящих, поскольку лексика, входящая в состав сленга, обладает особыми чертами и языковым колоритом, не свойственным литературному языку. При многостильности сленговых единиц между ними всегда существуют те или

иные парадигматические отношения, которые диктуют необходимость их детального изучения.

При этом вопрос о сущности сленга тоже не решен окончательно. Сленг понимают как социальную разновидность языка, употребляемую относительно ограниченным числом людей и отличающуюся по своему строю (фонетике, грамматике, лексемному составу и семантике) от языкового стандарта. Языковой стандарт – это образцовый язык, нормы которого считаются «правильными» и общеобязательными, и который противопоставляется диалектам и просторечию. Сленг реализуется в том или ином языковом коллективе.

В рамках данного исследования рассматриваются единицы современного английского сленга, вошедшие в оборот в промежуток 2010-2022 г. по результатам, зафиксированным в рамках онлайн-словаря Green's Dictionary of Slang в 2022 г. На данный момент осуществлена категоризация единиц современного сленга по лексико-семантическим и этимологическим характеристикам. Общее количество рассматриваемых единиц составляет 708 наименований.

Анализ семантики исследуемых единиц позволил обратить внимание на дифференциацию между общим и специализированным сленгом. Так, из представленного корпуса в 708 единиц 241 единица принадлежит к общему сленгу (*back wheels* 'каблуки'; *freshie* 'пресноводный крокодил'; *to throw shade* 'критиковать, осуждать'), 467 – к специализированному. Наибольшее количество анализируемых единиц специализированного сленга берет свои корни в современном сленге афро-американской субкультуры (220 единиц). Примерами могут послужить следующие единицы: *blam* 'гладкоствольное ружье'; *dench* 'привлекательный'; *greazy* 'неопрятный'. Второе по объему лексики место занимает лексика криминального мира (74 единиц): *to dirt* 'убить'; *slipkid* 'некомпетентный'; *strip* 'дом, резиденция'. Третьей по количеству единиц выступает группа, имеющая отношение к потреблению и распространению психоактивных веществ (67 единиц): *distro* 'распространение'; *racket* 'кокаин'; *spice* 'синтетические аналоги марихуаны'. 43 единиц принадлежит к молодежному сленгу (*bestie* 'лучиший друг'; *uggz* 'некрасивый'), 36 – к студенческому сленгу (*blackout* 'пьяный'; *snatched* 'привлекательный'), 15 единиц – к лексике современных сексуальных меньшинств (*sadie* 'партнер'; *unshucked* 'обнаженный'), 12 единиц – к тюремному сленгу (*clear* 'дистиллированный алкоголь'; *to marry* 'стать членом тюремной банды').

Наибольшее количество анализируемых единиц берет свои корни в современном сленге Великобритании (336 единица). Второе место в корпусе исследования занимают США (228 единицы), третье – Австралия (64 единицы). 50 единиц принадлежит к сленгу современной Шотландии, 16 – Южной Африки, 14 – Ирландии. Таким образом, донорами для современного англоязычного сленга являются единицы, пришедшие из вариантов английского языка. Большая часть новых единиц была зафиксированы в британском английском языке, менее всего представлены единицы ирландского происхождения. Несмотря на обилие вариантов современного английского языка, только шесть вариантов выступили в качестве доноров сленговых единиц в период с 2010 по 2022 г.

Необходимо отметить, что наибольшая часть единиц современного английского сленга берет свое начало в современной афро-американской

субкультуре. Несмотря на то, что менее всего представлены единицы тюремного сленга, стоит отметить, что данная сфера значительно пересекается с лексикой афро-американского происхождения, а также с лексикой, связанной с оборотом наркотиков и психоактивных веществ.

На основе данной информации можно сделать вывод о том, что британская разновидность английского языка по-прежнему оказывает значительное влияние на пополнение языка в целом новыми единицами. Что же касается возрастающего объема единиц современного сленга, имеющих отношение как к афро-американской субкультуре в целом, так и к криминальному аспекту данной культуры в частности, можно предположить, что данный феномен обусловлен значительной популяризацией данной субкультуры в рамках последних десятилетий.

УДК 801.73

Екатерина Андреевна Смердова, к. филол. н.
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
эл. почта: smerdowa.ekat@yandex.ru

Ekaterina Andreevna Smerdowa, Cand. of Sc. (Philology)
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
e-mail: smerdowa.ekat@yandex.ru

НЕРЕФЕРЕНТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ИМЁН В ИНТЕНЦИОНАЛЬНОМ АКТЕ: ОСОБЕННОСТИ ВОЗМОЖНОГО ТЕКСТОВОГО МИРА

Проанализирована возможность интенционального существования предмета представления в акте интерпретации нереферентного употребления имён. Определены характерные особенности возможного текстового мира, созданного при помощи нереферентного употребления имён.

Ключевые слова: нереферентное употребление имён, интенциональный акт, предмет представления

NON-REFERENTIAL USE OF NAMES IN AN INTENTIONAL ACT: SPECIFIC FEATURES OF POSSIBLE TEXT WORLD

Possibility of a non-referential name taken intentionally is analyzed. The main features of the possible text world conceived by means of non-referentional use of names are characterized.

Key words: non-referentional use of names, intentional act, intentional content

Тема и цель исследования. Нереферентное употребление имён – это термин лингвистической теории референции (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева и др.), относящийся к таким именам / именным группам, которые не имеют известного участникам коммуникативного акта объекта указания, и о которых, следовательно, нельзя вынести суждения об истинности существования их референта. Эти имена / именные группы не имеют семантической референции, у них нет лексического значения. Однако с семиотической точки зрения, перед нами знаки с непрозрачной референцией, функция которых лежит в области создания фантастического возможного текстового мира. Таким образом, наша цель – определение способа существования референта у знака с непрозрачной

референцией и установление особенностей возможного текстового мира, созданного с их помощью.

Материал и методы исследования. В рамках исследования мы придерживаемся феноменологического подхода к интерпретации Э. Гуссерля, а также руководствуемся положениями представителей Львовско-Варшавской логико-философской школы (К. Твардовский, Л. Блауштайн и др.). Мы проанализировали условия употребления-интерпретации знаков с непрозрачной референцией с учётом феноменологической редукции и интенционального анализа акта представления. Также мы прибегли к анализу возможности вынесения суждений об истинности в отношении нереферентного употребления имён в рамках логического анализа языка.

Основные результаты и выводы исследования. Нам интересен подход К. Твардовского к реальности: реальным становится то, что нам удалось представить, образуя в процессе представления *единую психическую реальность* [2, с. 31]. Можно продолжить идею Твардовского: то, что нам удалось представить, получает реальное психическое существование в акте представления. В подтверждение этого Твардовский отрицает существование так называемых "*беспредметных представлений*", якобы имеющих содержание представления, но не предмет (например, "*ничто*", "*круглый квадрат*", "*золотую гору*" и т. д.) По Твардовскому, несуществование круглого квадрата постулируется отрицательным суждением, которое выносит познающий субъект, не имеющий в опыте примеров восприятия подобного предмета. Однако предмет представления о круглом квадрате имеет место быть, пусть и в исключительно феноменальном, интенциональном виде. Твардовский делает блестящий вывод: "*Следует остерегаться смешения* ***существования предмета*** *с его* ***бытием*** *в качестве* ***представленного*** *(Vorgestelltwerden)*" [Ibid., с. 62]. Онтологическая природа знака с непрозрачной референцией получает "*квантор представления*": референт может не существовать, но не может не быть представленным. В данном случае необходимо отличать термин "*представление о референте*" как объективное представление обо всех возможных свойствах референта и "*представленный референт*", как интенциональный предмет представления знака с непрозрачной референцией (будь то *сепулька, качеш или недоступка*).

Своё продолжение идеи Твардовского находят в работах Э. Гуссерля. Гуссерль вменяет познающему способность абстрагироваться от существования реального предмета. В силу имагинативного способа восприятия человеком окружающего мира посредством психических представлений автор отрицает возможность познания вещи, как она есть, минуя стадию психологической рефлексии и аналитической работы над собственным представлением предмета [1, с. 78]. Таким образом, постулируется невозможность отсутствия референта у знака, как минимум один раз уже "*интендированного*". С логической точки зрения, возможный текстовый мир, порождаемый знаками с непрозрачной референцией, характеризуется фантастичностью, т. е. структурным сходством с действительностью, способностью его компонентов быть представленными, но невозможностью вынесения суждения об истинности некоторых из его компонентов.

Дальнейшие перспективы исследования. У данного исследования открываются большие перспективы в области логико-философского и феноменологического анализа текстов научно-фантастического жанра, а также особенностей создания-интерпретации фантастических возможных текстовых миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блауштайн Л. Избранные сочинения. М. : Дом интеллектуал. кн., 2002. 280 с.

2. Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М. : РОССПЭН, 1997. 252 с.

УДК 811.133.1'37

Алла Вячеславовна Щербакова, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: allatch@yandex.ru

Alla Viatcheslavovna Shcherbakova, Cand. of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: allatch@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА БЫТИЙНОГО КОМПОНЕНТА ПАССИВНО-ПРОЦЕССНОГО СКАЗУЕМОГО

Выявлены средства выражения бытийного компонента сказуемого французского пассивно-процессного предложения. Проанализированы лексико-семантические свойства бытийного компонента пассивно-процессного сказуемого.

Ключевые слова: семантико-функциональный подход, пассивно-процессное предложение, сказуемое, бытийный компонент

LEXICO-SEMANTIC PROPERTIES OF THE EXISTENTIAL COMPONENT OF THE PASSIVE-PROCESS PREDICATE

The means of expressing the existential component of the predicate of the French passive-process sentence are revealed. The lexical and semantic properties of the being component of the passive-process predicate are analyzed.

Key words: semantics and functional approach, passive-process sentence, predicate, existential component

Цель исследования заключается в выявлении лексико-семантических свойств бытийного компонента сказуемого в рамках французских пассивно-процессных предложений, которые с позиций семантико-функционального подхода трактуются как двусоставные предложения, в которых предмет, заключенный в позиции подлежащего, интерпретируется как носитель пассивно-процессного признака, возникшего в результате воздействия на него какого-либо другого предмета: *Le cadeau* ***était emballé*** *par le vendeur* 'Подарок был упакован продавцом'.

Сказуемое пассивно-процессного предложения во французском языке имеет двучастный характер и состоит из бытийного компонента, указывающего на наличие или отсутствие связи между составляющими граммати-

ческого ядра, и вещественного компонента, обозначающего приписываемый предмету, заключенному в подлежащем, пассивно-процессный признак.

В данном исследовании анализируется пассивно-процессное сказуемое, выраженное аналитическим пассивом. Средством выражения вещественного компонента сказуемого является причастие прошедшего времени (participe passé). Бытийный компонент пассивно-процессного сказуемого репрезентируется бытийными глаголами, называющими процесс бытия, существования. Базисным для пассивно-процессных предложений является глагол *être* ‘быть’. Помимо этого, бытийный компонент пассивно-процессного сказуемого может быть представлен следующими глаголами: *devenir* ‘становиться’, *paraître* ‘казаться’, *sembler* ‘казаться’, *se trouver* ‘оказаться’, *demeurer* ‘оставаться’, *rester* ‘оставаться’.

В ходе исследования было обнаружено, что значение бытия пассивно-процессного признака передается бытийными глаголами неодинаково. У глагола être оно представлено в чистом, неосложненном виде. Глагол *être* фиксирует общее недифференцированное обозначение бытия пассивно-процессного признака: *Thérèse est aujourd' hui clouée dans son lit par un rhumatisme rigoureux.* ‘Сегодня Тереза прикована к постели жестоким ревматизмом’. Другие бытийные глаголы данное значение так или иначе обогащают, модифицируют, указывая на то, как бытие проявляется, воспринимается, оценивается и т. д., не расшифровывая при этом самого содержания бытия.

Так, глагол *devenir* ‘становиться’, выражает возникновение, становление бытия пассивно-процессного признака в тот или иной фиксируемый момент времени: *Mon père devenait peu à peu obsédé par Elsa* ‘Мысль об Эльзе понемногу все сильнее завладевала отцом’.

Релевантным семантическим признаком глаголов *sembler – paraître* ‘казаться / представляться’ является субъективное восприятие бытия пассивно-процессного признака. Они указывают на то, что представление о нем существует лишь в мысли, воображении коммуниканта: *Elle semblait absorbée par une méditation profonde.* ‘Казалось, что она вся ушла в глубокое раздумье’.

В семантике глагола se trouver ‘оказаться / оказываться’ содержится указание на обнаружение соответствующего действительности бытия тех свойств, качеств и признаков, которые выражаются вещественным компонентом. Используя его в речи, коммуниканты специально подчеркивают, что бытие данного признака является действительным, а не мнимым: *Une automobile se trouva arrêtée devant la perception par un attroupement.* ‘У дверей налогового управления остановился автомобиль, который никак не мог пробиться сквозь толпу’.

Глаголами *demeurer – rester* ‘остаться / оставаться’ обозначается неизменное состояние признака субъекта в течение определенного промежутка времени, сохранение его предшествующего бытия в новое время или в новых условиях*: Elle demeurait accablée par des difficultés supérieures à son génie* ‘Она была подавлена трудностями, неразрешимыми для ее ума’.

Как показал анализ фактического материала, бытийные глаголы *sembler – paraître*, *se trouver*, *demeurer – rester*, *devenir* сочетаются только с причастиями, которые образованы от глаголов, обозначающих изменение свойства, приведение в эмоциональное состояние и результат абстрактно-аналитической деятельности.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется описание особенностей французских пассивно-процессных предложений, сказуемое которых репрезентировано другими средствами.

Секция 2
Реализация семантико-прагматического потенциала языковых единиц в различных дискурсивных практиках.

Подсекция 2А

УДК 81’42
Дарья Евгеньевна Барашева, к. психол. н.
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия
эл. почта: varvaraverevkinaV@yandex.ru

Daria Evgenievna Barasheva, Cand. of Sc. (Psychology)
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
e-mail: varvaraverevkinaV@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕСТОИМЕНИЯ *МЫ/WE* В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Выделены перспективы и прослежены механизмы перспективизации субъекта при использования местоимения *мы/we* в индивидуально-авторском научном дискурсе.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический потенциал местоимения *мы/we*, индивидуально-авторский лингвистический научный дискурс, перспективизация субъекта, (де)фокусирование

SUBJECT PERSPECTIVIZATION WHEN USING THE PRONOUN *МЫ/WE* IN INDIVIDUAL-AUTHOR’S LINGUISTIC SCIENTIFIC DISCOURSE

Perspectives are distinguished and subject perspectivization mechanisms are revealed when using the pronoun *мы/we* in individual-author’s linguistic scientific discourse.

Key words: cognitive-pragmatic potential of the pronoun *мы/we*, individual-author scientific discourse, subject perspectivization, (de)focusing

Учитывая установки когнитивно-прагматического направления в лингвистике, **предполагается**, что когнитивно-прагматический потенциал личных местоимений может заключаться в возможностях перспективизации (процесс, способ, механизм конструирования объекта с точки зрения участника коммуникации – п. 1.2.7 в [1]) субъекта при их использовании. **Целью** исследования стало выделить перспективы и проследить механизмы перспективизации субъекта при использовании местоимения *мы/we* в индивидуально-авторском лингвистическом научном дискурсе. Анализ проводился в рамках когнитивно-прагматического **метода** на **материале** русско- и англоязычных лингвистических научных текстов.

В **результате** было установлено, что в зависимости от использования *мы/we* в изучаемом дискурсе может выстраиваться перспектива интерсубъективации (внимание к интерсубъективному «лицу» собеседников [2]); при экспликации интерсубъективации может быть имплицирована перспектива

субъективации (отношение или точка зрения говорящего [там же]); могут связываться перспективы интерсубъективации и объективации.

Перспектива интерсубъективации выстраивается при использовании *мы/we* в своем первичном значении – инклюзив (я и ты вместе), в роли дейктика, указывающего на говорящего, репрезентирующего себя во множественном числе. Например: (1) *Ранее* ***мы*** *убедились в том, что… (см. 1.2.4 и 1.2.5)* … (Ирисханова 2014: 46) или (2) ***We*** *saw in Chapter 1 (Sect. 1.2.3) that… This also applies the cases* ***we*** *are considering here…* 'Мы видели в Главе 1 (Раздел 1.2.3), что… Это также относится к случаям, которые мы рассматриваем здесь …' (Verhagen 2005: 44-45). Фигура читателя выводится автором из позиции адресата (иначе было бы *я убедил себя и тебя* и под.) и помещается в разделяемую с автором позицию адресанта (*мы убедились* и под.). При дефокусировании позиции адресата фокусируется не столько сама позиция адресанта, сколько интерактивность «лица», занимающего эту позицию. Таким образом, читатель вовлекается в процесс формирования смысла и построения дискурса.

Перспектива интерсубъективации имплицирует перспективу субъективации, когда *мы* используется во вторичном значении, эксклюзивности (я как член коллектива, индивидуальный субъект *Я* в составе коллективного субъекта *Мы*). (7) *Поскольку* ***мы*** *уже давно описали типологию единиц номинации и… (ср., например, [Кубрякова 1986: 42 и сл.])…* (Кубрякова 2004: 429). Целое – коллективный субъект Мы, выступает за часть – индивидуальный субъект Я. Посредством метонимического сдвига дефокусируется лицо автора, а его индивидуальная субъектность расширяется за счет импликации в коллективном субъекте. Таким образом, могут сочетаться авторская скромность и авторитетность исследователя. В западном научном сообществе такое использование *we*, в общем, не принято.

Перспектива интерсубъективации связывается с перспективой объективации при использовании инклюзивного *мы/we* во вторичных значениях – родовом и коллективном институциональном. В первом случае автор и адресат идентифицируются как люди. (3) *У каждого человека имеется представление о том…* ***Мы*** *часто ощущаем, что…* (Цейтлин 2000: 10); (4) *… a speaker may…* ***We*** *can describe an object as…* 'говорящий может… Мы можем описать объект как…' (Taylor 1995: 4). Во втором случае – как научные исследователи. (5) *Строго говоря,* ***мы*** *еще не знаем… В сущности все эти проблемы встают перед лингвистом, когда он…* (Кубрякова 2004: 21); (6) *In a rare instance of consensus, linguists agree…* ***We*** *cannot describe grammar…* 'В редком случае консенсуса лингвисты соглашаются… Мы не можем описать грамматику…' (Langacker 2008: 27). В обоих случаях в дискурсе создается двойной фокус: сначала внимание фокусируется на определенном объекте осмысления (человек, говорящий; лингвист(ы)), а затем – на репрезентирующем себя посредством интерактивного *мы/we* субъекте высказывания, профиль которому задан указанным объектом – как в (3), (4), (6)), или наоборот, сначала фокусируется интерактивное лицо говорящего, а затем объект, профилирующий его идентичность – как в (5).

В качестве **выводов**: построение данных перспектив при использовании местоимения *мы/we* в указанном типе дискурса способствует реализации важных принципов научного дискурса – непредвзятость и интерсубъектность.

Перспективы исследования видятся в выявлении общих когнитивно-прагматических закономерностей перспективизации субъекта в социально-гуманитарном научном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Яз. славян. культуры, 2014. 320 с.

2. Traugott E. C. Revisiting subjectification and intersubjectification // Subjectification, Intersubjectification and Grammaticalization. Berlin, 2010. P. 29–70.

УДК 81’33

Александр Аркадьевич Баркович, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: proscien@mslu.by

Aliaksandr Arkadievich Barkovich, Dr of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: proscien@mslu.by

Ольга Александровна Рипинская, магистрант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: thepankiot@gmail.com

Olga Alexandrovna Ripinskaya, MA Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: thepankiot@gmail.com

КОРПУС ТЕКСТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей лингвистического анализа больших массивов языкового материала с использованием корпусного инструментария. Описан корпус текстов экологического дискурса.

Ключевые слова: экологический дискурс, корпусный анализ, EuroNews Green Corpus, статистика, методика

TEXT CORPUS OF ECOLOGICAL DISCOURSE: THE ASPECT OF REPRESENTATIVENESS

The article is devoted to the consideration of the linguistic analysis features of the large language material using corpus tools. The text corpus of ecological discourse is described.

Key words: ecological discourse, corpus analysis, EuroNews Green Corpus, statistics, methodology

Тексты экологического дискурса – высокоидентичный и актуальный объект лингвистического исследования. Наше исследование посвящено

выявлению и описанию специфики корпусного анализа текстов экологической тематики как дискурсивной практики. Использование в данной связи корпусной методики как апробированного и эффективного инструментария для решения широкого круга лингвистических задач полностью целесообразно. Данный подход позволяет обеспечить лингвистическую репрезентативность и эффективность изучения языковой практики [1]. Не менее актуальной в данной связи является статистическая корректность релевантных выводов.

Для проведения корпусного исследования представительный материал был отобран на интернет-портале *EuroNews* [2]. Данный портал является официальным ресурсом телекомпании *EuroNews*. Его наполнение целевым контентом обеспечивается штатом сотрудников, в том числе профессиональных журналистов. Интернет-портал *EuroNews.green* является известной платформой для размещения текстовых новостных статей и видеоматериалов в формате документальных фильмов и коротких репортажей. Немаловажным ресурсом речевой практики на портале *EuroNews* является ее интерактивный характер, что обеспечивается наличием опции распространения материалов статей посредством публикации ссылок на страницах в социальных сетях, а также возможностью подписки на рассылку тематических статей.

Согласно проведенному анализу динамики контента, на портале публикуется в среднем от одной до четырех статей в день, что позволяет вычислить среднее количество опубликованных за данный период времени статей в день – 1,5. Это свидетельствует как об активной и непрерывной работе журналистов и авторов новостного портала, так и о высокой востребованности дискурса экологической направленности, мотивированной обеспокоенностью проблемами окружающей среды в обществе.

Подбор материала для корпуса был осуществлен методом сплошной выборки в хронологических рамках 2022 года: первая статья датируется 3-м января, последняя включенная в выборку статья была датирована 20-м ноября. По результатам проведенной выборки, обработки и форматирования текстов, нами был агрегирован корпус текстов *EuroNews Green Corpus*, объединивший в общей сложности 506 текстов общим объемом 364 303 словоупотребления.

Для программного обслуживания корпуса в настоящее время имеется достаточно широкий арсенал так называемых «корпусных оболочек». Как правило, сегодня подобные сервисы доступны посредством Интернета. К наиболее популярным относятся, в частности, *AntConc*, *Nooj*, *Tropes*, *Sketch Engine* и др. В процессе корпусного анализа нами был получен широкий круг данных, на базе которых, в частности, были составлены частотный словарь и словарь ключевых терминов. Также полученные данные были проанализированы, например, по показателю относительной частотности: показатель *i. p. m.* (*instances per million* – ‘частотность на миллион’) позволил сравнить относительную частотность языковой единицы в исследуемом корпусе и корпусе-референсе. Тем самым, в частности, подтвердилась характерность словосочетания *fossil fuel* (‘ископаемое топливо’) для экологического дискурса: в корпусе тестов единица использовалась 645 раз, обладая при этом показателем относительной частоты 1512,42, – при соответствующем показателе лишь 6,73 в текстах корпуса-референса.

Таким образом, на основании корпусного анализа был сделан ряд лингвистических наблюдений, в том числе, о наличии концептуально идентичных лексики и синтаксических конструкций, свойственных именно экологическому дискурсу. Полученные данные позволяют провести развернутый анализ экологического дискурса, в частности, его концептосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркович А. А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 5–13.

2. Euronews. URL: https://www.euronews.com. Дата доступа: 15.12.2022.

УДК 821.161.3-1

Таццяна Пятроўна Барысюк, навуковы супрацоўнік
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск, Беларусь
эл. пошта: pit06po@gmail.com

Tatsiana Piatrouna Barysiuk, Researcher
Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
e-mail: pit06po@gmail.com

ГІБРЫДНЫЯ ЖАНРЫ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ

У тэзісах аналізуюцца гібрыдныя жанры ў сучаснай беларускай паэзіі, пры стварэнні якіх узаемадзейнічаюць цвёрдыя формы і віды верша, а таксама іншадысцыплінарныя жанры – са сфер навукі, рыторыкі, фальклору, кінамастацтва і жывапісу.

Ключавыя словы: гібрыдныя жанры, іншадысцыплінарныя жанры, жанравы сінтэз

HYBRID GENRES IN MODERN BELARUSIAN POETRY

Theses analyze hybrid genres in modern Belarusian poetry, in the creation of which solid forms and types of verse interact, as well as interdisciplinary genres – from the spheres of science, rhetoric, folklore, cinematography and painting.

Key words: hybrid genres, interdisciplinary genres, genre synthesis

Матэрыял: творы сучаснай беларускай паэзіі.

Метады даследавання: жанравы аналіз, аналіз тыпалагічных сыходжанняў.

Далейшыя перспектывы даследавання: вывучэнне найбольш часта выкарыстоўваемых заходніх і ўсходніх жанраў у сучаснай беларускай паэзіі, у тым ліку твораў з прыкладамі жанравай гібрыдызацыі, таксама і міждысцыплінарнай: з выкарыстаннем жанраў маўленчых, навуковых, фальклорных, жывапісных, з кінамастацтва і інш.

Мэта нашай працы – разгледзець такую заканамерную і папулярную з’яву, як жанравая гібрыдызацыя, – як праяўленне інавацыйных пошукаў у сучасных беларускіх паэтаў. З фізікі мы помнім, што няма чыстых рэчываў

у прыродзе, але жанравы сінтэз (г.зн. жанравая дыфузія) у паэзіі – гэта свядомая творчая дзейнасць паэтаў па стварэнні вершаў з дзвюх або болей жанравых форм. У некаторых сучасных паэтаў (С. Мінскевіча і В. Жыбуля) зварот да гібрыдных форм можа быць патлумачаны эстэтыкай постмадэрнізму, з яго калажнасцю і неабходнасцю гульні са словам.

Прыкладамі фармальна-сінтэтычнага наватарства можна назваць “Акрасанет” (акраверш+санет), “Акрамадрыгал” (акраверш+мадрыгал), “Акраліст” (акраверш+ліст) і “Акранавагодняе” (акраверш + віншаванне) Рыгора Барадуліна, “Рок-санет” Алеся Звонака, “Паводле пароцтва” (акратэлеверш фігурны) Анатоля Кудласевіча, газелі-туюгі, лімэрыкі-туюгі, “І шал і сум і бур” (“скразны санет з аплікацыяй, двайной газеллю і чатырма залюстраванымі туюгамі”), “Дождж од” (танка-паліндром), “Космас” (хайку-паліндром) Сержа Мінскевіча, “Эпікурэйства” (санет-газель-туюг) і “Шчадрыца” (санет-брахікалан) Юрася Пацюпы, “Вяртанне” (паэма-трыялет) Генадзя Аўласенкі, хоку-паэма Аксаны Спрынчан, паліндрамічная паэма “Рогі гор” Віктара Жыбуля, “Трыялет” – пародыя на радкі Сержука Сокалава-Воюша і “Лічылка” – пародыя на радкі Нэлі Тулупавай Анатоля Зэкава, “Вянок парадыйных санетаў” (вянок санетаў + пародыі-прысвячэнні розным аўтарам, дзе мадрыгалам з’яўляецца аўтапародыя) Міхася Пазнякова, “Парадыйная балада” (пародыя на балады В. Шніпа) Юрася Нератка, “Элегічны рытурнель-манарым” Міколы Віняцкага, “Акраліст” (акраверш+ліст), “Акраэлегія” (акраверш+элегія) Таццяны Барысюк і інш. Як бачым, у працэсы жанравай гібрыдызацыі ўключаюцца і цвёрдыя формы, і віды верша. У сінтэтычных жанравых формах мы заўважылі наступную заканамернасць. Чым больш кампанентаў – жанраў у складзе сінтэтычнага мастацкага твора, тым цяжэй кожнаму са складнікаў захоўваць сваё жанравае аблічча. Тады ў складзе сінтэтычнага цэлага цвёрдыя формы і віды верша “ідуць на кампраміс” і “ахвяруюць” некаторымі сваімі ўласцівасцямі. Такія складанасці адбываюцца пры цяжкасцях фармальна-структурных супадзенняў жанраў.

Наватарскім можна лічыць і перанос жанраў з іншых відаў мастацтва і сфер дзейнасці ў паэзію як праяву міждысцыплінарнага ўзаемадзеяння. І гэты іншадысцыплінарны складнік уступае ў сінтэтычнае ўзаемадзеянне з іншымі формамі. Так, напрыклад, з маўленчых жанраў у паэзію прыйшлі віншаванні і зычэнні, якія ў пары з формай акраверша нарадзілі наступныя творы: “Акранавагодняе” (акраверш + віншаванне), “Vivat!” (Акразычэнне), “Акравітаньне”, “Акрачалом праз акіян” (акраверш + вітанне) Р. Барадуліна. Перанос жанра навуковага даследавання кшталту манаграфіі ў паэзію нарадзіў “Эпіграму на паэтаў” (эпіграма+навуковае даследаванне кшталту даклада на канферэнцыі) Т. Барысюк. Перанос у паэзію фальклорнага жанру кленічаў і калыханкі як складнікаў сінтэтычнага цэлага спарадзіў “Акрапраклён” (акраверш+кленічы) і “Спі, мой цар…” (калыханка+брахікалан) Т. Барысюк. Запазычаннем са сфер кінамастацтва і жывапісу і ўвасабленнем іх сінтэтычнага адзінства выглядае “Дыяфільм пра мора” (вершы-кадрыкі) Міколы Маляўкі (“Прыбой”, “Буёк”, “Матылёк”, “Каменьчыкі-праменьчыкі” і інш.) (дыяфільм+марына як жанр выяўленчага мастацтва). Сінтэз жанра аўтапартрэта з жывапісу і санета мы бачым у вершы “Асенняя кветка” (аўтапартрэт+санет) Т. Барысюк.

Такім чынам, у сучаснай беларускай паэзіі мы можам назіраць прыклады заканамернага сінтэтычнага наватарства, пры якім узаемадзейнічаюць як цвёрдыя формы, так і віды верша і пры якім часам адным/двума складнікам/складнікамі з'яўляюцца жанры, перанесеныя з іншых відаў мастацтва ў паэзію. У першым выпадку мы заўважылі закон жанравага ахвяравання ў выпадку складанасцей утварэння сінтэзу з-за немагчымасці ідэальных фармальна-структурных супадзенняў. Прычына з'яўлення некаторых гібрыдных жанраў у сучаснай беларускай паэзіі – постмадэрнісцкая арыентацыя іх аўтараў на калажнасць і гульню са словам.

УДК 811.111'37'367

Ирина Владиславовна Дмитриева, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: diva206@mail.ru

Irina Vladislavovna Dmitrieva, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: diva206@mail.ru

Анастасия Андреевна Баранова, студент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: nastyaterry@gmail.com

Anastasia Andreevna Baranova, Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nastyaterry@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИЧАСТИЙ В АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Семантико-синтаксический потенциал причастий оценивается как возможность полного или частичного представления в компонентах словосочетания с этой отглагольной единицей ожидаемых номинативных элементов пропозиции с предикатом, от которого образована причастная форма. Рассматриваются вопросы реализации валентности исходного предиката в словосочетаниях с причастными формами в художественных и газетных текстах.

Ключевые слова: семантический предикат, пропозиция, номинативные элементы, причастие, валентность

SEMANTICO-SYNTACTIC POTENTIAL OF PARTICIPIAL FORMS IN ENGLISH LITERARY AND MASS MEDIA TEXTS

Semantico-syntactic potential of participial forms is discussed in terms full or partial representation of the elements of the original proposition in the word combination with a participle. Manifestation of the original predicate-verb valence in a word combination with a participle in literary and newspaper texts is analyzed and interpreted.

Key words: semantic predicate, proposition, nominal elements, participle, valence

Семантико-синтаксический потенциал причастий понимается как способность отглагольной формы реализовывать валентность исходного предиката и в качестве потенциально-пропозитивной единицы открывать позиции для номинативных элементов свернутых пропозиций. Материал анализа составили словосочетания с причастиями I и II, отобранные из художественных и газетных англоязычных текстов. Анализ осуществлялся с использованием трансформации де-импликации и последующим сопоставлением номинативных элементов потенциальной пропозиции исходного предиката с актуализированными в предложении компонентами словосочетания. В результате была выявлена определенная корреляция между типом причастия, синтаксической функцией причастия и тенденцией к устранению или сохранению номинативных элементов свернутой пропозиции.

Причастие I в функции определения непосредственно связано с семантическим субъектом потенциальной пропозиции, который эксплицитно представлен в поверхностной структуре предложения. В функции обстоятельства оно не имеет прямой синтаксической связи с элементом, соотносимым с потенциальным субъектом свернутой пропозиции, поскольку является сентенциональным компонентом. Семантический субъект матричного предложения, как правило, совпадает с потенциальным субъектом свернутой пропозиции. Это позволяет оценить последний как имплицированный, но поддающийся восстановлению. Статистически можно отметить относительно равномерную реализацию указанных синтаксических функций и репрезентацию семантического субъекта в газетных текстах (48% эксплицированных субъектов и 52% устраненных) и значимое преобладание доли имплицированных субъектов в художественных текстах (32% и 68%, соответственно). Представленность семантического объекта потенциальной пропозиции является независимой от синтаксической функции причастия I. В газетных текстах причастия сохраняют в своем синтагматическом окружении объект в 100 % употреблений. В художественных он оказывается устранен в 11 % употреблений, что связано с имеющимися у причастия I морфологическими формами категории залога.

Причастие II имеет категориальное значение завершенности и пассивности. Следствием второго является ожидаемое отсутствие в его синтагматическом окружении элемента, соотносимого с потенциальным субъектом свернутой пропозиции, и эксплицированная синтаксическая связь с семантическим объектом при использовании причастия в функции определения. Однако проанализированные употребления демонстрируют несколько иные тенденции в репрезентации этих номинативных элементов. Семантический субъект эксплицирован в 53% (газетные тексты) и в 52% (художественные тексты) употреблений, его введение в поверхностную структуру предложения осуществляется за счет предложного словосочетания. Отсутствие в поверхностной структуре предложения семантического объекта, отмеченное в 5 % употреблений в газетных текстах и в 35 % в художественных, связано с преобладанием в значении причастия компонента завершенности действия.

Таким образом, можно утверждать, что причастия английского языка активно реализуют свой семантико-синтаксический потенциал и демонстрируют тенденцию к максимально полному представлению в своем окружении номинативных элементов свернутых пропозиций.

УДК 811.112.2’42
Наталья Анатольевна Каталкина, к. филол. н.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: katalkina_na@spbstu.ru

Natalia Anatolyvna Katalkina, Cand. of Sc. (Philology)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
e-mail: katalkina_na@spbstu.ru

Надежда Викторовна Богданова, к. пед. н.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: nvbogdanova.imop@mail.ru

Nadezhda Viktorovna Bogdanova, Cand. of Sc. (Pedagogy)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
e-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru

МАРКЕРЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЯЗЫКА МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ

В исследовании устанавливаются расхождения в трактовке термина *демократизация языка* в российской и зарубежной лингвистике. Кроме того, выявляются маркеры демократизации языка на материале текстов массовых открытых онлайн-курсов на немецком языке.

Ключевые слова: демократизация языка, массовый открытый онлайн-курс (МООК), академический дискурс, лингвистические средства демократизации языка, немецкий язык

DEMOCRATIZATION OF THE LANGUAGE IN MASSIVE OPEN ONLINE COURSES

The study defines discrepancies in the interpretation of the term *democratization of the language* in Russian and foreign linguistics. In addition, markers of the democratization of the language are revealed on the material of the texts of German massive open online courses.

Key words: language democratization, massive open online course (MOOC), academic discourse, linguistic means of language democratization, German language

Цель настоящего исследования заключается в уточнении термина *демократизация языка* и выявлении ее маркеров в текстах массовых открытых онлайн-курсов (МООК) на немецком языке. Материалом исследования послужили статьи российских и зарубежных лингвистов, посвященные вопросу демократизации языка, а также тексты МООК на немецком языке, опубликованные на платформе Virtuelle Hochschule Bayern (https://open.vhb.org). Для определения теоретической базы исследования и уточнения понятия демократизация были проанализированы его дефиниции, предложенные в толковых словарях, а также в трудах по языкознанию. Далее методом лингвистического описания и интерпретации были выявлены основные маркеры демократизации в текстах МООК на немецком языке.

В результате исследования было установлено, что как в российской, так и в зарубежной лингвистике под термином демократизация языка понимается изменение его норм в сторону упрощения с целью обеспечения доступности текстов различных функциональных стилей максимально широким слоям населения. Однако в российской лингвистической традиции это понятие имеет негативную коннотацию, подразумевающую его вульгаризацию и снижение стилистических норм [1], тогда как в работах зарубежных исследователей демократизация языка рассматривается скорее как положительное явление, предполагающее устранение маркеров неравенства участников коммуникации и ослабление формализма при построении высказывания [2].

Маркером демократизации в текстах МООК на лексическом уровне является использование гендерно-нейтральных лексем, разговорных слов и выражений, англицизмов без перевода на немецкий язык, а также опущение стандартных титулов *Herr* ‘господин’ и *Frau* ‘госпожа’. На грамматическом уровне демократизация языка проявляется в употреблении междометий и эллиптических конструкций, в объединении адресата и адресанта, обозначаемое местоимениями *wir* ‘мы’, *wir alle* ‘мы все’, *jeder* ‘каждый’, в замещении повелительного наклонения конструкциями с модальными глаголами или инфинитивным оборотом для придания высказыванию меньшей категоричности, в обилии простых вопросительных предложений.

Возможными направлениями дальнейшего исследования проблемы демократизации языка является выявление его актуализации в других типах текста академического дискурса, в других сферах функционирования языка, а также сравнение способов ее проявления в разных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Avetisyan N. G. The Process of Democratization in the contemporary Language of Mass Media // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 38–46.

2. Hiltunen T., Loureiro-Porto L. Democratization of Englishes: synchronic and diachronic Approaches // Language Sciences. 2020. № 79. URL: https://www.researchgate.net/publication/339923524_Democratization_of_Englishessynchronic_and_diachronic_approaches (accessed: 31.01.2023).

УДК 811.111’38

Александра Сергеевна Клейменова, магистрант
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: sasha.kleimenova@yandex.ru

Alexandra Sergeevna Kleimenova, MA Student
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia
e-mail: sasha.kleimenova@yandex.ru

ФАНФИК КАК ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ
(на материале фандома «Pride and Prejudice»)

Проанализированы характеристики фанфика как особого вида вторичного текста, созданного непрофессиональными авторами и существующего в виртуальной среде. Выявлены основные языковые маркеры связи фанфика с первичным текстом.

Ключевые слова: вторичный текст, первичный текст, фанфик, интертекстуальность

FANFIC AS A SECONDARY TEXT
(on the basis of fandom «Pride and Prejudice»)

The paper deals with fanfic as a peculiar type of secondary text that is created by non-professional writers and is disseminated on the Internet. The author presents linguistic markers that ensure links between a fanfic its primary text.

Key words: secondary text, primary text, fanfic, intertextuality

В современной литературной коммуникации, которая осуществляется в сети Интернет, большой популярностью пользуется фанфикшн, то есть жанр сетевой литературы, представляющий собой совокупность фанфиков – текстов, которые созданы поклонниками оригинального художественного произведения и репрезентируют результаты деятельности читательской фантазии на тему этого произведения [1, с. 3]. К фанфикшн могут быть отнесены только те тексты, которые принадлежат культуре фанов определенного произведения и маркированы как фанфик [2, с. 32]. Фанфик рассматривается как вторичный текст, поскольку его автор (фикрайтер) создает вымышленный мир, который, с одной стороны, является результатом переосмысления реалий художественного мира популярного оригинального произведения (первичного теста), а с другой стороны – это результат творческой деятельности вдохновленного первоисточником читателя, который избрал такой способ поделиться с единомышленниками своими мыслями и впечатлениями.

Цель исследования – определить языковые средства, которые маркируют интертекстуальность и позволяют читательской аудитории установить наличие связей между фанфиком и романом Дж. Остин. Материалом исследования послужили тексты фанфиков, которые относятся к фандому «Pride and Prejudice», размещенному на сайте www.fanfiction.net. В работе использовались метод сплошной выборки, описательный метод, метод семантического анализа, метод сравнительного анализа.

Некоторые исследователи фанфикшн считают, что в процессе литературной коммуникации читатель, принявший на себя обязанности автора текста, абсолютно свободен, его фантазия не скованна ни образами, созданными автором оригинального текста, ни их трактовками, разработанными критиками и редакторами [3, с. 154]. Однако результаты исследования показали, что авторы фанфиков достаточно строго соблюдают правила, задаваемые первичным текстом. Они зачастую сохраняют:

• структурно-семантическую модель заголовка произведения *“Pride and Purity”*, *“Pride and Protection”*, *“Pride and Precedence”*, *“Pride and Privilege”*, *“Passion and Prudence”*, *“Felicity & Formality”*,*”Vice and Virtue”*, *“Deceit and Devotion”*;

• имена главных и второстепенных персонажей: *The Bennet sisters*, *Mr. Collins*, *Sharlotte Lucas*, *Lady Catherine de Bourgh*, *Charles Bingley*;

• личностные характеристики персонажей: *Lizzy is easy-going*, *witty*, *opinionated*, *Darcey is gloomy*, *haughty*, *doubting*;

• топонимы, которые обозначают ключевые локации: *Longbourn*, *Meryton*, *Pemberley*, *Rosings Park*, *Netherfield Park*;

• историзмы, которые служат лексическими маркерами художественного времени: *baronet*, *valet*, *carriage*, *petticoat*, *bonnet*, *landed gentry*;

• юмористический тон повествования.

В то же время автор фанфика может внести изменения в

• каноническую схему развития сюжета «заблуждение – случай – развязка – счастливый конец»;

• хронотоп вторичного текста;

• приемы повествования, отказавшись от несобственно-прямой речи в пользу диалогов или повествования от третьего лица.

Дальнейшие перспективы исследования определяются необходимостью изучения сетевой литературы как одной из бурно развивающихся форм коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова С. Н. Лингвостилистика фанфикшн (на материале англоязычных сайтов, посвященных творчеству Дж. Р. Р. Толкина) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2009. 19 с.

2. Roine H-R. What Is It that Fanfiction Opposes? The Shared and Communal Features of Firefly // Serenity Fanfiction. Fafnir. 2014. Vol. 1, iss 1. P. 31–45. URL: https://www.fanfiction.net/book/Pride-and-Prejudice (accessed: 15.02.2023).

3. Самутина Н. В. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 137–194.

УДК 81’37

Нелли Александровна Красовская, д. филол.н.
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия
эл. почта: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Nelli Alexandrovna Krasovskaya, Dr of Sc. (Philology)
Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia
e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

ВОЙНА И СЕМАНТИКА ЖИВОТНОГО МИРА

Анализируются некоторые данные, связанные с использованием слов, входящих в тематическую группу «Животный мир», на страницах региональных газет периода Великой Отечественной войны. Язык районных изданий военных лет не получил до сих пор полного описания.

Ключевые слова: районные газеты, военные годы, тематическая группа «Животный мир», лексические единицы, вторичная номинация

WAR AND SEMANTICS OF THE ANIMAL WORLD

Some data related to the use of words included in the thematic group «Animal World» on the pages of regional newspapers during the Great Patriotic War are analyzed. The language of the district publications of the war years has not yet received a complete description.

Key words: regional newspapers, war years, thematic group «Animal World», lexical units, secondary nomination

Пресса, издававшаяся в районах в период Великой Отечественной войны, до сих пор не имеет своего полного описания и не подвергнута комплексному анализу. В частности, нас заинтересовали лексические единицы, которые употребляются для выражения семантики оценки в переносном значении. Среди таких единиц мы обнаружили довольное большое количество слов, которые относятся к тематической группе «Животный мир». Именно поэтому мы полагаем, что заявленная тема статьи является актуальной. Основная цель исследования – определить особенности использования лексики, относящейся к тематической группе «Животный мир», в заголовках региональных газет военного периода.

Мы обратились к материалам двух газет: «Белевская правда» (БП) – газета, выходившая на территории Белевского района, и «Голос колхозника» (ГК) – газета, выходившая на территории Плавского района Тульской области. Выбор изданий определялся личными соображениями. Нами были выборочно проанализированы номера за период 1941–1945 годов. Основными методами исследования стал метод сплошной выборки, метод лексико-семантического анализа.

Лексика, выражающая оценку, и слова, которые употребляются во вторичной номинации, особенно при освещении событий Великой Отечественной войны, неоднократно становились предметом исследования многих ученых. Мы в своих наблюдениях также уже останавливались на языке районных газет периода Великой Отечественной войны [см. 2].

Основными результатами и наблюдениями проведенного исследования могут стать следующие.

Лексические единицы, относящиеся к тематической группе «Животный мир», часто употребляется в заголовках. Использование таких слов, как *зверьё, пёс, гадина* и др., способствует формированию отрицательной коннотации: «На наглую вылазку фашистских *псов* ответим ударной работой на транспорте» (№ 99, 1941 г. ГК), «Раздавить *гадину*!» (№ 102, 1941 г. ГК), «Поможем Красной Армии уничтожить фашистское *зверье*» (№ 38, 1943 г. ГК).

Некоторые из слов стали весьма частотными, образовав с определенными эпитетами, своего рода газетные штампы. Так, на протяжении ряда десятилетий можно было услышать *сталинские соколы* (или *красные соколы*), *фашистские псы* и др.: «*Сталинские соколы»* (№ 103, 1941г. БП), «Подарки *сталинским соколам*» (№ 106, 1942 г. ГК).

Не все указанные выражения формировались в период Великой Отечественной войны. По мнению исследователей, например, выражение *сталинские соколы* появилось еще в 30-е годы XX века и уходит корнями в традиционный фольклор [1]. Подобная ситуация наблюдается и в использо-

вании слов *пёс*, *волк*, *шакал* при обозначении сил противника, для выражения отрицательного значения. Об этом свидетельствует достаточно много устойчивых выражений со словом *собака*.

В заголовках районных газет военного периода использовались и общие названия животных, хищников, а также наименования паразитов: *зверье*, *гады*, *гниды*, *хищники*.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим комплексным изучением не только отдельных тематических групп лексических единиц, встречающихся на страницах районных газет военного периода, но всех языковых особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загидулина Т. А. «Сталинские соколы» – орнитологическая метафора в авиационном дискурсе как инструмент конструирования политического мифа // Политическая лингвистика, 2016. № 4 (58). С. 176–180.

2. Красовская Н. А. Газетные заголовки в региональной прессе военного периода // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 114–128.

УДК 811.161.3’36

Екатерина Сергеевна Кудрявцева, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: olkaterinak@gmail.com

Ekaterina Sergeevna Kudriavtseva, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: olkaterinak@gmail.com

БЕЛОРУССКИЕ МОДАЛЬНО-ВОЛЕВЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ

Статья освещает белорусские модально-волевые частицы *«хай»* и *«няхай»* как средства реализации стратегии вежливости в речевых актах волеизъявления, используемые для достижения определенного результата общения.

Ключевые слова: модально-волевая частица, волеизъявление, модальность, коммуникативные стратегии вежливости

BELARUSIAN MODAL-VOLITIONAL PARTICLES AS A WAY OF IMPLEMENTING POLITENESS STRATEGY

The article highlights belarusian modal-volitional particles *‘хай’ and ‘няхай’* as means of implementing the strategy of politeness in volitional speech acts in order to maintain a harmonious relationship between the speaker and the listener.

Key words: modal-volitional particle, volition, modality, communicative politeness strategies

Говорящий при создании сообщения использует такие лексические единицы, которые обеспечат успешное и неконфликтное взаимодействие, нацеленное на достижение желаемого результата общения. Модально-

волевые частицы являются важным средством построения успешного и неконфликтного взаимодействия.

В белорусском языке выделяется восемь основных разрядов частиц, из которых модально-волевые наименее исследованы. Общим значением модально-волевых частиц признано значение волеизъявления, т. е. выражение говорящим желания каузировать действие при наличии его (непосредственного) исполнителя либо слушающего, способного довести до сведения третьего лица желание говорящего с целью изменения текущей ситуации. Анализ позволяет выделить внутри желания волеизъявления дополнительно оттенки допущения (разрешения), побуждения (призыва), пожелания, проклятия, желания, просьбы, совета и угрозы.

Наиболее частым оттенком волеизъявления для частиц *хай/няхай* является побуждение или призыв к действию – ‘Я хочу Р’ – т. е. импульс каузации исходит от говорящего, где предлагаемое действие может употребляться как в интересах Слушающего, так и в интересах самого Говорящего.

Следующим по частотности употреблений является оттенок разрешения действия. При этом в рамках общего значения разрешения существуют деривативные значения, которые зависят от исходной ситуации: вынужденное разрешение как единственный способ справиться с текущим положением дел – ‘я позволяю Р’ – «*Хай раскулачваюць, хай вывозяць з вёскі гэтага зверыядаўца, каб яго і духу тут не было*»’ и допущение, когда говорящий принимает условия исполнителя – ‘я допускаю Р’ – «*калі ты так жадаеш… няхай будзе ГРЫФІНДОР!*».

Достаточно распространенным является оттенок желания, соответствующий модели ‘я выражаю желание, чтобы Р’, смежным с которым будет оттенок пожелания – ‘я выражаю желание, чтобы Р положительного характера’ – «*Ён прыносіў і заўсёды будзе прыносіць мне дабро. Дык хай ён будзе бласлявёны!*» Макрополе пожелания предполагает отсутствие исполнителя, так как исполнитель неизвестен и обычно связывается с высшими силами.

Минимальное количество употреблений приходится на долю совета – ‘я предлагаю кому-либо Р ’ – *Я не хацеў больш надакучаць хлопцу – хай ён сабе яшчэ раз усё абдумае і зразумее* и просьбы – ‘я мягко призываю сделать/разрешить мне сделать Р’ – *Можа быць, хай яна адчыніць вам дзверы?* Советуя, говорящий полагает, что рекомендованное действие пойдёт на пользу Слушающему. Возможен отказ от выполнения совета, так как именно слушающий контролирует ситуацию. Просьба зачастую исходит от объекта, социальный статус которого ниже, чем у слушателя, либо же отношения субординации полностью отсутствуют, однако в обоих случаях просящий не в силе повлиять на исполнение, а обращается за добровольным действием.

Таким образом, чаще всего частицы *‘хай’* и *‘няхай’* выражают либо призыв к действию 3-го лица, направленный на осуществление личного желания, либо разрешение на осуществление желания 3-го лица/группы лиц. Использование данных частиц в речевом акте волеизъявления представляет собой один из способов реализации стратегии вежливости, способствующей эффективной организации диалогового взаимодействия и оптимальному воздействию на слушающего.

УДК 811.112.2’37’42
Наталья Вацлавовна Лавринович, преподаватель
Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь
эл. почта: filfak@bspu.by

Natalya Vatslavovna Lavrynovich, Lecturer
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
e-mail: filfak@bspu.by

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СЕМАНТИКОЙ ОТКАЗА

Рассматривается прагматический потенциал лексем с семантикой отказа в немецком языке на материале художественных текстов. Выявляются особенности прагматических возможностей данных средств.
Ключевые слова: прагматический потенциал, лексические единицы, отказ, художественный текст, немецкий язык

PRAGMATIC POTENTIAL OF LEXEMES WITH THE MEANING OF REFUSAL

The pragmatic potential of lexemes with the semantics of refusal in the German language is considered on the material of literary texts. The features of the pragmatic possibilities of these means are revealed.
Key words: pragmatic potential, lexical items, refusal, a literary text, German

В настоящее время усиливается интерес к исследованию прагматических возможностей языковых единиц и механизмов их выявления. Это связано с тем, что результат речевого воздействия зачастую зависит от того, насколько удачно используются языковые средства. Особенно важно адекватно оценить возможности воздействия языковых единиц в потенциально конфликтных ситуациях, к которым относится и коммуникативная ситуация отказа. Зачастую от выбора языкового средства зависит, останется ли общение конструктивным либо перейдет в разряд конфликтного.

Целью данной работы является рассмотрение прагматических свойств лексем со значением отказа и выявление особенностей их воздействия. Материалом для исследования послужили диалогические единства, содержащие лексические единицы с семантикой отказа, отобранные методом сплошной выборки из произведений современной немецкой художественной литературы. Исследование проводилось методами прагмалингвистического, функционально-семантического и контекстного анализа языковых единиц.

В ходе анализа исследовательского материала установлено, что наиболее употребляемыми в ситуации отказа являются глаголы *absagen* ‘отказать’, *ablehnen* ‘отказать, отклонить’, *sich weigern* ‘отказаться’, *verzichten* ‘отказаться’. Ввиду своей семантики исследуемые лексемы изначально характеризуются ингерентной категоричностью и прямолинейностью, что переводит их в разряд

прагматически маркированных единиц, обладающих травматическим потенциалом.

Однако степень категоричности лексем с семантикой отказа, как и их прагматический эффект могут варьироваться. Определенное влияние на прагматику отказа оказывают статусно-ролевые отношения и характер межличностных отношений коммуникантов. Так, в условиях симметричных отношений в неофициальном общении данные лексемы участвуют в конструировании недвусмысленного, а также претенциозного, слишком решительного отказа. Как видно из последующего примера, ввиду интенсивной категоричности лексемы *absagen* отказ воспринимается резким, отрывистым и не способствует поддержанию позитивного настроения собеседника: *Er war entschlossen:“ Ich sage ab.“ Die Mutter fühlte sich beleidigt, aber schwieg.*

Несколько иной прагматический эффект вызывает лексема *sich weigern* ‘отказать’ в следующем фрагменте, характеризующимся ассиметричными, дистантными отношениями между собеседниками: *„Wir können eine Fruchtwasseruntersuchung durchführen, um uns auf diese Weise die Chromosomenstruktur des Kindes ansehen.“*< …>*„ Dr. Wade, ich weigere mich, eine solche Untersuchung zu erlauben.*“

В данном случае категоричность лексемы *sich weigern* смягчается, поскольку в официальной обстановке использование подобных форм допустимо. Прагматически маркированный глагол акцентирует здесь серьезность намерения адресанта, упреждает дальнейшие возражения со стороны партнера по коммуникации и предотвращает инотолкование.

Категоричность и негативная коннотация лексем с семантикой отказа заметно усиливаются в восклицательных предложениях. Отказ приобретает сильную негативную окраску, сигнализируя об отрицательном отношении адресанта к предложению собеседника и резко подчеркивая бескомпромиссность его (автора отказа) решения: *„Ich verzichte! Ich habe nicht die Absicht, deine Torheit noch zu unterstützen“*.

Интересны случаи, когда прагматический заряд языковой единицы значительно нивелируется контекстным окружением. Так, в следующем фрагменте категоричность глагола *absagen* значительно снижается за счет употребления частицы *gerne* ‘охотно’ в сочетании с отрицательной частицей *nicht* ‘не’. Данная комбинация подчеркивает нежелание автора отказа реагировать отрицательно на предложение собеседника и, тем самым, смягчает резкость отказа. Например: *Aus Lisas Schmuckkasten nahm sie zwei Ohrringe und probierte sie vor dem Spiegel. „Die leihst du mir, ja?“ „Elaine… Ich sage dir nicht gerne ab, aber ich verleihe grundsätzlich meinen Schmuck nicht“*.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что в случаях использования лексических единиц с семантикой отказа высказывание приобретает категорично-констативный характер, не допускающий сомнения в окончательности и безоговорочности решения говорящего. Степень категоричности такого отказа может усиливаться или смягчаться за счет контекстного окружения либо социолингвистических факторов.

УДК 81’42
Марина Владимировна Ладутько, к. филол. н.
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь
эл. почта: ladutko.m@mail.ru

Marina Vladimirovna Ladutko, Cand. of Sc. (Philology)
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus
e-mail: ladutko.m@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И РАЦИОНАЛЬНОГО В НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Проанализированы перспективные направления исследования взаимодействия эмоционального и рационального в дискурсе гуманитарных наук. Рассматриваются лингвистические средства, отражающие это взаимодействие в картине мира субъектов научной коммуникации.
Ключевые слова: эмоциональное, рациональное, экспрессивность, воздействие, научно-гуманитарный дискурс, интенсификатор, полимодальность, стратегия, тактика

DIRECTIONS OF RESEARCH ON THE INTERACTION OF EMOTIONAL AND RATIONAL IN SCIENTIFIC AND HUMANITARIAN COMMUNICATIVE PRACTICE

The perspective directions of the study of the interaction of emotional and rational in the discourse of the humanities are analyzed. Linguistic means reflecting this interaction in the picture of the world of subjects of scientific communication are considered.
Key words: emotional, rational, expressiveness, impact, scientific and humanitarian discourse, intensifier, polymodality, strategy, tactics

Цель статьи – выявить перспективные направления в описании взаимодействия эмоционального и рационального в научно-гуманитарной коммуникативной практике.

Цель исследования отражает совмещение когнитивного и прагматического подходов. Источником материала исследования послужили русскоязычные статьи по гуманитарным направлениям (лингвистика, литературоведение), опубликованные в рецензируемых научных журналах за 2015–2021 гг. Основной метод исследования – описательный (в совокупности всех его составных частей: наблюдение, обобщение, интерпретация, классификация), с применением функционально-коммуникативного и контекстуального анализа.

Первое направление: интегральное представление взаимодействия эмоционального и рационального в сознании субъекта научного текста и выявление лингвистических способов объективации этого взаимодействия. К наиболее типичным средствам повышения экспрессивности изложения в научном тексте относятся аксиологическая и эмоционально окрашенная лексика, «усилительные» конструкции, а также разнообразные стилистические, грамматические,

лексические, синтаксические, фразеологические средства создания экспрессии и их сочетание, цель которых – усилить выразительность и убедительность речи, оказать воздействие на адресата, подчеркнуть логику рассуждения, важность получаемых результатов. При этом в научной коммуникации наиболее яркое экспрессивно маркированное средство – интенсификаторы.

Второе направление: моделирование полимодальности проявлений эмоционального и рационального в научном тексте. Авторские термины представляют собой личный вклад ученого в развитие научной дисциплины, которой он занимается: *Мутантные аббревиатурно-композитные* группы в словообразовательной системе языка (Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология, № 6, 2017); *Венок сонетологов* и *сонетистов*: Альманах 7-го симпозиума Международного научно-творческого семинара «Школа сонета» (Там же). Названия научных текстов в свернутом виде отражают их тему и содержание, научный стиль мышления носителя языка, научный стиль речи. Усилителями выразительности заголовков выступают стилистические средства: тропы, цитаты и прецедентные выражения, бессоюзные конструкции с двоеточием и с точкой, высказывания в виде вопроса. Особым явлением стали аттрактивные заголовки: *Белорусская «трасянка» как яблоко раздора и как оселок метода* (Русский язык в научном освещении, № 35, 2018).

Третье направление: определение стратегий и тактик эмоционально-ценностного воздействия в дискурсивной практике. Один из способов реализации стратегии – тактика эмоционального усиления аргументации, описанная в работе Т. Н. Савчук: «Для достижения убеждающего эффекта продуцирующий субъект аргументации апеллирует к когнитивным структурам реципиента, активизируя одни и блокируя другие. Закономерно, что усиление рационального воздействия ослабляет эмоциональное и наоборот. Тактика эмоционального усиления аргументации предполагает выбор коммуникативно-речевых действий, которые актуализируют эмоциональную доминанту восприятия сообщения» [1, с. 32]. Разработан механизм описания тактики: выделение и систематизация приемов, реализующих данную тактику на структурном, вербальном и метатекстовом уровнях, раскрытие их прагматического потенциала, определение условий их эффективности в письменной научно-гуманитарной коммуникации.

Сочетание в научном дискурсе рациональной оценки с эмоциональным отношением носит синкретичный характер, проявляется в экспрессивности изложения.

Перспективы исследования: системное описание взаимодействия эмоционального и рационального в картине мира субъектов научно-гуманитарного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савчук Т. Н. Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 30–43.

УДК 811.111’37’367
Елена Иосифовна Марутич, магистрант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: bonnylashes@gmail.com

Alena Iosifovna Marutsich, MA Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: bonnylashes@gmail.com

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РАЗНЫХ ВИДАХ ТЕКСТОВ

Проанализированы особенности функционирования отглагольных прилагательных английского языка в художественных, газетных и официально-деловых текстах. Выявлен их семантический потенциал в текстах разной функционально-стилистической направленности.
Ключевые слова: отглагольные прилагательные, пропозиция, семантический потенциал, материальные и ментальные глаголы

SEMANTIC-SYNTACTIC POTENTIAL OF ENGLISH DEVERBAL ADJECTIVES IN VARIOUS TYPES OF TEXTS

The specifics of functioning of English deverbal adjectives in literary, newspaper and official texts are analyzed. Their semantic potential pertaining different functional styles is revealed.
Key words: deverbal adjectives, proposition, semantic potential, material and mental processes

Существует устоявшаяся номенклатура языковых единиц, являющихся носителями свернутых пропозиций. Как правило, это вторично-предикативные структуры, а также девербативы – отглагольные имена существительные и прилагательные. Благодаря своей семантико-синтаксической природе, эти единицы обладают способностью сохранять в своем синтаксическом окружении все или некоторые единицы, соотносящиеся с семантическим субъектом или семантическим объектом свернутой пропозиции.

Объектом представляемого исследования являются отглагольные прилагательные и словосочетания с ними, которые рассматриваются с позиций семантического синтаксиса как свернутые пропозиции. Материал анализа составили 1255 употреблений, отобранных из художественных, газетных и официально-деловых англоязычных текстов (412, 440, и 403, соответственно). Процедура анализа включала определение семантического типа исходного предиката, идентификацию представленных в составе словосочетания единиц как эксплицирующих номинативные элементы свернутой пропозиции, установление имплицированных элементов, для чего использовались приемы трансформации и сопоставления.

Отобранные языковые единицы были классифицированы согласно критериям семантического типа исходного глагола-основы (материальный, ментальный, релятивный тип основы) и используемого словообразовательного суффикса. Также были установлены определенные модели, согласно которым элементы потенциальной пропозиции представлены в поверхностной струк-

туре (эксплицируются) или, наоборот, отсутствуют (имплицируются), а именно: с удаленным субъектом при наличии объекта, с удаленным объектом при сохранении субъекта, с удаленными субъектом и объектом и модель с наличествующим субъектом в случае с непереходными либо эргативными глаголами.

В результате проведенного анализа было установлено, что преобладающими семантическими типами предикатов, от которых были образованы прилагательные, во всех типах текстов оказались материальные предикаты, однако их доля в общей номенклатуре глагольных основ несколько отличается. Так, в художественных текстах соотношение материальных и ментальных основ составляет 60 % – 40 %, в газетных 70 % – 30 %, в официально-деловых 70 % – 18 %.

Представленность семантического субъекта и семантического объекта оценивалась посредством сопоставления трансформированной свернутой пропозиции с элементами словосочетания. Наиболее частотной моделью образования свернутых пропозиций с участием отглагольных прилагательных в художественных текстах явилась модель –S V +O (48 %), где «+» означает представленность объекта в составе словосочетания, а «–» отсутствие субъекта. Газетные тексты демонстрируют корреляцию модели –S V +O (35 %) и модели +S V +O (24 %). Данный результат трактуется с позиций суперструктуры газетного текста, где облигаторными компонентами являются основное событие и фон. Именно фон содержит прямое или косвенное указание на субъект действия, что ведет к росту количества моделей свернутых пропозиций с эксплицированным субъектом в сравнении с текстами художественной направленности, где доля субъекта и объекта, одновременно присутствующих в поверхностной структуре, невелика –S V +O, 48% и +S V +O (18 %). Закономерно и то, что официально-деловые тексты демонстрируют максимальный процент удаленных субъектов – 67 %, это объясняется предписующе-долженствующим и констатирующим характером речи данного вида текстов, что способствует безэмоциональности и клишированности повествования и исключает личностность изложения. Отсюда следует вывод об объектоцентричности подобного вида текстов, ведь в фокусе внимания официальной документации не стороны, связанные договорными отношениями, а объект и условия сделки.

Таким образом, можно говорить о высоком семантическом потенциале отглагольных прилагательных английского языка, который реализуется в различных видах текстов по-разному, в зависимости от их функционально-стилистических и языковых особенностей, что продиктовано, в свою очередь, экстралингвистическими факторами.

УДК 81’42
Елена Алексеевна Ревуцкая, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: cafbelmovalit@mslu.by

Alena Alexeevna Revutskaya, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: cafbelmovalit@mslu.by

К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ КРЕАТИВНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Проанализированы критерии оценки креативности языковой метафоры; обоснована целесообразность их применения в изучении поэтической метафоры.

Ключевые слова: поэтическая метафора, концептуальная метафора, образная метафора, языковая метафора, креативность

EVALUATION OF THE POETIC METAPHOR CREATIVITY

This contribution analyzes the criteria of the evaluation of the linguistic metaphor creativity and justifies their application to the poetic metaphor.

Key words: poetic metaphor, conceptual metaphor, image metaphor, linguistic metaphor, creativity

Лингвоэстетическая концепция поэтического дискурса доказывает, что его онтологическую основу составляет взаимодействие языка и творчества (Фещенко, Коваль, 2014; Фещенко 2020), определяющее, в частности, языковое своеобразие поэтической образности. Цель данного сообщения – дополнить существующую процедуру оценки креативности языковой метафоры (Ahrens, 2010), учитывая природу поэтического образа. Исследование выполнено на материале полного корпуса поэзии французского сюрреалиста Блеза Сандрара и ее русских переводов, выполненных Михаилом Ясновым.

Как известно, важнейшую роль в поэтической речи играет образная метафора. В отличие от концептуальной метафоры, представляющей собой перенос одной сферы опыта на другую, образная метафора – результат проекции одного чувственного (чаще всего – визуального) образа на другой [1, p. 63]. В противовес концептуальной метафоре, образная метафора не конвенциональна, не свойственна «повседневному мышлению», не лежит в основе идиоматических выражений в языке, не представляет абстрактное в терминах конкретного, не основана на опыте или коллективном знании [2, p. 221]. Так, в поэме «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» (*La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France*, 1913) описание Кремля представлено развернутой метафорой, включающей четыре (в переводе – три) визуальных образа: *Le Kremlin était comme un immense* ***gâteau*** *tartare* ***croustillé d'or****, / Avec les grandes* ***amandes*** *des cathédrales, toutes blanches / Et l'or* ***mielleux*** *des cloches...* (Cendrars) ‘Татарским **пирогом** с **поджаристою коркой** / Казался мне огромный Кремль / С распухшими **миндалинами** белых храмов / С **медоточивым** золотом колоколов…’.

Процедура оценки креативности языковой метафоры, разработанная К. Аренс (Ahrens, 2010), требует обращения к данным толковых словарей и корпусов. Согласно К. Аренс, метафора, зафиксированная в словаре, конвенциональна. Отсутствующая в словаре, но обнаруживаемая в корпусе языковая метафора признается редкой. Новая языковая метафора отсутствует как в словаре, так и в корпусе. Так, обращение к толковому словарю французского языка Робер (Le Nouveau Petit Robert de la langue française 2007) и национальному корпусу французского языка Frantext (Frantext) показывает, что один оригинальный образ в приведенном примере следует отнести к редким (*or mielleux* ‘медовое золото’), остальные – к новым.

Таким образом, опора на лексикографические и корпусные данные, а не на лингвистическую компетенцию исследователя, обеспечивает выявление

новых языковых метафор. Вместе с тем основополагающий тезис когнитивной теории метафоры о «принципиальной метафоричности» человеческой мысли позволил заключить, что поэтическая образность обращается к тем же концептуальным моделям, что и повседневная речь (Lakoff & Turner, 1989; Gibbs, 2017). Этот вывод указывает на важность учета не только образной, но и концептуальной метафоры при анализе поэтического материала. Так, новые языковые образы, идентифицируемые в поэтическом тексте, целесообразно соотносить с репозиториями систематических концептуальных сближений – например, с базой концептуальных метафор MetaNet. Этот шаг позволит считать новой лексически единственную метафору, соответствующую одному из регулярных концептуальных сближений. Лексически единственную метафору, не соответствующую ни одному из них, целесообразно признать креативной. Так, анализируемый выше образ Кремля следует считать новым также потому, что его дополняет концептуальная метафора COGNIZING IS EATING, имеющаяся в репозитории MetaNet: *Un vieux moine me lisait la légende de Novgorode / J'**avais soif** / Et je déchiffrais des caractères cunéiformes / … / J'**avais faim** / Et tous les jours et toutes les femmes dans les cafés et tous les verres / J'aurais voulu les **boire** et les casser / Et toutes les vitrines et toutes les rues / Et toutes les maisons et toutes les vies* (Cendrars) ‘Монах замшелый мне читал о новгородских тайнах / Я **жажду утолить** не мог / В неразберихе клинописных букв / … / Я **голод утолить** не мог / Я так хотел **испить** и сокрушить / Все дни всех женщин все стаканы / Все улицы и все витрины / И все дома и все людские судьбы’.

Наконец, учет концептуальной метафоры в ходе оценки креативности поэтического образа показывает целостность поэтического произведения, отражающего одновременно индивидуальный и общечеловеческий опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kövecses Z. Contextual images as visual metaphors // Periodica polytechnica. 2011. № 19 (2). P. 63–66.

2. Lakoff G. Image Metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. Vol. 2 (3). P. 219–222.

УДК 811.161.3’22’42

Марыя Аляксееўна Салаўёва, к. філал. н.
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
эл. пошта: salauyova@mail.ru

Maria Alexeevna Soloviova, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: salauyova@mail.ru

РЭАЛІЗАЦЫЯ КАГНІТЫЎНАЙ АПАЗІЦЫІ «СВОЙ – ЧУЖЫ» Ў БЕЛАРУСКАМОЎНЫМ МАСТАЦКІМ ДЫСКУРСЕ

Даклад прысвечаны аналізу таго, як кагнітыўная апазіцыя «свой-чужы» рэалізуецца ў мастацкім дыскурсе на працягу сучаснага перыяду развіцця беларускай мовы ў залежнасці ад сацыякультурных варункаў і катэгорыі суб’ектнасці.

Ключавыя словы: канцэптуалізацыя, кагнітыўная апазіцыя, мастацкі дыскурс, катэгорыя суб’ектнасці, сэнсава-каштоўнасная трансфармацыя

REALISATION OF THE COGNITIVE OPPOSITION “FRIEND OR FOE” IN BELARUSIAN FICTIONAL DISCOURSE

The paper is dedicated to the analysis of how the cognitive opposition “friend or foe” is realised in the fictional discourse of the modern period of the Belarusian language development depending on the social and cultural circumstances and the category of subjectivity.

Key words: conceptualisation, cognitive opposition, fictional discourse, category of subjectivity, value and meaning transformation

Мэтай праведзенага даследавання было высветліць, у якой ступені канцэптуалізацыя як здольнасць фарміраваць сімвалічныя структуры (Дж. Лакаф) можа быць даследаваная на аснове канцэптуальнага, кантэкстуальнага аналізу мастацкага дыскурсу ў межах кагнітыўна-дыскурсіўнага падыходу (А. С. Кубракова). Вядома, што адным з вынікаў канцэптуалізацыі досведу з’яўляецца фарміраванне канцэптаў, якія могуць трактавацца як кванты перажываемых ведаў (У. І. Карасік), ментальныя ўтварэнні гештальтнага тыпу (А. С. Кубракова). Пры гэтым сцвярджаецца, што канцэпты з’яўляюцца элементамі буйнейшых кагнітыўных структур: фрэймаў, сцэнараў, кагнітыўных мадэляў, канцэптуальных метафар (М. Джонсан, Дж. Лакаф). Гэта значыць, што інтэрпрэтацыя лексемы, прэцэдэнтнага феномену, вобраза, прапазіцыі, якія вербалізуюць канцэпт, падразумявае веданне не толькі асноўнага семантыка-прагматычнага значэння, але і больш складанае трактаванне з апорай на стэрэатыпныя сацыякультурныя і лінгвакультурныя ўяўленні, зафіксаваныя ў буйных кагнітыўных структурах.

У кагнітыўнай лінгвістыцы мяркуецца, што сеткі ўзаемазвязаных канцэптаў, фрэймаў, сцэнараў аб’ядноўваюцца не толькі семантычна, але і з пункту гледжання аксіалагічнай афарбоўкі, задаваемай метафарычна (М. Джонсан, В. К. Ірысханава, Дж. Лакаф, Р. Лэнекер). Сярод такіх канцэптуальных метафар, якія накіроўваюць наратыў, для англа-амерыканскай лінгвакультуры, напрыклад, вылучаецца метафара «нацыя – гэта сям’я». Можна дапусціць, што гэты прапазіцыянальны выраз уяўляе сабой сэнсава-каштоўнасную кампрэсію пэўнай карціны міра. Але відавочна, што, каб прызнаць універсальны характар такой кагнітыўнай структуры, па-першае, павінны быць дакладна вызначаныя яе кампаненты, а па-другое, яны павінны рэферэнтна суадносіцца з адпаведнымі экстэнсіяналамі на акрэсленым этапе развіцця моўнага калектыву. Такая задача рэалістычная для мастацкага беларускамоўнага дыскурсу XX–XXI ст., але можа быць праблематычнай для больш ранніх перыядаў, якія ўваходзяць у сучасны этап развіцця беларускай мовы. Таму мы прапануем звярнуцца да архетыпічнай (Д. Гудкоў, М. Каўшова, Ю. С. Сцяпанаў) канцэптуальнай апазіцыі «свой-чужы», якая вылучаецца для лінгвістычнага аналізу ў семіётыцы (Вяч. Ус. Іваноў, Ю. М. Лотман, Ю. С. Сцяпанаў, У. М. Тапароў).

Паводле Вяч. Ус. Іванова і У. М. Тапарова, семіятычная мадэль свету «свой-чужы» можа рэалізоўвацца ў дыскурсе праз актуалізацыю этнічнай (прадстаўнікі розных этнасаў), сацыяльнай (мужчына-жанчына) інтэрпрэтацыі гэтага канцэптуальнага супрацьпастаўлення, а таксама размежавання ў плоскасці «чалавечае»-«нечалавечае» (чалавек-чорт). Аналіз вербалізацыі адпаведных канцэптаў у мастацкім дыскурсе паказвае, што прыналежнасць да «свайго» ці «чужога» вызначаецца лінгвакультурнымі і сацыякультурнымі стэрэатыпамі, характэрнымі для часу напісання твора і катэгорыяй суб’ектнасці, якая дэтэрмінуе фокус актуалізацыі даследуемых канцэптаў у рамках

згаданай архетыпічнай кагнітыўнай мадэлі. Так, з канца XVIII да пачатку XX ст. «сваімі» з'яўляюцца *мужчына* (вобразы селяніна, шляхціча, мужыка-беларуса, паэта, кніжніка), *вясковыя дзяўчаты*, *жанчыны* як дэкаратыўны элемент этнакультуры і патэнцыйныя ўдзельніцы працэсу эмансіпацыі беларускай нацыі (сацыяльна, этнічна і гендарна маркіраваныя канцэпты, якія актывізуюць адпаведныя фрэймы). «Чужыя» – гэта сацыяльна і этнічна маркіраваныя *пан*, *паляк*, *немец*, *расійскі чыноўнік*. Умоўна «сваімі» можна назваць *габрэя* (сацыяльны, этнічны, рэлігійны фрэймы), *бабу* (сацыяльна індэксаванае) і нават *чорта*, бо яны належаць да адной моўнай супольнасці, маюць агульныя інтарэсы са «сваімі», але могуць пазіцыянавацца як варожыя альбо адрозныя ў магчымых светах тэкстаў. У адпаведнасці з працэсамі нацыянальнай, грамадзянскай, гендарнай і культурнай эмансіпацыі беларускага моўнага калектыву XX–XXI ст. «сваімі» робяцца тыя, хто ўваходзіць у фрэймы «беларускі/савецкі народ», «беларуская/савецкая дзяржава», «беларуская/савецкая/сусветная культура». Гэта суправаджаецца сэнсава-каштоўнаснай трансфармацыяй, пашырэннем фрэймавых роляў, а таксама трактоўкай фрэймаў «горад» і «вёска» і характэрных для іх дачыненняў як «сваіх». У мастацкім дыскурсе канца XX–XXI ст. *мужчына* можа пазіцыянавацца як «чужы» сугучна ідэям фемінізму.

Такім чынам, кагнітыўная апазіцыя «свой-чужы» рэалізуецца ў адпаведнасці з працэсамі эмансіпацыі беларускай нацыі, з сусветнымі сацыякультурнымі тэндэнцыямі і ў залежнасці ад катэгорыі суб'ектнасці.

УДК 811.161.3'36'42

Аксана Васільеўна Семянькевіч, к. філал. н.
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
эл. пошта: oksanasemenkevich@gmail.com

Oksana Vasiljevna Semenkevich, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: oksanasemenkevich@gmail.com

ФУНКЦЫЯНАЛЬНА-СТЫЛІСТЫЧНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ НЕКАДЫФІКАВАНЫХ ГРАМАТЫЧНЫХ ФОРМ У ПАЭТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ

На матэрыяле паэзіі Рыгора Барадуліна прааналізаваны функцыі некадыфікаваных у сучаснай беларускай мове дзеяслоўных форм.

Ключавыя словы: некадыфікаваная граматычная форма, марфалагічны архаізм, марфалагічны дыялектызм, стылістычная функцыя, ідыястыль аўтара

FUNCTIONAL AND STYLISTIC POTENTIAL OF UNCODIFIED GRAMMATICAL FORMS IN POETIC DISCOURSE

The paper analyses verbal form functions which are not codified in the modern Belarusian language based on Rygor Baradulin poetry.

Key words: uncodified grammatical form, morphological archaism, morphological dialectism, stylistic function, author's idiostyle

Граматычныя формы значна радзей за іншыя канстытуенты аўтарскага ідыястылю з'яўляюцца аб'ектам даследавання. Між тым яны таксама валодаюць значным патэнцыялам функцыянальна-стылістычнага маркіравання мовы пісьменніка. У гэтым аспекце цікавасць уяўляе паэзія Рыгора Барадуліна, віртуознасць паэтычнага майстэрства якога адзначана ў многіх працах. Разам з тым рэсурсы марфалагічнага ўзроўню мовы ў яго творчасці спецыяльна не вывучаліся.

Мэта даследавання – выявіць функцыі некадыфікаваных у сучаснай беларускай мове граматычных форм у лірыцы Рыгора Барадуліна. Аб'ект аналізу абмежаваны дзеяслоўнымі формамі ў паэтычным зборніку «Ксты». Гэты твор займае адметнае месца ў барадулінскай спадчыне, гэта кніга-малітва, кніга-споведзь, кніга-пакаянне, гэта гімн Богу. Ідэйна-жанравая спецыфіка вершаў зборніка дэтэрмінуе адмысловыя моўныя сродкі паэта, сярод якіх нельга не заўважыць архаічныя дзеяслоўныя формы, напрыклад: *Мы без Боскай рукі / Бязрукія. // Нас гасподняя рупнасць рухае. // Нас* ***бядзіцьме*** *адна трывога / Быць няхіжымі птушкамі ў Бога; Крыж – гэта мы, / Што ўсё ўхапіць хацелі / І нецярпліва рукі развялі. // Але здранцвелі й ценямі ў быллі /* ***Дрыжэцьмем*** */ Над сваёй глухой пасцеллю.*

Выбраныя з вершаў дзеяслоўныя формы, якія выходзяць за межы норм сучаснай беларускай мовы, можна сістэматызаваць паводле марфалагічных прымет, гэта:

1) інфінітывы на *-ці* ў дзеясловах з асновай на галосны (*назваціся, пілнаваціся*), напрыклад: *Грэх, / што хацеў бы* ***назваціся*** *панам, / Чэзне, як дым на вадзе*; ***Пілнаваціся*** *кожны мусіць / Роднага Бога, /* ***Пілнаваціся*** *кожны мусіць / Роднай зямлі*;

2) формы будучага складанага 1 з дапаможным дзеясловам *мець*

- 2 асобы адзіночнага ліку (*прагнуцьмеш, нараджацьмеш, злятацьмеш, збірацьмеш, стаяцьмеш; казацімеш, жыцімеш, пажынацімеш*), напрыклад: *У пакутах душы людзей // Ксціла рук Хрыстовых раскрылле. // Цемра, як цяпер ні люцей, /* ***Пажынацімеш*** *чарнабылле*;

- 3 асобы адзіночнага ліку (*збірацьме, нахапацьме, трывацьме, савецьме, бядзіцьме, трывацьме; жыціме, паміраціме, ісціме, даганяціме, гнясціме*), напрыклад: *Покуль будудь нараджацца дзеці, / Бог надзею* ***мецьме*** *на людзей*;

- 1 асобы множнага ліку (*развінацьмем, бальзамавацьмем, верацьмем, дрыжэцьмем*), напрыклад: – *Майсею! // Дакуль* ***развінацьмем*** *пакутаў сувой, / І ярмом фараонавым надрываць нутро, / І* ***бальзамавацьмем*** *хлуснёй сваёй / Нязмыўнае, ганьбай прапекленае таўро?*;

3) формы загаднага ладу

- 2 асобы множнага ліку на *-эце/-еце* замест літаратурных на *-іце/-ыце* (*ідзеце, скажэце, лавеце*), напрыклад: *Анёл сказаў ім: / Уваскрос Хрыстос! /* ***Ідзеце*** *й вучням / Гэта ўсё* ***скажэце***;

- 1 асобы множнага ліку з канчаткамі *-мо, -ма* (*пабежымо, будзьма радавацца, узвышаймася, узводзьма , мусіма стаць*), напрыклад: *Нетрывалае ўсё / На халоднай зямлі /* ***Узводзьма*** *ў сэрцах / Госпаду храмы*.

Граматычны аналіз пакавае, што найбольшую рэгурярнасць выяўляюць формы дзеясловаў незакончанага трывання, якія ў сучаснай літаратурнай мове маюць аналітычную форму выражэння. Такім чынам, акрамя стылістычнай, гэтыя архаічныя формы выкарыстоўваюцца аўтарам як кампрэсіўны сродак рытмічнай арганізацыі верша.

Аднак асноўнай функцыяй пералічаных вышэй архаічных форм з'яўляецца сакралізацыя тэксту, стварэнне ўзвышанага стылю. Разам з тым, аналіз паказвае, што Р. Барадулін выбірае далёка не любыя марфалагічныя архаізмы, а толькі тыя, якія і зараз ужываюцца (з рознай ступенню актыўнасці) у беларускіх дыялектах. Паэт застаецца верным свайму паэтычнаму крэда – крыніцай парушэння канонаў для яго з'яўляюцца народныя запасы моўнай культуры. Але Барадулін не толькі чэрпаў з гэтай крыніцы сродкі майстэрства, але і бачыў сваю місію ў захаванні яе, пра што сам напісаў у адным з вершаў зборніка: *Нябыт абыякава ўсё праглыне. // Я цешыцца // Марнай надзеяй гатовы, / Што нехта захоча / Сказаць пра мяне: / Ён быў на паслугах / У матчынай мовы.*

УДК 811.112.2'42

Евгений Сергеевич Степанов, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: e.s.stepanov@spbu.ru

Evgenii Sergeevich Stepanov, Cand. of Sc. (Philology)
Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
e-mail: e.s.stepanov@spbu.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ СТРАТЕГИИ В НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОЙ И НАУЧНО-ОБУЧАЮЩЕЙ ПРАКТИКАХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Исследование посвящено специфике языковой оценки в научной коммуникативной практике на материале научные рецензий и учебников по социологии на немецком и русском языке. Установлено, что стратегии использования рациональных и эмоциональных оценок, а также средств структурирования и выделения информации зависят от подвида научной практики.

Ключевые слова: язык оценок, научный дискурс, научно-экспертная практика, научно-обучающая практика, рациональное оценивание, эмоциональное оценивание

EVALUATION STRATEGIES IN SCIENTIFIC EXPERT AND SCIENTIFIC TEACHING PRACTICES IN RUSSIA AND GERMANY: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

The study explores the specifics of language of evaluation in scientific communicative practice on the material of scientific reviews and textbooks on sociology in German and Russian. The study revealed that the strategies of using rational and emotional evaluation as well as the means of structuring and highlighting information depend on the subspecies of scientific practice.

Key words: language of evaluation, scientific discourse, scientific expert practice, scientific teaching practice, rational evaluation, emotional evaluation

В настоящем исследовании предпринимается попытка раскрыть специфику языкового оценивания в науке в зависимости от цели, положенной в основу конкретной разновидности научной коммуникативной практики. Под коммуникативной практикой понимается устойчивая конфигурация регулярно воспроизводимых социокоммуникативных действий, осуществляемых их участниками для реализации определенных видов задач (В. Е. Чернявская). В научной коммуникативной практике происходит процесс получения нового знания, его верификации и межпоколенческого трансфера уже устоявшихся знаний. Каждый этап осуществляется в рамках определенного типа практики: научно-исследовательская практика занимается выработкой нового знания, которое далее проходит экспертизу на основе научно-экспертной практики и передается новым поколениям при помощи научно-обучающей практики (С. Т. Нефёдов). Важная роль при этом на всех этапах отводится языковой оценке.

Оценка в настоящее время рассматривается как интерсубъективная категория, которая получает свое конкретное наполнение только при соотнесении с определенной коммуникативной практикой: в процессе оценочного акта субъекты сами конституируют оценочный базис и производят приписывание ценностей анализируемым пропозициям [1, S. 387]. Эти ценности, в свою очередь, также представляют собой «социально конструируемые модели» [2, с. 57] и разнятся в зависимости от целевой установки той или иной коммуникативной практики. На материале экспертных рецензий и вузовских учебников по социологии на немецком и русском языках было установлено, что в обоих типах практики – и в экспертной, и в обучающей – используются аналогичные виды оценок, но при этом они вводятся в практики с различными целями и имеют свою специфику поляризации.

При составлении рецензий на научные статьи эксперты используют прежде всего рациональные (основанные на критериях научности) и эмоциональные (выражающие личное отношение рецензента) оценки, что позволяет составить заключение о достоверности и ценности работы с целью ее последующего включения в научный оборот; при этом широко представлены как положительно-оценочные, так и отрицательно-оценочные структуры. В вузовских учебниках же рациональные и эмоциональные оценки используются значительно реже и только в отношении уже ставшего нормативного знания с целью подчеркнуть его релевантность и значимость, а отрицательные оценки здесь практически не встречаются. Напротив, преобладающим типом оценивания в учебниках для вузов являются структурирование и выделение информации, что позволяет придать мысли студента нужный вектор и облегчить усвоение знаний. В научных рецензиях такая оценочная стратегия задействуется значительно реже.

Среди перспектив исследования стоит отметить изучение других групп оценочных средств в упомянутых коммуникативных практиках, в частности эпистемической оценки, а также средств интенсификации и деинтенсификации оценочного значения.

Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект 22-28-01024 «Язык оценок в научных гуманитарных практиках и дискурсах Германии и России») в СПбГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Habermas J. Diskursethik. Philosophische Texte : Studienausgabe. Bd. 3. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2009. 465 S.

2. Молодыченко Е. Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-diskursa-konsyumerizma-o-roli-yazykovoy-otsenki-v-zhanre-layfstayl (дата обращения: 26.02.2023).

УДК 811.112.2’37

Анна Васильевна Сытько, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: sytko.mglu@gmail.com

Anna Vasilievna Sytko, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: sytko.mglu@gmail.com

ТЫ НЕ ДОЛЖЕН: ИЛЛОКУТИВНАЯ СПЕЦИФИКА И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Рассматриваются типы взаимодействия оператора отрицания и компонентов деонтического высказывания. Устанавливаются иллокутивная специфика и прагматические значения, реализуемые деонтическим высказыванием с субъектом 2-го лица в зависимости от типа взаимодействия с отрицанием. В качестве материала исследования используются контексты на русском и немецком языках.

Ключевые слова: деонтика, отрицание, смысловой глагол, деонтический предикат, презумпция, алетика, директивность, директивные типы

YOU SHOULD NOT: ILLOCUTIVE SPECIFICITY AND PRAGMATIC MEANING

The study considers types of interaction between the negation operator and the components of a deontic utterance. It reveals the illocutionary specificity and pragmatic meanings realized by the deontic utterance with the 2nd person’s modal subject depending on the type of interaction with negation. The contexts in Russian and German are used as empiric material.

Key words: deontic, negation, modal/deontic predicate, semantic/propositional verb, presumption, alethic, directive types

Прагматическое значение языковой единицы складывается из чисто семантической доли и из смыслового компонента, связанного с его употреблением. Цель работы – установление влияния семантики оператора отрицания на прагматические характеристики второличных деонтических

высказываний, ядерной иллокуцией которых является директивная: *ты не должен делать P ≈ делай P*, где ключевой является идея директивного смещения: *прескрипция – суггестивность*.

Прагматика отрицательных конструкций с деонтическим субъектом 2-го лица напрямую зависит от того, какой обязательный компонент конструкции отрицается: деонтический предикат или смысловой глагол.

Отрицание деонтического маркера подразумевает отрицание необходимости, или дизъюнкцию альтернатив: *не должен P = можешь делать P, можешь не делать P*, что ведет к активному проникновению алетического значения в семантику деонтического высказывания. В результате оно свидетельствует об отсутствии обязательности и аксиологическая презумпция выгоды для исполнителя, характерная для деонтического высказывания, нивелируется: *ты не обязан делать P ≠ хорошо, если ты не сделаешь P*. Подобные деонтические высказывания указывают на отсутствие причин выполнять *P*, т. е. действие не ограничено никаким деонтическим источником, что в свою очередь делает невозможной трансформацию второличной конструкции в императивную форму *ты не должен делать P ≠ не делай*. Их прагматика находится в зависимости от позиции реплики в диалоге. Инициальная отрицательная конструкция реализует *сообщение* о необязательности, свидетельствуя о снятии ответственности с адресата. Реактивная контрарная конструкция является *актом негативной реакции*, а именно несогласия с утверждением о долженствовании либо опровержением предположения о долженствовании: *я* ***должен*** *делать P/ я должен делать P? – Нет, ты* ***не должен***.

Отдельно в ряду второличных конструкций с отрицаемым деонтическим предикатом стоят структуры с эмотивными и ментальными глаголами (*думать*, *беспокоиться*, *бояться/ denken*, *sich aufregen*, *Angst haben* и т. п.), которые реализуют *акт утешения: ты* ***не должен*** *волноваться =* ***можешь*** *волноваться,* ***можешь не*** *волноваться, но лучше не волноваться*, при этом семантика (неподконтрольность воле) смыслового глагола обусловливает возможность трансформации в квазиимператив (*не волнуйся*).

В случае отрицания смыслового глагола происходит смещение отрицания в пропозициональную часть, т. е. обязательность сохраняется: действие не должно состояться. Конструкции со смещенным отрицанием реализуют директивную иллокуцию: *ты* ***не должен*** *делать P → ты* ***должен не*** *делать P = не делай P*. При этом отрицательное деонтическое высказывание выражает весь спектр директивности. *Прескриптивность* детерминируется более высоким статусом говорящего. *Суггестивность* обусловлена аксиологическим фундаментом деонтического высказывания, которое строится на позитивной ценностной пресуппозиции недействия, т. е. говорящий хочет помешать осуществлению действия, «угрожающего» адресату: *делать P нехорошо/плохо = хорошо не делать P → не надо делать P*. Если отрицательная конструкция отсылает к уже совершенному/совершаемому действию *P*, которое воспринимается как неуместное или отклоняющееся от нормы, то, с одной стороны, она реализует рекомендацию не повторять действие *P*, с другой стороны, обогащается негативно-оценочными смыслами (неодобрения, разочарования, недовольства, осуждения, упрека), выражая

прагматику порицания. Для *реквестивности* ключевую роль играет семантический тип смыслового глагола конструкции, а именно глаголы эмоциональных состояний (*злиться*, *сердиться/böse sein*, *sich ärgern* и т. п.). При этом бенефициаром действия является субъект речи, который обращается к адресату с просьбой о прекращении эмоционального состояния (*ты не должен сердиться = не сердись*), возникшего в результате осуществления говорящим действия, оцениваемого адресатом негативно.

Отрицательная второличная конструкция с ментальным глаголом *знать/wissen,* импликатурой которой является выраженный/невыраженный запрос адресата, реализует прагматику *коммуникативного запрета*: *ты* ***не должен*** *знать (ты* ***должен не*** *знать) → тебе лучше не знать, поэтому не спрашивай*. Аксиологическая презумпция (выгода незнания для деонтического субъекта) обусловливает нежелание говорящего предоставлять информацию.

Таким образом, оператор отрицания значительно модифицирует семантику деонтического второличного высказывания, что в свою очередь обусловливает расширение его прагматических возможностей.

УДК 81’42

Дарья Леонидовна Тригубова, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: trigubova.dl@gmail.com

Darya Leanidauna Tryhubava, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: trigubova.dl@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕТОНИМИИ В ЛОГЛАЙНАХ К КИНОФИЛЬМАМ

Данное исследование посвящено анализу использования метонимии в логлайнах как одной из разновидностей киноаннотаций. Устанавливается релевантность метонимической компрессии для жанра киноаннотации, определяется специфика ее реализации в логлайнах.

Ключевые слова: киноаннотация, логлайн, компрессия, метонимия, антропоним

ACTUALISATION OF THE SEMANTIC POTENTIAL OF METONYMY IN FILM LOGLINES

This study is devoted to the analysis of the use of metonymy in loglines as one of the types of film annotations. Relevance of metonymic compression for the film annotation genre is established, specifics of its functioning in loglines are identified.

Key words: film annotation, logline, compression, metonymy, anthroponym

Киноаннотация как дискурсивный жанр представляет собой специфический вид текста, целью которого является информирование потенциального зрителя о кинофильме в крайне лаконичном виде и с сохранением интриги. Будучи жанром вторичного характера, киноаннотация создается с помощью базовых приемов сжатия и сокращения. Иными словами, придание тексту компактности осуществляется за счет различного рода трансформаций,

а также опущения несущественных (по мнению адресанта) деталей. Крайне значимыми в таких условиях становятся разнообразные средства текстовой компрессии, одним из которых является метонимизация. Способность метонимии участвовать в сокращении текстового объема подчеркивает В. А. Романенко, говоря о «метонимической компрессии текста» [1], основанной на интеграции фрагментов фраз, образов, синтаксем, ситуаций и приводящей к созданию слитного образа [2]. При этом в смысловом поле текста конкретной киноаннотации может осуществляться актуализация семантического потенциала метонимии на основе ее связей с иными единицами текста, а также лексико-семантических, ассоциативных и других ресурсов.

Данное исследование посвящено исследованию функционирования метонимии в текстах логлайнов как одной из разновидностей аннотаций к художественным фильмам. Логлайн трактуется как краткое описание фильма, сформулированное в одном-двух предложениях и передающее суть сюжета, его основную драматическую линию, внешний и внутренний конфликт. Материалом исследования стали логлайны на русском языке к 100 художественным фильмам производства США выпуска 2018–2020 гг., размещенные на портале kinopoisk.ru.

Анализ логлайнов позволяет обнаружить в исследуемых текстах метонимическое употребление реальных антропонимов, именующих актеров, исполняющих роль в аннотируемом фильме. Смежными в данном случае оказываются актер и персонаж, роль которого актер исполняет, а метонимизация проявляется в полной замене именем актера имени и характеристик персонажа. Так, например, в логлайне к фильму «The Meg» *Джейсон Стэйтем против громадной акулы* осуществляется перенос характеристик персонажа на актера, в результате чего антропоним *Джейсон Стэйтем* метонимично репрезентирует персонажа – спасателя-подводника Джонаса Тейлора. В логлайне к фильму «The Rhythm Section» *Блейк Лайвли становится машиной для убийств, чтобы отомстить за гибель близких. Уроки мастерства дает Джуд Лоу* метонимический перенос осуществлен дважды: имя актрисы *Блейк Лайвли* заменяет характеристику персонажа – страдающей от гибели своей семьи девушки по имени Стефани Патрик, а антропоним *Джуд Лоу* используется вместо представления персонажа – журналиста, уверенного, что их гибель не была случайной. Логлайн *Дуэйн Джонсон, Джек Блэк и их друзья возвращаются в непроходимые джунгли* к фильму «Jumanji: The Next Level» ярко демонстрирует семантическую неоднозначность таких контекстов: языковая репрезентация двух персонажей в нем осуществлена с привлечением метонимии (*Дуэйн Джонсон, Джек Блэк* – актеры, задействованные в фильме), в то время как фрагмент *их друзья* представляет собой языковую репрезентацию собственно персонажей – безусловно, имеются в виду друзья не актеров, а персонажей, чьи роли те исполняют. Иными словами, происходит намеренное смешение информации о персонажах и актерах, что способствует актуализации семантического потенциала метонимии. Таким образом, при интерпретации подобных контекстов можно говорить о двух уровнях анализа: первый касается языковых средств, задействованных в вербализации логлай-

нов, а второй связан с семантическим наполнением аннотаций данного вида. На семантическом уровне можно фиксировать совмещенное, синкретичное представление информации о персонажах и актерах, а языковым инструментом реализации данного совмещения выступает метонимия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романенко В. А. Индексально-метонимическая структурация художественного текста (на материале эссе В. О. Богомолова «Кладбище под Белостоком») // Филологические науки. Риторика и стилистика. 2011. № 2. URL: http://www.rusnauka.com/22_PNR_2011/Philologia/2_90170.doc.htm (дата обращения: 05.02.2023)

2. Романенко В. А. Аппликативная метонимия // Русистика. 2008. № 2. С. 24–28.

УДК 811.134.2’373.21

Татьяна Николаевна Филиппова, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: tanifi54@mail.ru

Tatiana Nikolaevna Filippova, Cand. of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: tanifi54@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПАНСКИХ ДИСКУРСИВОВ *PUES* И *PERO*

В статье рассматривается функционирование в высказывании испанских дискурсивов *pues и pero*. Поскольку данные лексемы характеризуются полифункциональностью, их корректная интерпретация способствует правильному пониманию смысла высказывания.

Ключевые слова: дискурсивы, полифункциональность, функциональный потенциал, контекст

FUNCTIONAL POTENTIAL OF THE SPANISH DISCURSIVE MARKERS *PUES* AND *PERO*

The article discusses the functioning in the utterance of the spanish discursive markers *pues* and *pero*. These lexemes are characterized by multifunctionality, therefore their correct interprepation contributes to the correct understanding of the meaning of the utterance.

Key words: discursive markers, multifunctionality, functional potential, context

Функциональный потенциал языковых единиц находится в центре исследовательских интересов современной науки о языке. Мы обратились к рассмотрению испанских дискурсивов *pues и pero,* поскольку они относятся к тем единицам функционально-прагматического уровня, которые «отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности и т. д.» [1, с. 4–13].

Исследование дискурсивов с точки зрения их семантико-прагматического потенциала представляется важным в связи с тем, что их семантика весьма расплывчата и на них лежит значительная коммуникативная нагрузка, они представляют собой сгусток имплицитной информации, содержащейся в высказывании.

В рамках разряда дискурсивов можно выделить группу дискурсивов – регулятивов, которые несут в себе дополнительную информацию (оценки, эмоции, степени достоверности высказывания и др.), контекстуально и ситуативно обусловленную, так необходимую для успешной реализации коммуникативного процесса.

Дискурсивные слова способны формировать имплицитную семантику высказывания, в них может заключаться смысловая информация, которая объединяет участников коммуникации.

Отправитель информации использует дискурсивы для привлечения внимания реципиента к имплицитному содержанию, которое тот декодирует, при этом важными факторами являются фоновые знания адресата, национально-культурные особенности.

Мы рассмотрели функционирование в высказывании испанских дискурсивов *pues* и *pero*, так как данные лексемы характеризуются полифункциональностью и их корректная интерпретация способствует правильному пониманию смысла высказывания.

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы.

Дискурсивы *pues* и *pero* обладают контекстуально обусловленной прагматической полифункциональностью.

Дискурсив *pues* служит вспомогательным словом, которым говорящий вводит информацию, своего рода связкой между мыслью говорящего и его высказыванием, подтверждает правильность ранее сформировавшегося мнения, сбывшиеся ожидания, может служить показателем недосказанности, заполнять паузы хезитации, предварять реакцию или ответ слушающего на слова говорящего, выражать некоторые эмоции (удивление, гнев, разочарование, сомнение), может выражать согласие, вводить заключительную реплику и подводить итог. Он также служит средством эмфатизации утверждения или отрицания. Кроме того, *pues* придает иронический характер выражению ***pues sí que***…

Дискурсив *pero* служит показателем реакции на определенную ситуацию, слова собеседника. В начале вопросительного или восклицательного высказывания *pero* указывает на удивление, неудовольствие, неприятие слов или мнения собеседника. Он служит показателем неуверенности отправителя информации, выражает удивление, неудовольствие, гнев, нетерпение, несогласие с мнением реципиента. Также использование дискурсива *pero* указывает на наличие определенной информации, известной как говорящему, так и адресату.

Анализ функционального потенциала дискурсивов показывает, что их интерпретация представляется сложной, а порой и невозможной вне контекста и/или ситуации. Знание функций, которые свойственны дискурсивным словам, и их имплицитного потенциала способствует правильному пониманию передаваемой информации.

ЛИТЕРАТУРА
1. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путиводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнёры, 1993. 205 с.

УДК 81’22’42 :78.072.2
Светлана Константиновна Щукина, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: schukina.minsk@gmail.com

Svetlana Konstantinovna Schukina, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: schukina.minsk@gmail.com

ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕМАРКИ В ПИСЬМЕННОМ ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Рассматривается семиотическая сущность и эволюция вербального комментария в нотном тексте музыкального произведения как способа тематического развертывания текста партитуры и его прагматической интерпретации.
Ключевые слова: вербальная ремарка, вербальный комментарий, музыкальное произведение, поликодовый текст

VERBAL REMARKS IN A WRITTEN POLYCODE TEXT OF A MUSICAL COMPOSITION

The semiotic essence and evolution of a verbal commentary in the notation text of a musical composition is considered as a way of thematic development of a score text and its pragmatic interpretation.
Key words: verbal remark, verbal commentary, musical composition, polycode text

Исследование поликодовых текстов, в которых естественный языковой код сочетается с кодом иной семиотической системы, – одно из актуальных направлений в современном языкознании. Особенность музыкального поликодового текста, как устного, так и письменного, состоит в том, что в едином смысловом пространстве, дополняя друг друга, совмещаются два семиотических кода: музыкальный код, семиотическая природа которого еще недостаточно изучена, и код естественного языка.

Цель работы – рассмотреть сходство и различие музыкального и вербального семиотических кодов, определить роль вербальной ремарки в нотном тексте музыкального произведения и проследить путь ее развития от XVI века до наших дней в европейской и североамериканской музыке.

Соотношения языковых и музыкальных знаков весьма сложны. С одной стороны, в музыке, как и в языке, встречаются три типа знаков (по Ч. Пирсу): знаки-индексы, иконические знаки, знаки-символы, причем чистые типы знаков в обеих семиотических системах встречаются редко. С другой стороны, если в языке основным типом знаков является символ, то в музыке главная роль принадлежит иконическому и индексальному типам. Единицы естественного языка, в частности его лексические единицы, обычно обладают предметно-логическим значением в качестве основного, наряду с эмоциональным, стилистическим и образным его видами. Музыкальные знаки

обычно лишены предметно-логического значения, но в высокой степени способны передавать эмоциональное, стилистическое и образные виды значения. В лингвистике и музыковедении разграничивают язык и речь, но функции (установки и назначения) речи в вербальном и музыкальном сообщениях тоже различаются.

В поликодовом тексте письменного музыкального произведения вербальные ремарки в нотации выступают в виде надстроечной системы по отношению к нотному материалу, и вместе с нотным текстом они находятся в едином тематическом и семантическом пространстве музыкального произведения, составляя базу для его прагматической интерпретации. Таким образом, нотный текст совместно с вербальными ремарками представляет собой единую синтетическую форму письменного музыкального произведения.

Поскольку письменное музыкальное произведение, в том числе и его вербальная часть, обращено к особому коммуникативному партнеру – дирижеру, исполнителю, музыкальному критику и др., у него имеются и особые функции, обусловленные коммуникативно-прагматическими целями этого вида коммуникации. Так, вербальная ремарка, как узуальная, так и сугубо авторская, композиторская, служит для предотвращения произвольности толкования произведения исполнителем, дополнительным средством музыкальной выразительности, а также выражения особенностей определенной музыкальной эпохи и ее национально-культурных характеристик.

Рассмотренные нами музыкальные произведения европейских композиторов XVI–XXI веков включают в себя различные виды вербальных ремарок, структура и характер которых эволюционировал вместе с эпохой: от одиночных однословных итальянских ремарок, характеризующих динамику и темп музыки (начало XVI века) к вербальным ремаркам на итальянском языке наряду с их буквенными обозначениями, указывающими на динамику, темп и характер исполнения музыки (1600–1750 гг.); далее – музыкальные ремарки на европейских национальных языках, характеризующие не только динамику и темп музыки, но также вызываемые ими разнообразные аффекты, позволяющие установить целые синонимические и тематические ряды слов, указывающие в рамках одного произведения на меняющиеся душевные состояния, что явилось результатом воздействия музыкально-эстетической концепции «теория аффектов» (1820–1900); еще позже в пределах одного произведения встречаются ремарки разной частеречной принадлежности на разных европейских языках, а также ремарки-метафоры на французском языке (1890–1930 гг.); начиная с середины XX века наблюдаются обширные вербальные тексты-комментарии на английском языке у европейских постмодернистов и американских экспериментализтов, что вызвано увеличением способов репрезентации различных аспектов музыки.

Таким образом, привлечение композитором вербального комментария порождает новый, поликодовый тип музыкального текста, который помогает ему зафиксировать нюансы творческого замысла и руководить сквозь время и пространство исполнением своего произведения. С течением времени роль вербальных ремарок растет, что вызвано желанием композитора не только вызывать строго определенные аффекты, но и более содержательно участвовать в коммуникации с аудиторией.

УДК 811.161.3’42
Ирина Михайловна Басовец, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: basovets@list.ru

Irina Mikhailovna Basovets, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: basovets@list.ru

ЦЕНТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬЕ

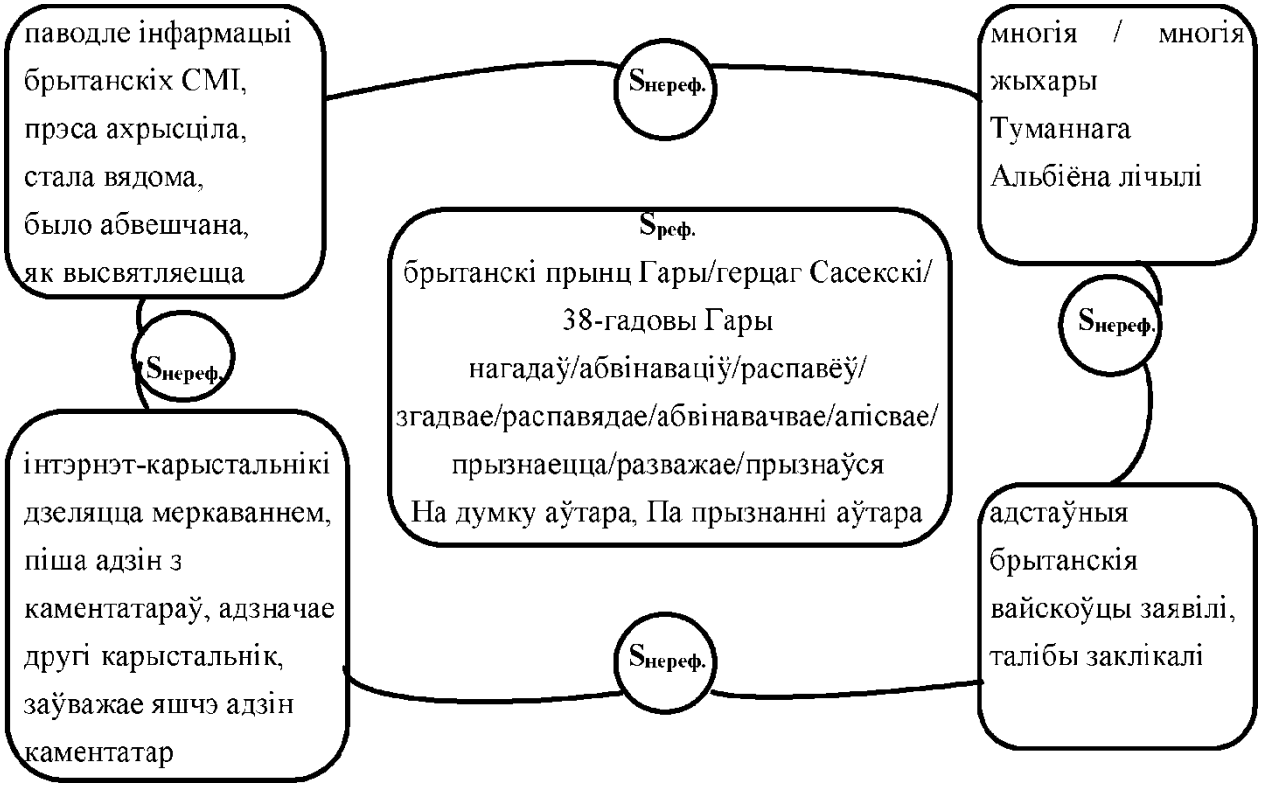
Определена структура центрической модели текстовой деавторизации на примере белорусскоязычной статьи. Выявлен принцип ее построения и задействованные типы субъектов в конструкциях, указывающих на источник информации.
Ключевые слова: текстовая деавторизация, центрическая модель, конструкции деавторизации, нереферентный субъект

CENTRIC MODEL OF TEXT DEAUTHORIZATION IN THE BELARUSIAN ARTICLE

The paper defines the structure of the centric model of textual deauthorization on the example of a Belarusian article and reveals the principle of its construction and the types of subjects involved in the structures indicating the source of information.
Key words: text deauthorization; centric model; deauthorization structure; non-referential subject

В свете разработки вопросов, связанных с достоверностью и верифицируемостью сообщаемой информации в современных медиатекстах, исследование деавторизации является актуальным для современной гуманитарной науки. Анализ белорусскоязычного материала показал, что текстовая деавторизация[2] строится по нескольким основным моделям, структуру одной из которых и рассмотрим в данной работе. На примере белорусскоязычной статьи «Брудны Гары. Чым шакіравалі скандальныя мемуары брытанскага прынца» (Звязда, 15.01.2023) покажем строение центрической модели текстовой деавторизации, которая представляет собой системно-структурированное образование, включающее центральный компонент как связующий элемент модели, сформированный конструкциями авторизации, и несколько относительно самостоятельных компонентов, обеспечивающих раскрытие разных граней центрального компонента и представленных конструкциями деавторизации. Рассмотрим схематичное строение центрической модели при помощи Диаграммы (рисунок), состоящей из конструкций авторизации в центре, где $S_{реф.}$ является референтным субъектом, и конструкций деавторизации по периметру, где $S_{нереф.}$ является нереферентным субъектом.

[2] Текстовая деавторизация представляет собой коммуникативно-прагматическую категорию, которая предполагает интегрирование неидентифицируемых чужих голосов в текст и их сцепление таким образом, что они способны переакцентуализировать отрезки текста, включить в ткань повествования предложения с размытым или нулевым авторством и одновременно создать видимость ссылок на разные источники.



Центрическая модель текстовой деавторизации

Как видно из схемы выше, конструкции деавторизации, расположенные в разных частях статьи, служат основой четырем относительно самостоятельным компонентам, сгруппированным по критерию семантической близости и нереферентности субъекта в конструкциях деавторизации, в которых субъекты кодируются полными именными группами или третьеличным нулем. Количество компонентов модели соответствует числу представленных в статье маркированных вербальных реакцией нереферентных субъектов (представителей разных групп общества, а именно: прессы, жителей Великобритании, интернет-пользователей и участников военного конфликта в Афганистане) на высказывания референтного субъекта (британского принца Гарри), при чем, как правило, такие реакции представляют собой критические замечания и комментарии в отношении высказанного британским принцем.

Итак, строение центрической модели текстовой деавторизации отличается смешанной структурой и производится по принципу противопоставления центрального компонента, инкорпорирующего референтный субъект, с одной стороны, и относительно самостоятельных компонентов, инкорпорирующих нереферентные субъекты, с другой. Такое противопоставление основывается на общем прагматическом векторе пропозиций, в которых выражаются критические взгляды нереферентных субъектов на высказывания референтного субъекта. Перспективы дальнейшего исследования видим в более подробном изучении как данной модели, так и других моделей текстовой деавторизации.

УДК 81’42
Анжела Викторовна Бенедиктович, ст. преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: angelabenediktovich@gmail.com

Angela Viktorovna Benediktovich, Senior Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: angelabenediktovich@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В контрастивном аспекте исследованы синтаксические и лексические средства реализации языковой экономии в англоязычном и русскоязычном медиадискурсе.
Ключевые слова: медийный дискурс, языковая экономия, абстрактное существительное, неличная форма глагола, эллипсис, однородные члены предложения

IMPLEMENTATION OF THE LANGUAGE ECONOMY PRINCIPLE IN MODERN MEDIA DISCOURSE

The contrastive analysis of syntactic and lexical means of language economy implementation in the Russian and English media discourse is carried out.
Key words: media discourse, language economy, abstract noun, verbal, ellipsis, homogeneous parts of the sentence

Одним из базовых свойств дискурса является тенденция к языковой и речевой экономии. Идеи языковой экономии, предложенные А. Мартине, Л. Блумфилдом и рядом других исследователей для рассмотрения процессов в области фонологии, затем были успешно перенесены и на другие системы языка. Экономия в естественном языке существенно влияет на процесс порождения и понимания дискурса.

Экономия достигается автором дискурса путем использования системы структурно-смысловых средств, а также инструментов коммуникативно-функционального плана. Данный процесс компрессии содержания может строиться как на сокращении числа эксплицитно выраженных языковых элементов, так и на трансформации высказывания, замене сложных структур на качественно иные, более простые, что позволяет говорить о двух видах языковой экономии – количественной и качественной.

Одним из примеров проявления качественной языковой экономии в медийном дискурсе является широкое употребление абстрактных существительных: *The **announcement** of the referendum result at the Royal Highland Centre in the small hours of Friday 19 September was a political **earthquake*** (The Guardian, 30.07.2014). Компактное, сжатое обозначение ситуации в дискурсе позволяет указать на многообразие ее характеристик, связей с другими событиями и явлениями, на наличие причинно-следственных связей между ними. Качественная экономия в данном случае – это экономия на умственных усилиях, которые понадобились бы адресату для продуцирования «неэко-номных» структур, а именно целых высказываний для обозначения ситуаций и событий.

Частотным средством компрессии содержания являются также неличные формы глагола, которые также являются примером качественной экономии: *Horst Seehofer said that it was a mistake* ***to welcome*** *so many asylum seekers. He even threatened* ***to take*** *legal action.* (The Guardian, 08.11.2015); *Но самый большой удар европейским демократам старой закалки нанесла Италия, где* ***набравшие*** *наибольшее количество голосов такие разные партии — очень левые "Пять звезд" и очень правая "Лига" — сумели* ***объединиться****, чтобы* ***сформировать*** *правительство* (Новая газета, 01.06.2018).

Для англоязычного дискурса характерно также употребление конструкций с вторичной предикативностью: *How did such an articulate and sensible people as the British let such a thing creep up on them?* (The Guardian, 30.07.2014), в то время как дискурс на русском языке демонстрирует употребление деепричастий и деепричастных оборотов как средств компрессии содержания: *Германские политики в отношении идей Макрона настроены довольно скептически,* ***полагая****, что они не в интересах немецких налогоплательщиков, и* ***боясь****, что общий бюджет пойдет в первую очередь на поддержку "финансово недисциплинированных" Греции и Италии* (Новая газета, 01.06.2018).

Эффект информационного сжатия дает употребление широко распространенного в медийном дискурсе количественного вида языковой экономии – эллипсиса: *Теперь самому президенту грозит импичмент,* ***а Италии новые выборы*** (Новая газета, 01.06.2018); *Not everything needs a warrant. Our digital lives can be accessed after authorisation within the agency itself. No judicial approval necessary* (The Guardian, 08.11.2015). В результате отсутствия сказуемого высказывания приобретают более компактный вид, при этом наблюдается асимметрия формы и содержания за счет имплицитности некоторой части передаваемого смысла.

К числу высказываний медийного дискурса, которые являются примером языковой экономии количественного характера, относятся также высказывания с обособлениями, поскольку они способствуют сокращению числа языковых знаков: ***Fearful of a leak that would hand a propaganda coup to Salmond before 18 September****, Whitehall had done no formal contingency planning for the negotiations that now began, though the cabinet secretary, Jeremy Heywood, had made some back-of-an-envelope notes* (The Guardian, 30.07.2014); а также высказывания с однородными членами: *To this end, Egypt* ***has banned*** *Hamas from operating inside Egypt,* ***accused*** *the group of aiding Egyptian terrorists,* ***accused*** *it of espionage, and* ***tried*** *many of its members in absentia* (The Guardian, 30.06.2014).

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует наличие как общих, так и специфических черт медийного дискурса на двух языках с точки зрения реализации языковых средств экономии. В обоих видах дискурса представлены как качественный, так и количественный типы экономии с преобладанием последнего. Специфика употребления рассматриваемых средств связана с разноструктурным характером исследуемых языков, а также лингвокультурологическими различиями.

УДК 81’42
Анна Александровна Биюмена, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: thecom@mslu.by

Anna Aleksandrovna Biyumena, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: thecom@mslu.by

МЕДИАДИСКУРС ТОЛЕРАНТНОСТИ: ОБЪЕКТЫ И СТРАТЕГИИ

Проанализирован дискурс толерантности в прессе Беларуси, США и Великобритании. Выявлены его основные стратегии и социальные группы, по отношению к которым он формируется.
Ключевые слова: медиадискурс, пресса, толерантность, стратегия, солидаризация

MEDIA DISCOURSE OF TOLERANCE: OBJECTS AND STRATEGIES

The paper considers discourse of tolerance in the press of Belarus, US and Great Britain and reveals social groups acting as its objects.
Key words: Mediadiscourse, the Press, tolerance, strategy, solidarity

Толерантность представляет собой одну из ценностей современного общества. В самом общем виде это понятие можно интерпретировать как «взгляд на мир без устойчивых отрицательных эмоций и оценок» [1, с. 5–6], «терпение к другому, иному, не такому, как ты» [1, с. 18]. В дефиницию толерантности часто включают уважение и добровольное принятие различных ценностей, культур и способов самовыражения человека, стремление к достижению дружеских и гармоничных отношений в обществе [2; 3].

Одной из ведущих платформ создания толерантных установок в обществе являются средства массовой коммуникации. В них определяются уязвимые группы населения, по отношению к которым необходимо формирование и укрепление уважительного отношения. При этом состав демографических групп-объектов дискурса толерантности в СМИ детерминируется социальным и культурным контекстом – структурой населения государства или региона, культурным разнообразием, историческими событиями, определяющими роль той или иной группы в жизни страны и т. д.

Цель данной работы заключается в выявлении объектов и стратегий дискурса толерантности в газетах Беларуси, США и Великобритании. Материал исследования составили 100 публикаций белорусских центральных и региональных газет и 100 материалов британской и американской качественной прессы.

Результаты исследования показывают, что в белорусских и англоязычных печатных медиа толерантность конструируется в отношении различных социальных групп. **Объектами толерантности** в белорусской прессе выступают пенсионеры, люди с ограниченными возможностями и пред-

ставители различных этнических групп, а в прессе США и Великобритании – женщины и представители расовых меньшинств.

Для представления объектов толерантности в газетном дискурсе Беларуси, США и Великобритании используется одинаковый набор **коммуникативных стратегий**, включающий стратегии позитивного позиционирования, солидаризации, информирования и сопереживания.

Стратегия позитивного позиционирования нацелена на формирование у реципиента положительного отношения к представляемому объекту и заключается в том, что объект описывается исключительно с положительной стороны: *Удивительно, как много среди волонтеров серебряного возраста людей творческих, не боящихся взять в руки кисть и карандаш* (Сельская газета, 08.10.2019); *They've always been big givers, but for a long time men got most of the credit.* (The New York Times, 30.01.2021).

Стратегия солидаризации акцентирует признаки помощи, заботы, совместной деятельности и сотрудничества: *Все делалось для беспрепятственного передвижения и обслуживания людей с ограниченными возможностями* (Гомельская праўда, 02.03.2018); *The move succeeded thanks to the support of the Socialist party and the centre-right Citizens party, which reversed its stance and backed the motion* (The Guardian, 27.01.2021).

Стратегия информирования заключается в том, чтобы рассказать аудитории о жизни и проблемах определенной группы людей, показать их специфические особенности, о которых читатели чаще всего имеют недостаточно информации: *Оказывается, татарская свадьба мало чем отличается от привычной белорусской* (Комсомольская правда в Беларуси, 19.07.2013); *Women have always done more of the child care and housework. They've also done more of the invisible labor, particularly when it comes to worrying about and planning for their children's health and education* (The New York Times, 04.02.2021).

Стратегия сопереживания направлена на то, чтобы вызвать сочувствие аудитории к определенным социальным группам: *Трудностей у человека с проблемами зрения хватает* (Мінская праўда, 15.01.2020); Remote learning has been disastrous for many children of color in particular, and data has shown that students are falling behind in key subjects (The New York Times, 01.02.2021).

Дискурс толерантности в прессе способствует солидаризации общества, преодолению отчуждения и формированию уважительного отношению к различным группам населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж : ИСТОКИ, 2001. 135 с.

2. Кротков Е. А., Кожемякин Е. А. Дискурс толерантности // Дискурс-ПИ. 2013. № 3. С. 137–138.

3. Chen X. Justice, humanity and social toleration. Lanham : Lexington Books, 2008. 184 p.

УДК 81’27’42
Елена Витальевна Глинка, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: AlenaGlinka@yandex.ru

Elena Vitalievna Glinka, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: AlenaGlinka@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ РЕЧЕВОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО В АСПЕКТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Проанализированы контексты современных белорусских печатных СМИ с точки зрения лингвоэкологии. Выявлены и классифицированы основные типы лингвотоксинов, нарушающие языковые, этические и коммуникативные нормы языка.
Ключевые слова: лингвоэкология, лингвотоксины, белорусские печатные СМИ, деструктивный дискурс

MODERN SPEECH MEDIA SPACE IN THE ASPECT OF LINGUOECOLOGY

The contexts of modern Belarusian print media are analyzed from the viewpoint of linguoecology. The main types of linguotoxins that violate linguistic, ethical and communicative norms of language are identified and classified.
Key words: linguoecology, linguotoxins, Belarusian print media, destructive discourse

Лингвоэкология – новая междисциплинарная область знаний, предметом изучения которой является изучение языка как семиотической системы с точки зрения лингвоэкологии и ее терминов: чистоты/загрязнения, позитивного/негативного влияния на язык и языковое сознание его носителей, ищущей, с одной стороны, защиты языка от негативных влияний, а с другой – путей обогащения, совершенствования.

Впервые термин «лингвоэкология» появился в зарубежной лингвистике, в дальнейшем изучение лингвистической экологии продолжилось в трудах российских учёных (А. П. Сковородников, К. А. Андреева, Н. И. Клушина и др.) [1].

Задача лингвоэкологии – бороться с языковыми и речевыми недугами, очищая языковое сознание от вредоносных факторов, в частности, с лингвотоксинами, которые представляют собой группу явлений, наносящих вред как языку, так и языковому сознанию носителей языка.

К лингвотоксинам может быть отнесено неоправданное засилье иноязычных заимствований и неудачное словотворчество, бюрократизация и вульгаризация, жаргонизация языка и др.

В результате анализа контекстов белорусских печатных СМИ за 2022 год были выявлены многочисленные примеры, которые можно отнести к языковым токсинам, нарушающим этические и коммуникативные нормы.

К ним относятся дисфемизмы и инвективы, завоёвывающие пространство не только авторских колонок редакторов, политологов и экспертов, но и официальную речь: *европейская болтовня, макаронники, мозгляк без роду без племени, мурло, помоечные инфо-ресурсы* и т. п.

В газетных текстах и даже заголовках присутствует сниженная стилевая лексика, просторечные слова и выражения: *(юбилей справляют Президентский оркестр и Дворец республики; вырулили из проблем; вляпаться в экстремизм; лучше сидела бы и не вылазила (*о Меркель). Усиливается жаргонизация речи: *на стрёме, не париться (*по поводу санкций*), накануне грандиозного шухера* (о выборах в Польше*)*.

Наблюдаются примеры нарушения языковой нормы, например, *извлекать уроки* (нарушение лексической сочетаемости); ошибки нарушения формы и значения фразеологизма (*хватит плясать на терпении людей; бойцы ОМОНа загоняли зверя обратно в бутылку*).

Неоправданное употребление «модных» заимствований засоряет речевое пространство газетного текста, нарушает стилистическую однородность текста, затемняет смысл: *драйв прафесіі; даць драйву; пошук у нанамаштабе; ноу-хау добралось во все регионы республики*.

Белорусские вкрапления в русскоязычном тексте, как правило, выполняют экспрессивную функцию и несут в себе отрицательные коннотации, что по меньшей мере является неэтичным с точки зрения отношения к национальному языку: *уцекачы, змагары, свядомыя* акцентируют уничижительное и оскорбительное значение.

Бюрократизация речи (канцелярит) приводит к десемантизации лексики, размыванию смысла: *градообразующий горожанин, слои общества, забота о потребителе* и т. п.

Подобный дискурс признается деструктивным, вызывающим экологическое разрушение языка и сознания. Одним из способов преодоления деструктивного воздействия А. П. Сковородников считает развитие критической осведомлённости о потенциально негативном воздействии деструктивного дискурса и призывает «сделать эколингвистику наукой, способной изменять общество и его ценности» [2, с.13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвоэкология: проблемы и пути их решения : монография / под ред.: А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. 612 с.

2. Сковородников А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 12–25.

УДК 81’34
Андрей Александрович Гуренков, аспирант
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
эл. почта: andrei.gurenkov@mail.ru

Andrey Alexandrovich Gurenkov, PhD Student
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
e-mail: andrei.gurenkov@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ НА ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ
(на материале видеоинтервью)

Проанализированы диалоги из нескольких видеоинтервью для описания фонетической языковой избыточности. Предложена классификация данного вида избыточности и представлены примеры.
Ключевые слова: языковая избыточность, коммуникация, повтор информации, говорящий, слушающий

LANGUAGE REDUNDANCY AT THE PHONETIC LEVEL
(based on video interviews)

Dialogues from several video interviews are analysed to describe phonetic linguistic redundancy. A classification of this type of redundancy is proposed and examples are presented.
Key words: language redundancy, communication, repetition of information, speaker, listener

Языковая избыточность – это повтор языковой информации, нацеленный на повышение эффективности коммуникации в определенных условиях. Она может проявляться на различных уровнях языка: грамматическом, лексическом, семантическом, графическом и фонетическом. Однако в случае фонетической избыточности речь идет не столько о повторении, сколько о наполнении определенными смыслами информации, которая способствует коммуникации. Языковая избыточность часто диктуется потребностями коммуникации и обусловлена стремлением говорящего обеспечить определенное приращение и обогащение информационного смысла высказывания [1, с. 179]. Обогащение информации новыми смыслами, как и повторы, могут сделать высказывание избыточным. Следовательно, языковую избыточность мы будем определять как повтор информации или ее наполнение дополнительными элементами и свойствами, что в определенных условиях ведет к повышению эффективности коммуникации.

Целью исследования является классификация случаев языковой избыточности на фонетическом уровне. Информация, переданная в устной форме, может быть избыточна на фонетическом уровне за счет дополнительного, необязательного повышения голоса и изменения интонации. Растягивание гласных и согласных звуков дает говорящему немного дополнительного времени на обдумывание и подбор слов. Отдельно стоит выделить произносительные ошибки, в которых говорящий произносит больше звуков, что также делает информацию избыточной.

Материалом исследования послужили многочисленные примеры диалогов, выявленные методом сплошной выборки из различных видеоинтервью, которые были затранскрибированы на основе стандартной англий-

ской орфографии с выделением важных произносительных моментов с помощью шрифтов.

Случаи языковой избыточности на фонетическом уровне как одного из примеров избыточности можно классифицировать следующим образом:

1) усиление голосом каждого или отдельного слога в слове – говорящий таким образом выделяет нужное ему слово: '*However, anything else going in your lives? Besides Kalmah?*' – '*Wor-king. Al-ways wor-king. Guys, nothing else?*' (говорящий, неноситель языка, делает паузу после каждого слога в словах '*working*' и '*always*');

2) повышение высоты и громкости голоса для выделения слова, фразы или предложения, позволяющее говорящему подчеркнуть нужное слово, чтобы слушающий легче мог воспринять информацию: '*it's it's what it traditionally IS for some reason and I WOULD LOVE for to see that change, I would LOVE to see that change*' (говорящий, неноситель языка, за счет повышения громкости и высоты голоса подчеркивает слова '*is*', '*love*' и фразу '*would love*');

3) растягивание отдельных звуков в слове, что дает говорящему немного времени на обдумывание следующего слова, например*: 'Let's count. It was in Russia one festival, huuuuge festival, on the staaaage and it was very well prepared fooooor… for this proposal'* (говорящий, неноситель языка, тянет звук [uː] в слове '*huge*', звук [eɪ] в слове '*stage*' и звук [ɔː] в слове '*for*';

4) замедление речи, с сохранением высоты и силы голоса, для выделения фразы или предложения: '*…to get to know a little bit of what went into making this record. And-the-first-question-that-I-have-for-you-is-did-you-seek-inspiration-for-this-album-or-did-this-album-kind-of-found-you?*' (говорящий, носитель языка, когда задает вопрос, снижает темп речи, чтобы помочь неносителю лучше понять заданный вопрос);

5) произношение дополнительных звуков в слове – может быть связанно и с тем, что говорящий произносит дополнительные звуки в слове, чтобы слушающему было легче распознать слово, и с произносительной ошибкой говорящего. Приведем оба примера.

Пример 1: '*it was the debut of the show*» – '*sorry?*» – '*it was the debut of the show*' (говорящий, неноситель, в слове '*debut*' вместо [ˈdeɪ.bju] произносит [ˈde.boot]).

Пример 2: '*in Japan like more like sepecific generation you know*' (говорящий, родной язык которого – японский, пытается сказать слово '*specific',* но вместо [spəˈsɪf.ɪk] говорит [ˈsepəsɪf.ɪk]).

Таким образом, фонетическая избыточность в основном направлена на то, чтобы исходную информацию не повторить (хотя это тоже не исключено), но обогатить за счет изменения голоса и темпа речи и произношения дополнительных звуков в словах. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение возможности практического применения фонетической избыточности для повышения эффективности коммуникации, в частности межкультурной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюндик Ю. Б. Наречие оценки и категоризация опыта : монография. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 179 с.

УДК 811.111
Алла Георгиевна Гурочкина, к. филол.н.
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: i.arkyipox@yandex.ru

Alla Georgievna Gurochkina, Cand. of Sc. (Philology)
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia
e-mail: i.arkhipov@yandex.ru

СМИ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Статья посвящена рассмотрению с позиций современной когнитивно-дискурсивной парадигмы таких аспектов СМИ, как понятия «информация»», «значение», информационная и интерпретационная функции СМИ и их роль в формировании общественного мнения.
Ключевые слова: информация, межличностное взаимодействие, значение, биосемиозис, функции СМИ

MASS MEDIA IN THE COGNITIVE-COMMUNICATIVE PARADIGM

The paper dwells on such aspects of social media as the concepts of “information” and “meaning”, the informative and interpretative functions of the media from the standpoint of modern cognitive-communicative paradigm.
Key words: information, languaging, meaning, biosemiosis, media functions

В современном обществе средства массовой информации – телевидение, пресса, Интернет – являются, как известно, одними из важных источников получения информации о различных явлениях, происходящих в мире, существенным фактором формирования общественного мнения и мировоззрения.

В этой связи информативная функция является одной из главных функций СМИ, ибо именно эта функция непосредственно связана с процессом распространения и формирования нового знания у широкой общественности.

В этом качестве СМИ генерируют определенные когнитивные структуры личности и оценки мира в сознании реципиентов, ориентируя их на определенное осмысление действительности, влияя на их последующее вербальное / невербальное поведение.

Сообщение той или иной информации осуществляется в СМИ как через текстовые сообщения (пресса, Интернет), так и через устные (телевидение, Интернет, радио) с помощью различных вербальных / невербальных средств.

Когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания, наряду с новым освещением таких сложных проблем, как природа и функции языка, соотношения языка и мышления, языка и сознания и др., подвергла пересмотру трактовку сути целого ряда понятий, таких как, например, «коммуникация», «значение», «смысл» и др., в том числе и понятие «информация», а также такие сложные процессы, связанные с использованием языка для передачи информации, как ее восприятие и понимание.

Так, в современной биокогнитивной теории познания под информацией понимается деятельность ориентирующего характера, модифицирующая поведение ориентируемого организма (человека), процесс уменьшения степени неопределенности при встраивании организма в среду его обитания. Поскольку ориентирование каждый раз происходит в некой физической среде, то те или иные аспекты конкретной среды и ситуации общения влияют на вербальное/невербальное поведение коммуникантов. При этом отмечается, что язык, значение, новые знания возникают только в процессе межличностного взаимодействия и взаимодействия с окружающей средой, когда условия окружающей среды складываются определенным образом.

Пересмотр процессов восприятия и понимания информации в биокогнитивной теории непосредственно связан с выявлением значений и смыслов, формирующих ее языковых знаков (слов, словосочетаний, высказываний), которые, согласно теории биосемиозиса (аутопоэза) [1], не являют собой неразрывное единство формы и содержания, такое единство, согласно мнению биокогнитологов, находятся лишь в сознании живых организмов (людей). Коммуникативное взаимодействие начинается с того, что говорящие и пишущие формируют свои мысли (содержание), зная, согласно своему жизненному и языковому опыту, что данное содержание связано (сопутствует) с определенной формой языкового знака. В этой связи, оставляя эти мысли в своем сознании, они отправляют реципиенту лишь формы соответствующих вербальных/невербальных знаков (артефакты). В свою очередь, слушатели и читатели, получив (восприняв) лишь формы слов, сопоставляют их образы с тем, что о них знает собственное сознание и как оно их обычно интерпретирует. В результате на основе прошлого опыта реципиенты догадываются и сами реконструируют для себя знаки, по смыслу приблизительно совпадающие, а возможно и не совпадающие с теми, что были сгенерированы в свое время в сознании отправителя сообщения. Иными словами, согласно теории аутопоэза, значения находятся не в словах, они возникают в сознании реципиента как результат его интерпретационных усилий, при этом важным фактором в этом процессе является «конгениальность» сознаний, наличие/отсутствие консенсуальной области между адресантом и адресатом.

Таким образом, наряду с информативной, к важнейшим функциям СМИ относится функция интерпретационная, когда реципиент (читатель, слушатель), воспринимая устное или письменное сообщение, пытается понять его. Однако в современных условиях этот процесс весьма и весьма сложен. Сегодня, как хорошо известно, авторы сообщений в СМИ нередко намеренно, в соответствии со своей установкой, идеологией, принадлежностью к определенным политическим кругам, или ненамеренно, спеша что-то сообщить и исходя из непроверенных слухов, прибегают к достаточно вольной, субъективной интерпретации определенных событий, фактов, явлений, излагая собственные версии их представления и толкования, которые в результате оказываются либо полуправдой, либо откровенными фейками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maturana H. R. Biology of language: The epistemology of reality. In: Miller G. & Lenneberg E. (eds.) Psychology and biology of language and thought. Academic Press, New York, 1978. P. 28–62.

УДК 811.111’42

Наталья Викторовна Дмитриева, магистрант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
э-почта: natnickdmr@gmail.com

Natallia Viktorovna Dmitryieva, MA Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: natnickdmr@gmail.com

ДИНАМИКА РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА
(на материале рекламных роликов Найк)

На материале рекламных текстов фирмы Найк прослеживаются изменения, имеющие место в рекламном дискурсе в последние 20 лет прошлого века.

Ключевые слова: рекламный дискурс, поликодовый текст, вербальный аспект, невербальный аспект.

DYNAMICS OF ADVERTISING DISCOURSE
(based on Nike commercials)

On the data of Nike advertising texts, the changes observed in the last 2 decades of the 20th century are traced.

Key words: advertising discourse, polycode text, verbal aspect, non-verbal aspect.

Данное исследование проведено на материале рекламных видеороликов фирмы Найк и ставит своей целью выявить изменения, затронувшие стратегии и тактики их построения в период с 1982 г. до конца 90-ых гг. прошлого века и отражающие динамику взаимодействия социальных, вербальных и невербальных аспектов в рекламном дискурсе. Рекламная деятельность фирмы Найк, широкая по диапазону сюжетов, поликодовая и многокомпонентная по структуре, отражает этапы в развитии компании: выпуск на рынок новых продуктов сопровождается новыми рекламными роликами, которые знакомят с товаром и убеждают в его преимуществах.

С появлением новых видов продукции в течение описываемых периодов имеют место серьезные изменения в стратегических ориентирах компании. В отличие от 80-ых гг., в которых в той или иной форме был выражен прямой призыв покупки продукта фирмы, в роликах 90-ых гг. Найк переходит к освещению острых социальных проблем неравенства и дискриминации, создавая таким образом положительную самопрезентацию, пропагандируя общее равноправие и прогрессивные взгляды на мир спорта. Вместо подчеркиваемого в видеороликах 80-ых гг. акцента на победе, успехе, с которыми

должны были, по замыслу разработчиков рекламы, ассоциироваться кроссовки Найк, в рекламе компании в 90-ые гг. поднимаются такие аспекты спорта как: запредельная трудовая нагрузка в условиях жестокой конкуренции, поражение, боль, яркие эмоции и т.д. Найк манифестирует честность и этим привлекает аудиторию, которая значительно расширяется благодаря вовлечению в рекламную коммуникацию женщин, с одной стороны, и расширению видов спорта (гольф, футбол), с другой.

Изменения затрагивают также разные типы средств, задействованных в поликодовом рекламном дискурсе Найк, и характер их взаимодействия, что находит выражение в неодинаковой роли тесно связанных и обусловливающих друг друга вербальных и невербальных составляющих этого сложного мультимодального дискурса в разные периоды времени: если реклама 80-ых гг. обязательно содержит вербальный компонент, то во многих роликах 90-х понимание заложенной информации осуществляется лишь за счёт декодирования невербальных средств. Значимым может быть цвет, задействованный в противопоставлении устаревшего и современного, как в ролике «*Tennis 1990*», музыка, создающая новогоднее настроение в «*The Morning After*», образ вымышленного персонажа в «*Goods vs Evils*», мимика главного героя в «*Brazil at the Airport*».

С самого начала рекламной кампании в рекламных роликах фирмы Найк широко используются авторитет и популярность известных спортсменов (Майкла Джордана, Бо Джексона, Джона Макинроя и др.). Продолжая эту традицию, в 90-ых гг. Найк несколько ее видоизменяет, впервые представляя в игровой форме всю сборную команду Бразилии по футболу, а не только выборочных игроков. В видеоролике «*Goods vs Evils*» задействовано 10 самых успешных футболистов того времени из разных стран, что привлекло интерес к видео у обширной аудитории и что в свою очередь способствовало укреплению позиций Найк среди конкурентов.

Необходимо отметить, что все ролики 90-х обязательно завершаются финальной фразой *Just Do It*, которая заключает в себе философию компании и является главным и самым узнаваемым слоганом Найк.

Выбор лексических средств весьма разнообразен. Однако если для рекламы 80-ых гг. характерно употребление позитивно окрашенной лексики *nice, get on top, well, good*, прилагательных в превосходной степени, отличительной особенностью рекламы Найк 90-х гг. является использование большого количества лексики с негативными коннотациями: *depression, a dark warrior, to destroy, not allowed.*

В рекламных видеороликах фирмы Найк периодов 80-ых и 90-ых гг. наиболее часто встречающимися синтаксическими приемами являются разные виды повторов (ключевых слов, групп слов и целых фраз), что позволяет придать рекламному тексту динамику и ритм.

Таким образом, рекламный дискурс компании Найк в период с 1982 г. до конца 90-ых гг. прошлого века весьма стабилен в некоторых аспектах, демонстрируя в то же время динамичность в соответствии с изменяющейся социальной направленностью и видоизменяя характер взаимодействия используемых кодов.

УДК 811.111’42
Галина Викторовна Защитина, к. филол. н.
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: g.zashchitina@linguanet.ru

Galina Viktorovna Zashchitina, Cand. of Sc. (Philology)
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: g.zashchitina@linguanet.ru

РОЛЬ ПРАГМАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В КОНСТРУИРОВАНИИ И ВОСПРИЯТИИ ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Рассмотрены прагматически маркированные языковые средства, функционирующие в англоязычном массмедийном дискурсе. Представлены некоторые особенности их организации и дистрибуции, а также роль в преднамеренной модификации и деформации образа события.
Ключевые слова: прагматика СМИ, язык СМИ, дискурс СМИ, оценка, дезинформация

THE PRAGMATICS OF LOADED LANGUGE AS STRUCTURAL AND COGNITIVE MEANS IN ENGLISH MASS MEDIA DISCOURSE

Mass Media expressive language means and their pragmatic aspect are analyzed. Some of their structural and distributional features, as well as their role in planned news decoding and disinformation are discussed.
Key words: mass media pragmatics, mass media language, mass media discourse, evaluation, misinformation

Несмотря на то, что сами СМИ, как и прежде, видят свою основную функцию в беспристрастной подаче информации, совершенно очевидно, что ряд таких дифференцирующих признаков медиадискурса, как информативность, традиционность, стереотипность, оценочность, переживают трансформацию и модификацию: стремясь добиться монополии на формирование общественного мнения и мировоззрения огромного количества крайне неоднородных групп адресатов, СМИ обращаются к разного рода коммуникативным и номинативным стратегиям и тактикам, которые могут варьироваться от выдвижения субъективно значимой информации до ее явного искажения. Все это в конечном итоге определяет в том числе и сам характер взаимоотношений массмедийного адресата и адресанта. При этом целью настоящего исследования, помимо вышеуказанных проблем, являлось преимущественно изучение особенностей функционирования в медиадискурсе прагматически маркированных единиц (экспрессивно окрашенных первичных и вторичных номинаций, и т. д.) как конструктивных элементов дискурса СМИ, обеспечивающих завершенность текста по отношению к заголовку, а также их коммуникативную ценность и воздействующий потенциал.

Материалом исследования выступили информационные и авторские статьи британских и американских СМИ за период 2019–2023 гг. таких медиаресурсов, как «Би-Би-Си», «Дейли Телеграф», «Дейли Мейл», «Сан», «Дейли Экспресс», «Гардиан», «Си-Эн-Эн», «Фокс Ньюс», «Нью Йорк Таймс». Определяющим критерием отбора материалов являлось присутствие прагматически заряженных номинативных единиц в заголовке и иных сильных позициях статей, позволяющих проследить их оценочный и воздействующий потенциал, а также дистрибуцию, семантические и прагматические связи данных элементов, их роль в определении характера референтной соотнесенности медиадискурса. В ряде случаев помимо когнитивно-дискурсивного и стилистического анализа маркированных единиц осуществлялся анализ непосредственной реакции потенциальных англоязычных реципиентов, что позволило сделать некоторые выводы об эффективности номинативных стратегий, предполагающих использование оценочных номинаций в их прагматической связанности и единстве с целью создания у адресата программируемого образа события.

В результате исследования возникло предположение о том, что прагматически заряженные средства в заголовке или «вводке» могут соотноситься с информацией материала статьи в целом исключительно в прагматической плоскости при отсутствии непосредственных семантических точек соприкосновения, как, например, экспрессивно заряженное сочетание *Russia's atrocities* в заголовке, то есть буквально ‘совершенные Россией зверства’. Приведенная номинация сообщает исключительно выраженную отрицательную оценку, однако в самой статье заданный прагматический план указывает на явный референтный сдвиг и фактически не находит взаимодействия с чисто семантическим, поскольку маркированная единица в сильной позиции далее оказывается соотнесенной преимущественно лишь с такими повторяющимися единицами, как *the Kremlin's actions* ‘действия Кремля’, или *painfully high energy crisis* ‘крайне тяжелый энергетический кризис’, исключительно в прагматическом плане. Таким образом, оценочная лексика в заголовках может активно выступать средством введения в заблуждение и манипулирования адресатом, так как зачастую сопровождается последующим смещением смысловых акцентов.

В результате исследования было выдвинуто предположение о том, что прагматически маркированные средства в сильных позициях (в частности, в заголовке) часто способствуют смещению прагматического фокуса всего сообщения, при этом с помощью таких единиц возможна деформация новостного события, сопровождающаяся избыточной актуализацией преимущественно негативных концептов в сознании адресата.

В целом перспектива исследования прагматически ориентированных номинаций в плане их организующих и манипулятивных свойств может в значительной мере пролить свет на характер взаимодействия актантов массмедийной коммуникации и выработку новой нормы подачи информации.

УДК 81’27’373
Татьяна Ивановна Колесник, преподаватель
Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия
эл. почта: taiko.siren@gmail.com

Tatiana Ivanovna Kolesnik, Lecturer
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia
e-mail: taiko.siren@gmail.com

О СПОСОБАХ ЛИНГВОТОКСИЧНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Исследование посвящено проблеме токсичного потенциала окказионального словотворчества, выделяются его основные способы: аналогия, словослияние, аффиксация, конверсия, диминутивизация.
Ключевые слова: лингвоэкология, лингвотоксин, окказионализм, лингвотоксичное словотворчество

THE WAYS OF LINGUOTOXIC WORD-CREATION

The study is devoted to the problem of toxic potential of occasional word creation, its main methods are distinguished: analogy, affixation, affixation, conversion, diminutivization.
Key words: linguoecology, linguotoxin, occasionalism, linguotoxic word creation

Одной из главных потребностей современного человека является информационная связь с окружающим миром. Все большее количество людей следит за новостями в интернете, читает политические каналы, блоги, микроблоги. Для привлечения и сохранения своей аудитории авторы формулируют краткие, эмоциональные тексты, в которых часто отходят от этико-речевой нормы и прибегают к сниженной лексике, вульгаризмам и окказиональным словообразованиям деструктивного характера. Для подобных языковых единиц А.П. Сковородников и Г.А. Копнина предлагают термин «лингвотоксины» – негативы, которые засоряют язык, вредят ему и языковому сознанию его носителей [1, с. 29].

Использование окказионализмов с ярко выраженной отрицательной коннотацией является одним из приемов информационно-психологической войны, формирования общественного мнения и манипуляции [2, с. 17-18]. Рассмотрим основные способы лингвотоксичного словотворчества на материале текстов политических Телеграм-каналов.

1. Аналогия: *Вот такие проблемы теперь волнуют общество* ***понауехавших*** *«испуганных* ***патриётов****»* (https://t.me/SwissVatnik/24627). Окказионализм *понауехавший* образован по аналогии со словом *понаехать*, которое в современной речи чаще всего применяется к беженцам, провинциалам, которые массово переезжают в другие города и страны, чем вызывают недовольство коренных жителей. В данном случае автор демонстрирует нега-

тивное отношение покинувшим свою страну, а также умышленно искажает слово *патриот – патриёт*, выражая тем самым насмешку и неуважение.

2. Словослияние: *Вот, собственно, и само вранье. Старое, довоенное фото со Змеиного выдается за сегодняшнее. После того, как* ***фейкометов*** *разоблачили, они заявили, что флаг «сбросили». Удивительная точность!* (https://t.me/mig41/18988). Лексема *фейкомет* образована способом сложения двух единиц: *фейк* + *пулемет* и означает источник, распространяющий ложную информацию стремительно, «со скоростью пули». Кроме того, использование в качестве одного из компонентов популярного в медиасреде англицизма *фейк* – ‘ложная информация’ – служит дополнительным средством языковой экономии.

3. Аффиксация: *В градации конченных идиотов выше украинских* ***майданутых*** *стоит только российская* ***либерда****, живущая сейчас в Израиле. Типа Максима Каца* (https://t.me/HtoSho/3565). Субстантив *майданутые* образован с помощью аффикса *-нутый*, имеющего отрицательную коннотацию и часто используемого для образования жаргонизмов со значением «сумасшедший»: *свихнутый, долбанутый, крезанутый, шизанутый* и т. д. Здесь же наблюдаем собирательное существительное *либерда,* образованное путем слияния слов *либеральный* и *белиберда,* где второй компонент имеет явную негативную эмоциональную окраску.

4. Конверсия: *Во-первых, народные депутаты настолько народные, что эту говорильню одномоментно смотрит не больше двух тысяч человек. Во-вторых, эти конченные уже успели пару раз посраться и кого-то* ***разрукопожать*** (https://t.me/expensive_hurma/6355). Существительное *рукопожатие* в русском языке имеет положительную коннотацию и ассоциируется с приветствием, проявлением сочувствия или благодарности, а присоединение префикса *раз-* помогает создать противоположное значение. Примечательно, что автор создает транзитивный глагол, чтобы усилить негативную коннотацию и подчеркнуть, что действие имеет принудительный характер.

5. Диминутивизация: *Их культура – именно тот самый культурный фаст-фуд. Это даже не культура, а культурка* (https://t.me/golosmordora/ 19179). Уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-* превращает нейтральную лексическую единицу в пейоратив, выражающий презрение, неодобрение автора.

Можно утверждать, что лингвотоксичные словообразования имеют достаточный потенциал для перехода в разряд узуальной лексики и представляют безусловный интерес для дальнейших лингвоэкологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // МИРС. 2017. № 3. С. 28–32.

2. Сковородников А. П. О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 12–25.

УДК 811.134.2’373.24
Валентина Владимировна Корнева, д. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: kornevavalentina@mail.ru

Valentina Vladimirovna Korneva, Dr of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: kornevavalentina@mail.ru

Ирина Николаевна Разворотнева, аспирант
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: irasus@mail.ru

Irina Nikolaevna Razvorotneva, PhD Student
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: irasus@mail.ru

ТОПОНИМЫ В ИСПАНСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕМАТИКИ

Анализируются особенности функционирования топонимов в испанских медиатекстах по международной проблематике, делаются выводы о связи синтаксического статуса онима в структуре предложения и реализуемой им функции.
Ключевые слова: топоним, ойконим, хороним, урбаноним, медиатекст, функция, испанский язык

TOPONYMS IN SPANISH MEDIA TEXTS OF INTERNATIONAL SUBJECT MATTER

Distinguishing characteristics of toponym functioning in the Spanish media texts of international subject matter are analyzed, conclusions about the relation between the onym profile and the sentence structure and the toponym functions in the sentence are drawn.
Key words: toponym, oikonym, choronym, urbanonym, media text, function, the Spanish language

В последние годы заметно возрос интерес к изучению разного рода онимов, их функционированию в разных дискурсивных условиях. Предметом нашего изучения являются топонимы, а целью – выявление особенностей их функционирования в испанских медиатекстах. При анализе топонимов, извлеченных из онлайн версии ведущих испанских газет, использовались метод наблюдения и сравнительно-сопоставительный метод.

Как показал анализ языкового материала, в испанских медиатекстах международной тематики используются лишь некоторые виды топонимов, которые нередко употребляются в одном и том же предложении в сочетании с другими топонимами, например:

Ucrania *y* ***la Unión Europea*** *(UE) celebrarán el viernes una reunión de alto nivel en* ***Kiev****, la capital de ese país de* ***Europa*** *oriental*… (El Mundo, 31/01/23) (1);

Los disparos de la artillería rusa han causado la muerte de al menos un civil en ***Antonivka****, una aldea de la provincia meridional de* ***Kherson***… (ABC, 23/01/23) (2);

La nieve cae sobre la casa donde nació el mariscal Tito, en el pequeño pueblo croata de ***Kumrovec*** *(1.600 habitantes), junto a la frontera con* ***Eslovenia*** (El País, 24/01/23) (3).

В приведенных примерах задействованы разные виды топонимов. В примере (1) используются такие хоронимы, как название страны (*Украина*), название объединения стран (*Европейский союз*), название континента (*Европа*), и ойконим – название столицы (*Киев*). В примерах (2) и (3) приводятся названия деревень *Антоновка* и *Кумровец* (ойконимы) и названия области *Херсонская область* и страны *Словения* (хоронимы). Все эти онимы выполняют разные функции. В частности, ойконимы *Антоновка* и *Кумровец, Киев* реализуют свою основную адресную функцию – функцию локализации географического объекта в пространстве, но только в определенных контекстных условиях. В силу того, что они, по мнению автора, известны далеко не всем читателям, их местонахождение в пространстве уточняется путем указания на другие, более крупные и известные объекты, такие, как область (2) или страна (3). Иными словами, в случаях такого рода для реализации топонимом адресной функции необходим топонимический контекст. Важной является синтаксическая роль онима в предложении, в котором он является компонентом локативной конструкции, указывающей на место протекания действия или события.

Другими функциональными свойствами обладают топонимы в примере (1). Ойконим *Киев*, как и в предыдущих примерах, является частью локативной конструкции («в Киеве») и также реализует адресную функцию, причем опять-таки при поддержке контекста – макротопонима *Европа* («[*в Киеве, столице этой страны*] *восточной Европы*» в атрибутивной конструкции. В то же время хоронимы *Украина* и *Европейский союз*, как и урбаноним *Пентагон* в примере (4), идентифицируют уже не географический объект, а коллективный субъект, который совершает определенное действие, поскольку онимы являются агенсом (подлежащим) в предложениях с глаголами действия.

El Pentágono *dijo que el globo no proporcionó* ***a China*** *capacidades que no tuviera ya con sus satélites espías y que había tomado medidas para evitar que se registrara cualquier información importante* (El Mundo, 05/02/23) (4).

Приведенные примеры свидетельствуют о богатом функциональном потенциале топонимов в испанском медийном тексте и о связи между синтаксическим статусом онима в предложении и реализуемой им функции. Дальнейшее изучение топонимов поможет выяснить весь спектр значений и ассоциаций, реализуемых ими в медиапространстве разных языков и культур.

УДК 811.111’22’42
Анастасия Витальевна Лаврухина, аспирант
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
эл. почта: 15nastia15@mail.ru

Anastasia Vitalievna Lavrukhina, PhD Student
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: 15nastia15@mail.ru

ПАНДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассмотрены вербальные, невербальные и смешанные знаки, которые встречаются в англоязычных средствах массовой информации, посвященных эпидемии коронавируса. Выявлен воздействующий потенциал языковых знаков различных типов.

Ключевые слова: вербальные знаки, речевое воздействие, дискурс, пандемия, семиотика

PANDEMIC DISCOURSE OF ENGLISH MEDIA: LINGUOSEMIOTIC ASPECT

Verbal, nonverbal and mixed signs found in the English media devoted to the coronavirus epidemic are considered. The persuasive potential of language signs of various types is revealed.

Key words: verbal signs, linguistic persuasion, discourse, pandemic, semiotics

Актуальность выбранной тематики связана с неослабевающим интересом к механизмам и способам воздействия, которые активно применяются сегодняшними средствами массовой информации для того, чтобы привлечь внимание общества к той или иной проблеме. Кроме того, в последние годы одной из наиболее дискутируемых тем в СМИ служит эпидемия COVID-19. Проникнув во все страны мира, она получила статус пандемии, борьба с которой продолжается в международном масштабе и по сей день, что, в свою очередь, позволяет выделить в современном медиапространстве пандемический дискурс.

Цель работы заключается в характеристике англоязычного пандемического медиадискурса через совокупность его типологических признаков, а также лингвосемиотические средства актуализации его сущностных свойств.

Фактологический материал включает свыше 450 простых и составных англоязычных номинаций, денотирующих ситуацию с пандемией, отобранных из следующих англоязычных изданий: «The Sun», «The Guardian», «The Independent», «USA Today», «The Time», «The Washington Post», «The US News», «The New York Times», «The Daily News», «The Telegraph», «The Express», «The Economist», а также информационно-новостных агентств «Sky News», «Euronews», «Fox News», «The BBC News», «Bloomberg», «Abc News» и специализированных медицинских интернет ресурсов «Medical News Today», «State News» и др. В работе использовались методы контекстологического, дистрибутивного, дискурсивного и интенционального анализа с элементами количественного подсчета.

Теоретическую основу исследования составила знаковая теория языка, разработанная в трудах отечественных и зарубежных ученых, лингвосемиотическая классификация А. В. Олянича [1, с. 213], понимание дискурса как системы знаков, функционирующих на фоне социального контекста [2, с. 167].

Пандемический дискурс англоязычных средств массовой информации обладает определенными параметрами, которые характеризуются при помо-

щи вербальных знаков, обозначающих участников событий (знаки-персоналии), их действия (знаки-процессивы), используемые ими материальные и нематериальные ресурсы (знаки-инструментативы), дающих количественные и качественные характеристики (знаки-квантификаторы и знаки-классификаторы), осуществляющих пространственную локализацию (знаки-локативы), а также невербальных (шрифт, цвет) и смешанных (графика в социальной рекламе и постах) знаков.

Функционируя в текстах СМИ, посвященных пандемии, языковые знаки служат для оказания определенного воздействия на эмоциональное состояние читателей. Так, знаки-персоналии демонстрируют масштаб эпидемии, увеличивают подлинность информации, показывают озадаченность властей возникшей ситуацией. Знаки-квалификаторы говорят о моральном и физическом состоянии граждан и врачей, характеризуют систему здравоохранения. Знаки-процессивы уведомляют об ухудшении или улучшении ситуации. Знаки-квантификаторы сообщают о негативных экономических последствиях, служат для количественного анализа и обоснования результативности методов лечения. Знаки-инструментативы способствуют запоминанию названий медицинских препаратов, отражают комплексность мер борьбы с инфекцией. Знаки-локативы свидетельствуют о ее распространении.

В дальнейшем планируется продолжить внутриклассовую дифференциацию языковых знаков, а также установить связи пандемического дискурса с дискурсами других типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.

2. Филиппова Т. А. Лингвосемиотика англоязычного волонтерского дискурса : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04. Волгоград, 2014. 167 л.

УДК 811.111’42

Ирина Владимировна Лешкевич, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: ms.lyashkevich@mail.ru

Irina Vladimirovna Leshkevich, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ms.lyashkevich@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

Выявлены ведущие функции дискурсивных маркеров в англоязычной аналитической статье. Обосновано их противопоставление на маркеры структурно-связующего типа и субъективно-оценочные.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный маркер, аналитическая статья, функция, классификация

FUNCTIONAL POTENTIAL OF DISCOURSE MARKERS IN THE ENGLISH ANALYTICAL ARTICLE

The main functions of discourse markers in the English analytical article are revealed. The opposition of the structural-linking type to the subjective-evaluative group of discourse markers is substantiated.

Key words: discourse, discourse marker, analytical article, function, classification

В современной лингвистике наблюдается неослабевающий интерес к выявлению средств дискурсивного маркирования, обусловленный вниманием исследователей к проблеме семантико-прагматической организации дискурса и той ролью, которую языковые маркеры играют в обеспечении его смысловой целостности. Кроме того, отсутствует единый подход к анализу дискурсивных единиц в связи с многомерностью самого понятия и неоднородным составом этой группы, а также разнообразием выполняемых ими функций.

Из существующего многообразия терминов мы используем термин «дискурсивный маркер», поскольку он позволяет описывать одно- и многокомпонентные дискурсивные элементы, а также указывает на их функциональную природу – дискурсивные маркеры функционируют в качестве сигналов наличия дополнительных смыслов в высказывании, играют важную роль в регуляции процесса понимания [1]. Они «отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т. п.» [2, с. 7]. Таким образом, дискурсивные маркеры значимы для коммуникативной организации высказывания и взаимодействия участников дискурса.

Функциональный потенциал дискурсивных маркеров изучается в работе на материале аналитических статей рубрики «Opinion», опубликованных в британском периодическом издании «The Guardian» за 2022–2023 гг. Нами установлено, что для анализа аналитических жанров медиадискурса актуальным представляется противопоставление маркеров композиционной и логической организации текста, с одной стороны, и маркеров, реализующих в дискурсе авторское, индивидуальное начало, отвечающих за связь между автором и читателем, выражающих субъективные мнения, оценки, а также авторское отношение, с другой.

Вслед за М. Штеде [3] нами выделяются следующие ведущие функции первой группы дискурсивных единиц в англоязычной аналитической статье: 1) структурирующая (введение новой темы/отступления от темы, смена ролей, коррекции сказанного и др.): ***Also*** *last week came the announcement of the departure of the queen of the tennis court for more than 20 years, Serena Williams* (The Guardian. 14.08.2022) ‘Также на прошлой неделе появилось объявление об уходе королевы теннисного корта на протяжении более 20 лет, Серены Уильямс’; 2) функция обеспечения когерентности (указание на известную либо ранее сказанную информацию): ***So we have learned a lot****, some of it a reminder of things we already knew* <…> (The Guardian. 15.08.2022) ‘Итак, мы многому научились, часть из этого напоминает о вещах, которые мы уже знали <…> ’. Вторая группа маркеров реализует: 1) функцию выражения точки зрения говорящего: ***There is no recognition that*** *what matters in a decade beset by a pandemic* <…> *is the resilience of a country’s energy* <…>.

There is no comprehension that *today's economy is built on the «intangibles»* (The Guardian. 14.08.2022) 'Отсутствует осознание того, что в десятилетие, охваченное пандемией, <…> главное – это устойчивость систем энергетики <…>. Нет понимания того, что сегодняшняя экономика построена на «нематериальных активах»'; 2) функцию смягчения категоричности: *Salvini, however, is* ***perhaps*** *the more dangerous personality* (The Guardian. 14.08.2022) 'Сальвини, однако, является, пожалуй, более опасной личностью'; *Italian democracy will survive Meloni, and Italy will remain in the EU and the euro, but it* ***may*** *be severely damaged* (The Guardian. 14.08.2022) 'Итальянская демократия переживет Мелони, и Италия останется в ЕС и евро, но ей может быть нанесен серьезный ущерб'.

Стоит отметить, что приведенная классификация не охватывает весь спектр возможных функций дискурсивных маркеров в дискурсе в целом и в жанре аналитическая статья в частности. Однако ее универсальность состоит в противопоставлении объективного и субъективного, индивидуально-личностного начала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 4-8 июня 2014 г. М., 2014. Вып. 13. С. 102–113.

2. Баранов А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

3. Stede M. Discourse Particles and Discourse Functions // Machine Translation. 2000. № 15. P. 125–147.

УДК 81'42

Ангелина Евгеньевна Локонова, преподаватель
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
эл. почта: lokonova.a.e@my.mgimo.ru

Angelina Evgenievna Lokonova, Lecturer
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: lokonova.a.e@my.mgimo.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНТРАСТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В фокусе настоящего исследования анализируются лингвокогнитивные основания формирования явления контраста. На материале текстов политического характера автор выявляет наличие смысловой двуплановости, которая создается за счет взаимодействия двух противопоставленных фреймов. Автор исследования приходит к заключению, что фреймовое взаимодействие является ключевым лингвокогнитивным основанием контраста.

Ключевые слова: контраст, оппозиция, лингвокогнитивные основания, двуплановость, фрейм, политический дискурс

LINGUO-COGNITIVE GROUNDS FOR FORMING CONTRAST IN POLITICAL DISCOURSE

The research analyses lingua-cognitive grounds for forming contrast. The study is based on political texts. The author outlines semantic ambiguity in the texts, which is formed due to the interaction of two opposed frames. The author comes to conclusion that frames interaction is a lingua-cognitive grounds of contrast.

Key words: contrast, opposition, lingua-cognitive grounds, ambiguity, frame, political discourse

Контраст является уникальным многогранным феноменом, который изучается в различных научных областях. В переводе с французского языка «контраст» означает «резко выраженная противоположность», т. е. основной функцией данного явления выступает способность противопоставить два компонента, что, в свою очередь, позволит выявить между ними различие.

В лингвистике традиционно изучается структурно-смысловая и стилистическая составляющие контраста. Однако, последние исследования позволили взглянуть на контраст с позиции когнитивной лингвистики. Цель настоящего исследования состоит в изучении лингвокогнитивных оснований формирования контраста в политическом дискурсе. Исследование проводится на материале аналитических статей политического характера, так как контраст особенно актуален для мира политики. Данная сфера строится на принципе противопоставления, где две политические партии, два кандидата, две оппозиции противопоставлены друг другу в борьбе за власть.

Для достижения поставленной цели мы обращаемся к когнитивно-дискурсионной парадигме лингвистического исследования с целью изучить процесс формирования контраста. С когнитивной точки зрения можно заключить, что в основе формирования контраста лежит взаимодействие двух противоположных значений нескольких лексических единиц, следовательно, рассматривая лексические значения, задействованные в контрасте, важно рассматривать знание об обозначаемом фрагменте действительности, т. е. фрейм. Под фреймом мы понимаем специфическую единую систему знаний, или связанную схематизацию опыта.

В настоящем исследовании был задействован фреймовый анализ, который позволил изучить когнитивные основания явления контраст, выходя из лексических значений, и рассмотреть ментальные пространства, которые стоят за ними. При формировании контраста наблюдается взаимодействие двух фреймов в одном контексте, которые являются противоположными, т. е. в тексте создается смысловая двуплановость, которая связана с мыслительными процессами. Автор кодирует смыслы в контрастной форме, задействуя при этом актуальную и фоновую информацию, что свидетельствует о взаимодействии двух систем знаний при формировании контраста. Как показал анализ материала языкового материала взаимодействие двух противопоставленных фреймов происходит на базе общего фокуса. Статья *In Biden, China Sees an 'Old Friend' and Possible Foe* 'Китай рассматривает Байдена как старо-

го друга и возможного врага’, написанная в преддверии выборов президента США, посвящена анализу будущих отношений Китая и США. Из заголовка мы получаем информацию, что лексически противопоставлены две единицы *friend* : *foe*, которые выступают словарными антонимами и могут рассматриваться в двух значениях: 1) ‘друг : враг’; 2) ‘сторонник : противник’. Подробный анализ статьи показал, что в тексте актуализируется именно второе значение (‘сторонник : противник’) данного противопоставления. Фреймы сторонник : противник взаимодействуют в тексте за счет наличия терминалов, противопоставленных друг другу:

Фрейм «сторонник» *Person* *Support someone*	Фрейм «противник» *Person* *Oppose someone*

Таким образом, мы видим, что контраст в политическом тексте формируется не только за счет лексически противопоставленных единиц, но и за счет взаимодействия двух фреймов, которые семантически противопоставлены друг другу. В результате данное взаимодействие способствует функции выдвижения авторского тезиса на первый план. Дальнейшее изучение взаимодействия двух противопоставленных фреймов может расширить понимание когнитивных оснований контраста.

УДК 811.161’246.2’373.45’42:070

Юрый Вячаславовіч Маліцкі, к. филал. н.
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь
эл. почта: sp-sm@mail.ru

Yury Viachaslavavich Malitski, Cand. of Sc. (Philology)
The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
e-mail: sp-sm@mail.ru

ПРАГМАТЫКА СУЧАСНАГА БЕЛАРУСКАГА МЕДЫЯТЭКСТУ Ў КАНТЭКСЦЕ АКТУАЛЬНАЙ МОЎНАЙ СІТУАЦЫІ

У артыкуле разглядаюцца пытанні прагматычна выніковага сумяшчэння беларускіх і рускіх моўных адзінак у межах медыятэксту ва ўмовах беларуска-рускага білінгвізму.

Ключавыя словы: медыялінгвістыка, медыятэкст, білінгвізм, прагматыка, канатацыя

PRAGMATICS OF MODERN BELARUSIAN MEDIA TEXT IN THE CONTEXT OF THE CURRENT LANGUAGE SITUATION

The article examines the issues of pragmatically resulting combination of Belarusian and Russian language units within the media text in the conditions of Belarusian-Russian bilingualism.

Key words: media linguistics, media text, bilingualism, pragmatics, connotation

Спецыфіку айчыннай моўнай прасторы вызначае дзяржаўны білінгвізм [1]. Беларускае грамадства існуе ў сітуацыі кантактавання дзвюх роднасных камунікатыўных сістэм.

Мэтай даследавання з'яўляецца вызначэнне прыёмаў рэалізацыі прагматычнай аўтарскай інтэнцыі ў кантэксце беларуска-рускага двухмоўя з улікам канатацый, звязаных з функцыянаваннем беларускай і рускай моў у грамадстве. **Матэрыялам** паслужылі прыклады выкарыстання беларусізмаў у рускамоўных тэкстах. Усе моўныя ілюстрацыі цытуюцца паводле М. І. Канюшкевіч [2]. Для правядзення даследавання намі былі абраны дэскрыптыўны і лексіка-семантычны **метады**, а таксама **прыём** аналізу сацыяльнага, прагматычнага і кагнітыўнага кантэкстаў.

Сумяшчэнне лінгвістычных кодаў у межах аднаго тэксту – распаўсюджаная з'ява ў беларускім медыямаўленні. Псіхалагічнай падставай прагматычнай выніковасці такога сумяшчэння з'яўляецца эфект перарванага адзінства, які выклікае адпаведны пачуццёвы водгук. Лінгвапрагматычныя падставы названага прыёму звязаны з актуальнай сітуацыяй у сферы вуснага гутарковага маўлення, што склалася ў нашай краіне. Акт выкарыстання кожнай з дзяржаўных моў мае свой сацыяльны канататыўны змест, звязаны з палітычнымі, адукацыйнымі, этнакультурнымі акалічнасцямі функцыянавання грамадства, а таксама з ідэалагічнымі, суб'ектыўна-індывідуальнымі ўстаноўкамі моўцы.

Беларускія моўныя элементы ў рускіх тэкстах сродкаў масавай камунікацыі выкарыстоўваюцца найчасцей і сустракаюцца як у складзе загаловачнага комплексу (*Бусел свил гнездо в городе ядерщиков*; *Бульба ждет внимания* і інш.), так і непасрэдна ў тэксце медыяпаведамленняў (*Так что не стоит белорусским «зоркам» взвинчивать на свои выступления цены*). Імпліцытныя канататыўныя зместы, уласцівыя беларускім лексемам, надаюць рускаму тэксту дадатковую эмацыйную нагрузку, якую ў поўнай меры немагчыма рэалізаваць пры дапамозе лексічных сродкаў рускай мовы: *Полузащитник «Ювентуса» не в силах объяснить нашедшее на него затмение, вынудившее его сесть пьяным за руль своего шикарного «Феррари». В результате ДТП он его раздолбал «вщент»*.

Значна больш складанай формай сумяшчэння ў медыятэксце элементаў абедзвюх моў з'яўляецца мэтанакіраваная стылізацыя пад канвергентны варыянт гутарковага беларуска-рускага маўлення – «трасянку». У якасці найбольш яскравага прыкладу такога сумяшчэння можна ўзгадаць вусны тэкставы складнік серый відэаролікаў «Калыханка» і «Оперы для ленивых» гумарыстычнага медыяпраекта «Саша і Сірожа» (1999–2008, 2020). У ім беларуска-рускія фанетыка-арфаэпічныя і, радзей, лексіка-граматычныя канвергентныя з'явы выступалі адным з найважнейшых сродкаў стварэння камічнага эфекту. Камізм пры гэтым не насіў адмоўна-зневажальнага характару, а, хутчэй, актуалізаваў пачуццё нязлоснай іроніі.

Такім чынам, сітуацыя білінгвізму і сацыяльныя канатацыі, звязаныя з выкарыстаннем беларускай і рускай моў у працэсе грамадскай камунікацыі, фарміруюць спрыяльныя ўмовы для мэтанакіраванага сумеснага выкарыс-

тання сродкаў беларускай і рускай моў у межах асобных тэкставых урыўкаў. Такое сумяшчэнне моўных кампанентаў вырашае прагматычныя задачы аўтара і ажыццяўляецца як на мікраўзроўні (напрыклад, асобныя лексічныя ўкрапленні), так і на макраўзроўні (прынцыпы тэкставай арганізацыі і сувязь з іншымі тэкстамі). Далейшая распрацоўка пытанняў тэкставай вытворчасці ў сферы мас-медыя ва ўмовах бі- і полілінгвізму, на нашу думку, дасць магчымасць асвятліць многія аспекты лінгвістычнай прагматыкі, медыялінгвістыкі ў галіне граматыкі медыйнага маўлення і медыястылістыкі, рэкламнай справы і PR.

ЛІТАРАТУРА

1. Іўчанкаў В. І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. Мінск : БДУ, 2003. 257 с.

2. Конюшкевич М. И. Двуязычное медиапространство. Статья первая. Белорусизмы в русскоязычных текстах белорусских СМИ // Медиалингвистика. 2016. № 4 (14). С. 59–69. URL: https://medialing.ru/dvuyazychnoe-mediaprostranstvo-statya-pervaya-belorusizmy-v-russkoyazychnyh-tekstah-belorusskih-smi/ (дата обращения: 27.02.2023).

УДК 811.111’42:070

Гликерия Анатольевна Назина, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: lika7-7@mail.ru

Hlikeryia Anatolievna Nazina, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: lika7-7@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЛЕМЕНТАРНЫХ ТЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВОЕННО-АНАЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Определены комплементарные темы аналитического медиатекста военно-политической тематики. Выявлены и проанализированы языковые средства реализации таких тем.

Ключевые слова: военно-аналитический медиатекст, военно-политический конфликт, тематическая структура, комплементарная тема, экспрессивно-оценочная лексика

LANGUAGE MEANS OF REALIZATION OF COMPLEMENTARY THEMES IN ENGLISH MILITARY- ANALYTICAL MEDIA TEXT

Complementary themes of analytical media text on the military-political theme were identified. Language means of realization of such themes were revealed and analyzed.

Key words: military-analytical media text, military-political conflict, thematic structure, complementary theme, expressive-evaluative lexis

На современном этапе развития лингвистики медиатексты поднимают социально значимые проблемы в различных сферах: медицине, экономике, экологии и др. Особый интерес представляет аналитический медиатекст военно-политической тематики. В частности, проблематика актуализации семантико-прагматического потенциала языковых единиц, участвующих в манифестации глобальной темы «Военно-политический конфликт».

Такой тип текста, рассматриваемый нами как тематическая / жанровая разновидность аналитического медиадискурса, имеет сложную тематическую структуру, которая выявлена с помощью тематического анализа и контекстуального анализа на материале англоязычных текстов, представленных в периодике США, Великобритании и Канады, о военно-политических конфликтах в Косово и в Сирии. В устойчивый набор тем данной структуры входят разные по значимости темы: глобальная тема «Военно-политический конфликт», ключевые темы «Предмет военно-политического конфликта», «Участники военно-политического конфликта», «Развитие военно-политического конфликта» с подтемами и субподтемами, а также комплементарные темы «История военно-политического конфликта», «Положение мирного населения» с подтемами. В настоящей работе мы хотели бы сосредоточить внимание на комплементарных темах.

Несмотря на то, что данные темы обнаруживаются в незначительном количестве текстов (5 %), они отличаются очень серьезной значимостью в ходе экспликации проблематики военно-политического конфликта (его гуманитарной составляющей). Комплементарные темы, как и темы другого уровня, манифестируются посредством широкого спектра языковых средств (выступающие в роли их маркеров), которые выявлены и проанализированы с использованием контекстуального анализа, количественного анализа и метода компонентного анализа (дефиниционная версия).

Так, в реализации темы «История военно-политического конфликта» участвуют: индикаторы прошедшего времени – адвербиальные конструкции со значением прошедшего времени (*in the 1990s* ‘в 90-е’, *in 1999* ‘в 1999 г.’, *in 2011* ‘в 2011 г.’, *then* ‘тогда’), предложения в видо-временных формах Past Indefinite и Present Perfect (*The United States, Canada and European allies bombed Serbia to force an end to the ethnic cleansing, and the United Nations made Kosovo a protectorate* – ‘США, Канада и европейские союзники бомбили Сербию, чтобы положить конец этнической чистке, и затем ООН сделала Косово протекторатом.’), временные союзы (*when* ‘когда’, *before* ‘перед’, *after* ‘после’). Языковое воплощение темы «Положение мирного населения» осуществляется с помощью лексических единиц и словосочетаний, обозначающих действия, предпринимаемые мирным населением в ходе военно-политического конфликта (*flight* ‘беженство’, *to leave one’s country* ‘уезжать из страны’, *a mass exodus* ‘массовое бегство’); результат действий в отношении мирного населения во время военно-политического конфликта (*the plight of civilians* ‘бедственное положение гражданского населения’, *suffering* ‘страдания’).

Наш анализ показал, что в наборе маркеров комплементарных тем широко представлены экспрессивно-оценочные лексические единицы и словосочетания с негативной коннотацией как узуального – *the devastation* ‘разруха’, *hunger* ‘голод’, *a downtrodden people* ‘угнетенный народ’, *refugee crisis* ‘кризис беженцев’, так и контекстуального характера: когда формально нейтральная лексика втягивается в смысловое поле данных тем и приобретает

негативные коннотации контекстуального характера – *to leave one's country* 'уезжать из страны', *an influx* (*of Albanians*) 'наплыв (албанцев)', *a mass exodus* 'массовое бегство'. Такая закономерность обусловлена содержательной спецификой рассматриваемых тем, особенно комплементарной темы «Положение мирного населения», раскрывающей крайне плачевную ситуацию мирных жителей во время военно-политического конфликта (связанной со страданиями, голодом, смертью) и вызывающей негативные эмоции в высшей степени.

Таким образом, комплементарные темы, несмотря на их формальное маргинальное положение в общей тематической структуре аналитических текстов военно-политической тематики, играют существенную роль в реализации стратегий информирования и воздействия.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в экстраполяции выявленной тематической структуры на другие типы медиатекста другой тематики.

УДК 811.111'42:070
Екатерина Андреевна Никонова, к. филол. н.
МГИМО МИД России, Москва, Россия
эл. почта: Ekatnikon2014@yandex.ru

Ekaterina Andreevna Nikonova, Cand. of Sc. (Philology)
MGIMO University, Moscow, Russia
e-mail: Ekatnikon2014@yandex.ru

«МНЕНИЕ» КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ЖАНР АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ

Выделены и описаны жанрообразующие параметры текстотипа «мнение». Специфика жанра выявлена на основе подхода к жанру как дискурсивному образованию.
Ключевые слова: мнение, жанроведение, дискурсивный жанр, дискурсивные практики, СМИ

OPINION AS DISCOURSIVE GENRE OF ENGLISH MASS MEDIA

The article aims at indicating and describing genre characteristics of opinion. The specific parameters of the genre were reviled based on the discourse genre concept.
Key words: opinion, genre theory, discourse genre, discourse practices, mass media

Исследование посвящено детальному изучению жанра «мнение», представляющему собой ключевой текстотип англосаксонской журналистики. В отечественной науке нет единого мнения касательно статуса мнения, что связано, во-первых, с существованием различной классификации текстов СМИ с точки зрения журналистики и лингвистики текста, а во-вторых, с отсутствием полного эквивалента западного мнения в российском масс-медиа пространстве. Представляется, что мнение – самостоятельный дискурсивный жанр (согласно определению дискурсивного жанра М. Монтгомери [1], для которого характерно как триединство содержания, стиля и структуры [2], так и наличие повторяющихся дискурсивных практик.

Содержательный аспект. Поскольку жанр «мнение» может быть представлен в различных по своей тематике изданиях, то нельзя выделить определенную содержательную привязку. Отметим, что при этом тексты мнения, как правило, посвящены какой-то узкой и актуальной для общества теме.

Структура. Структура жанра «мнение» трехступенчатая (lead – main body – conclusion), где особую роль играет вывод, который может быть представлен выводом-оценкой, выводом-мнением и выводом-прогнозом.

Стилистический аспект. Для жанра «мнение» характерны высокая степень аргументативности, интертекстуальность, а также использование разговорной речи, индивидуально-авторских номинаций и эмоционального языка.

Дискурсивные практики. Дискурсивные практики, лежащие в основе жанра «мнение», связаны с его социальной функцией – оказание влияния на сознание общества и продвижение роли газет как независимого субъекта политических дебатов. Нами были выделены такие дискурсивные практики, лежащие в основе жанра, как дискурсивные практики выражения рекомендации и трансляции прогнозов.

Было установлено, что жанр «мнение» в англоязычной прессе представлен двумя формами: opinion и editorial. В основе дифференциации данных форм лежит различная коммуникативная цель: в случае opinion – это исключительно оказание влияние на читателей, в то время как editorial ставит перед собой задачу формирования политической повестки дня, а также продвижения «голоса» газеты в социально-политической сфере. Данное различие обусловливает более яркое проявление авторского голоса в opinion, а также выраженную мультитематичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Montgomery M. Discourse of broadcast news. Routledge, 2007. 265 p.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 423 с.

УДК 811.112.2’272'42

Валерия Сергеевна Соколова, ст. преподаватель
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: sokolovaleria13@yandex.ru

Valeriia Sergeevna Sokolova, Senior Lecturer
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: sokolovaleria13@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ КОНТАМИНАЦИИ В НЕМЕЦКИХ ТОРГОВЫХ МАРКАХ И РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Для торговых марок и рекламных текстов как особых типов коммуникации характерно использование различных стилистических средств. Наиболее популярным и эффективным стилистическим средством в названиях немецких брендов и в рекламе является контаминация.

Ключевые слова: немецкий рекламный текст, торговая марка, контаминация

THE POTENTIAL OF CONTAMINATION IN GERMAN BRANDS AND ADVERTISING TEXTS

Brand names and advertising texts as a special type of communication are characterized by the usage of various stylistic means, including occasionalisms. The most popular and effective type of occasionalism in German brands and advertising texts is contamination.

Key words: German advertising text, brand, contamination

Торговые марки и рекламные тексты представляют собой особый тип коммуникации с реципиентом, вследствие чего язык брендинга и рекламы стал отдельной областью исследований лингвистики.

В данной работе фокус направлен на письменный язык брендинга и рекламы, и, хотя он не поддается лексической или грамматической кодификации, необходимо подчеркнуть характерное использование риторических фигур, каламбуров, крылатых фраз, заимствований и окказионализмов.

Самым часто встречающимся видом окказионализмов в немецких торговых марках и рекламных текстах являются контаминации – образования новых слов или выражений путём скрещивания [1, с. 101]. Такие скрещивания не имеют грамматически устойчивых моделей образования. Их популярность в немецком языке объясняется широким спектром возможностей для образования сложносоставных слов.

При анализе названий немецких торговых марок и рекламных текстов было выявлено, что предпочтение отдаётся тем контаминациям, которые не только наиболее креативны, но и обладают положительной коннотацией: *Pfanntastisch – Pfanne* ‘сковородка’, *fantastisch* ‘фантастический’ (название ресторана быстрого питания в Вальдхайме, Германия); *Unser Imbeerator – unser* ‘наш’*, Imperator* ‘император’, *Beer* ‘ягода’ (реклама ягодного смузи компании «Инносент зафт»*)*.

Большим потенциалом контаминации обладают в рекламных текстах, посвящённых каким-либо праздникам. Это связано в первую очередь с тем, что в силу контекстуальной ограниченности и сильной эмоциональной экспрессивности окказиональные контаминации создают ощущение уникальности предложения [2, с. 207]: *Osterraschung – Ostern* ‘Пасха’, *Überraschung* ‘сюрприз’ (реклама нового пасхального меню в немецком ресторане «Вестфаленхоф»); *Ho, ho, hol’s dir! – Ho-ho-ho* ‘хо-хо-хо’ (смех Санта Клауса), *holen* ‘брать’ (рождественская реклама специального предложения по подписке на немецкую газету «Аугсбургер Альгемайне»).

Интересно, что несмотря на присущую контаминациям неповторимость, некоторые контаминации, связанные с праздниками, могут успешно повторяться производителями различных товаров. Так, например, упомянутая выше контаминация *Ho, ho, hol’s dir!* была также использована, в рекламных буклетах немецкого магазина техники «Медиамаркт Тех».

В основном окказиональные контаминации оцениваются реципиентами нейтрально или положительно, но существуют и неудачные контаминации. Например, они возникают при чрезмерном использовании заимствований. Так, используемая маркетплейсом «Этси» рождественская контаминация

WeihnachtsGifts – по задумке автора ‘Рождественские подарки’ – должна была привлечь клиентов, так как использование англицизмов создаёт образ востребованного во всём мире товара. Однако, успешность данной контаминации в контексте немецкой рекламы сомнительна, поскольку слово *gift* в английском обозначает ‘небольшой подарок’, а в немецком языке *Gift* обозначает ‘яд’, что создаёт негативный комический эффект.

Таким образом, анализ представленных рекламных текстов, позволяет сделать вывод о том, что лингвистическая успешность рекламных слоганов и торговых марок, содержащих в себе окказиональные контаминации, зависит от степени креативности, новизны и релевантности их вербальных средств.

В дальнейшем стоит отдельно рассмотреть антропонимические контаминации в рамках брендинга и рекламных текстов, поскольку они не только выполняют роль привлечения внимания, но и служат маркером времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенталь Д. Э., Теленкова Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1985. 399 с.

2. Friedrich C. Kontamination – Zur Form und Funktion eines Wortbildungtyps im Deutschen. Erlangen ; Nürnberg, 2008. 549 S.

УДК 81’37

Екатерина Андреевна Фролова, ст. преподаватель
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: kate.f@mail.ru

Ekaterina Andreevna Frolova, Senior Lecturer
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: kate.f@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНСТРУКЦИЙ С РАСЩЕПЛЕННЫМ ИНФИНИТИВОМ

В докладе рассматривается семантический аспект конструкций с расщепленном инфинитивом. В основе исследования лежит гипотетико-дедуктивный метод с применением экспериментальной методики и методов анализа корпусной лингвистики.

Ключевые слова: конструкция с расщепленным инфинитивом, корпусный анализ, гипотетико-дедуктивный метод, семантический эксперимент, семантика

SEMANTIC FEATURES OF CONSTRUCTIONS WITH SPLIT INFINITIVE

The report examines the semantic features of constructions with split infinitive. The research is based on the hypothetico-deductive method with the use of experimental methods and methods of corpus linguistics analysis.

Key words: split infinitive construction, corpus analysis, hypothetico-deductive method, semantic experiment, semantics

Конструкция с расщепленным инфинитивом (split infinitive) определяется как структура, представляющая собой инфинитивную конструкцию, в которой наречие располагается между приинфинитивной частицей *to* и глагольной словоформой [1, с. 183], например *to never tell, to kindly say*. В последнее время отмечается рост частотности употребления данной конструкции, что обосновывает необходимость в изучении особенностей ее семантических особенностей в сравнении с обычными инфинитивами.

В основу исследования лег гипотетико-дедуктивный метод в комплексе с экспериментальной методикой. Сбор материала для исследования был проведен посредством работы с корпусами английского языка COCA и BNC, которые обладают необходимыми инструментами для поиска изучаемых языков единиц. Работа с корпусом осуществлялась с использованием корпусного менеджера – поисковой системы, которая включает в себя специализированные программные средства для получения данных и статистической информации в корпусе для проведения лингвистического анализа. Полученный материал был систематизирован, а наиболее иллюстративные вхождения составили основу для проведения семантического эксперимента с информантами.

Последующий анализ и интерпретация полученных данных, а также выделение дифференциальных семантических признаков в значениях наре-чий-сплиттеров и создание их семантических описаний были выполнены на основе экспериментального исследования с участием информантов (носите-лей языка).

В результате исследования удалось выявить наиболее частотные языковые единицы, в том числе наиболее распространенные сплиттеры, установить семантическую связь между наречиями и глаголами в конструкции, а также описать семантические особенности конструкций с расщепленным инфинитивом.

Для иллюстрации полученных результатов рассмотрим следующий пример: *My aim is* ***not to kill*** *him – Моя цель не убить его* и *My aim is* ***to not kill*** *him*. Так, первое высказывание может трактоваться двояко: *I'm not aiming to kill him* или *I'm aiming not to kill him*. В первом случае привносится представление о наличии некой другой цели, не являющейся убийством, в то время как второе высказывание указывает на цель сохранить жизнь и не совершать убийство. При этом вариант с расщепленным инфинитивом трактуется однозначно как *I'm aiming not to kill him*.

В настоящее время проводится исследование конструкций с расщепленным инфинитивом в медийном дискурсе. Мы предполагаем, что дальнейшие исследования конструкции будут предприняты в различных дискурсивных практиках, а также предложенные алгоритмы использования электронных корпусов текста получат прикладное применение в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

УДК 811.581.11’373’42
Наталья Юрьевна Чечина, ст. преподаватель
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: nataliachechina@yandex.ru

Natalia Yurievna Chechina, Senior Lecturer
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: nataliachechina@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В МЕДИАДИСКУРСЕ КНР
(на примере экономической терминологии)

Проанализированы основные особенности функционирования терминологической лексики, в частности, экономической терминологии, в СМИ КНР.
Ключевые слова: современный китайский язык, терминология, медиадискурс, термины в прямом значении, термины в переносном значении

TERMS IN CHINESE MEDIA DISCOURSE
(on the example of economic terminology)

The main features of the functioning of terminological vocabulary, in particular, economic terminology, in the Chinese media are analyzed.
Key words: modern Chinese, terminology, media discourse, terms in direct meaning, terms in a figurative meaning

Язык СМИ оказывает огромное влияние на другие виды литературного языка, как и на общество в целом. Художественная, научная, официальная речь несравнимы по степени влияния на литературный язык с массовой коммуникацией.

Язык СМИ одновременно консервативен и подвижен. Он сочетает в себе штампы, общественно-политические и иные термины, и новые языковые средства, которые призваны воздействовать на читателя. При этом термины могут сохранять свое научное понятие, закрепленное дефиницией. Таким образом, СМИ способствуют продвижению специальных знаний и актуализации профессионального лексикона. Особую роль в этом процессе играет экономическая терминология. В связи с построением социалистической рыночной экономики с китайской спецификой в КНР, появились новые институты, происходят новые финансово-экономические явления, которые предопределили появление в языке новых слов для номинации данных явлений. В публицистических текстах терминологическая лексика может употре-бляться как в прямом, так и в переносном (метафорическом) значении.

Существуют два основных способа функционирования терминологических единиц в публицистике в прямом значении:

- термин без комментария,
- термин с комментарием.

Приведем примеры употребления терминов в прямом значении в СМИ КНР.

Термин без комментария

●**目前中国已**经开始向香港、新加坡等地方工作的中国**税收居民**发出纳税通知，要求他们上报2019**年的收入**，**以便向中国**纳税。‘В настоящее время

Китай уже начал рассылать уведомления ***налоговым резидентам***, работающим в Гонконге, Сингапуре и других местах, с требованием уведомить о своих доходах за 2019 год’.

Термин с комментарием

Термин с комментарием употребляется для введения нового понятия, процесса или явления, неизвестного аудитории. В разных языках используются разные приемы для пояснения значения термина. В современном китайском языке в материалах СМИ новая терминологическая единица часто употребляется вместе с аббревиатурой на английском языке, которая дается в скобках.

•随着**比特币（BTC）**本周不断走高，其与黄金的相关性增加，目前，BTC与黄金的月度相关性为0.66。‘Вслед за ростом курса **биткоина (BTC)** на этой неделе наблюдается повышение коэффициента корреляции к золоту. В настоящий момент коэффициент 30-дневной корреляции курса биткоина к золоту составляет 0,66’.

В китайских публицистических текстах также встречается вариант комментария с помощью синонима.

•**比特币就是货币？一文看中美**对**数字货币**态度异同 *Bǐtè bì jiùshì huòbì? Yīwén kàn zhòng měi duì shùzì huòbì tàidù yìtóng* ‘**Биткоин** – это **валюта**? Сходства и различия в подходах Китая и США к **цифровой валюте**’.

Однако в китайских материалах СМИ чаще всего термины функционируют без комментария, что обусловлено спецификой языка. Значение термина раскрывается исходя из значений морфем, которые входят в его состав.

В материалах СМИ термины указывают только на существенные признаки понятия, не предъявляется жестких требований к их полноте. Таким образом, за счет упрощения семантической структуры термины становятся более доступными для понимания читателей – непрофессионалов в данной области.

Употребление терминов в переносно-метафорическом значении – одна из особенностей публицистической метафоризации терминологической лексики, которая приводит к ее детерминологизации.

Термины в прямом значении выполняют функцию передачи информации. Они употребляются в своем терминологическом значении для передачи объективной информации, служат свидетельством ее достоверности.

Термины в переносном значении в основном выполняют функцию воздействия.

Таким образом, употребление терминов в публицистическом тексте выполняет одновременно и информационную, и воздействующую функции: они обеспечивают надежность связи с читателями и, кроме того, помогают распространять новые знания, повышать интеллектуальный уровень читателей благодаря популярности СМИ.

Секция 3
Прагматика дискурса и модели речевого поведения в социокультурном контексте

УДК 81’42
Виктория Раульевна Абреу-Фамлюк, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: vikyfam90@gmail.com

Victoria Raoulievna Abreu-Famliuk, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: vikyfam90@gmail.com

НЕРЕЛЕВАНТНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИТУАЦИИ НЕПОНИМАНИЯ В ДИАЛОГЕ

Проанализированы диалогические единства, в которых наблюдается полное или частичное непонимание. Установлены способы указания на релевантность, а также варианты реализации этой категории с точки зрения участников диалога.
Ключевые слова: нерелевантность, информационный запрос, непонимание, реактивная реплика, диалогическое единство

IRRELEVANT INFORMATION AS A FACTOR OF MISUNDERSTANDINGS IN DIALOGUE

The paper analyses dialogue units in which complete or partial misunderstanding is observed. The ways of indicating relevance, as well as options for implementing the category of relevance from the point of view of the participants of the dialogue are established.
Key words: irrelevance, information request, misunderstanding, reactive turn, dialogue unit

Одним из малоизученных аспектов исследования диалога является вопрос о связи категории релевантности и ее роли в контекстах неполного понимания / непонимания. Цель данного исследования – выявление вариантов воздействия нерелевантной информации в репликах на возникновение ситуаций полного и частичного непонимания в диалоге. В качестве материала проанализированы стенограммы публичных институциональных дискуссий. Основным методом выступил метод контекстуального анализа.

В данном исследовании релевантность рассматривается как важнейшая характеристика информации в диалогическом общении, объединяющая в себе такие параметры, как «способность порождать контекстуальные эффекты, соответствие информационным потребностям коммуникантов, соблюдение тематической направленности общения, значимость/важность» и др. [1, с. 54]. Как показывает анализ материала, использование (осознаваемое или нет) одним из коммуникантов нерелевантной информации может приводить к ситуациям непонимания. При этом весьма существенно, как данную проблему воспринимает каждый из коммуникантов. Так, возможны следующие

варианты видения причин непонимания участниками диалога (Г – говорящий, С – слушающий):

1) нерелевантна информация, транслируемая слушающим (например, если говорящий наблюдает несоответствие своему информационному запросу, в примере ниже говорящий подчеркивает, что спрашивал не об этом):

Г.: – А есть ли у России возможность повлиять на эту ситуацию, и что Россия должна сделать для того, чтобы все-таки мир не стал таким остро биполярным?

С.: – Россия и может сделать, и не может. Я уже говорил в предыдущей части, что мне, к сожалению, кажется, <…>

Г.: – Федор Александрович, ***вопрос несколько иной****: а нам что делать в этой ситуации? Как мы можем повлиять на процесс?*;

2) нерелевантна информация, которую передал сам говорящий (впоследствии он может это признать или нет):

Г.: – Например, в Турции эти собаки ходят с клипсами. У нас тоже теперь в Подмосковье ходят собаки с клипсами.

С.: – ***Короткий вопрос для понимания****. Вы сказали, собаки с клипсами. Что за клипсы?*

Г.: – Простите, я думаю, что все всё знают. Собака, будучи отловленной, чипируется, ей в холку втыкается чип (в данном случае говорящий осознает, что дал неполную информацию);

3) и Г, и С полагают, что информация в реплике собеседника нерелевантна (Г видит в словах собеседника недосказанность, С считает, что его плохо слушали, ведь он уже говорил об этом, так и возникает ситуация непонимания):

Г.: – Мне кажется, что в этом есть небольшая недоговоренность. Вы конечно правы <…>, что для них смешно выглядит Титов <…>.

С.: – Титов как сам предприниматель и общественный деятель – тоже уважаемая фигура. Я как минимум дважды говорил о том, что причин бедственного положения нашего либерального лагеря несколько <…>. И я сказал, что власть испытывает наибольшее неудобство <…>.

В любом из вариантов категория релевантности/нерелевантности информации имеет значительное влияние на развитие диалога, однако в первом и втором случае за счет того, что непонимание проясняется, происходит гармонизация взаимодействия и цели коммуникации могут быть реализованы. В третьем случае, если о нерелевантности в реплике собеседника так или иначе сигнализируют оба собеседника, вероятность разрешения ситуации непонимания снижается. В перспективе исследования – более глубокое изучение вариантов развития диалогического взаимодействия в контекстах с полным/частичным непониманием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задворная Е. Г. О релевантности / нерелевантности информации в диалогическом дискурсе // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 15-16 апреля 2021 г. : в 5 ч. /

Мин. гос. лингвист. ун-т. ; редкол.: Н. Е. Лаптева (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2021. Ч. 2. С. 54–56. URL: http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/8717 (дата обращения: 27.02.2023).

УДК 81.161.1'272'42

Виктория Олеговна Андреева, студент
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: avo.03@yandex.ru

Victoria Olegovna Andreeva, Student
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
e-mail: avo.03@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Рассмотрены особенности речевого воздействия в советском плакате периода 1941–1945 гг. и выделены коммуникативные стратегии, используемые для воздействия на целевую аудиторию.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, советский плакат, Великая Отечественная война, речевое воздействие, дискурс

SPEECH STRATEGIES IN SOVIET POSTERS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The paper relies on the cognitive-discursive approach. The research focuses on the speech patterns in the Soviet posters of the period 1941–1945 and considers communicative strategies used to influence the target audience.

Key words: communicative strategies, soviet poster, the Great Patriotic War, linguistic manipulation, discourse

Цель работы заключается в анализе советского плаката периода Великой Отечественной войны как особого дискурсивного жанра и выявлении коммуникативных стратегий и языковых средств, применяемых для воздействия на целевую аудиторию.

Материалом исследования послужили 200 советских плакатов периода Великой Отечественной войны.

Методика исследования определяется целью исследования и поставленными задачами. На первом этапе создается эмпирическая база исследования: из коллекций Государственного музея политической истории России, Государственного музея истории Санкт-Петербурга и Пермской государственной художественной галереи отбираются плакаты периода Великой Отечественной войны. На официальном сайте вышеназванных музеев задается фильтр по фондам плаката. Далее в строку поиска вводятся следующие запросы: «1941», «1942», «1943», «1944», «1945» гг. Затем на основании полученных результатов создается таблица, содержащая иллюстративное изобра-

жение плаката, а также данные об авторе и дате создания произведения. Первичный корпус эмпирической базы исследования составляет 200 единиц плакатного материала периода 1941–1945 гг. На следующем этапе работы анализируются существующие подходы к изучению коммуникативных стратегий и тактик русской речи и выявляются особенности речевого воздействия, используемые создателями плакатов для реализации коммуникативных целей.

В рамках исследования выделены следующие коммуникативные стратегии, сопровождаемые определенными приемами и средствами, применяемыми на морфологическом, лексическом и грамматико-синтаксическом уровне языка [1, с. 126; 2, с. 82]:

призыв к борьбе с врагом (***Бей фашистского гада!;*** *Беспощадно* ***разгромим*** *и* ***уничтожим врага!; Бей насмерть!)***;

прославление советского воина (*Сильна* ***богатырями*** *земля наша; Слава* ***героической Красной Армии!***);

апелляция к историческому прошлому (*Бей врага, как его били* ***отцы и старшие братья-матросы октября!;*** *Пусть вдохновляет вас в этой войне* ***мужественный образ наших великих предков;*** *Бьемся мы здорово, колем отчаянно –* ***внуки Суворова, дети Чапаева***);

поддержка партизанского движения (*Слава* ***героям партизанам,*** *разрушающим фашистский тыл*; *Да здравствуют наши* ***славные партизаны и партизанки!***);

агитация добровольцев и тружеников тыла (***Идите добровольцами на фронт!***; ***Вступайте в ряды народного ополчения!***);

призыв к защите Родины и сохранению территориальной целостности (***Все на защиту города Ленина*** *от фашистских варваров!; За жизнь,* ***за Родину, за Ленинград***);

призыв к восстановлению промышленности и инфраструктуры (***Восстановим промышленность Ленинграда****! Быстрее приведем в порядок корпуса и цеха наших заводов и фабрик!; Мы отстояли Ленинград, мы* ***восстановим*** *его*);

распространение нравственных принципов и норм поведения (***Проявляй смелость, инициативу и сметку*** *в борьбе с вражескими танками;* ***Не болтай,*** *враг слушает!*; ***Будь бдительным!***).

Как культурный феномен, плакатный материал служит объектом исследований целого ряда гуманитарных наук. Характерной особенностью советского плаката является соединение вербальной и невербальной составляющей, что представляет интерес для изучения взаимодействия различных кодов. В связи этим изучение плаката как поликодового текста служит дальнейшей перспективой исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований : учеб. пособие. М. : Яз. Народов Мира, 2020. 352 с.

2. Петрова И. М., Иванова А. М., Никитина В. В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях : учеб. пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика». М. : Яз. Народов Мира, 2022. 259 с.

УДК 81'246.2
Ольга Владимировна Байкова, д. филол. н.
Вятский государственный университет, Киров, Россия
эл. почта: olga-baykova@yandex.ru

Olga Vladimirovna Baykova, Dr of Sc. (Philology)
Vyatka State University, Kirov, Russia
e-mail: olga-baykova@yandex.ru

Валерий Михайлович Бухаров, д. филол. н.
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
эл. почта: vabukharov@yandex.ru

Valery Mikhailovich Bukharov, Dr of Sc. (Philology)
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov,
Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: vabukharov@yandex.ru

Ольга Николаевна Обухова, к. филол. н.
Вятский государственный университет, Киров, Россия
эл. почта: obuchova.75@mail.ru

Olga Nikolajevna Obukhova, Cand. of Sc. (Philology)
Vyatka State University, Kirov, Russia
e-mail: obuchova.75@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ГОРОДА ГЛАЗОВА (УДМУРТИЯ)

Целью данного статьи является выявление особенностей этнической идентичности миноритарных народов, в частности российских немцев, проживающих на территории Вятско-Камского региона (г. Глазов). В ходе исследования мы пришли к выводу, что этническая идентичность обследуемой группы российских немцев представляет собой изменчивую, динамическую категорию. Проявление тех или иных дистинктивных признаков обусловлено как объективными (политическая система, этническая политика государства), так и личностно-субъективными причинами (сохранение языка, культуры, традиций).

Ключевые слова: немецкое этническое сообщество, этническая идентичность, признаки этнической идентичности

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE GERMAN ETHNIC COMMUNITY OF GLAZOV (UDMURTIA)

The purpose of this article is to identify the characteristics of ethnic identity and perceptions of ethnic minority groups, in particular, of Russian Germans living in the Russian Federation (Glazov, Vyatka-Kama region). The findings of the study suggest that ethnic identity

of the Russian Germans is a changeable dynamic category. Certain distinctive characteristics of ethnic identity are developed under the influence of objective reasons (political system, ethnic policy of the state), as well as personal and subjective reasons (preserving the language, culture and traditions).

Key words: German ethnic community, ethnic identity, characteristics of ethnic identity

Общепризнано, что современные процессы глобализации с интенсивными межкультурными контактами, изменения социальной структуры оказывают влияние на межэтнические отношения, в том числе на этническую идентификацию. Характерными признаками этнической идентичности выступают следующие признаки: 1) общность исторической судьбы, 2) общность территории, 3) религия, 4) быт, 5) семейный уклад, 6) фольклор, 7) традиционные ремесла, 8) нормы поведения, 9) этнический язык. Одной из таких этнических групп является общность российских немцев города Глазова, изучение которой начато в 2007 г. и продолжается в настоящее время.

Необходимо отметить, что российские немцы Глазова – это специфическая этническая общность, которая не относится к числу автохтонных этнических групп. Анализ опросов немецкого населения Глазова позволил установить характерное содержание существенных признаков этой этнической группы.

Общность исторической судьбы. Установлено, что российские немцы Глазова с большим уважением относятся к собственному прошлому, особенно к семейной истории.

Общность территории. Этнические немцы не принадлежат к автохтонному населению России, и в условиях урбанистической, этнически разнородной среды, данный признак не является значимым.

Религия как этноконсолидирующий фактор. Воспринятые в детстве религиозные обряды и традиции проведения Пасхи и Рождества в сообществе немцев Глазова до сих пор поддерживаются.

Бытовые традиции (жилье, пища, гигиена) также этнически специфичны. Неукоснительно соблюдаются чистота, ухоженность, поддерживается продуманный уют, будь то квартира, коттедж или дачный домик.

Специфика семейного уклада. 95 % российских немцев состоят в браке, безбрачие крайне редко.

Фольклор. Российским немцам Глазова известны пословицы и поговорки, сказки, которые они употребляют в повседневной жизни.

Ремесла. Традиционные профессии переселенцев из Германии: кузнецы, часовщики, столяры – являются чаще хобби российских немцев Глазова.

Нормы поведения. Устойчиво проявляются трудолюбие, ответственность, деловитость, рациональность, способность к сопереживанию.

Этнический язык. У немцев Глазова языковая компетенция крайне гетерогенна: от полного нигилизма до полноценных коммуникативных навыков.

В целом, этническая идентичность представляет собой изменчивую, динамическую категорию. Проявление тех или иных характерных дистинктивных признаков обусловлено как объективными причинами (этническая по-

литика государства), так и личностно-субъективными обстоятельствами (мотивация сохранения языка, культуры, традиций). Российские немцы в абсолютном большинстве считают своей Родиной Россию, что свидетельствует о ярко выраженной гражданской идентичности. Но при этом большинство полагает, что российские немцы должны сохранять свои традиции, язык и историческое наследие, что свидетельствует о ярко выраженной этнической идентичности.

УДК 81'246.3

Елена Владимировна Белоглазова, д. филол. н.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: evbeloglazova@herzen.spb.ru

Elena Vladimirovna Beloglazova, Dr of Sc. (Philology)
Herzen state pedagogical university, St. Petersburg, Russia
e-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

ДОМИНАНТЫ РУССО- И БЕЛОРУССОЦЕНТРИЧНОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА: ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСОВ ЗАГОЛОВКОВ ROSSICA-T И BELORUSSICA-T

На материале анализа сравнительных корпусов заголовков представителей руссоцентрического англоязычного дискурса Rossica-T и белоруссоцентрического англоязычного дискурса Belorussica-T выявлены определенные универсальные особенности данного жанра в рамках дискурса иноязычного описания культуры, а также черты, специфические для рассматриваемых внешних для английского языка лингвокультур.

Ключевые слова: инолингвокультура, инолингвокультурный контекст, иноязычное описание культуры

HIGHLIGHTS OF THE RUSSO- AND BELORUSSOCENTRIC ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE: A STUDY BASED ON ROSSICA-T AND BELORUSSICA-T CORPORA

The analysis of comparative corpora of titles representative of the Russo- and Belorussocentric discourses within the English language allowed to identify highlights which are universal for the foreign-culture-oriented discourse in general, as well as certain features characteristic of the particular linguacultures in focus.

Key words: external linguaculture, external linguacultural context, foreign-culture-oriented discourse

Введение

С учетом особенностей современной информационной среды, которую отличают эклектичность, динамичность и перенасыщенность, заголовки текстов, и ранее рассматривавшиеся в специальной литературе как “сильная позиция” в тексте [1], приобретают особую выпуклость и весомость. Являясь

частью большего текста, заголовок, в то же время, выступает автономным текстовым образованием, выполняющим информативную и аттрактивную функции, а также управляющим интерпретацией целого текста, в которой заголовок задает четкие доминанты.

Теоретический фундамент исследования

Теоретическую основу исследования составили положения стилистики декодирования И. В. Арнольд [1], теория интерлингвокультурологии В. В. Кабакчи [2], описывающая закономерности формирования языка иноязычного описания внешней культуры, и наблюдения в русле титулогии [3].

Методологический фундамент исследования

Для проведения исследования в дополнение к уже существующему корпусу заголовков текстов англоязычного описания русской культуры Rossica-T создан сравнимый с ним корпус заголовков текстов белорусскоцентрического дискурса Belorussica-T. Корпусы получили ручное аннотирование по общим параметрам, выявленным на основании предварительного анализа ключевых слов и многолетних наблюдений за закономерностями иноязычного описания различных культур в ходе инолингвокультурологических исследований.

Результаты исследования

К универсальным чертам инолингвокультурного дискурса можно отнести (1) тенденцию к удлинению заголовков, в том числе за счет использования двухчастной структуры, что позволяет включить в него большее число смысловых доминант; (2) введение базовых элементов инолингвокультурного контекста.

К культурно-специфическим доминантам сопоставляемых дискурсов, в первую очередь, относится набор отмеченных базовых элементов лингвокультуры. Также выявлены различия в удельном весе отдельных параметров данного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–24.

2. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. М.: Юрайт, 2020. 250 с.

3. Millis K. Making meaning bring pleasure: The influence of titles on aesthetic experiences // *Emotion,* 2001.*1*(3), pp. 320–329. URL: https://doi.org/10.1037/1528-3542.1.3.320.

УДК 811.111’42::327(420)

Ольга Александровна Блинова, к. филол. н.
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
эл. почта: blinova.o@gmail.com

Olga Alexandrovna Blinova, Cand. of Sc. (Philology)
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
e-mail: blinova.o@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В исследовании рассматривается манипулятивный потенциал мультимодальных жанров британского сетевого медиадискурса. Анализируется роль интертектуальных, интердискурсивных, метафорических и других элементов.

Ключевые слова: интертекстуальность, логические ошибки, манипуляция, медиадискурс, мультимодальность, сетевой дискурс

MANIPULATION IN UK'S MULTIMODAL MEDIA DISCOURSE

The paper explores how multimodal elements in the UK's online media discourse are used as a tool of manipulating the audience. The analysis assesses the role of logical fallacies, intertextuality, interdiscursivity, metaphorisation, etc.

Key words: intertextuality, logical fallacies, manipulation, media discourse, multimodedality, online discourse

Исследование посвящено манипулятивному потенциалу мультимодальных жанров англоязычного сетевого дискурса – политических карикатур и интернет-мемов. Мультимодальность понимается как сочетание нескольких способов (модусов) восприятия и обработки информации. Сочетание вербального и визуального модусов стало неотъемлемой частью дискурса современных СМИ, и особенно сетевого медиадискурса. Сетевой дискурс представляет собой как процесс создания текста в виртуальной среде на фоне прагматических и социокультурных факторов, так и конечный продукт этого действия. В этом контексте манипуляция определяется как коммуникативная попытка (удачная или нет) коммуниканта воздействовать на поведение, чувства, намерения или точку зрения адресата за счет использования как вербальных, так и невербальных (в данном случае визуальных) средств.

Прагматическая цель неинституционального политического сетевого дискурса, как правило, заключается в формировании позиции аудитории и навязывании определенной оценки. В связи с этим изучение характера манипулятивного воздействия позволяет противостоять манипуляции и вовлечению в «информационные войны». Это обусловливает актуальность исследования.

Материалом исследования послужили образцы, опубликованные в британских СМИ (традиционных и так называемых «новых медиа», т. е. онлайн-изданиях, в том числе на платформе социальных сетей), тематический охват – события актуальной новостной повестки Великобритании (смена шотландского руководства, североирландский протокол, финансовая политика, преодоление последствий «Брексита» и т. д.).

В исследовании применяется дискурсивный подход и метод мультимодального дискурс-анализа, позволяющий вскрыть задействованные механизмы манипуляционного воздействия за счет обращения к сумме смыслов, заложенных в вербальном и невербальном компонентах.

В результате исследования показано, что манипуляция осуществляется за счет целого ряда механизмов. Прежде всего были выявлены частые нарушения неформальной логики в аргументации (ошибки логоса, пафоса и этоса

в терминологии риторического треугольника Аристотеля). Широко задействуются интертекстаульные и интердискурсивные элементы, прецедентные имена, аллюзии, исторический и филологический вертикальный контекст. Особая роль отводится метафоризации, в том числе мультимодальным метафорам.

Представляется, что перспективы дальнейшего исследования должны охватывать практические сферы противостояния манипулятивному воздействию медиадискурса и повышению медийной грамотности аудитории.

УДК 811.133.1'342'42

Анастасия Леонидовна Волкова, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: nastia.france@mail.ru

Anastasia Leonidovna Volkova, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nastia.france@mail.ru

О ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОНАТИВНОЙ И ЭМОТИВНОЙ ФУНКЦИЙ ЭМФАЗЫ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена проблеме дифференциации конативной и эмотивной функций эмфатических высказываний в полемическом дискурсе. Преодоление данной проблемы позволит облегчить исследование эмфатической интонации.

Ключевые слова: эмфаза, полемика, просодия, эмфатическая интонация, экспрессивность

ON THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF CONATIVE AND EMOTIVE FUNCTIONS OF EMPHASIS IN POLEMICAL DISCOURSE

This article is devoted to the problem of differentiating the conative and emotive functions of emphatic statements in polemical discourse. Overcoming this problem will facilitate the study of emphatic intonation.

Key words: emphasis, polemic, prosody, emphatic intonation, expressiveness

Появление новых лингвистических теорий, таких как лингвистика текста и дискурсивный анализ, подчеркнуло то, что говорящие при овладении языком учат устные экспрессивные «схемы», включающие в себя правила использования языка для выражения эмоциональных состояний и отношений, убеждения или воздействия на слушателя. Такие «схемы» влияют на структуру высказывания, выбор лексики, а также интонацию, которые позволяют передать модальный подтекст высказывания.

На сегодняшний день исследование эмфазы является актуальной проблемой лингвистики, так как развитие компьютерных технологий и создание систем взаимодействия человека и машины предопределили необходимость изучения средств, которые используются для выражения вовлеченности гово-

рящего, его отношения к содержанию высказывания, собеседнику и ситуации общения, то есть для выражения эмфазы.

Целью данного исследования является изучение проблемы дифференциации *конативной* и *эмотивной* функций эмфазы. Материалом исследования послужили записи дебатов с французских радио- и телеканалов. Для исследования было отобрано 30 аудиозаписей, общая длительность которых составила более 12 ч. Из них было отобрано 1720 эмфатических высказываний. При исследовании были использованы следующие методы: акустический, слуховой, а также контекстуальный анализ.

Эмотивная функция эмфазы является ее главной функцией, необходимой для выражения эмоционального отношения говорящего к высказыванию или его части: *(1) Acceptez¦¦ qu'un écrivain¦ puisse¦ les écou/*ter |et vous les donner ¦à sa man/*ière*.|| ‘Признайте, что писатель может их слушать и представить вам в своей манере’. – Сильная вовлеченность, выраженная общим высоким тональным уровнем и сложными восходяще-нисходящими тонами, указывает на натуру писателя, который пытается апеллировать к чувствам.

Однако целью собеседника в полемическом дискурсе является не только передача информации, но и убеждение или доказательство своей точки зрения, что приводит к использованию эмфатических высказываний для усиления убеждения, утверждения своей позиции и/или побуждения к действию (*конативная функция*): (2) *Les enfants ¦de moins de quatre ans¦ de l'ensemble¦¦ de la 'population¦ française |n'était même pas de **'quatre** millions,|| **'quatre** millions*||. ‘Дети до четырех лет от всего французского населения даже не составляют **четырех** миллионов, **четырех**.’ – Во французском полемическом дискурсе конативная функция эмфазы вызывает смещение ядерного ударения. В примере оратор призывает обратить внимание на количество, указывая на его большую значимость. Кроме того, оратор хочет переубедить аудиторию, повторяя те же цифры, что были произнесены оппонентом.

Однако разграничение интонационных средств убеждения от проявлений эмоционального отношения оратора представляет большую трудность. Так, преднамеренное использование просодических средств, позволяющих выразить вовлеченность в ситуацию для привлечения аудитории на свою сторону, может быть отнесено как к *конативной*, так и к *эмотивной функции*:

(3) *"Deuxièmement,|| les enfants ||qui sont 6 millions¦ ou 7 millions,|| qui sont moins ¦ de 4 ans,|| donc jusqu'à | 18 ans,| ils ne sont pas 'français,| ils sont 'étrangers,| que ça vous plaise¦ ou non.*|| ‘Во-вторых, что касается детей младше 4 лет, которых 6–7 миллионов. До 18 лет они не являются французами, они иностранцы, хотите вы этого или нет’. – Отрывистое произнесение, наличие пауз на несвойственных им местах, а также инициальное ударение создают неестественный ритм, что привлекает внимание и выражает эмоциональное отношение оратора.

Предлагается составить шкалу, на одном полюсе которой находится *эмотивная функция*, на другом – *конативная*. В середине располагаются пограничные случаи, когда собственная вовлеченность используется как средство убеждения аудитории. Дальнейшее распределение фраз по ту или иную сто-

рону от середины шкалы будет зависеть от того, на кого больше направлено высказывание – на говорящего или на собеседника.

Таким образом, при изучении полемического дискурса *конативная* и *эмотивная функции* являются двумя взаимосвязанными градациями одной шкалы. Разрешение поставленной проблемы позволит продолжить и облегчить изучение функциональной дистрибуции эмфазы в полемическом дискурсе.

УДК 81’27’42

Анна Викторовна Жупинская, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: annzup@mail.ru

Anna Viktorovna Zhupinskaya, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: annzup@mail.ru

СРЕДСТВА СМЯГЧЕНИЯ НЕКООПЕРАТИВНОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕДИЙНОМ ИНТЕРВЬЮ

Рассматриваются способы смягчения некооперативности речевого поведения, связанного с вторжением в личное пространство, а также средства языковой манифестации данных способов, реализуемых в субдискурсах журналиста и интервьюируемого.

Ключевые слова: медийное интервью, личное пространство, средства смягчения, субдискурс интервьюера, субдискурс интервьюируемого

MODERATING MEANS OF SPEECH BEHAVIOR NONCOOPERATION IN MEDIA INTERVIEWS

The main approaches are to study moderating means of speech behavior noncooperation related to privacy invasion and realized both in interviewer and interviewee subdiscourses as well as to analyze their verbal manifestation.

Key words: media interview, privacy, moderating means, interviewer subdiscourse, interviewee subdiscourse

Одной из черт современного медийного интервью является возросшая степень некооперативности поведения журналистов, проявляющаяся, в частности, в неудобных вопросах, нарушающих границы личного пространства собеседника. В свою очередь жесткая защитная реакция интервьюируемого на вторжение в его личную сферу также может рассматриваться как проявление некооперативности. Подобные формы поведения, с учетом двойной адресованности жанра интервью и возможных имиджевых потерь, требуют от обоих участников диалога использования различных способов смягчения некооперативности речевых действий.

Цель данной работы заключается в выявлении способов смягчения некооперативности речевого поведения в субдискурсах интервьюера и интервьюируемого, а также средств их языковой манифестации.

Среди вариантов смягчения можно выделить способы, которые востребованы в обоих субдискурсах и отличаются относительной стандартностью реализации. К таким способам относится использование ряда речеэтикетных формул, а именно извинения (*прости / -те, извини / -те, sorry* и под.), выражения сожаления (*сожалею*, *к сожалению*, *unfortunately* и др.), а также обраще-ние по имени, которое позволяет несколько интимизировать общение. Кроме того, общими (т. е. характерными для субдискурсов и интервьюера, и интервьюируемого) средствами, снижающими степень категоричности и смягчающими слишком резкое высказывание, являются деинтенсификаторы типа *не очень*, *несколько*, *не совсем*, *some*, *a bit* и под., а также формы сослагательного наклонения.

Гораздо больший интерес представляют те способы смягчения, которые демонстрируют в субдискурсах интервьюера и интервьюируемого существенные отличия, связанные с тем, что участники интервью решают разные прагматические задачи. К таким способам относятся деперсонификация, мотивировка и использование ресурсов модализации.

Так, деперсонификация, предполагающая употребление пассивных и неопределенно-личных конструкций, в субдискурсе журналиста используется как прием снятия ответственности за возможную недостоверность сказанного, а в субдискурсе интервьюируемого позволяет апеллировать к социальным нормам:

– ***I'm told*** *you also don't have actors as friends* (L. King – A. Hopkins)

– ***Катя****, ну, честно, про такие вещи* ***не говорят*** *в интервью,* (Е. Гордеева – Ю. Высоцкая).

Мотивировочный компонент (естественным образом используемый в субдискурсе интервьюера для объяснения причины, по которой задается некорректный вопрос, а в субдискурсе интервьюируемого – для объяснения нежелания / невозможности дать ответ) реализуется интервьюером в таких вариантах, как указание на доступность запрашиваемой информации (она уже сообщалась прессе ранее), социальную важность обсуждаемой темы и личную заинтересованность журналиста:

– *Well, see, you know,* ***I'm divorced, also****. But we had no money, so I didn't, we didn't engage in...* (J. Behar – A. Baldwin),

в то время как интервьюируемый актуализирует такие мотивы, как некорректный (неприятный, болезненный) характер вопроса, обязательства перед другими людьми и отсутствие необходимой информации:

– *Это тоже интимный разговор. Мне не очень легко про это говорить*. (Е. Гордеева – Ю. Высоцкая).

Несколько разные задачи участники интервью решают и при помощи использования такого приема, как модализация высказывания. В субдискурсе журналиста модализованный вопрос (*могу / можно спросить*, *can / may I ask* и др.) используется в функции запроса на разрешения затронуть личную тему:

– ***Могу я*** *про Машу* ***спросить*** *еще?* (Ю. Меньшова – Л. Максакова).

В субдискурсе интервьюируемого возможно использование при отказе от ответа показателей деонтической (*не должен*, *don't have the right*) либо алетической (*не могу*, *can't*) модальности в функции снятия ответственности:

– *Well, it's a difficult situation.* ***Can't talk*** *too much about it, because it's an on-going trial* (L. King – D. Cook).

Подобная модализация дает возможность переложить ответственность за отказ удовлетворить информационный запрос на внешние обстоятельства и тем самым смягчить некооперативность ответной реплики.

УДК 81'42:004.738.5

Виктория Юрьевна Костюченко, к. филол. н.
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
эл. почта: v82kost@gmail.com

Viktoryia Yuryevna Kastsiuchenka, Cand. of Sc. (Philology)
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: v82kost@gmail.com

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

Исследуется риторический вопрос в русских и английских интернет-комментариях. Показано, что эти вопросительные высказывания наиболее модально маркированы. Определены основные модальные значения риторического вопроса, их количественная представленность, показано влияние жанрово-прагматических и лингвокультурологических факторов на преобладание тех или иных модальных значений риторического вопроса.

Ключевые слова: риторический вопрос, модально маркированный вопрос, интернет-комментарии, прагматика, модальные значения риторического вопроса

RHETORICAL QUESTION IN RUSSIAN AND ENGLISH INTERNET COMMENTS

The article deals with rhetorical questions in Russian and English online comments. It is shown that these interrogative statements are most modally marked. The main modal meanings of this variety of the question are determined, their quantitative assessment is given, the influence of genre-pragmatic and linguistic-cultural factors on the prevalence of certain modal meanings is shown.

Key words: rhetorical question, modally marked question, Internet comments, pragmatics, modal meanings of a rhetorical question

Риторический вопрос выступает как наиболее модально маркированная разновидность вопросительных конструкций. Говорящий не стремится получить ответ, его цель – дать эмоциональную оценку, выразить упрек, недовольство, осуждение по поводу слов или действий собеседника, насмешку. Материалом исследования послужили русские и английские интернет-комментарии к ток-шоу с участием актеров (общий объем 8000 слов в каждом

языке). В отличие от других интернет-текстов сетевое комментирование анонимно, автор свободен написать все, что чувствует, думает, как понимает и как оценивает, что имеет непосредственное выражение в речи коммуникантов.

В русских интернет-текстах риторический вопрос представлен более широко: 50 случаев употребления в русском и 25 в английском материале. Эти вопросительные конструкции выражают следующие модальные значения в рассматриваемых интернет-текстах: а) негодование, недовольство, возмущение, констатацию противоположного положения дел (*Что за бред сумасшедшего*? *А нормальные люди есть на этом канале*?); б) экспрессивное средство побуждения к действию (*Что же вы ходите на плохие?* ‘ходите на хорошее’). В английском материале такие модально маркированные вопросы могут выражать не только негативную оценку, но и положительное эмоционально-оценочное отношение (*How can a human being be this fucking adorable*? ‘Как может человек быть таким чертовски восхитительным?’; *Isn´t it wonderful when natural beauty and intelligence needs no make-up*? ‘Разве это не замечательно, когда естественная красота и интеллект не нуждаются в макияже?’). Встречаются вопросы (близкие к риторическому) с юмором, легкой насмешкой, которые тем не менее не являются оскорбительными или злыми, а, скорее, направлены на создание эффекта игры, поднятие настроения и создание доброжелательной и непринужденной атмосферы общения (*Who came here to marvel at Emma's heavenly legs*? ‘Кто пришел сюда, чтобы полюбоваться небесными (обалденными) ногами Эммы?’). Такие высказывания более характерны для английских сетевых комментариев: **Bugsy Del Rosario** *Who is your profile picture??* (прямой вопрос) ‘Кто изображен у тебя на аватарке?’ **gerith** *Ellen Kaarma* ‘Эллен Каарма’ **Bugsy Del Rosario** *I was expecting it'd be your grandmother or something haha* ‘Я ожидал, что это будет твоя бабушка или что-то ха-ха’ **gerith** *Who says she isn’t?* ‘Кто сказал, что нет?’.

Таким образом, риторический вопрос в интернет-комментариях выступает как мощное средство воздействия на собеседника. Подсознательно или осознанно говорящие (пишущие) стараются вызвать ответную реакцию читающего. Здесь было выявлено частое употребление прагматически окрашенных частиц, стилистически сниженной и экспрессивной лексики, инвектив: *How the hell is he being passive aggressiv? ‘Чёрт возьми, где тут пассивная агрессия*?’; *Какой он на фиг алкоголик? Чистейший наркоша*.

Выводы. Исследуемый жанр определяет высокую степень эмоционально-экспрессивной насыщенности риторического вопроса. Часто эмоции участников интернет-дискуссий «зашкаливают» и «накаляются» до предела, что выражается в речи пользователей: *Почему, блин, эта интервьюерша перебивает вечно всех, что за манера дурацкая*? В русском материале риторический вопрос значительно преобладает по сравнению с английским (в 2 раза больше). Полученные цифры подчеркивают стремление английских собеседников к позитивной коммуникации, а также свидетельствует о меньшей степени открытости в выражении эмоций. В английском материале риторический вопрос в основном направлен на неприсутствующих участников дискуссии (третьих лиц), в то время как в русском такие вопросы чаще обращены к

собеседнику (2-е лицо). Участники русских интернет-комментариев более прямолинейны и импульсивны, они довольно откровенно, иногда резко выражают свое отношение к конкретной коллизии. Полученные результаты подчеркивают необходимость рассмотрения категории модальности с учетом лингвокультурологического компонента

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 709 с.

2. Dayal Veneeta. Questions. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. 336 p.

УДК 81’27’42

Юлия Евгеньевна Кочнева, ст. преподаватель
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
эл. почта: julia_kochneva@list.ru

Yulia Evgenyevna Kochneva, Senior Lecturer
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
e-mail: julia_kochneva@list.ru

Оксана Дмитриевна Пастухова, к. филол. н.
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
эл. почта: oksana-galaxy7@mail.ru

Oxana Dmitrievna Pastukhova, Cand. of Sc. (Philology)
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
e-mail: oksana-galaxy7@mail.ru

Елена Александровна Титова, к. филол. н.
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
эл. почта: elena_vendina@list.ru

Elena Aleksandrovna Titova, Cand. of Sc. (Philology)
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
e-mail: elena_vendina@list.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ТЕЛЕГРАММ-КАНАЛА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА НА АБИТУРИЕНТОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Данная статья посвящена анализу вербальных средств телеграм-канала Челябинского государственного университета, целью которых является привлечь внимание абитуриентов и их родителей, воздействовать на них, а также сформировать положительный имидж вуза.

Ключевые слова: университетский дискурс, абитуриент, медиадискурс, вербальный, телеграм-канал

VERBAL MEANS OF INFLUENCE OF THE CHELYABINSK STATE UNIVERSITY TELEGRAM CHANNEL ON APPLICANTS AND THEIR PARENTS

This article deals with the analysis of the Chelyabinsk State University telegram channel verbal means, which aim to attract the attention of applicants and their parents, to influence them, as well as to form a positive image of the university.

Key words: university discourse, applicant, media discourse, verbal, telegram channel

В российской дискурсологии практически отсутствуют исследования медиадискурса с точки зрения изучения особенностей репрезентации вуза в социальных сетях. Статья направлена на изучение вербальных средств воздействия телеграм-канала ЧелГУ, который является важнейшим источником информирования и привлечения абитуриентов и их родителей. Университетский телеграм-канал оказывает значительное влияние на принятие решений пользователями. Актуальность выбранной темы определяется необходимостью изучения способов привлечения внимания абитуриентов с целью формирования объективного представления о качестве преподавания в вузе. Целью исследования является анализ вербальных средств воздействия телеграм-канала ЧелГУ [1] на абитуриентов и их родителей.

Материалом исследования послужили интернет-посты, представленные в телеграм-канале ЧелГУ и посвященные вступительной кампании 2022 года. Методом сплошной выборки были отобраны статьи, направленные на привлечение внимания абитуриента, и с помощью метода лингвистического анализа были исследованы и выявлены наиболее частотные вербальные средства воздействия на абитуриентов и их родителей.

Интернет-коммуникация является основным типом общения и связи абитуриентов и вузов в современном мире. Вербальные тексты имеют различную направленность – от сообщения информации до воздействия на адресата. Среди вербальных средств общения можно выделить акустическую форму, смысловую нагрузку и уровень выразительности [2].

Наиболее частотными вербальными средствами воздействия оказались побудительные предложения. Так, например, было использовано побудительное предложение при старте вступительной кампании: *Начни лето с ЧелГУ!* Также частотным является использование сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных: *Тот случай, когда* ***меньше*** *– однозначно* ***лучше****. /* ***Больше*** *чем ВУЗ;* использование стилистических приемов: – *Абитуриенты,* ***слышите грохот****? Это наши* ***цены упали****!*; использование фонетического оформления текста по его акустическому восприятию: – *Паааайехалиииии!!!;* использование имен числительных: – *Подано* ***пятитысячное*** *заявление абитуриента!* Данные вербальные средства помогают воздействовать на абитуриента и его родителей, а именно привлечь их внимание благодаря удачно выбранному языковому оформлению.

Исследование и выявление наиболее частотных вербальных средств воздействия на абитуриентов позволит разработать комплексную методику средств воздействия социальных сетей на молодое поколение и позволит сформулировать определенные рекомендации по оформлению и ведению интернет-источников ЧелГУ и других университетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телеграм-канал Челябинского государственного университета. URL: https://t.me/csu76 (дата обращения: 25.02.2023).
2. Вербальные средства общения: правила и принципы эффективной коммуникации. URL: https://sales-generator.ru/blog/verbalnye-sredstva-obshcheniya/ (дата обращения: 25.02.2023).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2023 г.

УДК 81’42

Ирина Николаевна Крутова, к. филол. н.
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
эл. почта: krutovain@rgsu.net

Irina Nikolaevna Krutova, Cand. of Sc. (Philology)
Russian State Social University, Moscow, Russia
e-mail: krutovain@rgsu.net

Ольга Владимировна Кряхтунова, к. филол. н.
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
эл. почта: KriakhtunovaOV@rgsu.net

Olga Vladimirovna Kryakhtunova, Cand. of Sc. (Philology)
Russian State Social University, Moscow, Russia
e-mail: KriakhtunovaOV@rgsu.net

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К МОДЕЛИРОВАНИЮ ЭМОТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В исследовании предлагается анализ языковой личности, выступающей продуцентом и реципиентом публицистического текста. Рассмотрены содержательные компоненты оценки ситуации в речи/публикациях журналистов, а также встречная оценка на материале комментариев слушателей/читателей публицистического текста.

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, реципиент, эмотивность, личностные смыслы

LINGUISTIC PERSONALITY RECONSTRUCTION ON THE BASIS OF THE COGNITIVE APPROACH TO EMOTIVE DISCOURSE SPACE MODELING IN MODERN JOURNALISTIC TEXTS

The study proposes the analysis of linguistic personality acting as a producer and recipient of a journalistic text. The substantive components of the assessment of the situation in the speech / publications of journalists, as well as counter assessment on the material of the comments of listeners / readers of a journalistic text, are considered.

Key words: linguistic personality, discourse, recipient, emotiveness, personal meanings

Темой исследования является возможность моделирования структуры языковой личности как понятия когнитивной лингвистики, которое в рамках дискурсивных практик предполагает диадиальную природу.

В сфере публицистики языковой личностью является как продуцент информации, так и ее реципиент. Таким образом, дискурс становится «обоюдоострой» коммуникативной ситуацией, участники которой занимают неравные коммуникативные положения, неодинаковые оценивающие позиции.

Структуру языковой личности в свете когнитивного подхода [1, с. 78] можно представить следующим образом:

1) профессиональные знания / профессиональное» содержание концептосферы личности;

2) прецедентные знаки / система прескриптивно-дескриптивных значимостей личности;

3) личностные смыслы / аксиология, мотивации, ориентации, оценки и отношения личности.

В качестве материала исследования рассмотрен ряд выпусков zoom-шоу «Белый шум» Т. Н. Толстой, посвященных обсуждению «Повестей Белкина» А. С. Пушкина: «Джон Шемякин. Повести Белкина. Часть 2. “Выстрел”» (от 23.06.2020) [*Толстая*, 2020].

Упрощенно когнитивную модель устного текста (языковая личность – Джон Шемякин) рассматриваемого выпуска zoom-шоу «Белый шум» можно изобразить и в виде фрейма:

Концептуальные доминанты	Релевантные корреляционные структуры	Семантическая периферия
Дьявол / Демон / Бес	Человек, Религия, Творчество (Литература)	История, Политика, Армия (Война)

Когнитивный стиль личности – это «индивидуальные способы психической деятельности, связанные с обработкой, подачей и представлением информации» [2, с. 16]. О когнитивных операциях личности и ее интеллектуальном поведении сообщает коммуникативное/языковое поведение.

Механизмы когнитивных операций выявляются в логике словесной аргументации, демонстрирующей последовательность, «ясность» и полифоничность мысли говорящего. Использование эмотивных знаков разных языковых уровней (лексем-коннотативов и лексем-аффективов, междометных выражений (коммуникем), стилистических эмотивов (разговорной номинации, книжной лексики, лексем с характерными аффиксами), окказионализмов, синтаксем и просодических средств) свидетельствует об эмоциональной перцепции и апперцепции культурных реалий, воспринимаемых в основном на нерецепторном уровне.

Выводы исследования позволяют сказать, что когнитивный контекст охватывает все диалогическое пространство текста: от когнитивных свойств говорящего / пишущего (адресанта), их вербального выражения, до когнитивных свойств слушающего / читающего (адресата).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровская Д. В. Когнитивный подход к изучению языковой личности // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2015. № 27 (382). С. 77–80.

2. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб. : Питер, 2004. 284 с.

УДК 811.111’27’42

Ольга Владимировна Марченко, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: march_home@mail.ru

Volha Uladzimirauna Marchanka, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: march_home@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМ И РЕАЛИЗОВАННЫМ КОММУНИКАТИВНЫМ ЗАМЫСЛОМ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В работе выявляются тематические различия между первоначальным замыслом и тем замыслом, который в результате вербализуется адресантом. Выделяются два варианта развития диалога, предполагающие сохранение темы и ее смену.

Ключевые слова: отказ от реализации коммуникативного замысла, адресант, адресат, смена темы

THE CORRELATOIN BETWEEN THE INITIAL AND THE REALISED COMMUNICATIVE INTENTION: THE THEMATIC ASPECT

The work identifies the thematic differences between the initial intention and the one that is subsequently verbalised by the addressee. Two ways of the dialogue development are distinguished: maintaining of the topic and the topic change.

Key words: refusal to realize the communicative intention, speaker, hearer, topic change

В ходе устного диалогического общения нередко наблюдаются ситуации, когда коммуникант по тем или иным причинам принимает решение отказаться от реализации своего коммуникативного замысла, таким способом адаптируясь к изменчивым условиям общения. Результатом таких действий может быть как собственно отказ от осуществления какого-либо замысла:

“And never will be, alas, alas! I hoped that when he returned in May...” She ***fell silent, leaving the sentence uncompleted*** *and Anne looked curiously at her* (P. Wiat. The Child Bride; BNC);

так и выбор говорящего в пользу вербализации замысла, который отличается от первоначально построенного:

He ***was about to say,*** *“Then you should listen to me when I tell you what I’ve learned.” But he stopped himself before the words got free. “It's not my fault that I'm old,”* ***he said*** (R. J. Sawyer. Rollback; COCA).

Цель работы состоит в выявлении тематических различий между первоначально сформированным замыслом, который не был реализован, и тем замыслом, который говорящий в итоге вербализовал. Материалом исследования послужил 651 контекст, содержащий отказ от реализации коммуникативного замысла (ОКЗ) и отобранный из Британского национального корпуса (BNC) и Корпуса современного американского английского языка (COCA). В процессе изучения был применен метод контекстуального анализа.

В зависимости от соотношения первоначального и окончательного замыслов все анализируемые ситуации можно разделить на две группы.

Первая группа включает случаи, когда, приняв решение вербализовать новый замысел, коммуникант тем не менее сохраняет текущую тему диалогического взаимодействия:

“Are you rejecting me, or did I really make such little impression on you?”

“Listen, Alison, I'm sorry.” ***He wanted to say****, I don't really know how to read people, and every time I've tried I've got it wrong. But* ***all he said was****, “I haven't wanted to hurt you, and I'm sorry if I did. Can we go on from there?”* (S. Gallagher. Chimera; COCA).

Вторую группу образуют контексты, в которых изменение коммуникативного замысла сопровождается сменой темы. Решение о смене темы, по нашим наблюдениям, может быть вызвано различными причинами (как внутренними, так и внешними). Так, например, говорящий может отказаться от вербализации своего первоначального замысла и кардинально сменить при этом тему в силу того, что изменяется ход его мыслей, его оценка ситуации и т. п.:

The woman asked if he was finding Britain quaint. “It reminds me a little of home,” he said. <…> ***He wanted to say*** *that he'd never seen cigarettes smoked so casually indoors before,* ***but instead he asked for*** *directions to the cathedral* (L. Tonino. Salisbury Cathedral; COCA).

Возможны и ситуации, когда резкий переход к иной теме обусловлен изменением внешних параметров коммуникативной ситуации – как правило, такой вариант предполагает обращение к ситуатеме – «предметной теме текста, отражающей реалии текущей ситуации» [1, с. 262]:

“Not anytime soon. I suppose I still enjoy being crazy... in love.”

Russell chuckled. “From the look of things, crazy suits you.” He ***was about to say something else when he glanced down*** *at David, who was seated between them. The boy's eyes were knit in a fierce glare. “What's up with you, little man?”* (J. McNally. The Immortals; COCA).

Перспективой данного исследования может стать как более детальное выявление причин, мотивирующих выбор того или иного тематического варианта развития диалога в ситуациях отказа от реализации первоначального замысла, так и анализ специфики таких диалогов в различных лингвокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.

УДК 81'42
Наталья Сергеевна Олизько, д. филол. н.
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
эл. почта: olizko@yandex.ru

Natalya Sergeevna Olizko, Dr of Sc. (Philology)
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
e-mail: olizko@yandex.ru

ПАТРИОТИЗМ В РАМКАХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Изучение университетского медиадискурса способствует выявлению прагматического потенциала языковых единиц, участвующих в формировании и укреплении патриотической позиции студентов высших учебных заведений.
Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, университетский медиадискурс, Телеграм-канал

PATRIOTISM WITHIN UNIVERSITY MEDIA DISCOURSE

The study of university media discourse reveals the pragmatic potential of language units involved in shaping and strengthening the patriotic attitude of higher education students.
Key words: patriotism, patriotic education, university media discourse, Telegram channel

Значительное влияние на воспитание, формирование и развитие личности гражданина на основе духовно-нравственных ценностей оказывает высшая школа. Университетский медиадискурс, включающий социальные сети, каналы и официальные сайты высшего учебного заведения, выступает средством информирования и воздействия и обладает огромным потенциалом в вопросе формирования патриотической позиции студентов. Необходимость изучения способов создания духовной основы единения и гармонизации российского общества и важность привлечения внимания молодежи с целью формирования объективного представления о патриотизме как значимой государственной ценности составляют актуальность данного исследования.

Анализ материалов патриотической направленности, представленных в СМИ, свидетельствует об увеличении в последнее десятилетие количества публикаций и репортажей, посвященных патриотическому воспитанию. Однако сам феномен патриотизма до сих пор остается неопределенным и невостребованным в молодежной среде. Более того частотно представление о патриотизме как явлении искусственном и навязываемом государством, что вызывает протест среди молодежи.

Данное исследование проводится на материале Телеграм-канала Челябинского государственного университета – многофункционального мессенджера для обмена сообщениями, представляющего собой новостную ленту с элементами блога. На 01.01.2023 у канала около 3600 подписчиков. Канал существует с июня 2020 г. В 2020 г. патриотизму посвящена всего одна публикация, приуроченная к празднованию Дня России, – это видеопоздравление от ректора Челябинского государственного университета С. В. Таскаева. В 2021 году данная тема вообще не затрагивается в обсуж-

дениях. И только в 2022 году в канале появляются сообщения патриотической направленности. В феврале опубликован большой пост, посвященный деятельности студенческого патриотического клуба «Я горжусь», участники которого организуют патриотические мероприятия, акции и конкурсы. В материале подчеркивается, что *объединение способствует формированию у студенческой молодежи патриотического сознания, адекватного восприятия реальности, любви и уважения к Родине, истории, культуре, традициям, праздникам многонационального народа нашей страны*.

В 2022 году в Телеграм-канале ЧелГУ появляются фото и видеоматериалы с мероприятий, укрепляющих патриотическое воспитание среди студентов. Например, пост, посвященный Диктанту Победы, отличается неформальным стилем общения. Вопросительные предложения и предложения в повелительном наклонении *(Любишь историю? Попробуй докажи!),* а также использование эмотиконов подчеркивают неофициальный стиль общения в рамках Телеграм-канала и призывают молодежь к активным действиям. Отличительной чертой канала является использование юмористических высказываний в публикациях. Данный способ подачи информации способствует формированию теплых и дружеских отношений с читателем, что повышает шанс привлечения студентов на патриотические мероприятия. Например, в публикации, приуроченной к годовщине Победы в Великой Отечественной войне, автор использует шуточный формат общения с аудиторией, где фото ректора университета с оружием в руках сопровождается фразой *Теперь понятно, почему физики не пропускают пары Таскаева* (Сергей Валерьевич Таскаев преподает на физическом факультете ЧелГУ). Особо следует отметить видеоматериал, посвященный Дню Победы. Благодаря усилиям студенческого актива и медиацентра Челябинского государственного университета снят ролик с участием 100 пар студентов, преподавателей и школьников. Флешмоб «Вальс Победы» объединяет несколько поколений и в эмоциональной форме преподносит практический патриотический урок молодому поколению.

В заключении следует подчеркнуть важность изучения способов оптимизации университетских социальных сетей с целью формирования объективного представления о патриотизме как значимой государственной ценности и необходимость разработки приемов и тактик представления информации для укрепления патриотической позиции студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2023 г.

УДК 81’42
Елена Михайловна Петрова, преподаватель
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
эл. почта: p.elena_98@mail.ru

Elena Mikhailovna Petrova, Lecturer
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
e-mail: p.elena_98@mail.ru

РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ХЕДЖИРОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ПОЗИТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ: КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей употребления лингвистического хеджирования как средства реализации стратегий позитивной вежливости. В работе приводятся результаты контрастивного исследования употребления хеджей в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе.

Ключевые слова: лингвистическое хеджирование, хеджи, теория вежливости, стратегии позитивной вежливости, англоязычный разговорный дискурс, русскоязычный разговорный дискурс

LINGUISTIC HEDGING IN THE IMPLEMENTATION OF POSITIVE POLITENESS STRATEGIES: A CONTRASTIVE STUDY

The paper aims to study the peculiarities of the implementation of linguistic hedging as a means of achieving positive politeness strategies. The work contains the results of a contrastive study of hedges in the English and Russian conversational discourses.

Key words: linguistic hedging, hedges, politeness theory, positive politeness strategies, English conversational discourse, Russian conversational discourse

В современных исследованиях лингвистическая вежливость и ее функционирование в межличностных отношениях привлекают особенное внимание. Выступая в качестве регулятора социальной деятельности любого человека, вежливость способствует систематичной организации социально-коммуникативного взаимодействия между собеседниками, а также защите и поддержке индивидуально-личностных ценностей и потребностей.

В соответствии с теорией вежливости П. Браун и С. Левинсона характер коммуникации и интенции собеседников обуславливают следующую дифференциацию видов вежливости: *негативная* (negative politeness) и *позитивная* (positive politeness). Основу позитивной вежливости составляет явление сближения (approach-based), и выражается такой вид вежливости проявлением солидарности говорящего с мнением/желанием слушающего.

Описанные условия коммуникации достигаются как при помощи экстралингвистических средств, так и лингвистических. Нам удалось продемонстрировать, что одним из лингвистических средств является хеджирование (linguistic hedging), благодаря которому речь собеседников становится более гибкой и некатегоричной.

Согласно американскому лингвисту Дж. Лакоффу, хеджи – это «слова, значения которых имплицитно подразумевают нечеткость; слова, функция которых состоит в том, чтобы отобразить вещи более или менее нечеткими». Так, к хеджам Дж. Лакофф относит следующие слова и выражения: *pretty (much), basically, sort of, roughly, kind of, more or less, principally, in essence, etc.*

Таким образом, цель настоящей работы заключается в сопоставительном изучении особенностей употребления хеджей в качестве средства реализации позитивной вежливости в разговорном дискурсе. Материалом исследования послужил корпус устной разговорной речи, состоящий из 2000 диалогов на

английском и русском языках, выявленных приемом сплошной выборки из таких корпусов текстов, как «British National Corpus» и «Национальный корпус русского языка». Кроме того, помимо общенаучных методов, в работе были применены такие методы лингвистического анализа, как дефиниционный метод, метод прагматического и контекстуального анализа, метод лингвистического описания, а также привлекались методы корпусной лингвистики.

В контексте данного исследования нам удалось обнаружить, что хеджирование в англоязычном и русскоязычном разговорном дискурсе можно отнести к одному из наиболее значимых средств реализации двух универсальных стратегий позитивной вежливости: *«Избегайте разногласия»* и *«Утверждайте общую точку зрения»*.

Так, в стратегии *«Избегайте разногласия»* хеджи трансформируют семантическое и прагматическое содержание высказывания, позволяя говорящему избежать однозначности, указывая на частичное единство взглядов с собеседником, а также на скрытое несогласие.

– *Yeah you've met, have, am I the last?*
– *Erm I've seen Deborah, Ray and Cynthia. Erm so yes* ***in a sense***;
– *У вас там одни женщины?*
– ***Ну почти что*** *да.*

Примеры демонстрируют, что хеджи *in a sense* и *ну почти что* предполагают определенную степень согласия с мнением, высказанным собеседником, позволяя говорящему продемонстрировать взаимопонимание и уклониться от прямолинейных высказываний.

Важно заметить, что по результатам проведенного нами анализа была выявлена специфическая для англоязычного разговорного дискурса стратегия позитивной вежливости – *«Предполагайте знание о желаниях собеседника»*.

Итак, хеджи можно отнести к важной и одной из основных составляющих при реализации стратегий позитивной вежливости. Хеджирование способствует регулированию диалогических отношений в сравниваемых видах дискурса. Однако наличие специфической для англоязычного разговорного дискурса стратегии позитивной вежливости свидетельствует о более высокой частотности употребления хеджей в англоязычном разговорном дискурсе по сравнению с русскоязычным.

УДК 811.111'38'42
Татьяна Николаевна Руденко, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: t.rudenko@mslu.by

Tatiana Nickolayevna Roudenko, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: t.rudenko@mslu.by

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТЕНДАПА

Статья посвящена описанию особенностей вербализации воздействия в стендапе. Материал исследования – видеозаписи выступлений Стюарта Ли. Выявлены языковые маркеры персуазивного и суггестивного воздействия.

Ключевые слова: стендап, убеждение, речевое воздействие, прагматический потенциал, стилистические приемы и средства выразительности

STAND-UP COMEDY PRAGMATIC POTENTIAL

The article is devoted to inventorying peculiarities of the verbalization of speech influence in stand-up. Stuart Lee's videos are found as research material. The aspects explored are the linguistic markers of persuasion and suggestion.

Key words: stand-up comedy, persuasion, speech influence, pragmatic potential, stylistic devices and means of expressiveness

В риторике, начиная с античности, публичная речь моделируется в терминах логоса (содержания речи, ее структуры и внутренней аргументации, соотносимых с разумом), этоса (установления контакта с аудиторией, соотносимого с нормами морали) и пафоса (успешного, соотносимого с чувствами и эмоциями, вербального выражения логоса и этоса).

Несмотря на существование в настоящее время значительного числа работ, посвященных разработке таких видов публичной речи, как информационная, вдохновляющая, убеждающая и развлекательная на материале ряда языков, их парадигма окончательно не сложилась.

Наш интерес к развлекательной речи продиктован ее двойственной сущностью, объединяющей ораторство и художественное творчество. Анализ языковой манифестации иронического смысла и выбор в качестве объекта исследования стендапа, для которого характерно размышление о современных социальных (как бытовых, так и глобальных) проблемах, высмеивание пороков человека, акцент на табуированные темы, на наш взгляд, позволяет выделить как общие, так и специфические характеристики оратора, говорящего на определенном языке и разделяющего аксиологические ожидания аудитории.

Под прагматическим потенциалом стендапа мы понимаем контексту-ально и социально обусловленную возможность комплексной реализации разноуровневых средства выразительности и стилистических приемов, используемых оратором в монологе для удержания внимания аудитории и усиления юмористического эффекта.

Стендап является прямым обращением к аудитории, характеризуется псевдоспонтанностью и выразительностью – факторами, способствующими эффективному речевому воздействию, персуазивному, отличительным признаком которого является рациональное убеждение и эмоциональное воздействие, и суггестивному, направленному на сферу бессознательного.

Для выявления языковых маркеров персуазивного и суггестивного воздействия в стендапе используется антропологический подход для получения представления о социальном опыте оратора, представленном в его лексиконе; метод семантико-синтаксического анализа – для установления значений еди-

ниц языка в контексте всего высказывания; метод анализа пресуппозиций – для определения общего компонента знаний для оратора и аудитории.

Анализ видеозаписей выступлений Стюарта Ли – писателя и интел-лектуала, одного из самых уважаемых комиков в стендап-среде – в качестве материала исследования позволил выявить языковые маркеры персуазивного и суггестивного воздействия на фонетическом, лексическом, морфологи-ческом и синтаксическом уровнях. Так, например, в арсенале оратора обнару-жены монотонность в завязке, анафоричные повторы, эллиптичность, эмоцио-нально-смысловая доминанта в качестве кульминации и открытая развязка. Следует, однако, отметить, что открытая развязка не всегда дает аудитории ответы на все поставленные сюжетом вопросы ввиду отсутствия общего компонента знаний для оратора и аудитории. Единство формы и содержания текстов выступлений Стюарта Ли обеспечивают логос, воплощаемый в выбо-ре темы, пафос, воплощаемый в экспрессивных лексических и грамматиче-ских средствах, и этос, воплощаемый в аксиологических ожиданиях аудитории.

Подводя итог, отметим, что избранный ракурс анализа эмпирического материала открывает дальнейшие перспективы в разработке различных видов публичной речи с позиций риторического знания.

УДК 81’373’42

Екатерина Юрьевна Садовская, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: sadovskaya@sbmt.by

Jekaterina Yurievna Sadovskaya, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: sadovskaya@sbmt.by

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Соотнесенность с определенным поколением является одной из форм социальной идентичности. Предъявление поколенческой идентичности может быть осуществлено как в виде простой однокомпонентной модели, так и в виде сложных многокомпонентных образований в случае сочетания с иными идентичностями.

Ключевые слова: идентичность, поколение, поколенческий дискурс, самопрезентация, модель

ABOUT CERTAIN ASPECTS OF EXPRESSION OF IDENTITY IN GENERATIONAL DISCOURSE

Generational belonging is one of the forms of social identity. The presentation of the generational belonging can be presented both in a simple one-component form and in a complex multi-component form when it gets combined with other identities.

Key words: identity, generation, generational discourse, self-presentation, model

Вторая половина XX века стала периодом проявления новой планетарной ментальности. Постмодернизм и фрагментация, как наиболее заметные проявления этой ментальности, привлекли новую волну внимания к понятиям самоидентификации, идентичности и предъявления идентичности.

Идентичность как результат процесса идентификации индивида к концу второго тысячелетия стала более точной и дробной и начала отражать ранее не манифестировавшиеся аспекты. В настоящее время наиболее заметной и узнаваемой стала идентификация по гендерному и этническому признакам. Также достаточно глубоко изучены языковые средства выражения профессиональной, религиозной и иных видов идентичности. Вместе с тем языковая оформленность поколенческой принадлежности как одной из форм социальной идентичности пока не получила должного внимания, что составляет фокус внимания данной работы.

При обращении к этой проблематике следует принять во внимание ряд соображений. Прежде всего, под идентичностью понимаем принадлежность индивида к определенной группе (М. А. Лаппо), чьи ценности и убеждения близки индивиду. Характер идентичности разнообразен – от виртуальной до множественной (И. А. Чеснокова). Она стала более динамичной и активной. Идентичность стала актуализироваться в зависимости от ситуации взаимодействия; варианты наблюдаемых в настоящее время идентичностей выходят за пределы ранее существовавших жестких границ, приобретая более фрагментарный и одновременно более детализированный характер; наблюдается все большее количество оснований для выбора идентичности. Учитывая также возросшее количество социальных ролей, которые не только реализуются индивидами в процессе взаимодействия, но и эксплицируются, идентичность меняется от простой (манифестируется одна из возможных идентичностей) к сложной, т. е. приобретает многокомпонентный характер (одновременно вербализуется несколько различных идентичностей). Распознать идентичность можно посредством обращения к самопрезентации говорящего (Е. А. Леонова), т. е. «речевому портретированию» (М. А. Лаппо), благодаря которому индивид эксплицирует свое место в социуме.

Презентация поколенческой идентичности в XX веке в поколенческом дискурсе значительно изменилась. В случае поколенческой принадлежности соотнесенность индивида с поколенческой когортой обеспечивается принадлежностью к одной и той же возрастной группе (что обусловлено биосоциальной природой поколения). До разработки теории поколений идентификация поколенческой принадлежности с языковой точки зрения подчеркивала преимущественно возрастные и хронологические характеристики посредством использования прилагательных и причастий (поколения делились на старое и молодое, предшествующее и последующее).

В настоящее время инструментарий вербализации идентификации по поколенческому признаку заметно пополнился благодаря появлению целого ряда номинативов: «Я – Миллениал» (зумер, бэби-бумер, Х, альфа и т. п.). Расширенная линейка наименований поколений обусловлена как разработкой новых научных подходов к пониманию и разграничению поколений, так и

сократившейся временной разницей между поколениями (с 30 до 10 лет), что потребовало более подробной градации и привело к появлению новых лексем.

Простая (однокомпонентная) поколенческая идентичность эксплицируется по формуле «я – х», где я – коммуникант, х – определенное поколение. Однако поколенческая идентичность может также дополняться иными идентичностями, выбираемыми по гендерному, профессиональному и другим признакам, например, «я и мое поколение девочек». Данная модель демонстрирует наличие двух востребованных идентичностей, вторая из которых выбрана по гендерному критерию. Поколенческая идентичность может также сочетаться с, например, профессиональной идентичностью: «наше поколение литераторов». Словосочетание «мое поколение коммунистов» демонстрирует приоритетность определенной идеологии наряду с важностью поколенческой принадлежности.

Таким образом, выше представленный материал позволяет сделать вывод о том, что индивид эксплицирует выбранную поколенческую идентичность, используя либо простую однокомпонентную модель в случае манифестации исключительно поколенческой принадлежности, либо сложную многокомпонентную модель, сочетая поколенческую идентичность с иной идентичностью (выбирается по гендерному, профессиональному и иным признакам).

УДК 811.161.1’272’373

Ольга Игоревна Северская, к. филол. н.
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
эл. почта: oseverskaya@yandex.ru

Olga Igorevna Severskaya, Cand. of Sc. (Philology)
Vinogradov’ Russian Language Institute of RAS, Moscow, Russia
e-mail: oseverskaya@yandex.ru

«НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ» ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИКА С ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО И РЕЦИПИЕНТОВ

Дано определение «новой искренности» как речевой практики политического дискурса. Проанализированы факты коммуникативных неудач в результате диссонанса ценностей говорящего и реципиентов – журналистов и народа.

Ключевые слова: политический дискурс, «новая искренность», культурно-языковые стереотипы, аксиология взаимодействия власти и общества

«NEW SINCERITY» OF A PUBLIC POLITICIAN FROM THE POSITION OF THE SPEAKER AND RECIPIENT

The article defines «new sincerity» as a speech practice of political discourse and analyzes the facts of communicative failures as a result of the dissonance of the values of the speaker and the recipients – journalists and the people.

Key words: political discourse, «new sincerity», cultural and linguistic stereotypes, axiology of interaction between government and society

Темой исследования стала речевая модель «новой искренности», актуализировавшаяся в последние два десятилетия в российском публичном политическом дискурсе как своеобразный маркер реальных общественно-политических отношений. Дискурсивный анализ как публичных речей основных акторов политического процесса, так и их рецепции в СМИ и социальных сетях, позволил не только собрать впечатляющий материал путем ручной выборки и интернет-поиска, дополненного данными Национального корпуса русского языка, но и определить, как «новая искренность» оценивается самими говорящими и как она воспринимается журналистами, а через их посредство и аудиторией. Целью было исследование причин коммуникативных неудач в общении власти с народом и роли социокультурного контекста в возникающем при интерпретации диссонансе аксиологии речепорождения/речевосприятия.

Политическому дискурсу «новая искренность» досталась в наследство от речевых практик, сформировавшихся в философии, литературе и искусстве в конце 1980-х – начале 1990-х годов и провозгласивших отказ от постмодернистской иронии и цинизма. В России акцент был сделан на устранении разрыва между бытийным пониманием вещей и их официальной идеологической интерпретацией, на внимании, как это формулировал Д. А. Пригов, к проблемам «неисключительного человека в неисключительных обстоятельствах».

Можно утверждать, что в своих «по-новому искренних» высказываниях действующие российские политики в известной степени солидаризируются с «простыми людьми», ссылаясь на собственный опыт в решении тех или иных социальных проблем и тем самым позиционируя себя как «человека из народа». Однако адресат эту прагматическую установку не «считывает» и, напротив, улавливает в подобных высказываниях если не издевку, то иронию и цинизм или «профессиональную некомпетентность и человеческую ущербность». Различие оценок одного и того же высказывания говорящим и реципиентами объясняется наличием социокультурных стереотипов, в том числе стереотипа оценки отношения власти к социальным реформам как к самоцели, а не как к средству достижения высокого качества жизни населения страны.

Не случайно первоначальное высказывание политика часто сокращается в СМИ до ядра, транслирующего субстантивно выражаемую догму. Так, фраза экс-министра труда и занятости Саратовской области Натальи Соколовой, прозвучавшая во время обсуждения прожиточного минимума для неработающих пенсионеров (*Я могу составить вам меню, исходя из цен тех магазинов, которые сама посещаю, со скидками, и вы поймете, что прожить можно* <…> *Макарошки стоят всегда одинаково!*), превратилась в ставшие крылатыми «*макарошки*», нагруженные в речевой поп-культуре символическими значениями «бедности» (ср. в соннике: *Варили во сне макароны – возможна крупная потеря или бедность*) и «пренебрежения» (связанного с одним из возможных значений диминутива).

В других случаях выхваченные из исходного высказывания речевые клише могут уже адресатом объединяться в трансформе, превращающемся в результате вирусного распространения в СМИ и соцсетях в «крылатые слова», которые подменяют собой первосказание. В частности, фактами речевой попкультуры стали фразы *Денег нет, но вы держитесь!* и *Денег нет – идите в бизнес*, приписываемые экс-премьеру России Дмитрию Медведеву, но соединившие речевые элементы, актуализирующие психо-эмоциональные доминанты, которые соответствуют стереотипам «традиционного отказа в материальной помощи и поддержке» и «пустых слов-отговорок с нулем сочувствия» вне конкретной речевой ситуации.

Фактически автором подобных «крылатых слов» становится, исходя из собственного жизненного опыта и культурно-языковых стереотипов, адресат сообщения, а не обращающийся к нему политик. При этом «новая искренность» лишенного подтекста первоговорения с его серьезной, доверительной интонацией гасится шуткой и иронией «соавторов» – журналистов, трансформирующих и варьирующих высказывание-источник.

Сама речевая практика «новой искренности» может быть определена как прагматически амбивалентная, а в установлении способов нейтрализации нежелательных для говорящего коннотаций просматривается перспектива дальнейших исследований.

УДК 81’42:811.111

Наталья Геннадиевна Склярова, д. филол. н.
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
эл. почта: nsklyarova@sfedu.ru

Natalia Gennadievna Sklyarova, Dr of Sc. (Philology)
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: nsklyarova@sfedu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В КИНОДИСКУРСЕ СЕРИАЛА «ДРУЗЬЯ»

Рассмотрены общечеловеческие и американские ценности, прямо или косвенно упоминаемые в сериале «Друзья», а также разноуровневые стилистические приемы, подчеркивающие их значимость и/или выражающие отношение к ним.

Ключевые слова: кинодискурс, кинематографическая картина мира, кинодиалог, аксиология, ценность, стилистический прием

LINGUISTIC REPRESENTATION OF HUMAN AND AMERICAN VALUES IN THE CINEMATOGRAPHIC DISCOURSE OF THE SITCOM «FRIENDS»

Human and American values, directly or indirectly mentioned in the sitcom «Friends», are revealed and the stylistic devices, used to intensify their importance and/or to express attitude towards them, are discussed.

Key words: cinematographic discourse, cinematographic picture of the world, cinematographic dialogue, axiology, value, stylistic device

Актуальность выбранной тематики обусловлена значимостью аксиологических категорий для отдельного человека и общества в целом, а также ролью художественного кинодискурса в их трансляции на зрительскую аудиторию. Теоретическую основу исследования составили труды российских лингвистов, в которых затрагивается ряд вопросов, касающихся семиотической и экстралингвистической сущности кинодискурса (Т. В. Духовная, С. С. Зайченко), его специфических особенностей, обусловленных комбинацией вербальных и визуальных элементов (А. Н. Зарецкая, Ю. В. Сургай), а также его соотношения с такими понятиями, как «кинодиалог», «кинотекст», «киносценарий» (Е. А. Колодина, М. А. Самкова). Под кинодискурсом в настоящей работе понимается поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, отличающееся связностью, завершенностью и адресностью, функционирующее в экстралингвистическом контексте, культурно-идеологической среде, обладающее национальной и социокультурной составляющими, выражаемое с помощью вербальных и невербальных знаков, состоящее из кинотекста, кинофильма, замысла создателей и зрительской интерпретации.

Целью исследования является характеристика общечеловеческих и американских ценностей, представленных в сериале «Друзья» через описание стилистических приемов, используемых для их экспрессивного отображения. Фактологический материал включает около 500 диалогических единств, отобранных из кинотекста американского сериала в жанре ситуационной комедии «Друзья» (сезоны 1–10). В работе использовались методы контекстологического, дискурсивного и лингвокультурологического анализа.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в кинодискурсе американского сериала «Друзья» благодаря развитию сюжета, нашли отражение самые разнообразные жизненные ситуации, раскрывающие взгляды его персонажей на систему ценностей, что, в свою очередь, повлияло на содержание кинотекста, в котором имеет место вербализация аксиологических параметров, обусловливающих поведение героев. В диалогических репликах прямо или косвенно упоминаются различные витальные, моральные, социальные, политические, эстетические, религиозные ценности, свойственные человечеству в целом, характерные для американского общества или наделенные в нем особой значимостью, как то: дружба, любовь, честность, трудолюбие, добро, независимость, красота, статус, ответственность, законность, жизнь, успех, равенство, неприкосновенность, здоровье, семья, бог.

Для выражения отношения к ним и интенсификации их важности используются разноуровневые стилистические приемы, а именно: метафора, олицетворение, сравнение, эпитет, аллюзия, гипербола, оксюморон, ирония, риторический вопрос, парцелляция, градация, антитеза, контраст, лексико-синтаксический повтор, в том числе синонимический, а также фразеологизмы, пословицы и устойчивые выражения, которые, усиливая экспрессивность высказывания, служат для эмоционального воздействия на зрителя.

В дальнейшем планируется, используя аналогичную модель анализа, рассмотреть репрезентацию в данном сериале системы антиценностей.

УДК 811.111’25
Ангелина Вячеславовна Соколова, студент
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: angelina.V.Sokolova@gmail.com

Angelina Viacheslavovna Sokolova, Student
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: angelina.V.Sokolova@gmail.com

РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД ВЫСКАЗЫВАНИЙ-ХЕДЖЕЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ КОГНИТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

Исследование выполнено в рамках когнитивной научной парадигмы в переводческой перспективе и посвящено анализу стратегий русско-английского письменного и устного (синхронного) перевода высказываний-хеджей, описывающих когнитивные операции говорящего.
Ключевые слова: когнитивная лингвистика, письменный перевод, устный перевод, семантика, хеджирование

RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION OF HEDGE STRUCTURES DESCRIBING THE SPEAKER'S COGNITIVE OPERATIONS

The research is carried out within the framework of the cognitive scientific paradigm in translation perspective and is devoted to the strategies analysis of Russian-to-English written and oral (simultaneous) translation of hedge structures which describe the speaker's cognitive operations.
Key words: cognitive linguistics, translation, interpretation, semantics, hedging

На протяжении нескольких десятилетий как отечественные, так и зарубежные ученые исследуют сферу межличностного взаимодействия, уделяя особое внимание проблеме повышения эффективности коммуникации в разных сферах человеческой деятельности [1; 2]. В современной лингвистике одной из наиболее перспективных областей исследования является изучение такого явления, как хеджирование.

Существует необходимость выявления факторов, влияющих на выбор говорящим лексических и грамматических средств при переводе высказываний, содержащих вводные конструкции, функционирующие в качестве хеджей, с целью оптимизации представления информации для достижения адекватной интерпретации текста реципиентом, что особенно актуально в массовой коммуникации и что предотвращает возможную коммуникативную неудачу.

Данное исследование представляется актуальным не только с научной точки зрения, но и с практической, поскольку перевод конструкций, позволяющих говорящему смягчить напряженность высказывания, неизменно вызывает трудности у переводчиков.

Цель исследования заключается в разработке переводческих решений применительно к русско-английскому переводу высказываний-хеджей, в частности делая акцент на анализе глаголов, используемых для передачи значения неуверенности или смягчения сообщения.

Методы исследования определялись целью исследования и поставленными задачами. На первом этапе работы использовался метод эмпирического

лингвистического наблюдения. Выполнена сплошная выборка примеров употребления исследуемых лексических единиц (*верить, думать, полагать, считать, казаться*), используемых в качестве элементов хедж-конструкции, в письменной речи носителей русского языка и их переводах на английский язык из параллельного двуязычного подкорпуса НКРЯ. В результате поиска отобрана 101 необходимая лексическая единица.

В рамках второго этапа исследования выдвинута гипотеза, что глагол *consider* может употребляться в связке с *would (rather)* и *had better*, при этом конструкция представляет собой хедж-высказывание. С целью подтверждения данного предположения через поисковую систему Google набрано 30 примеров, содержащих описанную структуру.

На третьем этапе работы выбраны и проанализированы 30 выступлений официальных представителей РФ и сопровождающий их синхронный перевод. Таким образом, обработано более 10 часов звучащей речи и отобрано 74 примера, содержащих хедж-высказывания, и их переводы на английский язык.

Эмпирическая база исследования составила 205 хеджей и, соответственно, их английских коррелятов.

Далее примеры употребления хедж-конструкций, содержащих глаголы мыслительной деятельности, были проанализированы и объединены в 4 группы согласно трансформациям при переводе рассматриваемых лексических единиц.

Последний этап исследования заключался в разработке переводческих решений применительно к русском-английскому письменному и устному переводу исследуемых конструкций.

В рамках исследования уточнены существующие классификации хеджей в английском языке как средства речевого воздействия, использование которых обусловлено желанием говорящего смягчить свою оценку события. Определены прагматические особенности хеджирования в русском и английском языках. Предложены варианты перевода хедж-конструкций, содержащих глаголы ментальных действий, в зависимости от семантического наполнения рассматриваемых лексем, что применимо не только в политическом, но и других видах дискурса, позволяя достигнуть цели коммуникации и повлиять на восприятие собеседника.

Перспективой дальнейшего исследования является проведение лингвистического эксперимента с привлечением носителей английского языка с целью уточнения существующих и выявления дополнительных факторов, влияющих на выбор глагола в составе хедж-конструкции; комплексное изучение причин и мотивов опущения переводчиками как письменных, так и устных хедж-маркеров, а также добавления элементов, в значительной степени искажающих смысл оригинального высказывания (проблема “Traduttore – traditore” или «переводчик – предатель»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Практикум по культуре речевого общения : учеб. пособие для студентов : в 2 т. Т. 2 / О. А. Сулейманова, К. С. Карданова, Н. Н. Беклемешева, Н. В. Лягушкина, В. И. Яременко. М. : Академия, 2013. 288 с.

2. Карданова-Бирюкова К. С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 85–97.

УДК 811.111’42
Дарья Сергеевна Федорова, преподаватель
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
эл. почта: fdswork@mail.ru

Darya Sergeevna Fedorova, Lecturer
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
e-mail: fdswork@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВЫСКАЗЫВАНИЙ МЕДИАТОРА

В работе рассматриваются прагматические функции высказываний посредника в окказиональном дискурсе медиации. На материале английского языка выявлено 4 основных прагматических функции высказываний медиатора.
Ключевые слова: дискурс медиации, медиатор, прагматические функции, высказывание, конфликт

PRAGMATIC POTENCIAL OF MEDIATOR UTTERANCES

The paper studies the pragmatic functions of utterances expressed by the mediator in occasional mediation discourse. Four main pragmatic functions of mediator’s utterances in modern English are revealed.
Key words: mediation discourse, mediator, pragmatic functions, utterance, conflict

В настоящее время одним из перспективных векторов научных изысканий в лингвистике называют исследование процесса медиации с позиций дискурсивно-прагматического подхода. Под термином «медиация» разными авторами понимается процесс / процедура / способ / технология урегулирования споров различного характера, предполагающая обязательное участие медиатора – независимого физического лица, который выступает посредником между субъектами конфликтных отношений и содействует достижению ими консенсуса в сложившемся столкновении.

На наш взгляд, представляется актуальным и продуктивным исследование не только институционального типа дискурса медиации, но и неинституционального (в терминах О. А. Прохоровой – окказионального [1, с. 302]). Под окказиональным дискурсом медиации в рамках настоящей работы понимается непосредственное коммуникативное взаимодействие участников стихийно возникшего конфликта при содействии самоназначенного медиатора.

Целью исследования является выявление прагматических функций высказываний посредника в окказиональном дискурсе медиации в английском языке. Материалом исследования послужили затранскрибированные нами полилоги, репрезентирующие коммуникативные ситуации разрешения конфликтов с участием медиатора. Языковой материал был собран методом сплошной выборки из видеофрагментов американского теле-

сериала «Fairly Legal» (рус. «Посредник Кейт»), повествующего о повседневной жизни одного из лучших медиаторов Сан-Франциско (URL:https://123moviesgo.su/episode/fairly-legal-season-1-episode-1/).

В ходе исследования на основе контекстуального анализа были выявлены четыре прагматические функции высказываний посредника в окказиональном дискурсе медиации: выстраивание эмоционального фона взаимодействия, логическое убеждение, прогнозирование потенциальных угроз, моделирование альтернативных решений. Продемонстрируем полученные результаты на примере дискурсивной ситуации, в которой медиатором (*mediator* ‘медиатор’) между конфликтующими сторонами (*robber* ‘грабитель’ и *seller* ‘продавец’) выступает случайный свидетель вооруженного ограбления:

(1) <…> *Mediator: (to the robber) Right. Okay, good. So just tuck the gun back under your shirt, 'cause you don't want someone to walk by, and then they see you and... Right?* ‘Вот и хорошо. Так что спрячь оружие обратно под рубашку, ведь ты не хочешь, чтобы прохожие увидели тебя и… Правда?’ (2) *Mediator: (to the seller) How we doing on that coffee?* ‘Как там мой кофе?’ (3) *Mediator: (to the robber) Good. Now, educate me. What do you get when you rob a store?* ‘Хорошо. А теперь расскажи мне, что ты получишь, если ограбишь магазин?’ <…> (4) *Mediator: (to the seller) You get shot... The emergency room is gonna cost you a grand. So just give the guy 100 bucks.* ‘Теперь представьте, Вас подстрелили… Лечение в больнице обойдется гораздо дороже. Так что просто дайте ему эту сотню.’ *Seller: I'm gonna give him something.* ‘Я ему сейчас как дам’. (5) *Mediator: (to the seller) Wait, wait, wait. Hold on a second. Hold on, hold on.* ‘Стойте, стойте, стойте. Подождите секунду. Подождите, подождите’ <…>.

Фрагмент (1) демонстрирует стремление медиатора установить контакт с взволнованным участником через предупреждение о вероятных неприятностях и угрозах. В высказываниях (2) и (5) реализуется функция выстраивания эмоционального фона коммуникации посредством переключения внимания участников на нейтральную тему и непосредственного коммуникативного призыва к снижению уровня эмоционального напряжения, соответственно. Прагматическая функция фрагмента (3) заключается в поиске альтернативного решения спора через определение интенций участника столкновения. Высказывание (4) актуализирует функцию убеждения, направленную на совершение логической операции сравнения реальных и возможных потерь.

В заключении стоит отметить, что перечень выявленных прагматических функций высказываний медиатора в окказиональном дискурсе медиации не является исчерпывающим, исследования могут быть продолжены. В качестве перспектив изучения данной области также можно отметить анализ языковых маркеров, характерных для обозначенных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохорова О. А. Медиация: перспективы дискурсивного исследования // Медиация в образовании: поликультурный контекст : материалы I Междунар. науч. конф., Красноярск, 24-26 окт. 2019 г. / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2019. С. 299–306.

Секция 4
Контрастивные и типологические исследования языка и дискурса

УДК 811.13'221.2'42
Абакумова Ольга Васильевна, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: olga.abakumova16@gmail.com

Abakumova Olga Vasilievna, Cand. of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: olga.abakumova16@gmail.com

Баева Екатерина Игоревна, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: katybaev@yandex.ru

Baeva Ekaterina Igorevna, Cand. of Sc. (Philology)
Voronezh State University, Voronezh, Russia
e-mail: katybaev@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЖЕСТОВ РУК В НЕВЕРБАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале испанского и итальянского языков)

Проанализированы отличительные особенности языковой интерпретации жестов рук в невербальном дискурсе на испанском и итальянском языках. Выявлены основные сходства и расхождения.

Ключевые слова: итальянский язык, испанский язык, культура, невербальный дискурс, невербальные сигналы

LANGUAGE INTERPRETATION OF HAND GESTURES IN NON-VERBAL DISCOURSE
(based on the Spanish and Italian languages)

Distinctive features of the language interpretation of hand gestures in non-verbal discourse in Spanish and Italian languages are analyzed. The main similarities and differences are revealed.

Key words: the Italian language, the Spanish language, culture, non-verbal discourse, non-verbal signals

Дискурс может быть представлен как в устной, так и в письменной форме. Отличительной особенностью устного дискурса является то, что производство и понимание речи происходят одновременно. Невербальная коммуникация сопровождает вербальную и часто неотделима от неё.

Как известно, территориальная близость стран обуславливает взаимное проникновение элементов культуры. Испанцы и итальянцы относятся к контактным культурам, так как общение происходит на небольшом расстоянии. По мнению проф. Э. Холла, жестикуляция зависит от личного

пространства. В разных культурах степень выраженности эмоций при общении различна, в частности интенсивность жестикуляции. В Европе, например, интенсивность жестикуляции возрастает с севера на юг. Она максимально выражена у португальцев, испанцев, южных итальянцев и греков. Однако особенности употребления зависят от национально-культурной специфики, что проявляется в наличии существенных различий у данных близкородственных языков.

Коммуникативное общение испанцев и итальянцев можно охарактеризовать как высококинестетическое, поэтому для данных культур невербальная составляющая дискурса имеет большое значение.

Цель исследования состоит в выявлении отличительных особенностей языковой интерпретации жестов рук в невербальном дискурсе.

Материал исследования представлен типичными испанскими жестами, взятыми из короткого аутентичного видео, размещенного в открытом доступе. Выбор данного видео обусловлен наличием большого количества жестов, понятных для испанцев без вербального сопровождения.

Для анализа жестов рук в невербальном дискурсе был использован сопоставительный метод исследования. Группе итальянцев, не говорящих по-испански, было продемонстрировано данное видео. Далее нужно было ответить на вопросы анкеты, связанные с интерпретацией жестов в невербальном дискурсе.

В результате было правильно интерпретировано более 90 % невербальной информации. Не понятыми остались жесты, обозначающие «пиво» и «кофе». Таким образом, можно сделать вывод, что в невербальных средствах коммуникации в испанской и итальянской культурах прослеживается больше сходств, чем различий. В то же время даже в сходных случаях существуют разнообразные несовпадения.

Пример испаноязычного женского жеста, выражающего недовольство, не имеющего соответствия в итальянской невербальной коммуникации: женщина правой рукой захватывает прядь волос на затылке и поднимает руки с волосами вверх, указательным и большим пальцами левой руки зажимает прядь волос ближе к голове.

В коммуникативных ситуациях приветствий и прощаний у испанцев и итальянцев широко распространены этикетные жесты объятия и поцелуи. Согласно общепринятой норме этикета мужчины целуют и обнимают иногда даже малознакомых и незнакомых женщин. Следует помнить, что в ситуации с поцелуем сначала подставляют правую щеку, а затем левую. Испанские мужчины целуются только в случае их родства, в отличие от итальянцев, которые вообще очень много соприкасаются во время приветствия, общения и прощания. Эти жесты выражают чисто дружеское расположение, они не маркированы любовно-эротической коннотацией.

Другим примером сходства норм речевого общения между представителями итальянской и испанской культур является то, что они говорят очень эмоционально, громко, активно сопровождая свою речь невербальными средствами коммуникации.

Суммируя всё вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

В сопоставляемых нами лингвокультурах наблюдаются значительные сходства. Совпадение стереотипов коммуникативного поведения помогает избежать барьеров при межкультурном общении. Для адекватного восприятия и эффективного межкультурного общения интерпретация коммуникативного поведения представителей иных лингвокультур должна основываться на знании культурных традиций и специфики национального характера партнёров по общению. Очевидно, что преподавание иностранных языков в современных условиях должно осуществляться с учётом национально-специфических особенностей коммуникативного поведения и культурных традиций носителей языка. Дальнейшие перспективы исследования – расширить и исследовать языковую репрезентацию жестов рук в невербальном дискурсе.

УДК 81’246.3

Наталья Ивановна Власенко, к. филол. н.
Юго-западный государственный университет, Курск, Россия
эл. почта: natashavlasenko@yandex.ru

Natalia Ivanovna Vlasenko, Cand. of Sc. (Philology)
South-West State University, Kursk, Russia
e-mail: natashavlasenko@yandex.ru

Ирина Анатольевна Толмачева, к. филол. н.
Юго-западный государственный университет, Курск, Россия
эл. почта: toirina@yandex.ru

Irina Anatolevna Tolmacheva, Cand. of Sc. (Philology)
South-West State University, Kursk, Russia
e-mail: toirina@yandex.ru

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ ПРИ УСВОЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Описаны результаты экспериментального исследования. Результаты выявляют особенности многоязычия иностранных студентов. Описаны связи, возникающие при усвоении повседневных слов и терминов.

Ключевые слова: идентификация слов, английский язык, русский язык, бирманский язык, единицы речи, экспериментальное исследование

MUTUAL LANGUAGE INFLUENCE ON LANGUAGE UNITS MASTERING

The results of an experimental study are described. The results reveal multilingualism features of foreign students. Connections arising in mastering of everyday usage words and terms were revealed.

Key words: word identification, English, Russian, Burmese, speech units, experimental research

Languages are in contact and are the result of centuries-old interaction of many languages. Each nation unconditionally has its own set of words, expressions, and terms. However, people also tend to borrow these linguistic and speech units from outside. Language interaction is also considered at the level of word identification or recognition. From the point of view of psycholinguistics, word identification is an interactive process of word meaning search. And in some cases, emotional-sensual search is a priority support for word identification.

An experimental study showed the need to consider multilingualism features. The first feature is conditions for mastering the second and the third (foreign) language. Participants of the experiment were Myanmar students getting higher education at South-west State University (Kursk, Russia). Their native language was Burmese, they mastered English in the conditions of bilingual Burmese culture (in which English is unofficially the second language) and they studied at school. These students studied Russian in an organized learning environment. The second feature is that the second (English) and the third (Russian) language differ structurally. In addition, cultures in which these languages are, are fundamentally different: the culture of native language represents the eastern type of culture, and the culture of the second and the third language is western. Another feature is the attitude to the learning process, characterized by the degree of responsibility, greater respect for teachers and a greater degree of motivation for real educational results compared to Russian students.

After this experimental study we concluded that specifics of mastering the second and the third foreign language affect connections that arise between Burmese, English and Russian words. We can say that the predominant type of reaction to stimuli words that were used in the study is the actualization of some visual image or action, as well as various reactions with an evaluation component. Thus, the ability of students to express their attitude to the phenomena that these words call.

The results of the study also showed that the connections between words related to the words of everyday usage and terms differ very significantly. For example: when doing a task for subjective definitions, subjective definitions were replaced by translation equivalents or associations. Another feature was absence of evaluation reactions.

The results indicate that the basis for identifying foreign-language words is the word in the language in which it was mastered. It can also be said that the connections between the words of everyday usage and terms are very different, and these differences are expressed in the absence of evaluative and graphic reactions and indicates the lack of support for the immediate sensual experience of an individual.

As a result of terms mastering based on the first foreign language, when learning the second foreign language, there are strong connections at the level of word forms; at the same time, there may be difficulties in explaining term´s meaning in its native language.

УДК 811.512.161’373.45
Надежда Викторовна Дардыкова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: n.dardykova@gmail.com

Nadezhda Viktorovna Dardykova, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: n.dardykova@gmail.com

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Проанализированы особенности употребления арабских заимствований в турецком языке. Выявлены основные тенденции их освоения.
Ключевые слова: арабские заимствования, лексическая вариативность, турецкий язык

ARABIC LOANWORDS IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE TURKISH LANGUAGE

Peculiarities of usage of Arabic loanwords in Turkish are analyzed. The main tendencies of their assimilation are revealed.
Key words: Arabic loanwords, lexical variability, Turkish

Наибольшее количество заимствований пришло в турецкий язык из арабского языка – не менее 6 тыс., согласно данным Турецкого лингвистического общества [1]. В нашей работе мы взяли перечень 600 наиболее часто встречающихся арабизмов [2], из которого методом сплошной выборки было отобрано 252 существительных. В перечень не вошли единицы религиозной сферы, типа *hac* ‘поломничество’ *ibadet* ‘поклонение’, *ibret* ‘наставление’. Целью работы стало выявление особенностей освоения арабизмов в лексической системе турецкого языка.

Степень освоения заимствований в целом зависит от степени их уподобления лексике принимающего языка и наличия семантической связи с языком-источником. При переходе на латинское написание все рассмотренные нами единицы прошли через графическое и фонетическое освоение, которые преимущественно заключались в адаптации к законам небно-губной гармонии: تَشَكُّر *teşekkur* ‘благодарность’→ *teşekkür* ‘благодарность’ – и появлении вставных гласных и согласных: طَوْر *tavr* ‘отношение, поведение’ → *tavır* ‘отношение, поведение’, فِكْر *fikr* → *fikir* ‘мысль’.

Адаптация, однако, не распространяется на случаи озвончения при добавлении аффиксов: *ceket* ‘куртка’ → *ceketim* ‘моя куртка’ (в исконно турецком слове произошел бы переход t → d), а также в единичных случаях проявляется в нарушении закона небной гармонии: *hal* ‘состояние’→ *halim* ‘мое состояние’.

В лексическом отношении проводимая в Турецкой Республике политика очищения языка от заимствований создает лингвистически интересную ситуацию, когда предложенные Турецким лингвистическим обществом субсти-

туты либо полностью заменяют арабизмы, либо, наоборот, сами оказываются вытесненными, либо конкурируют с ними. По результатам анализа корпусных данных с 2000 г. заметно, что число арабизмов, полностью вытеснивших турецкие единицы, в нашем материале является невысоким (7 %). Так, устойчивыми представляются названия лиц, работающих в хозяйственно-экономической (*kasap* ‘мясник’*, müteahhit* ‘подрядчик’), военной и юридической сферах (*hakem* ‘судья’, *katil* ‘убийца’, *mahkum* ‘осужденный’*, mağdur* ‘потерпевший’), медицинские термины (*kalp* ‘сердце’, *cilt* ‘кожа’, *ishal* ‘диарея’*, tedavi* ‘лечение’, *hücre* ‘клетка’), а также материальные понятия (*ceket* ‘куртка’*, çorap* ‘носок’*, eşya* ‘вещь’, *kibrit* ‘спичка’*, silah* ‘оружие’, *kalem* ‘ручка’*, kirtasiye* ‘канцтовары’) и абстрактные явления и состояния (*mizah* ‘юмор’, *kabul* ‘согласие’, *aşk* ‘любовь’, *hal* ‘состояние’).

Полностью или частично вытесненными (8 %) турецкими субститутами стали арабизмы, обозначающие группы людей (*ahfad* ‘род, следующее поколение’, *ağyar* ‘пришлые, другие люди’), а также принадлежность к группам, объединениям (*aza* ‘член’); единицы, относящиеся к эмоциональной и интеллектуальной сферам (*aksülamel* ‘реакция’, *elem* ‘горе’*, emel* ‘надежда’, *eza* ‘печаль’, *aciz/aceze* ‘слабость, зависимость’, *dimağ* ‘ум’, *feraset* ‘ум, понимание’, *müfekkire* ‘воображение’).

Во всех остальных арабизмы используются совместно с исконно турецкими единицами, различаясь частотой своего употребления, при этом более чем в половине случаев предпочтение отдается турецким лексемам: араб. *ahbap* ‘друг’ (96 вхождений) и тур. *arkadaş* ‘друг’ (3170 вхождений), араб. *imtihan* ‘экзамен’ (261 вхождение) и тур. *sınav* ‘экзамен’ (1077 вхождений), араб. *netice* ‘итог, результат’ (413 вхождений) и тур. *sonuç* ‘итог, результат’ (6003 вхождения). Кроме этого, наблюдаются случаи спецификации значения, когда, например, араб. *alet* ‘инструмент, приспособление’ используется для называния музыкальных инструментов и ремесленных орудий, а также механических и электрических приборов (например, пылесос), тур. *aygıt* ‘инструмент, приспособление’ обозначает совокупность связанных между собой частей или устройств, функционирующих как единое целое (например, аппарат вентиляции легких), а тур. *araç* ‘инструмент, приспособление’ используется для обозначения широкого круга понятий, начиная от технических устройств, заканчивая способами достижения цели или решения задачи.

Таким образом, арабизмы заняли свою нишу в лексической системе турецкого языка. При этом, большинство из них имеют исконно турецкие синонимы, что дает широкий простор для лексического дублирования и словотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Türkçe sözlük (2005)’teki sözlerin kökenlerine ait sayısal döküm // Türk Dil Kurumu. URL: http://www.tdk.gov.tr/TR/BelgeGoster.aspx?F6E10F8892433CFFAAF6AA849816B2EF1A46C5FBFA979D0C (accessed: 04.03.2023).

2. Çay İ. Türkçe-Arapça ortak kelimeler listesi // Academia. URL: https://www.academia.edu/12901945/Türkçe_Arapça_Ortak_Kelimeler_Listesi_التركية_و_العربية_بين_مشتركة_تستعمل_التي_الكلمات_جدول (accessed: 04.03.2023).

УДК 811.112.2’373:37.02
Ольга Геннадьевна Дедович, аспирант
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, Минск, Беларусь
эл. почта: olya-de@yandex.ru

Olga Gennadievna Dedovich, PhD Student
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
e-mail: olya-de@yandex.ru

ЭКСПАНСИЯ ИГРОВОЙ МЕТАФОРЫ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются наименования игр, исходные значения которых послужили базой для образования лингводидактических метафор. Устанавливаются сферы-мишени, определяются общие и специфические черты метафорических образов немецкого и русского языков.
Ключевые слова: метафора, игра, семантика, лингводидактика, функциональная грамотность, немецкий язык

EXPANSION OF THE GAME METAPHOR IN THE LINGUODIDACTIC SPACE

The names of games and game devices are considered, the initial values of which served as the basis for the formation of linguodidactic metaphors. The target spheres are established, the general and specific features of metaphorical images of the German and Russian languages are determined.
Key words: metaphor, game, semantics, linguodidactics, functional literacy, the German language

Игра как «стержневое качество человеческого бытия» является релевантной составляющей любой культуры [1, с. 155]. В постижении данного феномена метафора «оказывается своеобразной призмой, укрупняющей, подчёркнуто акцентирующей наиболее значимые для языковой картины мира смыслы» [2, с. 3]. Возникающие на базе исходного значения вторичные лексико-семантические варианты формулируют новое видение [3, с. 21–22], «перенося» игровые элементы в несвойственные им виды деятельности.

Целью исследования является выявление актуальных для немецкоязычного, российского и белорусского лингводидактического пространства игровых метафорических образов, определение их общих и специфических черт. Путем сквозной выборки из учебников по немецкому языку и немецкоязычных образовательных блогов отобраны игровые метафоры, посредством метафорического моделирования установлены сферы-доноры и сферы-мишени.

Основными отсылочными образами немецкоязычного корпуса являются вторичные номинации игр-головоломок (*пазл*, *мозаика, лабиринт*), детских игр (*йо-йо, конструктор, морской бой, прятки*), а также игр, в которых присутствует элемент случайности (*волчок, лотерея*). В российских и

белорусских учебниках по немецкому языку в качестве сферы-донора чаще всего выступают интеллектуальные и детские игры (*лабиринт, морской бой, пазл*, *прятки*).

Большинство совпадений метафорических образов характерны для лексической реципиентной зоны. В семантической плоскости обнаруживаются две противоположные позиции: 1) расположение каждого элемента в строго предусмотренном месте, единственно верное решение (*Wörter-Puzzle* ‘словарный пазл’, *Wörter-Labyrinth* ‘словарный лабиринт’, *Wortversteck* ‘словарные прятки’); 2) вариативность, возможность «достраивания» и «переконструирования» (например, *ABC-Baukasten* ‘алфавитный конструктор’).

В грамматической сфере-мишени в метафоризацию вступают композиты *Wortarten-Mosaik* ‘мозаика частей речи’, *Wörter-Schiffe* ‘словарные корабли’, *Kreiselsätze* (рандомный выбор элементов для построения предложения).

Реципиентная область чтения высвечивается сквозь призму игровой метафоры *пазл*: *Textpuzzle* ‘текст-головоломка’ («сложить» части текста в нужном порядке), *Lesepuzzle* ‘чтение-головоломка’: предполагает развитие функциональной грамотности учащихся в аспекте смыслового чтения и коммуникации (совместный поиск ответа на ключевой вопрос, аргументация решения). На развитие навыков мышления «высокого» порядка (анализ, синтез, оценка) ориентирована и продуктивная сфера-мишень: *Geschichtenlotterie* ‘лотерея рассказов’ (совместное планирование и написание рассказа), *Geschichtenkreisel* ‘волчок историй’ (придумывание и рассказ историй по кругу).

Наиболее рельефно игровая метафора представлена в области условных обозначений: в немецкоязычных учебниках задействованы образы игрушек *йо-йо* (*Wahlaufgabe* ‘задание по выбору’), *пазл* (самостоятельно дополнить правило).

Таким образом, сквозь призму вторичных номинаций интеллектуальных, детских игр и игрушек (*йо-йо*, *конструктор, пазл-элемент*) осмысливаются лингводидактические понятия. Большинство совпадений локализируется в лексической реципиентной области. В целевую зону условных обозначений игровые метафоры адресуются только в немецких учебниках. Полисеманты *пазл*, *лотерея*, *волчок* ориентированы на развитие функциональной грамотности учащихся в аспекте смыслового чтения и коммуникации.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с выявлением наиболее полного корпуса метафор, функционирующих в разноязычных лингводидактических пространствах с целью создания лексикографической базы данных для использования в образовательном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева Е. Л. Игра как уникальный феномен культуры // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7 (113). С. 150–155.

2. Мещанова Н. Г. Метафоры игры в русском языке (на материале образов театральной игры и азартной игры) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Самар. гос. ун-т. Самара, 2012. 21 с.

3. Старычонак В. Д. Семантычная прастора дзеясловаў беларускай мовы (на матэрыяле другасных намінацый) : манаграфія. Мінск : БДПУ, 2022. 316 с.

УДК 81’373

Ирина Владиславовна Дмитриева, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: diva206@mail.ru

Irina Vladislavovna Dmitrieva, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: diva206@mail.ru

Вероника Васильевна Павлова, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: pavlova.veronika.2@mail.ru

Veranika Vasilievna Pavlova, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: pavlova.veronika.2@mail.ru

Владислав Геннадьевич Тимоховцев, студент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: nomivladislav@gmail.com

Vladislav Gennadievich Timakhovtsev, Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: nomivladislav@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Определена номенклатура лексических единиц, осуществляющих номинацию атмосферных явлений в английском, русском и японском языках. Выявлена национально-языковая специфика ее частеречного состава, предлагается интерпретация выявленных фактов.

Ключевые слова: лексическая репрезентация, части речи, имя существительное, глагол, субстантивная репрезентация, глагольная репрезентация

LEXICAL REPRESENTATION OF ATMOSPHERIC PHENOMENA IN DIFFERENT LANGUAGES

The nomenclature of lexical units naming atmospheric phenomena in English, Russian and Japanese is identified and analyzed. A certain diversity of their part of speech reference in different languages is revealed and accompanied by the interpretation of linguistic facts.

Key words: lexical representation, parts of speech, noun, verb, substantival representation, verbal representation

В языковом пространстве носителей разных языков центральную область составляют средства вербализации явлений окружающей действительности, в том числе атмосферных погодных явлений. В естествознании к атмосферным явлениям относят видимое проявление сложных физико-химических процессов, происходящих в атмосфере: атмосферные осадки, туман, метель и т. д. («Большая советская энциклопедия»). Значение слов как частей речи предполагает, что номинация явлений осуществляется посредством имен существительных, при этом в лексических системах сопоставляемых языков также представлены средства вербализации соотносимых погодных процессов – глаголы с соответствующим метеорологическим значением.

Проведенный анализ данных толковых и тезаурусных словарей позволил выявить базовую номенклатуру лексических единиц, именующих основные погодные явления и процессы в английском, русском и японском языках. На данном этапе исследования общий список включает 49 лексических единиц английского языка, 47 лексем русского языка и 52 лексемы японского языка, что позволяет говорить о достаточно равномерной представленности данной денотативной области в лексических подсистемах разносистемных языков. Однако частеречная отнесенность и внутренняя организация данной группы лексических единиц в сопоставляемых языках демонстрируют определенные национально-языковые отличия в концептуализации атмосферных явлений.

Вполне ожидаемо в номенклатуре погодной лексики в трех языках преобладают имена существительные: 27 субстантивов в английском языке (55 %), 30 – в русском (64 %) и 44 (85 %) – в японском. Расхождение языков по количеству единиц, осуществляющих субстантивную репрезентацию атмосферных феноменов, и их доля в общем пласте погодной лексики конкретного языка указывают на более дискретизированную вербализацию данной области объективного мира в японском языке. Например, ветер представлен в японском языке несколькими несвязанными деривацией субстантивными лексемами: *kaze* ‘ветер’, *oroshi* ‘ветер с гор’, *kogarashi* ‘зимний ветер’, что принципиально отличается от положения дел в русском языке с лексемами *ветер – ветерок – ветрище*.

Существенные отличия обнаружены в номенклатуре глагольной лексики, обозначающей метеорологические процессы. Так, в английском языке отмечено 22 глагола (45 %), в русском – 17 (36 %), в японском – всего 8 (15 %). Это позволяет утверждать, что концептуальное разделение явления и соотносимого процесса наиболее эффективно происходит в английском языке и наименее репрезентативно в японском. В языковом плане это можно объяснить особенностью деривационных процессов в английском языке, высокой активностью конверсии как способа словообразования. Отдельно можно отметить наличие однокоренных пар имя существительное – глагол. Из рассмотренных 49 лексем английского языка 47 образуют однокоренные пары, в русском языке 38 лексем представляют деривационные пары, в японском языке было выявлено 5 одноосновных пар существительных и глаголов. Из этого следует, что в остальных случаях именование метеорологического процесса осуществляется не лексическими, а лексико-синтаксическими способами, которые и составляют дальнейшую перспективу исследования.

УДК 81’33’373
Ольга Валерьевна Донина, к. филол. н.
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
эл. почта: olga-donina@mail.ru

Olga Valerievna Donina, Cand. of Sc. (Philology)
Voronezh State Linguistic University, Voronezh, Russia
e-mail: olga-donina@mail.ru

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИДИОМОВ ПРИ ПОМОЩИ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ

В статье проводится сравнительный анализ методик, применяемых для определения близости языков и диалектов. Проведенное сопоставление позволило выявить, что при помощи веб-приложения GabMap можно эффективно сравнивать идиомы даже на небольшом массиве данных.
Ключевые слова: идиом, язык, диалект, диалектология, диалектометрия, разграничение языка и диалекта, дистанция Левенштейна

COMPARING LANGUAGES WITH THE HELP OF ONLINE TECHNOLOGIES

The article provides a comparative analysis of the methods used to determine the proximity of languages and dialects. The comparison made it possible to reveal that using the GabMap web application, languages and dialects can be effectively compared even on a small data set.
Key words: language, dialect, dialectology, dialectometry, language variation, Levenshtein distance

Вопрос, является ли некоторая языковая разновидность языком или диалектом, относится к одной из наиболее сложных проблем лингвистики, причем последствия разграничения могут выходить далеко за её пределы. Если строгого выбора в обозначении конкретной разновидности языка лучше избе-жать, лингвисты обычно используют термин идиом [1].

С развитием компьютерной лингвистики появляются новые методы, которые показывают большую чувствительность к определению разграничения языков и диалектов и могут значительно упростить работу лингвистов. Одной из проблем в разграничении идиомов является то, что многие варианты мало изучены. Поэтому цель данной работы — выяснить, возможна ли и насколько эффективна работа нового веб-инструмента GabMap, применяемого лингвистами для разграничения языка и диалекта, на основе малого количества данных. Для оценки эффективности работы этого инструмента произведено его сравнение с давно существующим и доказавшим свою результативность методом – с дистанцией Левенштейна [2].

В качестве исследуемых языков были выбраны романские языки – французский, испанский, итальянский, португальский и румынский. Выбор пал именно на эти языки, так как цель данной работы – проверить эффективность работы веб-приложения, а не разграничить идиомы, что будет проще сделать на основе ранее изученных идиомов.

В качестве анализируемого текста был использован набор из 23 слов: названий семи дней недели, двенадцати месяцев и четырех времен года. Эти слова были использованы, так как они есть в каждом из анализируемых

языков и являются одними из базовых слов романских языков, что делает их сравнение и анализ возможным. Выбранные слова также не имеют синонимов, что позволяет получить более точные результаты исследования.

Сопоставление результатов расчета дистанции Левенштейна вручную и вычисления дистанции Левенштейна при помощи программы GabMap показало, что коэффициент корреляции между этими данными очень высок и составляет 0,99. Небольшие различия могут быть связаны с тем, что при ручном подсчете в отличие от инструмента GabMap не учитывались диакритические знаки.

Для оценки эффективности применения рассматриваемых методов при небольшом объеме данных сравним полученные результаты с данными сервиса eLinguistics.net (Quantitative comparative linguistics. URL: http://www.elinguistics.net) – полностью компьютеризированной модели для сопоставительной лингвистики, количественная оценка языковых отношений в которой основана на базовом словарном запасе и генерирует автоматическую классификацию языков по семействам и подсемействам. Коэффициент корреляции между полученными нами данными на основе анализа 23 слов и данными из сервиса eLinguistics.net составляет 0,95, что говорит о высокой схожести этих показателей и, соответственно, об эффективности использования рассматриваемых методов для анализа близости идиомов даже на небольшом объеме данных.

Веб-приложение GabMap также позволяет проводить кластеризацию, визуализацию и построение карт на основе вводимых данных, что будет продемонстрировано в рамках доклада.

На основании изложенного выше можно сделать вывод, что веб-приложение GabMap предоставляет лингвистам широкий круг возможностей по изучению идиомов и позволяет облегчить работу лингвиста, автоматизируя процесс анализа данных. Этот ресурс позволяет изучать идиомы в том числе при отсутствии представительных массивов данных, что дает возможность ученым-лингвистам исследовать малоизученные идиомы и сравнивать малоресурсные языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : БРЭ, 2002. 709 с.

2. Левенштейн В. И. Двоичные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов // Доклады Академии наук СССР. 1965. Т. 163, № 4. С. 845–848.

УДК 81’373

Татьяна Александровна Козлова, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: kazlovatatsianalex@gmail.com

Tatsiana Alyaksandrauna Kazlova, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: kazlovatatsianalex@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАИМЕНОВАНИЙ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ

На основе анализа этимологии и функционирования наименований моральных качеств устанавливается, что существует взаимосвязь между указанием на соматизмы как этимоны и способностью наименований моральных качеств характеризовать части тела человека.

Ключевые слова: наименования моральных качеств, семантика, семантическое развитие, соматизм, этимология

SEMANTIC TRANSFER OF THE NAMES OF DENOTING MORAL QUALITIES

Based on the analysis of the etymology of the names denoting moral qualities and their functioning in the text, the relationship between the indication of somatisms as etymons and the ability of the names denoting moral qualities to characterize parts of the human body is established.

Key words: names denoting moral qualities, semantics, semantic transfer, somatism, etymology

При познании окружающей действительности человек в качестве способа манифестации знаний о мире использует сведения о себе, что проявляется в значительном количестве языковых единиц, отсылающих к описанию человека. Данная особенность обнаруживается при исследовании семантики наименований моральных качеств и проявляется во взаимодействии данных единиц с наименованиями частей тела.

Установление влияния семантики соматизмов на семантическое развитие наименований моральных качеств определяется на основании данных этимологических словарей английского, белорусского и русского языков, а также национальных корпусов рассматриваемых языков с применением методов анализа данных этимологических словарей и анализа контекстного употребления лексем.

В соответствии с данными этимологических словарей наименования моральных качеств восходят к наименованиям следующих частей организма человека: сердце (*heartfulness* ‘сердечность’, *міласэрнасць*, *сердобольность*), кровь (*bloodiness* ‘кровожадность’, *крыважэрнасць*, *кровожадность*), лицо (*double-facedness* ‘двуличие’, *двуличность*), хребет (*бесхрыбетнасць*, *бесхребетность*), тело (*мяккацеласць*, *мягкотелость*) и плоть (*чистоплотность*), язык (*злоязычность*), кожа (*callousness* ‘чёрствость’), щека (*cheekiness* ‘нахальность’), бровь (*effrontery* ‘наглость’), веко (*superciliousness* ‘высокомерие’), пята (*recalcitrance* ‘непокорность’), кулак (*close-fistedness* ‘прижимистость’), кисть (*open-handedness* ‘щедрость’).

Тезис о необходимости обращаться к этимологии слова для выявления его значения, особенностей контекстного употребления на синхронном срезе находит подтверждение при исследовании семантики наименований моральных качеств, поскольку при функционировании в тексте у слова актуализируются те компоненты значения, которые не вычленимы на основании словарных дефиниций. Данные минимальные единицы знания не возникают в тексте, а проявляются вследствие наличия у слова «исторического прошлого».

Функционирование наименований моральных качеств в художественной прозе второй половины XX века позволяет установить, что рассматриваемая

лексика способна именовать не только нравственные характеристики, но и качественные свойства частей тела человека. Наиболее частотным является их функционирование при описании лица и глаз человека: *a* ***face*** *of great* ***kindness*** *and* ***dignity*** ‘букв. лицо большой доброты и достоинства’ (G. Greene. A Burn-Out Case), ***eyes*** *project* ***honesty*** ‘глаза излучают честность’ (C. Brayfield. The Prince); ***твар,*** *які дыхаў* ***ціхамірнасцю*** *і лагодаю* (М. Гіль. Кім і Валерыя), ***Вочкі,*** *востранькія, з* ***хітрынкай*** (Л. Гаўрылкін. Зямля дзяцей нашых), ***вочы*** *проста шалёныя* ***адвагаю*** (І. Мележ. Завеі, снежань); *пышущее* ***старательностью лицо*** (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей), ***глаза*** *горят* ***жадностью*** (В. Астафьев. Последний поклон) и др.

При этом наименования моральных качеств употребляются и для характеризации других частей тела: *her* ***shoulders*** *attempted a shrug of* ***indifference*** ‘она словно пожала плечами от безразличия’ (B. Neil. The Possession of Delia Sutherland), *she just did it out of the* ***goodness*** *of her* ***heart*** ‘она сделала это по доброте своего сердца’ (L. R. Reid. The L-Shaped Room); ***пыха*** *ў* ***губах*** (В. Адамчык. Чужая бацькаўшчына); ***щедрость сердца*** (Л. Леонов. Русский лес), ***скупость сердца*** (Г. Полонский. Я тебя слушаю), ***жадность ноздрей*** (Е. Маркова. Чужой звонок) и др.

Таким образом, способность наименований моральных качеств обозначать не только нравственные характеристики, но и свойства частей тела человека обусловлена историческим прошлым слова, его этимологией. Представленное положение подтверждается сочетаемостью наименований моральных качеств с лексическими единицами, характеризующими другие лексико-семантические области (наименования явлений природы, животных, профессий человека, его чувств и эмоций и др.). При этом перспективным, на наш взгляд, является исследование рассматриваемого тезиса в преломлении теории В. Г. Гака об иррадиации синонимов, так как способность сочетаться с соматизмами характерна для наименований моральных качеств, этимологически восходящих к тематически различным этимонам.

УДК 811’111’25’33

Даниил Алексеевич Коптев, студент
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: koptevdanbusines@outlook.com

Daniil Alekseevich Koptev, Student
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: koptevdanbusiness@outlook.com

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ УСТНОГО И МАШИННОГО ПЕРЕВОДА КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДИКАТИВОМ *НЕОБХОДИМО* НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Работа посвящена анализу стратегий устного и машинного перевода модальных конструкций с предикативом *необходимо*. Выделяются две основные стратегии перевода этих конструкций, представлены их уточненные описания.

Ключевые слова: корпус, устный перевод, машинный перевод, модальность, необходимо

CORPUS-BASED RESEARCH OF RUSSIAN-TO-ENGLISH INTERPERTING AND MACHINE TRANSLATION STRATEGIES OF CONSTRUCTIONS WITH THE PREDICATIVE *НЕОБХОДИМО* (NEOBHODIMO, NECESSARY)

The paper deals with the analysis of interpreting and machine translation strategies for modal constructions with the predicative *neobhodimo* (necessary). This study identifies two main strategies for translating these constructions and presents their refined descriptions.

Key words: corpus, interpreting, machine translation, modality, neobhodimo (necessary)

Актуальность работы определяет наличие общего интереса к таким темам, как: устный перевод, машинный перевод, корпусные методики. В последнее время возросла актуальность подобных исследований, однако тема данной статьи прежде не служила предметом исследования.

Методику исследования составили контекстный, дистрибутивный и сопоставительный анализ, с помощью которых были изучены стратегии перевода конструкций с исследуемым словом в русско-английском устном переводе, его валентные связи, контексты употребления.

Материалом исследования послужили 150 примеров использования конструкций с исследуемой лексической единицей и их перевод из транскриптов записей устного перевода публичных выступлений, взятых из YouTube-каналов Президента РФ, МИД РФ, ООН, CNBC News, а также их переводы из системы машинного перевода (МП) Google Переводчик.

При исследовании семантики языковой единицы *необходимо* в устных контекстах были получены следующие данные.

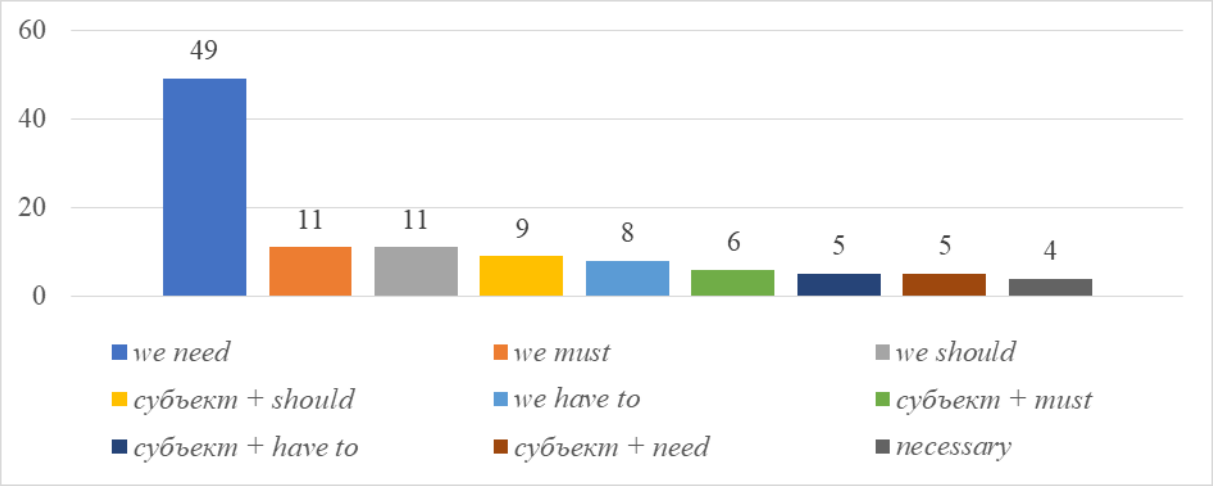
1. Слово *необходимо* сочетается с местоимением *нам* (20 вхождений) – в 10 случаях *нам необходимо* передается как *we need*, 5 раз как *we should*, и 2 как *we must*. Применение цифровой технологии (сервиса Google Переводчик) позволило установить, что для перевода фразы *нам необходимо* МП предлагает вариант *we have to*, что является единичным вариантом перевода данного сочетания в исследовательском корпусе. Далее произведено сравнение вариантов перевода контекстов с фразой *нам необходимо*. Во всех 20 вариантах перевода система МП выбрала вариант *we need*, т. е. совпали переводы 10 контекстов из 20 (50%).

2. Слово *необходимо* сочетается с глаголами (глагольными конструкциями) со значением оказания поддержки, помощи путем создания чего-либо – 30 вхождений. Обнаружено, что у данной конструкции присутствуют несколько выраженных доминант перевода – глаголы *need, should, have to*, а также конструкция *it is necessary* для МП. При этом Google Переводчик предлагает только три варианта перевода – *need* (9 вхождений), *must* (4 вхождения) или *it is necessary* (17 вхождений). Обнаружено, что в переводах с *it is necessary* оригинальные предложения не содержат подлежащего, относящегося к исследуемому слову. Переводчики в подобных предложениях зачастую используют местоимение *we* (12 вхождений).

Использование глаголов *need* и *must* зависит от структуры изначального предложения. Если в оригинале используется конструкция *нам необходимо*, то в переводе будет конструкция *we need*; если в оригинале используется конструкция *что необходимо (с)делать*, то в переводе будет использована

конструкция *what needs to be done* (***Что необходимо сделать*** *для стимулирования инвестиций? –* ***What needs to be done*** *to stimulate investment?*).

Всего в ходе исследования обнаружено 38 вариантов перевода конструкций с исследуемым словом, 21 из них встречаются по одному разу. Наиболее частотные варианты перевода показаны на диаграмме (рисунок).



Варианты перевода конструкций со словом **необходимо**

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам. Перевод предложений с предикативом *необходимо* во многом зависит от контекста и возможности восстановить субъект. При переводе рекомендуется:

1) использовать местоимение *we* и подходящий глагол: *need, should, must* или *have to*;

2) восстановить субъект и использовать глагол *need, should, must*, *have to*.

УДК 81’23

Наталия Александровна Лаврова, д. филол. н.
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
эл. почта: n.lavrova@inno.mgimo.ru

Nataliya Alexandrovna Lavrova, Dr of Sc. (Philology)
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

ОСОБЕННОСТИ ИКОНИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ЯЗЫКЕ
(на материале разноструктурных языков)

Представлены результаты изучения различных типов иконических знаков в языках мира. Показано, что язык стремится к сохранению изоморфных, мотивированных знаков, обслуживая такие функции, как мнемоническая, игровая, экспрессивная и оценочная.

Ключевые слова: иконические знаки, изоморфизм, мотивированность, разноструктурные языки

ICONIC REPRESENTATION OF EXTRALINGUISTIC REALITY
(based on typologically different world languages)

The article dwells on different types of iconic sings in typologically diverse world languages. Research results revealed that language strives to retain isomorphic iconic signs, which is in sync with such language functions as mnemonic, ludic, expressive and evaluative.

Key words: iconic signs, isomorphism, motivation, typologically different languages

Цель исследования – проанализировать основные способы кодирования в языке неязыкового содержания с помощью иконических знаков. Основными методами послужили структурный, семантический, описательный и компонентный анализ.

Материалом послужили примеры языковых знаков (слов, словосочетаний и предложений), отобранных методом стратифицированной выборки из научных, образовательных, методических и дидактических публикаций, посвященных различным аспектам языков мира, представленных такими языковыми группами, как германская (английский), кельтская (валлийский) славянская (русский, болгарский), романская (румынский) и другие (индонезийский, баскский, науатль). **Гипотеза** исследования заключается в том, что несмотря на общее направление языкового семиозиса от мотивированного знака к знаку немотивированному, будучи саморегулирующейся динамической системой, язык стремится сохранить определённое количество иконических знаков, при этом данная тенденция носит универсальный характер.

Результаты обнаружили, что иконические знаки обслуживает такие языковые функции, как мнемоническая, игровая, экспрессивная, эмотивная и оценочная. Основными стратегиями отражения иконичности в языке оказались следующие.

1. Ономатопея: ср. болг. *бърборя* ‘бормотать’, *гъргоря* ‘булькать’, *църцоря* ‘вытекать струйкой’, *пърпоря* ‘потрескивать’, англ. *to wheeze*, *to smash*, *to buzz*, рум. *a mormăi* ‘рычать’, ‘бормотать’, *a sâsâi*, *a fâsâi* ‘шипеть’ (о гусе), *a şuiera* ‘шипеть’ (о змее).

2. Порядок слов и вставка компонентов (как правило, функциональных частей речи): *I taught Greek to Harry* v.s. *I taught Harry Greek*, крышка стола – крышка от слова, *a pan and a lid, a cup and a saucer, a big red bus,* валлийск. *bws coch mawr* (‘bus red big’), *a pretty little white house*, баскс. *exte zuri txiki polit bat* (‘house white little pretty a’).

3. Временные формы: англ. ‘What was your name, please?’, болг. ‘Какво беше името ви?’

4. Аблаутные чередования: *ding-dong, ping-pong, pitter-patter, tic-tac-toe*, *flick-flack*.

5. Лексическая и грамматическая деривация:

• Род: др.сканд. *land* (страна, ср. род) – *landi* (житель страны, м.р.), болг. *зъболекар(ка) ‘женщина-дантист’, аптекар(ка) ‘женщина-аптекарь’, рум. prieten – prietenă* ‘подруга’*, elev – elevă* ‘ученица’*, verișor – verișoară* ‘двоюродная сестра’.

• Число*:* валлийск. *colled* ‘потеря’ – *colledion* ‘потери’, *llwyddiant* ‘успех’ – *llwyddiannau* ‘успехи’, болг. *вятр* ‘ветер’ – *ветрове* ‘ветры’, чичо ‘дядя’ – чичовци ‘дяди’, англ. *dog* – *dogs*, русск. *мост* – *мосты,* рум. *stea*

‘звезда’ – *stele* ‘звезды’, *pix* ‘ручка’ – *pixuri* ‘ручки’, *om* ‘человек’ – *oameni* ‘люди’.

6. Атипичные звуковые и графемные сочетания: баскск. *matzar* ‘кривой’, *matxar* ‘деформированный’, *mazkaro* ‘грязный»’, *moxkor* ‘нетрезвый’, *mixkiri* ‘завистливый’, *mukur* ‘неуклюжий’, *mutxin* ‘злой’.

7. Редупликация: науатль *tza-tzahtzi* ‘кричать’ (о нескольких субъектах), *noh-nōtza* ‘официально просить руку невесты’ (от *nōtza* ‘звать’), *o-ki-moh-mōtla-keh ika tetl* ‘бросание камней’ (с промежутками), *a-altepe-yoh* ‘место с большим количеством городов’ (от *altepe-yoh* ‘место где есть города’), *wē-wetzka* ‘смеяться’ (от *wetzka* ‘улыбаться’), *nō-nōtza* ‘приставать к женщине’ (от *nōtza* ‘говорить’), *mī-miston* ‘чучело кошки’.

В языке как в саморазвивающейся системе действуют как центростремительные, так и центробежные силы. Иконические знаки представляют собой результат действия первой, т. е. центростремительной силы, благодаря которой слова и выражения сохраняют мотивированность, а значит изоморфизм между лингвистическим и экстралингвистическим значением. Перспективы исследования связаны с инвентаризацией универсальных и уникальных иконических знаков, а также с классификацией иконических знаков в жестовой коммуникации.

УДК 81’373.21

Владимир Юрьевич Лепилов, студент
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: vladimir.lepilow@yandex.com

Vladimir Yuryevich Lepilov, Student
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: vladimir.lepilow@yandex.com

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ НОМИНАЦИИ СТАНЦИЙ МЕТРО МОСКВЫ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛОНДОНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В работе сравниваются принципы номинации станций метрополитена Москвы, Санкт-Петербурга и Лондона. Выявлены тренды номинации метронимов, связанные с происходящими в странах изменениями и с географическими, историческими факторами.

Ключевые слова: семиотика города, названия станций метро, принципы номинации, метро Москвы, дискурс власти

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NOMINATION PRINCIPLES OF MOSCOW, ST. PETERSBURG, AND LONDON METRO STATIONS FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE

The paper compares the nomination principles of metro stations in Moscow, St. Petersburg, and London. Trends in the nomination of metronyms associated with both ongoing national changes and geographic, historical factors have been identified.

Key words: city semiotics, metro station names, nomination principles, Moscow metro, discourse of power

Городское пространство представляет собой не только определённую местность или совокупность людей, проживающих в некотором районе. Город и его семиотика – это совокупность пространства, истории и текстуальности, сформированных на протяжении многих лет под влиянием лингвокультурных процессов и сопутствующим им историческими обстоятельствами. Симбиоз визуального и языкового кода в названии городских объектов направлен на отражение социальных процессов и усиленно воздействует на реципиентов.

Анализ принципов номинации уже служил предметом исследований. Так, топонимия Москвы рассматривалась в ряде работ (Г. Л. Смолицкая, М. В. Горбаневский), однако они фокусируются на улицах, площадях, тогда как топонимика станций метро в данных работах не получила исчерпывающего описания. Похожий анализ топонимии проведён в работах по Санкт-Петербургу (М. А. Гущина) и Лондону (Л. Н. Давлеткулова), а также, с учётом исторической перспективы, по Парижу (О. А. Сулейманова, Д. Д. Холодова). Цель данного исследования заключается в компаративном анализе принципов номинации станций московского, петербургского и лондонского метро в исторической перспективе.

Анализ состоял из нескольких этапов. На первом создавалась эмпирическая база исследования на основе официальных сайтов метрополитена Москвы, Санкт-Петербурга и Лондона. Объём выборки составил 592 единицы (250 названий метро Москвы, 72 Санкт-Петербурга и 270 Лондона). Далее рассмотрены проектные и изменённые названия станций, определена их этимология. В ходе этого этапа использовались официальные сайты метрополитенов, интернет-проект «Наш Транспорт», топонимический портал Санкт-Петербурга, английская версия Wikipedia. Названия были разделены как согласно исторической периодизации, так и по определённым принципам: по географическим объектам, в честь известных деятелей культуры, исторических личностей и в честь исторических событий. На следующем этапе определено количество топонимов в каждой категории и проведено сравнение получившихся статистических результатов.

В ходе исследования получены следующие результаты. Наименования станций метро Москвы напрямую отражали изменения в восприятии идеологии гражданами в каждый из исторических периодов. В ходе анализа было выделено 4 периода: в первых двух (1935–1945; 1946–1960) использовались топонимы, связанные с революцией и восхвалением партийных деятелей. Впоследствии географический принцип номинации станет преобладающим в последних двух периодах (1961–1991, 1992–2023), а метронимы, связанные с идеологией, получат новые названия. В Санкт-Петербурге метронимы были меньше подвержены идеологии, основным фактором наименования стал географический, с совмещением данного принципа с номинацией по именам культурных и научных деятелей. В топонимике метро Петербурга также отмечено использование принципа «розы ветров». Принцип номинации метронимов Лондона отличается от предыдущих городов: так, выявлено отсутствие определённых категорий

номинации (связь с Второй мировой войной, идеологией) и использование географического принципа в связи с принципом практичности.

Данное исследование позволило не только выполнить поставленную цель – выявить основные принципы номинации в метро разных городов-милли-онников, но и предложить универсальный принцип: совмещение географи-ческого принципа с историческим и культурными принципами, что позволит сохранить культурное и общественное достояние города. Перспективами исследования является дальнейшее изучение принципов номинации на материале других городов и создание интерактивной карты метрополитена, содержащей этимологию каждого метронима.

УДК 811.111’37’25’33

Залина Зелимхановна Магомедова, студент
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: magomedovzz975@mgpu.ru

Zalina Zelimhanovna Magomedova, Student
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: magomedovzz975@mgpu.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗИМНИХ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И ИХ ПЕРЕДАЧА В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

В исследовании рассматриваются вопросы, связанные с концептуализацией зимних природных явлений в русской и английской языковых картинах мира и переводом русских слов, репрезентирующих зиму, на английский язык.

Ключевые слова: семантика, языковая картина мира, репрезентация зимы, стратегия перевода, концептуализация зимних природных явлений

CONCEPTUALIZATION OF WINTER FORCES IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLD VIEW AND THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH

The study focuses on the conceptualization of winter forces in the Russian and English linguistic world view and translating Russian winter elemental discourse into English.

Key words: semantics, linguistic world view, representation of winter, translation strategy, conceptualization of winter forces

Целью исследования является выявление стратегий перевода языковых единиц, репрезентирующих зиму, на английский язык. Неучет межкультурных различий в концептуализации зимних природных явлений в русской и английской языковых картинах мира может привести к неадекватному переводу и недопониманию со стороны англоязычного общества.

Материалом исследования послужили примеры употребления и перевода исследуемых языковых единиц из Национального корпуса русского языка в

количестве 2 487 предложений; данные сервиса Books Ngram Viewer системы Google; данные современных русско-английских словарей (Collins Russian Dictionary, «Русско-английский словарь» В. К. Мюллера); примеры перевода, предложенные машинными онлайн-переводчиками Reverso Context и Multitran.

Методика исследования определялась целью исследования и поставленными задачами. На первом этапе посредством корпусного анализа (search engine) создавалась эмпирическая база исследования – отбирались примеры перевода выбранных языковых единиц на основе двуязычного поиска Национального корпуса русского языка. В работе используется и метод компонентного анализа, посредством которого была получена более исчерпывающая информация о толковании и значениях исследуемых слов. Далее проводился анализ частотности употребления исследуемых языковых единиц посредством сервиса Books Ngram Viewer системы Google.

Анализ концепта *Зима* в русской и английской языковых картинах мира позволяет сделать вывод, что в англо- и русскоязычном восприятии зимы есть как общие, так и совершенно различные черты. Климатические условия России и в связи с этим потребность русского общества конкретизировать род и характер зимних природных явлений привели к появлению многочисленных слов для их обозначения, у которых нет прямых эквивалентов в английском языке. Это приводит к тому, что между единицей языка оригинала и языка перевода могут возникать метонимические соотношения типа генерализации, то есть расширения понятия. Подобная замена понятия, основанная на принципе неслучайной связи, наблюдается в примерах, где словами *snow* и *wind* переводятся названия таких природных явлений как *метель, пурга, поземка, буран* и *вьюга* (*Ему вторила метелица, а человек то громко завывал, то говорил шепотом. – 'The wind howled in answer, but the man chanted on'*).

Изученные нами примеры позволяют сделать вывод, что метонимический перевод обеспечивает адекватную передачу исследуемых языковых единиц, только если в рамках заданного контекста нет необходимости сохранения всех смысловых компонентов данного слова. Если же речь идет, например, о переводе текстов из области географии или метеорологии, когда переводчику необходимо передать полное и точное значение слова и он не может прибегнуть к генерализации, используется прием описательного перевода: например, *поземка – 'low drifting snow', 'blowing snow', 'snow blankets the land'*.

В перспективе будут разработаны варианты перевода исследуемых языковых единиц для лексикографических источников. Данная работа также может быть использована в практике создания толковых словарей, интернет-словарей, при разработке корпусов текстов.

УДК 81’42’25’33
Анна Владимировна Рубцова, д. педагог. н.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: rubtsova_av@spbstu.ru

Anna Vladimirovna Rubtsova, Dr of Sc. (Pedagogy)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
e-mail: rubtsova_av@spbstu.ru

Наталия Эдуардовна Аносова, к. педагог. н.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: anosova_ne@spbstu.ru

Natalia Eduardovna Anosova, Cand. of Sc. (Pedagogy)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
e-mail: anosova_ne@spbstu.ru

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

Проанализированы характерные особенности дискурса аудиовизуальных произведений в контексте перевода на русский язык. Выявлены основные переводческие трудности при переводе сериалов и видеоигр и определены дальнейшие направления исследований.

Ключевые слова: аудиовизуальное произведения, дискурс, аудиовизуальный перевод, псевдоустность

SPECIFIC FEATURES OF AUDIOVISUAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF TRANSLATION

The characteristic features of audiovisual discourse are analyzed in the context of translation into Russian. The main translation difficulties in the translation of TV series and video games are revealed and further research areas are outlined.

Key words: audiovisual discourse, audiovisual translation, pseudoorality

Целью исследования является описание культурно-специфических особенностей дискурса аудиовизуальных произведений и выявление способов предотвращения переводческих ошибок, вызванных трудностями перевода сериалов и видеоигр.

Методы исследования включают общенаучные методы описания и сравнительно-сопоставительного анализа перевода текстовых фрагментов аудиовизуальных произведений. Материалом для исследования являются фрагменты перевода на русский язык сериалов и видеоигр.

Современные передовые криптографические технологии, такие как NFT (англ. *non-fungible token* – уникальный токен), позволяют оцифровывать музыкальные произведения, кинопродукцию, предметы изобразительного искусства, способствуя созданию однородной техногенной цивилизации современности. При этом растет спрос на качественный аудиовизуальный перевод, который может вызвать значительные трудности в связи с наличием диалектизмов, архаизмов, каламбуров и культурных реалий в дискурсе аудиовизуальных произведений.

Аудиовизуальный текст является комбинацией устной и письменной речи. Эта особенность текста называется *псевдоустностью* (*pseudoorality*). Одной из задач переводчика аудиовизуальных произведений является воссоздание текста в его псевдоустном варианте на языке перевода, передача спонтанности устной речи, звучащей в оригинале, проявляющейся через определенные фонетические, синтаксические, лексические, грамматические свойства. Сочетание двух форматов перевода (перевод под дубляж и перевод под субтитры) для обеспечения псевдоустности становится дополнительной сложностью в работе переводчика аудиовизуальных произведений.

Сложность для переводчика также представляют правила цензуры, которые могут быть разными в разных странах. В некоторых случаях бывает очень сложно подобрать прямое словарное соответствие, сохранить прагматику высказывания и соблюсти литературную норму. Несоответствие лексических возможностей английского и русского текста может быть препятствием для достижения контекстуальной целостности при переводе.

В аудиовизуальных произведениях научно-фантастической тематики нередко используются артланги – искусственные языки, специально созданные для художественных произведений. Артланги встречаются в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена («Властелин колец»), Пола Фроммера («Аватар») и других авторов. В сериалах, в особенности ситкомах, присутствует большое количество элементов юмора, шуток с использованием реалий, ономастики или аллюзий, принципиальных для понимания аудиовизуального произведения. Переводчику необходимо учитывать разницу в тематических предпочтениях шуток и национально-культурном чувстве юмора. В ходе исследования были проанализированы фрагменты официального перевода сериала «Абсолютная власть» от телекомпании РТР и ситкома «Теория большого взрыва» от студии «Кураж-Бамбей», выявлены основные переводческие трудности и способы их преодоления.

УДК 811.111’37’25’33
Алина Марсовна Секамова, магистрант
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
эл. почта: sekamovaam@mgpu.ru

Alina Marsovna Sekamova, MA Student
Moscow City University, Moscow, Russia
e-mail: sekamovaam@mgpu.ru

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ЛИЧНЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривае семантика лексической единицы *личный* в русском и английском языках, различия в их значениях и особенности употребления, определяемые этими различиями.

Ключевые слова: семантика, категория посессивности, семантический эксперимент, корпусный анализ

COMPARING SEMANTICS OF THE ADJECTIVES WITH THE GENERAL MEANING «PERSONAL» IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The paper covers the semantics of the Russian and English adjectives conveying personal space, the differences in their meanings and their occurrence in speech.

Key words: semantics, category of possessiveness, semantic experiment, corpus analysis

Семиосфера внутреннего мира человека и феномен языковой личности неоднократно освещались в отечественной лингвистике (см. работы Л. И. Богдановой, Т. В. Лариной, К. С. Ращупкиной), а проблема языковой лич-ности и интерпретация категории «посессивность» до сих пор находится в фокусе внимания современной лингвистической науки.

В качестве первоисточника лингвистических данных для настоящего исследования использовался НКРЯ; в строку поиска заносилась лексема *личный* (без логического оператора «», чтобы вывести результаты с различными словоформами, например: *личный, личного, личное, личному*). В качестве «коллективного информанта» были выбраны системы Яндекс (для русского языка) и Google (для английского языка).

Исследование позволило выявить следующие переводческие решения в русско-английском переводе, а именно:

а) опущение прилагательного в переводе (***личная** встреча* – ***a meeting***).

Решение обусловлено тенденцией к экономии лексических средств в английском языке, а также окружающим контекстом, не требующим вносить дополнительную информацию в виде уточняющего прилагательного *personal*.

б) метонимический перенос (перегруппировка семантических компонентов) (*получение **личной** выгоды от президентской должности* – ***his profiting from the presidency***);

в) использование прилагательного *own* с добавлением притяжательного местоимения (***личная** жизнь* **– *her own** life*).

Решение обусловлено семантической структурой прилагательного *личный*, в котором сфера посессивности Х-а затронута непосредственно и часто сопровождается именем деятеля.

г) использование прилагательного *private* (***личное** добро* – ***private** property*).

В подобных словоупотреблениях между деятелем X и упоминаемым объектом Y установлены посессивные отношения «владелец ↔ его собственность» (*private – 1*) [1, с. 204].

д) использование прилагательного *individual* (***личные*** *вкусы* – ***individual*** *quirks*).

Чаще всего в подобных случаях речь идет о вкусах, свободе, делах и судьбе конкретного человека (*an individual*).

е) использование прилагательного *personal* (***личный*** *вкус* – ***personal*** *taste*).

Описываемые объекты являются неотъемлемыми составляющими пространства посессивности индивида, позволяющими представить личностную характеристику X-а.

Отметим, что приведенные переводческие трансформации всегда обусловлены семантикой лексем ИЯ и ПЯ, а также окружающим контекстом.

Перспективы данного исследования заключаются в возможности расширения представлений о личном пространстве индивида и категории посессивности в двух языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Секамова А. М. Концептуализация личного пространства индивида в естественном языке // В многомерном пространстве современной лингвистики : сб. работ молодых учёных / отв. ред. О. А. Сулейманова, сост. К. С. Карданова-Бирюкова. М., 2021. С. 200–206.

УДК 811.1'37

Владислав Андреевич Серов, аспирант
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
эл. почта: vladserov1805@mail.ru

Vladislav Andreevich Serov, PhD Student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: vladserov1805@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ НОМИНАЦИИ ПУНКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Выделяются особенности развития системы средств номинации пунктов общественного питания. Приводятся пути развития системы данных средств на материале русского, английского и французского языков: *1) создание собственно нового слова; 2) трансноминации; 3) расширение объема семантики слова.*

Ключевые слова: номинативное поле, лексикология, номинация, семантические инновации

SPECIFITIES OF CATERING POINTS NOMINATION DEVELOPMENT IN RUSSIAN, ENGLISH AND FRENCH

The paper deals with the specifics of catering points nomination development. The author singles out ways of developing catering nomination means in Russian, English and French. They include: *1) creation of a new word proper; 2) transnominations; 3) widening of word semantics.*

Key words: nominative field, lexicology, nomination, semantic innovations

Гипотеза исследования заключается в том, что в системе номинаций предприятий общественного питания преобладают заимствования из разных языков. При этом собственно новые слова с новыми значениями соседствуют с расширением семантики существующих слов.

Предложенная гипотеза основывается на традициях лексикологии как раздела языкознания, имеющего свои цели и методы научного исследования. В целом, проводимое исследование отражает основную задачу современной лексикологии – изучение и систематическое описание лексики в аспекте ее происхождения, развития и современного употребления.

Тенденции в современных научных поисках пополнения словарного состава языка доказывают, что данное направление исследований нуждается в четком определении своих границ, поскольку одной из характерных особенностей появление новых слов и значений считается их функционирование в дискурсе, а не в языке, до той поры, пока они не зафиксированы в словарях.

Появление нового слова или нового значения существующего слова является результатом борьбы двух тенденций – развития языка и его сохранения, поскольку для того, чтобы наиболее адекватно отразить в языке новые явления действительности, ему необходимо перестраиваться, порождать новые единицы.

Возьмем для примера лексему *ресторан*, этимология которой восходит к французскому языку. Лексема образована, согласно словарю Г. А. Крылова, от французского слова *restaurant*. Такой же путь, согласно этимологическому словарю Etymoonline, прошла лексема с данной семантикой и в английском языке. Во французском же языке единица образовалась аффиксальным способом от глагола *restaurer* ‘восстанавливать силы’. Во всех случаях можно признать, что данные лексемы прошли путь неологизации.

Лексическая единица *кафе*, согласно словарю М. Фасмера, заимствована из французского языка от слова *cafe*. Тем же путем, согласно «Оксфордскому словарю», лексема попала и в английский язык. Во французский же язык данная лексема, согласно CNRTL, пришло в шестнадцатом веке и образовалась от латинского *caoua*, изначально обозначая ‘graine de cafeier, infusion de cafe torrefie et moulu’. Позднее семантика лексемы расширилась до современного значения, то есть ресторана, где можно заказать чай, кофе, закуски и прочее.

Лексема *бар*, согласно словарю Н. М. Шанского, заимствована в начале двадцатого века из английского языка. Отмечается, что английское слово *bar* восходит к французскому *barre* ‘барьер’. На то же указывается и в Oxford Dictionary of English Etymology, где зафиксирована расширяющаяся со временем семантика, то есть произошла семантическая деривация. Семанти-

ческая деривация произошла и во французском языке. Так, согласно онлайн словарю Usito, этимология лексемы *le bar* восходит к двенадцатому веку, к средненидерландскому языку, обозначая вид рыбы. Таким образом, в русском языке данная лексема появилась как новое слово с новой семантикой, тогда как в английском и французском мы видим пример развития семантического объема слова.

Результаты исследования демонстрируют, что в процессе номинаций предприятий общественного питания преобладают собственно заимствованные новые слова, актуализирующие новую семантику, но встречаются и случаи семантического расширения существовавшего слова.

УДК 811.1’42:004.738.5

Наталия Борисовна Смольская, к. филол. н.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
эл. почта: smolskaya_nb@spbstu.ru

Natalia Borisovna Smolskaia, Cand. of Sc. (Philology)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
e-mail: smolskaya_nb@spbstu.ru

КОМИЧЕСКОЕ В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Проанализированы основные интернет-жанры, в текстах которых реализуется комический эффект. Выявлены основные приемы и лингвостилистические средства создания комического, обозначены перспективы исследования.

Ключевые слова: интернет-юмор, комический эффект, интернет-дискурс, интернет-жанр, поликодовость

COMIC IN RUSSIAN- AND ENGLISH INTERNET DISCOURSE: LINGUISTIC AND STYLISTIC ANALYSIS

The main Internet genres, in the texts of which the comic effect is realized, are analyzed. The basic techniques and linguistic stylistic means of creating the comic are revealed, prospects of research are outlined.

Key words: internet humor, comic effect, internet discourse, internet genre, polycode

Целью исследования является рассмотрение комических текстов в современном англо- и русскоязычном интернет-дискурсе и анализ вербальных и невербальных способов создания комического эффекта.

Интернет-юмор в современной интернет-среде не только передается от человека к человеку, но и масштабируется в общее социальное явление, дающее представление о предпочтениях и идеях людей, создающих и активно его использующих. При этом интернет-пользователи являются не пассивными

наблюдателями, а участниками процесса создания, редактирования и обмена данным контентом.

В качестве методов исследования использовались метод дискурсивного анализа, предполагающий интерпретацию комических текстов как продукции речевой деятельности людей в рамках интернет-дискурса, в том числе, изучение семантических элементов высказывания и взаимодействия между ними; метод контекстуального анализа; сопоставительный метод, необходимый для выявления особенностей использования языковых средств для создания комического эффекта в текстах русскоязычного и англоязычного интернет дискурса.

Материалом исследования являются комические тексты, относящиеся к современным интернет-жанрам, а именно интернет-мемы, демотиваторы, фейковые новости, антипословицы, эдвайсы.

Интернет-жанры включают в себя креолизованные жанры – семиотически осложненные тексты, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем. При этом вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата. Поликодовость, или использование в тексте элементов различных знаковых систем как имеющих вербальную природу, так и невербальных, – яркая отличительная особенность интернет-текстов. В них могут использоваться как изобразительные элементы (рисунки, фотографии, gif-изображения, видео), так и музыкальные, а также иноязычные элементы.

Приемы создания комического эффекта в указанных текстах являются общими как для русско-, так и для англоязычного интернет-дискурса – это языковая игра, прецедентность и использование визуального компонента. В качестве основных лингвостилистических средств выражения комического, как в русскоязычном, так и в англоязычном интернет-дискурсе, используются каламбур как вид языковой игры, построенный на омонимии, полисемии, противопоставлении слов с прямым или переносным значением, использовании трансформированных фразеологических единиц; ирония как мощное средство обыгрывания коммуникативного смысла и намерения, представляющая собой семантическую инверсию, нацеленную на противопоставление буквального и переносного значений; метафора, интерпретация которой обусловлена социокультурными факторами.

Источники прецедентности являются общими как для русскоязычного, так и англоязычного интернет-дискурса; это произведения массовой культуры, современные и исторические персоналии, события и ситуации.

Бесспорным является и тот факт, что комические тексты интернет-дискурса отличаются ярко выраженной прагматической направленностью, поскольку в большинстве случаев имеют целью оказать определенное воздействие на реципиента, а прецедентные элементы, входящие в их состав, отражают специфику современной политической, исторической и культурной ситуации. Успешная реализация комического эффекта текстов интернет-дискурса неразрывно связана и с культурной коннотацией, адекватное

восприятие и интерпретация которой зависит, прежде всего, от фоновых знаний реципиента и от владения общей экстралингвистической информацией.

Дальнейшее изучение существующих и появляющихся интернет-жанров будет способствовать расширению научных взглядов на природу межкультурного речевого и визуального воздействия в сети Интернет.

УДК (811.161.1+811.512.161)'373

Никита Викторович Супрунчук, к. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: ms@philology.by

Mikita Viktorovich Suprunchuk, Cand. of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: ms@philology.by

Богач Алтунташ, преподаватель
Технический лицей им. Э. Орхона, Ризе, Турция
эл. почта: abrasimova@mail.ru

Boğaç Altuntaş, Teacher
E. Orhon Technical Lyceum, Rize, Turkey
e-mail: abrasimova@mail.ru

ПОЛНЫЕ ПОЗИТИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Проанализировано явление межъязыкового лексического сходства. На основе сопоставления словарей среднего объема русского и турецкого языков установлено, что 62 % похожих слов – это полные позитивные лексические параллели и 18 % – неполные позитивные лексические параллели.

Ключевые слова: интернационализм, омоним, паралекса, русский язык, турецкий язык

COMPLETE POSITIVE LEXICAL PARALLELS IN RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES

The phenomenon of inter-lingual lexical similarity has been analyzed. Having compared medium-volume dictionaries of the Russian and Turkish languages it was found that 62% of the similar words are complete positive lexical parallels and 18% are incomplete positive parallels.

Key words: homonym, internationalism, parallexa, Russian, Turkish

Похожие слова в разных языках естественно привлекает к себе внимание и лингвистов, и обычных говорящих. Для такого совпадения применяются многочисленные термины: интернационализмы, межъязыковые паронимы, межъязыковые омонимы, ложные друзья переводчика, лексические параллели, паралексы и др. Ю. А. Бельчиков определил интернационализмы таким

образом: «Интернационализмы – слова, совпадающие по своей внеш-ней форме… с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» (ЛЭС).

На эту тему созданы словари, сопоставляющие русский язык с белорусским (А. Е. Михневич, И. В. Войнич, С. М. Грабчиков, М. Ф. Сморщок), английским (В. В. Акуленко, К. В. Краснов), испанским (С. И. Канонич), немецким (К. Г. Готлиб, В. В. Дубичинский, Т. Ройтер [1]), сербским (Л. Н. Белинькая), французским (В. Л. Муравьев) и другими языками. Аналогичные крупные проекты сравнения русского и турецкого языков нам неизвестны, хотя такое совпадение упоминается в научной и учебной литературе. Таким образом, новизна нашей работы в широком сопоставлении лексических параллелей в русском и турецком языках.

При подготовке исследования мы использовали «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1998) и «Большой словарь турецкого языка» Ассоциации турецкого языка (Büyük Türkçe sözlük. Istanbul, 2016). В них методом сплошной выборки были обнаружены 464 лексические параллели (интернациональные слова).

Предлагаем выделять три группы лексических параллелей:

а) негативные параллели – слова, совпадающие по форме, но различающиеся по содержанию, например *шарж* ‘шуточное или сатирическое изображение кого-н. с карикатурным подчеркиванием наиболее характерных внешних черт’ – *şarj 1)* ‘зарядка’, *фал* ‘трос’ – *fal* ‘гадание’ (20 %);

б) полные позитивные параллели – слова, значения которых совпадают или близки, например *эгоист – egoist*, *юбилей – jubile* (62 %);

в) частичные позитивные параллели – слова, у которых совпадают некоторые значения, например *дипломат – diplomat, букет – buket* (18 %).

Так, слово *дипломат* в русском языке имеет три значения, два из которых совпадают с турецкими:

1) Должностное лицо, специалист, занимающийся дипломатической деятельностью, работой в области внешних сношений. Например: *Турецкий дипломат посетил президента. – Türk diplomat başkanı ziyaret etti*.

2) *перен*. О человеке, действующем дипломатично, тонко. *Ее сестра говорила на вечере, как дипломат. – Kardeşi gece de diplomat gibi konuştu.*

3) Плоский чемоданчик для ношения бумаг, тетрадей, книг. В турецком языке у *diplomat* такого значения нет. Переводом может стать словосочетание *evrak çantası*. Например: *Он потерял дипломат отца. – Babamın evrak çantasını kaybettim*.

Итак, мы видим, что преобладают полные позитивные лексические параллели. Среди них представлены слова разных тематических групп. Важно обращать внимание на подобные случаи сходства при изучении иностранного языка. Такие слова играют большую роль как мост, объединяющий страны, ведь «язык – это средство, а не содержание и не цель общения; семантическая оболочка общественного сознания, но не само содержание сознания»

(Н. Б. Мечковская). С другой стороны, они могут стать и причиной ошибок (случай «ложных друзей переводчика»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубичинский В. В., Ройтер Т. Теория и лексикографическое описание лексических параллелей. Харьков : Харьк. политехн. ин-т, 2015. 148 с.

УДК (811.112.2+811.161.1) ’37

Елена Генриховна Устименко, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: evoshhilo@mail.ru

Elena Genrikhovna Ustimenko, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: evoshhilo@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАПРАВЛЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются способы репрезентации семы ‘направление’ в значении глаголов пере-мещения в русском и немецком языках. Установлено, что данная сема может являться ингерентной частью семантики глагола либо реализовываться при взаимодействии семантики приставки и семантики производящей базы.

Ключевые слова: глаголы перемещения, направление перемещения, способы репрезентации направления, семантика

ON THE WAYS OF REPRESENTATION OF DIRECTION IN THE SEMANTICS OF MOVEMENT VERBS IN RUSSIAN AND GERMAN

The ways of representation of the seme ‘direction’ in the meaning of the movement verbs in Russian and German are considered. It has been established that this seme can be an integral part of the semantics of the verb or be realized through the interaction of the semantics of the prefix and the semantics of the derivational base.

Key words: movement verbs, direction of movement, ways of direction representation, semantics

В данной работе представлены результаты исследования способов репрезентации значения направления в семантике глаголов перемещения в русском и немецком языках. С помощью глаголов в языке описывается перемещение в 6 основных направлениях: вверх / вниз, вперед / назад, внутрь / наружу. Логично предположить, что сема ‘направление’ может являться ингерентной частью семантики глагола и реализовываться в значении бесприставочных глагольных единиц, например, *карабкаться* (вверх), *тонуть* (вниз), *пятиться* (назад), *юркнуть* (внутрь), *klimmen* ‘карабкаться, взбираться, лезть’ (вверх), *sinken* ‘падать, опускаться’ (вниз), *dringen* ‘проникать’ (внутрь), – либо может содержаться в семантике приставочных глаголов и возникать за счет взаимодействия приставки со значением соответствующего направления и глагола перемещения, например, ***вз****лететь* (вверх), ***с****ползти* (вниз), ***вы****прыгнуть* (наружу), ***auf****hüpfen* ‘вскакивать, подскакивать’ (вверх), ***ab****fließen*

‘стекать’ (вниз), ***vor****laufen* ‘забегать вперед’ (вперед), ***zurück****kommen* ‘возвращаться’ (назад), ***ein****fliegen* ‘влетать’ (внутрь), ***aus****reiten* ‘выезжать верхом’ (наружу) и др.

Анализ языкового материала (непереходных глаголов перемещения в их первом значении, отобранных методом сплошной выборки из «Малого академического словаря» под редакцией А. П. Евгеньевой в русском языке [1] и Duden online в немецком языке [2]) показал, что, помимо указанных двух способов образования значения направления, можно выделить еще 4 основных типа взаимодействия семантики приставки и значения производящей базы:

1) производящей базой выступает бесприставочный глагол, не обозначающий перемещение, за счет приставки в значение производного глагола привносятся семы ‘направление’ и ‘перемещение’, например, *ворваться*, *вколоться*, *выковыряться*, *aufschießen* ’взлететь, взметнуться’ (*schießen* ‘стрелять’), *niederdonnern* ‘с грохотом падать вниз’ (*donnern* ‘греметь’), *vorwagen* ‘осмелиться продвинуться (выйти) вперед’ (*wagen* ‘отваживаться, осмеливаться’);

2) производящей базой является бесприставочный глагол перемещения с семой ‘направление’, который вступает в словообразовательные отношения с приставкой, обозначающей другое направление, при этом в семантике производного глагола перемещения актуализируется направление, заложенное в приставке, например, *взвалиться*, *выкарабкаться*, *вывернуться*, *hinuntersteigen* ‘спускаться, сходить (вниз); слезать (вниз)’, *hereinfallen* ‘свалиться куда-л.’, *herausdringen* ‘прорываться, вырываться, пробиваться’ и т. д.;

3) в немецком языке обнаруживаются глагольные единицы, в которых при образовании семы ‘направление’ происходит ее усиление за счет взаимодействия производящей базы и приставки, обозначающих одинаковое направление: *emporsteigen* ‘подниматься, всходить’, *absinken* ‘снижаться, опускаться’, *untertauchen* ‘нырять; окунаться’, *eindringen* ‘проникать’ и др.;

4) в русском языке выявлен ряд глаголов, в которых значение направления возникает при сочетании производящей основы с приставкой, обозначающей направление: *вздыматься*, *ввергнуться*, *вклиниться*, *вынуться*.

Сема ‘направление’ может образовываться не только при взаимодействии приставки со значением соответствующего направления с производящей базой, но и приставки, не обозначающей направление, например, *приземлиться*, *обвалиться*, *отсыпаться*, *hinanarbeiten* ‘с трудом подниматься вверх’, *durchfallen* ‘проваливаться, падать’, *zusammenfallen* ‘обрушиваться’, *entsteigen* ‘выходить (из экипажа и т. п.)’ и др.

Таким образом, в результате анализа исследуемых глаголов перемещения в русском и немецком языках установлено, что сема ‘направление’ может являться ингерентной частью семантики глагола либо привноситься в значение производного глагола за счет приставки. Возникновение данной семы в семантике производных глаголов обусловлено спецификой взаимодействия словообразовательного форманта и производящей базы, в качестве которой могут выступать глаголы разных лексико-семантических групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984.

2. Duden online. URL: http://www.duden.de (accessed: 25.03.2021).

УДК (811.161.1+811.581.11)’37:004.738.5

Чжан Аньци, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
эл. почта: zhanganqi7@yandex.by

Zhang Anqi, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: zhanganqi7@yandex.by

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается семантическая структура русского и китайского интернет-сленгов – характер обозначаемых в них предметов и явлений. Проводится семантическая классификация лексики сленгов. Выявлены закономерности предметно-понятийной структуры интернет-сленгов обоих языков.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, интернет-сленг, сленгизм, семантика

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF INTERNET SLANG IN RUSSIAN AND CHINESE

The semantic structure of Russian and Chinese Internet slangs - the nature of objects and phenomena denoted in them - is considered. The semantic classification of slang vocabulary is carried out. The regularities of the subject and conceptual structure of the Internet slangs of both languages are revealed

Key words: Russian, Chinese, Internet slang, slangism, semantics

Цель исследования – выявление семантических характеристик интернет-сленга в русском и китайском языках, а именно: установление типов называемых предметов и явлений, набора и характера тех понятий, которые получают в сленге свое выражение.

Материалом исследования для русского интернет-сленга послужили единицы из двух источников: «Словаря языка Интернета.ру» под редакцией М. А. Кронгауза и онлайн-словаря молодежного сленга, размещенного на сайте https://teenslang.su/ (594 сленгизма), для китайского – онлайн-словарь 小鸡词典(Сяоцзи) с сайта https://jikipedia.com. (332 сленгизма).

Основной **метод** исследования – классификация сленгизмов по семантике, за основу которой была взята классификация из Русского семантического словаря под ред. Н. Ю. Шведовой.

В **результате** исследования было обнаружено, что среди одушевленных имен существительные имеется достаточно много названий лиц: а) по

профессии, роду занятий (*скрапер* ‘человек, собирающий из компьютерных сетей нужную и ненужную информацию, собиратель всякого цифрового хлама’, 水军 shuǐjūn ‘люди, оставляющие удобные кому-либо комментарии за деньги’); 2) по интеллектуальному состоянию (*ламо* ‘неумелый, некомпетентный [человек]’; 杠精gàngjīng ‘спорщик’); 3) по социальному свойству (*копираст* ‘сторонник авторских прав’). В русском сленге выделены многочисленные названия конкретных лиц (*Онотоле* ‘Анатолий Вассерман’), в то время как в китайском сленге имеются много названий лиц по собственно оценке, обращения (小姐姐 xiǎojiějie ‘милая девушка’).

Среди неодушевленных существительных выделены сленгизмы, обозначающие место (*Пендостан* ‘США’, 阿中āzhōng ‘Китай’), программы и их компоненты (*Гоша* ‘поисковая система «Google»’, 梯子tīzi ‘приложение для обхода Великого Китайского Файрвола’), процессы и действия (*троллинг* ‘публикация анонимных провокационных сообщений в интернете’, 照骗 zhàopiàn ‘фотообман’), а также сленгизмы, которые связаны с речью, текстом (*псто* ‘вид сообщения в блоге или форуме, то же, что пост’, 水帖shuǐtiē ‘бессмысленный пост на форуме’), с их оформлением (*анкор* ‘ссылка на сайт или страницу сайта с ключевым словом или набором слов’). Значительное место занимают также слова-оценки (*отжыг* ‘в высшей степени позитивный отзыв от креатиффе’, 差评 chàpíng ‘негативная оценка’). В отличие от китайского сленга в русском сленге много названий предметов и явлений, связанных именно с Интернетом. Наоборот, китайский интернет-сленг в семантическом отношении более «сосредоточен» на чувствах, чертах характера самого человека и сторон его жизни (玻璃心 bōlixīn ‘обидчивость’, 直男癌 zhínán’ái ‘неумение понимать мысли женщины, эгоцентризм’,违和感 wéihégǎn ‘чувство дисгармоничности’).

В русском языке глаголы тоже часто называют действия в Интернете (*кикнуть* ‘выкинуть пользователя из чата, геймера или бота из игры, используя админские полномочия’, *капсить* ‘набирать текст сплошными заглавными буквами’), в китайском же они часто обозначают состояния или действия вне Интернета(划水 huàshuǐ ‘отлынивать от работы’, 脑补 nǎobǔ ‘додумать, дополнить воображением’).

Важно, что в интернет-сленге имеется много междометий, звукоподражаний, этикетных слов: *app* ‘выражение восхищения, радости, эйфории’, *ржунимагу* ‘о-о-очень смешно’, *нзч* ‘не за что — вежливый ответ на выражение благодарности’, 奥里给 àolǐgěi ‘выражение позитивной эмоции’, 雷猴 léihóu ‘привет’.

Выводы. Результаты исследования показали, что семантическое устройство интернет-сленга, как и для других социолектов, отличается, с одной стороны, редуцированностью, так как далеко не все понятия, выражаемые в русском и китайском национальных языках, выражены в двух интернет-сленгах. Во-вторых, напротив, многие сферы жизни получают в сленге большое число наименований. Прежде всего, лексикон сленга отражает все, связанное с Интернетом: виды компьютерных программ и сайты, продукты

речевой деятельности, тексты, сообщения, картинки в Интернете, сетевые субкультуры, лиц по их роду занятий и отношениям в Сети и т. д. Вместе с тем большое внимание, особенно в китайском интернет-сленге, уделяется психологии, внутреннему миру, переживаниям и эмоциям человека.

УДК 811.112.2

Насима Саетовна Шарафутдинова, д. филол. н.
Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия
эл. почта: nassima@mail.ru

Nasima Saetovna Sharafutdinova, Dr of Sc. (Philology)
Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia
e-mail: nassima@mail.ru

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная работа посвящена исследованию основных признаков немецких научно-популярных технических текстов на примере электронных изданий авиационных журналов. Научно-популярные тексты рассматриваются на разных уровнях языка.

Ключевые слова: научно-популярный текст, технический текст, специальная лексика, уровни языка

POPULAR SCIENTIFIC TECHNICAL TEXT IN GERMAN: LINGUISTIC ASPECT

This work is devoted to the study of the main features of German popular science technical texts on the example of electronic editions of aviation magazines. Popular science texts are considered at different levels of the language.

Key words: popular science text, technical text, special vocabulary, language levels

Актуальность темы определяется тем, что научно-технический прогресс привлекает внимание не только специалистов отдельных технических отраслей, но и широких масс, поскольку продукт научно-технического открытия за достаточно короткое время проникает в нашу жизнь. В эпоху глобализации и технологизации актуальную информацию о новейших разработках и достижениях, в частности о летательных аппаратах и об их модификациях, можно найти в научно-популярных журналах, в которых отражаются достижения авиационной промышленности. Интерес к данной теме обусловлен также поиском оптимальных языковых средств, полезных при передаче информации читателям научно-популярных журналов, и необходимостью оптимизации этого процесса в современных условиях глобализации.

Цель данного исследования – определить основные лингвистические характеристики немецкоязычного технического текста в научно-популярных журналах.

Материалом для исследования послужили тексты электронных изданий научно-популярных авиационных журналов «Flieger Revue», «Flug Revue»,

«Fliegermagazin», адресатом которых являются не только специалисты, но и любители авиации. Общий объем изученных статей составил 210460 печатных знаков (без пробелов).

Основные результаты и выводы исследования. В ходе проведенного исследования были определены следующие особенности научно-популярных технических текстов на немецком языке.

Тексты в немецких научно-популярных журналах являются короткими, их объем составляет от 500 до 1500 печатных знаков. Лексический состав авиационных научно-популярных текстов разнообразен. Значительная его часть (61,19 %) приходится на общеупотребительные слова. Количество общеупотребительных слов в научно-популярных текстах чуть больше, чем в собственно-научных текстах (в монографиях 60,74 %) и в учебно-научных (в учебниках 57,66 %). Доля общеупотребительных слов велика также из-за высокого показателя применяемых в научно-популярных текстах союзов и предлогов. На 100 предложений научно-популярного текста на немецком языке приходится в среднем 20 союзов и предлогов.

Далее по количеству в тексте употребляемой лексики следует специальная (терминологическая и отраслевая нетерминологическая) лексика (31,22 %). При этом отраслевые термины являются стержневым звеном в любой статье авиационного научно-популярного журнала. Новые терминологические единицы, как правило, находят свое первое применение именно в научно-популярных текстах, в частности в интервью с авиаконструктором о разрабатываемом летательном аппарате или приборе. Общенаучная лексика (7,59 %) играет в научно-популярном тексте роль связующего звена между общеупотребительной и специальной лексикой и является критерием общетеоретической или прикладной направленности текста.

Для немецкоязычной научно-популярной литературы характерны такие черты, как деагентивность и номинативность. Деагентивность выражается в широком распространении безличных и неопределенно-личных предложений и высокой частотности употребления страдательных (пассивных) конструкций, что обусловлено стремлением к объективной обобщенности. Номинативность научно-технического изложения объясняется стремлением к краткости, а также высоким информативным весом именных форм, в частности именных сказуемых.

В проанализированных текстах доля существительных составляет 46 %, прилагательных – 15 %; глаголов – 13 %; других частей речи – 26 %.

Типичными синтаксическими конструкциями в научно-популярных журналах являются простые предложения, которые берут на себя смысловые функции сложных, что сопровождается усилением синтаксической компрессии и повышением количества свернутых пропозиций. Сложные предложения употребляются чуть реже (49 %), чем простые (51 %). Средний размер простого предложения в анализируемых научно-технических текстах составляет около 15–20 слов, сложного – около 25–30 слов. Научно-популярным текстам характерны приемы экспрессивного синтаксиса: разрыв предложения, вставные конструкции, нарушения традиционного словопорядка.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в сравнительном изучении научно-популярных технических текстов на русском, немецком и английском языках.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.....3
Акай О. М. Прагматика гендера в современном медиадискурсе. 3
Богданова С. Ю. Потенциал пространственных лексических единиц в конструировании образа динамической ситуации 4
Бондарчук Г. Г., Грачев Г. В. Предметные имена как носители семиотической информации. 6
Викулова Л. Г. Издательский дискурс в системе профессиональной коммуникации .8
Водяницкая А. А. Лингвоаксиологические аспекты функционирования академического дискурса. 11
Голубкова Е. Е., Бухарова А. А. Загадки конструкции XYZ(W) (корпусный подход). 12
Гришаева Л. И. Реализация стратегии эвфемизации и вторичные номинативные средства 14
Гусейнова А. Г., Горожанов А. И. Коммуникативные стратегии формирования имиджа в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984».....17
Евчик Н. С. Биполярность просодии: от непредсказуемости смысла высказывания до гармонизации речи. 18
Ерёмин А. Н. Лексическое значение и дискурс в речи носителя литературного языка.....20
Задворная Е. Г. Эпистемическая зона веры в научном диалоге. 22
Карими-Мотаххар Дж., Яхьяпур М., Токарев Г. В. Хазеф и Вячеслав Иванов: «Вам розы Шираза». 24
Киосе М. И. Лингвокреативный потенциал диафильма как вторичного дискурса....26
Клейменова В. Ю. Сторонники культуры отмены (cancel culture) в зеркале метафоры. 28
Краева И. А. Модусный концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ и некоторые особенности его объективации в современном английском языке. 30
Лаенко Л. В. От семантики цвета к её поликодовой репрезентации в дискурсе вестиментарной моды.....32
Левицкий А. Э. Драматический дискурс: современное состояние и перспективы исследования. 34
Лещёва Л. М. Моделирование как метод лексико-семантического исследования. ...36
Лущинская О. В. Медийный дискурс как институциональный тип: типологические характеристики. 38
Мечковская Н. Б. Национальный корпус, частотные и толковые словари на бумаге и онлайн: уроки взаимодействия.....40
Нефедова Л. А. Новые дискурсивные практики как результат конструирования новых идентичностей в обществе. 42
Папченко М. Ю., Шипова И. А. Инсценирование как прием оказания речевого воздействия в рекламном дискурсе. 44
Петрова И. М. Когнитивная карта дискурсивного пространства как объект исследования. 45
Погодин С. Н., Каталкина Н. А. Персуазивный потенциал языковых средств пропаганды миграционной политики в программе партии «Альтернатива для Германии».....47
Романовская А. А. Классические античные образцы в современном художественном тексте. 49

Сулейманова О. А. Роль религиозно-культурной традиции в формировании национального языка и «конфликт» культур: русско-английский перевод. 51
Тивьяева И. В. Поликодовые городские тексты в дискурсивном пространстве мегаполиса в период пандемии COVID-19 53
Трофимова Н. А. Языковая формула любви. 54
Харитончик З. А. О предсказуемости непредсказуемых смыслов. 56
Ширяева Т. А. Языковое отражение гендера в англоязычных афоризмах: от слова к лингвокультуре. 58
Широва И. А. Услышать Другого: интерпретация художественного текста сквозь понятийную сеть современной науки. 60
СЕКЦИЯ 1 62
Астапкина Е. С. Специфика семантического развития прилагательных осязательного восприятия. 62
Богоявленская Е. В. Гендерно маркированные фразеологические синонимы и их семантико-прагматический потенциал. 64
Бирюкова Е. В., Собянина В. А., Попова Л. Г. Культурная память слов как одна из возможностей реконструкции языков. 66
Будникова Е. И. Экспликация релевантного знания в деривационных процессах 68
Гибкий П. В. Семантика лексической единицы 年 (‘год’) в китайском языке и русского коррелята *год*. 70
Епринцева Ю. Н. Реализация семантико-прагматического потенциала компаративных фразеологизмов (на материале французского языка). 72
Жукова А. О. Семантика предлогов, обозначающих вектор вертикали «верх» в английском языке. 74
Ильичёва И. Л. Реализация топоморфного кода культуры в эргонимии и прагматонимии Брестчины. 76
Корнева В. В. Ономастические единицы с компонентом *campo* ‘поле’ в испанской языковой картине мира. 78
Михалькова Н. В. Холо-меронимия в китайской иероглифике. 79
Никитина В. В. Семантика синтаксиса vs лексическая семантика. 81
Никулина Е. А. Явление терминологизации фразеологизмов в современном английском языке. 83
Петракова Ю. И. Абстрактная лексика как источник вторичной номинации (на материале немецкого языка).. 84
Петрашкевич Н. П. Семантико-синтаксическая интерпретация английских пословиц с нестандартной структурой. 86
Полянчук О. Б. Особенности реализации семантико-прагматического потенциала лексических единиц средствами словообразования 88
Попова Т. Г. Роль экстралингвистической информации в передаче смыслов культуры. 90
Сяо И Семантика антонимических иероглифических знаков с детерминативом 阝 .92
Тарасевич Л. А. Репрезентация деятельностного опыта в семантике локативных слов 93
Тур В. В. Человек vs. GPT-3: особенности конструирования лексического значения. 95
Федосеева Л. Н. К вопросу об отражении в грамматике национальной картины мира. 97
Цеханович И. Г. Ассоциативный способ описания семантики лексических единиц (на материале существительных краудсорсингового словаря urban dictionary). 99

Yu Chen. Metonymic and Metaphoric Shifts as Determinants of Feature Status in Source Meaning Structure (based on a Chinese body term 眼, yan 'eye'). 101
Васильев К. В. Особенности концептуализации цвета в русских абстрактных существительных. 103
Воронцова Т. И., Воронцова А. А. О соотношении категории эвиденциальности и эпистемической модальности. 105
Гумбатова Ф. Э. Влияние языкового пуризма на становление немецкой лингвистической терминологии конца XVIII – начала XIX века. 107
Долбилова Е. В., Шеминова Н.В. Титульные номинации Девы Марии в испанской антропонимии 108
Дубровская Т. В. Антропоцентрическое измерение лексико-семантической группы «Природа» в материалах о Байкало-Амурской магистрали. 110
Клинцова А. А. Семантико-синтаксические закономерности безличной реализации глаголов болевых ощущений. 112
Колб Е. С. Специфика оснований метонимических переносов (на материале наименований веществ в английском языке) 114
Куценко Н. В. Концепт «помощь» в косвенных директивных речевых актах немецкого языка. 115
Ломовая А. В. Когнитивные основания валентности отыменных глаголов-зооморфизмов в английском языке. 117
Мяховский А. А. Частотность, регулярность и функционирование семантических признаков в гиперо-гипонимической иерархии «названия животных» (на материале современного английского языка). 119
Науменко Н. П. Тезаурус как фактор систематизации терминологии актов гражданского неповиновения. 121
Овсейчик Ю. В. О семантической неоднозначности французской связующей единицы *sinon*. 123
Петрова О. О. Прямые и переносные значения прилагательных *молодой – старый* в системе языка и в различных дискурсах. 125
Рубанова Е. В. Языковая репрезентация концепта «girl» в английском сленге. 127
Рудько Т. В. Синтаксические средства выражения категории количества в белорусском языке. 129
Сахарова Р. Ф. (Не)предсказуемость семантики устойчивых словосочетаний со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках. 130
Сивченко Д. В. Семантика и этимология сленговых единиц в английском языке 132
Смердова Е. А. Нереферентное употребление имён в интенциональном акте: особенности возможного текстового мира 134
Щербакова А. В. Лексико-семантические свойства бытийного компонента пассивно-процессного сказуемого. 136
СЕКЦИЯ 2 138
Барашева Д. Е. Перспективизация субъекта при использовании местоимения *мы/we* в индивидуально-авторском лингвистическом научном дискурсе. 138
Баркович А. А., Рипинская О. А. Корпус текстов экологического дискурса: аспект репрезентативности. 140
Барысюк Т. П. Гібрыдныя жанры ў сучаснай беларускай паэзіі. 142
Дмитриева И. В., Баранова А. А. Реализация семантико-синтаксического потенциала причастий в английских художественных и газетных текстах. 144
Каталкина Н. А., Богданова Н. В. Маркеры демократизации языка массовых открытых онлайн-курсов. 146

Клейменова А. С. Фанфик как вторичный текст (на материале фандома «Pride and Prejudice»). 147
Красовская Н. А. Война и семантика животного мира. 149
Кудрявцева Е. С. Белорусские модально-волевые частицы как способ реализации стратегии вежливости 151
Лавринович Н. В. Прагматический потенциал лексических единиц с семантикой отказа в художественном тексте. 153
Ладутько М. В. Направления исследования взаимодействия эмоционального и рационального в научно-гуманитарной коммуникативной практике. 155
Марутич Е. И. Семантико-синтаксический потенциал отглагольных прилагательных английского языка в разных видах текстов. 157
Ревуцкая Е. А. К проблеме оценки креативности поэтической метафоры. 158
Салаўёва М. А. Рэалізацыя кагнітыўнай апазіцыі «свой-чужы» ў беларускамоўным мастацкім дыскурсе. 160
Семянькевіч А. В. Функцыянальна-стылістычны патэнцыял некадыфікаваных граматычных форм у паэтычным дыскурсе. 162
Степанов Е. С. Оценочные стратегии в научно-экспертной и научно-обучающей практиках России и Германии: сходства и различия. 164
Сытько А. В. Ты не должен: иллокутивная специфика и прагматическое значение. 166
Тригубова Д. Л. Актуализация семантического потенциала метонимии в логлайнах к кинофильмам. 168
Филиппова Т. Н. Функциональный потенциал испанских дискурсивов *pues* и *pero*. 170
Щукина С. К. Вербальные ремарки в письменном поликодовом тексте музыкального произведения 172
Басовец И. М. Центрическая модель текстовой деавторизации в белорусскоязычной статье. 174
Бенедиктович А. В. Реализация принципа языковой экономии в современном медийном дискурсе. 176
Биюмена А. А. Медиадискурс толерантности: объекты и стратегии 178
Глинка Е. В. Современное речевое медиапространство в аспекте лингвоэкологии. 180
Гуренков А. А. Языковая избыточность на фонетическом уровне (на материале видеоинтервью). 182
Гурочкина А. Г. СМИ в когнитивно-дискурсивной парадигме. 184
Дмитриева Н. В. Динамика рекламного дискурса (на материале рекламных роликов Найк). 186
Защитина Г. В. Роль прагматически ориентированных языковых средств в конструировании и восприятии дискурса англоязычных СМИ. 188
Колесник Т. И. О способах лингвотоксичного словотворчества 190
Корнева В. В., Разворотнева И. Н. Топонимы в испанских медиатекстах международной тематики. 192
Лаврухина А. В. Пандемический дискурс в англоязычных СМИ: лингвосемиотический аспект. 193
Лешкевич И. В. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров в англоязычной аналитической статье. 195
Локонова А. Е. Лингвокогнитивные основания формирования контраста в политическом дискурсе. 197
Маліцкі Ю. В. Прагматыка сучаснага беларускага медыятэксту ў кантэксце актуальнай моўнай сітуацыі. 199

Назина Г. А. Языковые средства реализации комплементарных тем в англоязычном военно-аналитическом медиатексте. 201
Никонова Е. А. Жанр «мнение» в англоязычной качественной прессе 203
Соколова В. С. Потенциал контаминации в немецких торговых марках и рекламных текстах. 204
Фролова Е. А. Семантический аспект конструкций с расщепленным инфинитивом. 206
Чечина Н. Ю. Функционирование терминов в медиадискурсе КНР (на примере экономической терминологии) 208
СЕКЦИЯ 3 210
Абреу-Фамлюк В. Р. Нерелевантность информации как фактор возникновения ситуации непонимания в диалоге. 210
Андреева В. О. Коммуникативные стратегии советского плаката периода Великой Отечественной войны. 212
Байкова О. В., Бухаров В. М., Обухова О. Н. Лингвокультурные особенности немецкой этнической общности города Глазова (Удмуртия). 214
Белоглазова Е. В. Доминанты руссо- и белоруссоцентричного англоязычного дискурса: исследование на материале корпусов заголовков Rossica-t и Belorussica-t. 216
Блинова О. А. Особенности манипулятивного воздействия в мультимодальном сетевом дискурсе Великобритании. 217
Волкова А. Л. О проблеме разграничения конативной и эмотивной функций эмфазы в полемическом дискурсе. 219
Жупинская А. В. Средства смягчения некооперативного речевого поведения в медийном интервью 221
Костюченко В. Ю. Риторический вопрос в русских и английских интернет-комментариях. 223
Кочнева Ю. Е., Пастухова О. Д., Титова Е. А. Вербальные средства воздействия социальной сети телеграмм-канала Челябинского государственного университета на абитуриентов и их родителей. 225
Крутова И. Н., Кряхтунова О. В. Реконструкция языковой личности на основе когнитивного подхода к моделированию эмотивно-дискурсивного пространства современной публицистики. 227
Марченко О. В. Соотношение между первоначальным и реализованным коммуникативным замыслом: тематический аспект. 229
Олизько Н. С. Патриотизм в рамках университетского медиадискурса 231
Петрова Е. М. Роль лингвистического хеджирования в реализации стратегий позитивной вежливости: контрастивное исследование. 232
Руденко Т. Н. Прагматический потенциал стендапа. 234
Садовская Е. Ю. О некоторых аспектах выражения идентичности в поколенческом дискурсе. 236
Северская О. И. «Новая искренность» публичного политика с позиции говорящего и реципиента 238
Склярова Н. Г. Лингвистическая репрезентация общечеловеческих и американских ценностей в кинодискурсе сериала «Друзья». 240
Соколова А. В. Русско-английский перевод высказываний-хеджей, описывающих когнитивные операции говорящего. 242
Федорова Д. С. Прагматический потенциал высказываний медиатора. 244

СЕКЦИЯ 4 246
Абакумова О. В., Баева Е. И. Языковая интерпретация жестов рук в невербальном дискурсе (на материале испанского и итальянского языков). 246
Власенко Н. И., Толмачева И. А. Взаимовлияние языков на овладение иноязычных языковых единиц. 248
Дардыкова Н. В. Арабские заимствования в лексической системе турецкого языка. 250
Дедович О. Г. Экспансия игровой метафоры в лингводидактическом пространстве. 252
Дмитриева И. В., Павлова В. В., Тимоховцев В. Г. Лексическая репрезентация атмосферных явлений в разносистемных языках. 254
Донина О. В. Контрастивные исследования идиомов при помощи онлайн-технологий. 256
Козлова Т. А. Семантическое развитие наименований моральных качеств. 257
Коптев Д. А. Корпусное исследование стратегий устного и машинного перевода конструкций с предикативом необходимо на английский язык. 259
Лаврова Н. А. Iconic representation of extralinguistic reality (based on typologically different world languages). 261
Лепилов В. Ю. Компаративный анализ принципов номинации станций метро Москвы, Санкт-Петербурга и Лондона в исторической перспективе. 263
Магомедова З. З. Концептуализация зимних природных явлений в русской языковой картине мира и их передача в русско-английском переводе. 265
Рубцова А. В., Аносова Н. Э. Специфические особенности дискурса аудиовизуальных произведений в контексте перевода. 267
Секамова А. М. Контрастивный анализ семантики прилагательных с общим значением «личный» в русском и английском языках. 268
Серов В. А. Особенности развития средств номинации пунктов общественного питания в русском, английском и французском языках. 270
Смольская Н. Б. Комическое в русско- и англоязычном интернет-дискурсе: лингвостилистический анализ. 272
Супрунчук Н. В., Алтунташ Б. Полные позитивные лексические параллели в русском и турецком языках. 274
Устименко Е. Г. К вопросу о способах репрезентации направления в семантике глаголов перемещения в русском и немецком языках. 276
Чжан Аньци. Семантические характеристики интернет-сленга в русском и китайском языках. 278
Шарафутдинова Н. С. Научно-популярный технический текст на немецком языке: лингвистический аспект. 280

Научное издание

ОТ СЛОВА К ДИСКУРСУ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМ И (НЕ)ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ СМЫСЛОВ

Тезисы докладов международной научной конференции
Минск, 12–13 мая 2023 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Л. М. Лещёва*

Компьютерный набор *Л. М. Лещёва*

Подписано в печать 03.05.2023. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Serif. Ризография. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 18,96. Тираж 130 экз. Заказ 21.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/499. ЛП № 02330 / 458 от 10.07.2020 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.